

РЫЖИЙ 2

Alex Berest

На дворе уже 1986 год. И южный городок уже знакомый. И даже бабушка стала почти родной. Наш попаданец старается жить в своё удовольствие. Стремясь, как поётся в песне, «вперёд и вверх». К задуманной им, но неведомой другим цели. А как оно сложится на самом деле, покажет время.

Глава 1

Ростов нас встретил дождём и плюсовой температурой. Наш поезд довольно сильно опоздал и мы приехали почти по полной темноте. Но автобус, присланный за нами, нас ждал и через час мы уже въехали в такой же мокрый Азов. У водителя был строгий приказ развезти по домам всю группу. Нас с Сидоровой высадили как раз в промежутке между нашими домами. Олька потащила свой чемодан домой сама, так как всё ещё дулась на меня из-за моих необдуманных слов.

— Ты! Меня! Как собаку! Сидеть! Охранять! Дурак ты, Лисин!

Извинения не помогли, подсунутая шоколадка тоже. Ну и фиг с ней, с золотой рыбкой. Посмотрел ей вслед и, подхватив свои два рюкзака, пошёл к себе.

Слава труду, что на этот раз бабуля была дома и не перепутала даты. Только успел зайти, как был схвачен в охапку, обнят и зацелован. И попав к ней, в её теплые объятия, я ощутил, что мне так хорошо, что хотелось чтобы этот миг длился и длился. Но ничто не вечно, закончились и приветственные обнимашки. После чего меня погнали переодеваться, мыть руки и принялись кормить, в процессе выспрашивать о поездке. Я-то планировал сначала искупаться с дороги, но бабуле виднее.

Уже перед сном, лёжа и отмокая в горячей ванне, я размышлял о поездке. Как бы, программу минимум выполнил. И даже с самим собой встретился. Но Ленинград ощутил своим, родным городом, так и не смог. Вроде и все знакомо, но не моё. Обидно.

Клад золотых монет я не смог проверить, зато мне обломился другой клад. Письмо про теракт на Чернобыле я отправил. Что еще? Ну, купил чего хотел. Правда с тренером почапался, как теперь нам взаимодействовать-то? С Ольгой поругался. С пацанами из моей комнаты чуть не рассорился. Откуда я знал, что они такие грязнули? «Зачем нам купаться, мы же перед отъездом мылись?», так никто из них в душ и не сходил за всё время нашего проживания в гостинице. Или я тоже таким был в этом возрасте? Ладно, пора вылазить, а то там бабуля под дверью уже вздыхает.

Она, кстати, тоже время зря не теряла и пока меня не было провела небольшой ремонт-апгрейд. Я об этом только утром узнал. Вечером и она промолчала, да и я не обратил внимания.

Бабушка, установила на окна решётки. Не сама, конечно. Устанавливали те же, кто и делал их. Хорошо хоть не пошли на поводу у неё и установили далеко от рам, а не как она хотела — «поближе». Как бы я потом сетки вешал бы? Триста рублей спустила.

— Женька. Ну, смотри какие красивые? Витые, с цветочками, не то что у других, — расхваливала она свою работу утром, когда кормила меня перед школой.

— Молодец. Красивые, — соглашался я. — А что толку? Двери входные у нас картонные, на одном английском замке.* Шпилькой вскрыть можно или сильный человек просто дверь выдавит.

— Ой. Не пугай так. А что делать-то? Они у всех такие, — не на шутку встревожилась бабуля. — У нас и милиционеры в подъезде живут. Побоятся, не сунутся аспиды, — самоуспокоила она себя.

Но было видно, что она всё равно встревожена. Ходила вокруг да около дверей и явно искала решение как устранить опасность. Если раньше она боялась проникновения воров через наши окна, то мои слова про двери явно добавили ей новую фобию.

С нашей поездкой мы с Сидоровой пропустили один день занятий и знать не знали, что нам поставили нулевой урок** по алгебре. Ну и естественно, его пропустили. А молодая математичка выставила нам «н» в классный журнал, на расписании основного урока, который был у нас первым.

— А вам «н» поставили, — встретили нас одноклассники новостью.

Пошел разбираться к математичке:

— Ирина Петровна, здравствуйте. А за что вы нам с Сидоровой н-ки выставили?

— А! Явились, не запылились. У вас по расписанию алгебра нулевой урок и первый.

Вот прогуляли и заработали.

— Но первого урока еще не было! А нулевого в общешкольном расписании нет, я смотрел сейчас.

— Не умничай. Раз поставила — значит заработал. Всё, звонок, иди на своё место.

— Хорошо, — я прошел к своей парте и подхватив рюкзак, под удивленные взгляды одноклассников и учительницы, вышел из кабинета.

— Лисин! Стой! Ты куда? — выскочила за мной математичка.

— Гулять, вы же мне «н» уже поставили. Какой мне смысл на вашем уроке сидеть? — я пожал плечами и двинулся к ближайшему подоконнику.

— Вернись! А то я тебе двойку поставлю, — перешла к угрозам училка.

— Не поставите. В журнале уже клетка занята, — я разместил на подоконнике рюкзак и развернулся лицом к математичке.

В дверном проёме торчали головы одноклассников, которые грели свои уши моим с учительницей препирательством.

— А я на следующий урок поставлю, — уже как-то неубедительно, пообещала она.

— Ставьте, — согласился я. — Потом замучаетесь объяснять как двойка за поведение оказалась в журнале.

— А кто тебе поверит, что по поведению? — перешла в атаку она.

— А вон, — я махнул головой в сторону двери. — Куча одноклассников, подтвердят. И вон, — я указал пальцем вправо, где за нашим спором следил уже почти минуту завуч, — Георгий Алексеевич подтвердит.

При виде завуча, математичка покраснела и растерянно замерла, не зная что делать. Джорджик, правильно оценив ситуацию, отправил Ирину Петровну вести урок, а меня повёл с собой.

Привёл он меня в учительскую, где в это время была и наша классная руководительница. Которая при виде меня, всплеснула руками и с едва заметным акцентом поинтересовалась:

— И что на этот раз ты натворил, Лисин?

— Вы на меня наговариваете, Изабелла Агасимовна, — огрызнулся я в ответ.

Завуч не обратил внимания на нашу перепалку и указав мне на стул, приказал:

— Садись. Рассказывай.

Рассказал всё. И про нашу поездку, и про незнание изменения расписания и про выставленную математичкой н-ку.

— Вы пропустили уроки в начале учебного года, вот вам и назначили нулевые уроки, чтобы вы догнали программу, — подала голос наша классуха, когда я закончил рассказ о произошедшем.

— По вине школы, а не по нашей, — не остался я в долгу. — Это школа отправила нас

на сельхозработы в ущерб учебной программе.

— Какой ты у нас разумник оказывается, — ехидно заметила Белла.

— Так учителя хорошие.

— Стоп. Тихо, — вмешался в нашу, начинающую набирать обороты, перепалку завуч. —

Я услышал тебя, Евгений. Нулевых уроков у вас будет всего несколько, вы пропустили не так много, — он поднял перед собой ладони в стоп-жесте, видимо уловив моё желание высказаться и убедившись, что я молчу, продолжил. — По два таких урока в неделю до конца месяца. Надеюсь, ты переживешь пять дополнительных уроков?

— Переживу, — спорить с завучем не хотелось от слова — совсем.

— Иди в библиотеку и посиди там до звонка с урока. Прошу, только не болтайся по школе.

— Хорошо, Георгий Алексеевич. А что насчёт н-ки.

— Я решу этот вопрос. Всё, иди.

Эти разборки, имели для меня последствия. Нет, не от математички. Та вообще похоже не умела обижаться на своих учеников. Наказание мне прилетело от классной руководительницы. Ну как наказание? Я посчитал это именно им. Но в это время, то, что мне поручили, могло быть и поощрением.

Короче, наш одноклассник Толик Огурцов сломал ногу: он умудрился после школы, играя в войнушку, упасть в окоп школьного военного городка за котельной. Этот пацан с четвертого класса являлся нашим постоянным политинформатором. Политинформации проводились у нас каждую субботу в семь тридцать утра, в нашем классном кабинете. Кабинет у нас, кстати, сменился. У нашей англичанки, был свой кабинет английского языка, вот в него мы и переехали.

Толик проводил политинформации скучно, просто зачитывал текст из газетных вырезок. Класс, в своём большинстве, все двадцать минут его выступления откровенно дремал. А потом — бац! — и её проводить некому. И отменить забыли — или назначить нового ответственного. Первую субботу после каникул мы пришли на политинформацию, а вести некому. Пришлось Изабелле Агасимовне проводить вместо неё сокращенный классный час.

15 января Горбачёв сделал заявление о программе полной ликвидации ядерного оружия. И в четверг классная руководительница поручила мне подготовить доклад на политинформацию по этой теме. Блин, где я, а где Горбачёв! Простудировав статью нашего Генерального секретаря в центральных газетах, я накидал краткий пересказ. Минут на десять. Короче уж никак не получалось. Там куча пунктов и сроков когда и чего предлагается ликвидировать. А тупо зачитывать из газеты мне что-то претит.

А для того чтобы заполнить ещё десять минут, я позаимствовал, безвозмездно, из кабинета НВП,*** несколько плакатов по ОМП,**** по его применению и защите от него.

Получилось весьма неплохо. Особенно классу понравился рассказ про оружие, и плакаты. Было куча всяких уточняющих вопросов, даже на физкультуру из-за этого опоздали. Классухе, видимо, не понравился мой формат проведения политинформации и мне больше ни разу не поручали подобные мероприятия. Чему я был вполне рад.

Наши с Олькой «н» по алгебре в журнале, зачеркнули красной ручкой, а слева, в разделе тем, красными чернилами сделали запись — «исправленному верить», с печатью и подписью директора.

Сидорова, видя на какие меры я пошёл чтобы защитить нашу с ней невиновность,

оттаяла и простила меня. Теперь мне опять приходится таскать её портфель и провожать её из школы.

Запланированная мной афера с кассетами полностью провалилась. Юрий Викторович отказался выступать моим посредником в деле с хозяевами звукозаписей. Ну и ладно, подарю кассеты пацанам на дни рождения. Правда надо сначала выяснить, есть у них магнитофоны или нет.

В конце января я, наконец, решил проблему с электрификацией привезенных мной из Питера электрозажигалок. Долго мучился, облазил на животе почти всю кухню, прикидывая как мне протянуть проводку от розетки за холодильником к газовым приборам. Долбить канал в стенке было невозможно из-за батареи отопления, которая полностью закрывала подоконный проём. А сверху, над окном, было слишком сложно для моего пока ещё низкого тела.

Поэтому поступил просто: двухжильный кабель ППВ-380 вывел от розетки к плинтусу, вдоль которого его и закрепил нарезанными на уроке труда стальными скобами. Когда будет ремонт, кабель закрасится под цвет плинтуса и не будет бросаться в глаза. Внешнюю розетку на деревянной шайбе пришлось защищать козырьком от возможного попадания жидкостей с плиты или при протечки колонки.

В начале февраля Сидорова учудила. Взяла у меня почитать Толкиена. Потом, без моего ведома, дала почитать своей сестре. И книга растворилась в неизвестности.

— Оль, а ты когда Хранителей мне вернёшь?

А в ответ тишина, смущение и подозрительное беганье глаз. Пришлось выуживать информацию. Прямо чуть ли не клещами вытягивать. Ссориться с подругой не хотелось, пришлось после тренировки заскочить к её сестре в универмаг.

— Тамара привет, — поприветствовал я старшую Сидорову, которая что-то считала на счётах в компании ещё двух бухгалтерских тёток. — Можно тебя на минутку?

— Подожди немного, Жень.

Пришлось ждать, заодно почитал стенную газету в коридоре, в которой клеймили самогонварение и самогонщиков. Какая однако актуальная тема в универмаге на этаже бухгалтеров.

— Привет мелкий. Чего надо? — нарисовалась старшая сестрёнка моей Сидоровой.

— Да вот, книгу одну ищу. Купил за дорого, дал на три дня почитать твоей Оле, а она говорит, что ты её у неё забрала.

— Ой, Женька, прости. Я тебе за неё деньги верну.

— Что значит вернёшь? Её у тебя, что, нет? А где она? — опешил я.

— Понимаешь, — замямлила девушка. — Моя начальница её увидела и попросила для подарка кому-то в главк.***** Очень попросила. А я не смогла отказать.

Весело. Мне на книгу в общем то плевать. Как пришло, так и ушло. Но я с неё намеревался хоть какую-то прибыль получить. И как мне быть?

— Вот, Женья, — Тамара достала пять рублей из кошелька и протягивала мне. — У неё на обложке цена вроде в пять рублей была.

— Это на обложке, — буркнул я. — А я её за сто рублей покупал. Стольник гони.

— Сколько? — у неё даже глаза на лоб полезли. — Ты что? С ума сошёл? — закричала она на меня?

— Вы чего тут расшумелись, молодые люди? — вышла к нам её начальница, которую я уже знал по предыдущим посещениям.

— Галина Петровна, это Женя, — представила меня ей Сидорова. — Это его книга была. Ну та, которую вы у меня выпросили.

— Я поняла. И в чём проблема. Отдай ему деньги.

— Он говорит, что заплатил за эту книгу сто рублей.

Тётка зло на меня зыркнула и ехидным голосом сказала:

— Мальчик, мне плевать за сколько ты её купил, бери сколько тебе дают. Иначе я вызову милицию и придумаю, что им сказать.

— Вызывайте. Я заодно напишу заявление на хищение ею, — я мотнул головой в сторону старшей Сидоровой, — моей книги, которую я законно приобрел в букинистическом магазине в Ленинграде. У меня и чек есть, — блефанул я.

Тётка растерялась. Она не ожидала такого отпора от меня. Думала, что мне хватит слова — милиция, чтобы я растворился в подступающих сумерках. Уж не знаю что она себе надумала, но видимо решила закончить наш спор мирным путём.

— Тамара, иди работай, — скомандовала она девушке, на что та с облегчением кивнула и скрылась в кабинете. — А вас, молодой человек, я попрошу пройти со мной.

Я пожал плечами и пошел за ней следом. Пришли мы в подвал, вернее в склад в подвале. Вот здесь мне стало малость страшно. Сейчас стукнет меня здесь по голове и конец котёнку. Надеюсь она не для этого меня сюда привела.

— Евгений? Я правильно запомнила ваше имя?

— Да, Галина Петровна. Зачем мы здесь? — не выдержав, спросил я.

— Для безопасности, что бы лишнего никто не услышал. Ты знаешь что эта книга под запретом печати?

— Да.

— И все равно имеешь наглость утверждать, что купил её?

— Да. В букинистическом отделе. На продажу запрета нет.

— Хм. Может быть, — она пожевала губами. — Я понимаю, что у нас сложилась неловкая ситуация. Может тебе что-то нужно, — и видя мое недоумение, пояснила. — Может каким товаром возьмешь? Стиральный порошок могу предложить.

А! Так у неё банально нет денег и она хочет рассчитаться товаром? Подозрительно как-то. Я возьму этот товар, а она потом заявит, что я его украл? А на хрена ей это надо? Ведь история с книгой всплывёт всё равно и это может аукнуться не только ей, но и тому, кому она её подарила. Рискну согласиться. Хоть шерсти клочок.

— А что за порошок?

— Хороший. Тайд.*****

— Что? — мне показалось, что я ослышался. — Тайд?

— Ну да. Вот, — указала она на стеллаж, на котором стояли и лежали пачки желто-оранжевого цвета с названием по-русски «Тайд». — По рублю за пачку. Сто пачек, две коробки. Берешь?

— Да, — пробормотал я, пребывая в шоке от встречи с брендом, которого никак, по моему разумению, в Советском Союзе быть не могло еще. — Да, беру. Но как я их утащу?

— Ох. Ладно. Отвезу к тебе домой, заодно посмотрю где живет хитрый вымогатель, — улыбнулась она мне. А у меня опять появились подозрения о последствиях от нашей сделки.

Но всё обошлось. Меня и две коробки с порошком, Галина Петровна, честно довезла до моего подъезда. А дальше уже я корячился сам. Бабуля была в шоке от моего обмена какой-то «редкой книги» на такую кучу стирального порошка. Но хвалила от души. И даже

помогала трамбовать ящики в кладовку.

Вечером, изучая одну из пачек порошка, с удивлением узнал, что его выпускают на Казанском химкомбинате. Но вот почему пустили с названием Тайд, а не перевели в Прилив, я так и не понял. Ну и ладно. Порошка завались теперь дома, как гуталина у Матроскина.***** Осталось только стиральную машинку купить.

Английский замок* — внутренний, врезной замок с цилиндрическим механизмом.

Нулевой урок** — это занятие, которое начинается на один академический час раньше первого урока.

НВП*** — предмет начальной военной подготовки в школе.

ОМП**** — сокращение от «оружия массового поражения». Ядерное, химическое и бактериологическое.

Главк (советский термин)***** — Название главных управлений, ведомственных подразделений министерств, центральных учреждений и т. п.; главный комитет.

Тайд (Tide) — торговая марка, принадлежащая Procter & Gamble. Под этим брендом компания выпускает стиральные порошки и жидкие средства для стирки. С 1955 года выпускался и продавался на территории СССР.

Кот Матроскин***** — вымышленный антропоморфный кот, персонаж, придуманный детским писателем Эдуардом Успенским. Впервые появился в его повестисказке «Дядя Фёдор, пёс и кот»

Глава 2

Я сидел на математике и решал уравнения, Сидорова привычно списывала у меня. Вдруг в класс вошла женщина и направилась напрямик к математичке.

— Кто есть в классе? — с жутким акцентом, на манер Арнольда Шварцнеггера спросила она у Ирины Петровны.

— В классе только Лисин с Сидоровой, — ответила та с таким же акцентом.

Женщина повернулась ко мне лицом и я обомлел. Передо мной стояла Моника Левински,* причем топлес. Я оглядел класс и понял, что мы с Олькой действительно одни, и даже Ирина Петровна, только что находившаяся за своим столом, куда-то пропала.

Моника, тем временем, дойдя до нас, стала на четвереньки и полезла под парту. Я глянул вниз и с ужасом понял, что сижу на стуле голышом. Женщина, добравшись до моего стоящего члена, взяла его в рот.

Сидорова, закончив писать, взглянула надвигающийся верх-вниз затылок Моника Левински, показала мне большой палец в знак одобрения и достав откуда-то рыболовный колокольчик, принялась звенеть им мне прямо в ухо.

— Гребаный пубертат,** — первое, что произнес я проснувшись от звонка будильника.

С опаской заглянул под одеяло. Стояк присутствовал, но трусы были сухими. Слава КПСС, что не полюции ещё. Надо же такому присниться! Моника Левински! Эта дама откуда вплыла в мой сон? Я её даже в лицо не помню. Знаю про скандал с Клинтонем, но на этом и всё. И Сидорова с колокольчиком? Бред. Паноптикум. Поп играет на балалайке, в ванне,*** вылезло откуда-то из глубин моей памяти.

— Брррр, — помотал я головой и ринулся в санузел.

Зима в этом году выдалась относительно теплой. Скачки атмосферной температуры не позволяли как следует замёрзнуть воде. Из-за этого каток в этом году не заливали и мне приходилось утром бегать по слякоти. Но иногда эту слякоть прихватывал морозец и получался натуральный гололёд. Пару раз чувствительно шмякнувшись во время тренировок, я зарёкся бегать в такие дни.

Нашёл выход в беге в нашем подъезде. С первого этажа на пятый и обратно. Но на меня пожаловались бабуле соседи которым не нравилась моя активность. И та запретила мне использовать подъезд в качестве спортивной площадки.

В предпоследнее воскресенье февраля наконец выпал нормальный, обильный снег и ударил небольшой мороз. Так что с утра, пока остальные сограждане не спохватились и не загадили снег, я был отправлен бабушкой чистить коврики и паласы.

Сначала выбивал из них пыль пластмасовой выбивалкой, на установленной для этого во дворе металлической штанге. Потом, разложив их на снегу выбивал в снег, а затем купал в снегу и обметал веником. Простая в общем задача для всех, кто родился в СССР и жил в снежных районах. Пока я чистил наши коврики и паласы, бабуля подмела и вымыла полы.

Она кстати опять учудила. Неосторожно брошенные мной слова о ненадежности нашей входной двери, упали на плодородную почву её паранойи. И она места себе не находила, пока не решила эту проблему.

А решила просто. Заказала изготовление и установку металлических дверей. Спустила ещё 350 рублей. Сначала установщики и бабуля хотели поставить её вместо старой двери. Но я сумел переубедить сначала её, а потом и с ней вместе мастеров, что вторые двери будут

лучше. Благо места в дверном проёме хватало. Правда, цена подскочила вверх еще на пятьдесят рублей.

Дверь мне понравилась. Металлическая основа, обшитая лакированными деревянными рейками. С дверным глазком, красивым, литым номером и с деревянными круглыми ручками. Единственно, что мне не понравилось и даже вызвало подозрение, это всего два ключа к накладному замку.

Усугубляло проблему еще и то, что дверной замок был приварен к стальному каркасу двери и поменять его было невозможно. Но голь на выдумку хитра. Целый день убил на поиски подобного замка, но нашел и купил в магазине за шесть рублей. А потом просто поменял личинку замка. Под вопли бабули о том, что всё сломаешь. Ха, я на этом собаку съел. Мы, с моей Ленинградской бабуей Машей, настолько часто теряли ключи от квартиры, что мне волей-неволей пришлось стать почти профессиональным дверным слесарем.

Так вот, спустив почти весь свой запас налички на защитные мероприятия, она успокоила свою паранойю, но не оставила идеи приобрести стиральную машину. Причем, идея была подкреплена инсайдерской информацией от её друзей, что летом закроют прачечную, из-за ремонта котельной. И тогда весь город ринется скупать стиралки. А пока никто не знает следует и прикупить.

— Внучек, — завела она со мной разговор во время ужина, на третий день после установки двери. — У тебя же есть деньги?!

Я, не переставая пережёвывать тушенную капусту с жареной рыбеёй икрой, кивнул, соглашаясь с её то ли вопросом, то ли утверждением.

— Дай мне четырёста рублей, — произнесла она вкрадчивым голосом.

Услышав величину суммы, я видимо забыл как жевать и тут же поперхнулся.

— Кха-кха-кха, — закашлялся я и принялся запивать компотом. — Кха. Зачем тебе столько? Кха. И именно дай, а не займи? Кха.

— Ну ты и нахал, Женька, — бабуля обошла стол и похлопала меня по спине. — Деньги на стиралку. А она для нас обоих.

— Спасибо, ба, — прохрипел я. — Давай, я лучше сам куплю стиральную машину.

— Как будто ты в них разбираешься!

— Разбираюсь. Получше тебя, — и видя её намерение продолжить спор, пояснил. — Мне денег не жалко. Я просто хотел найти импортную машинку.

— Импортную? А у тебя денег-то хватит?

— Вот если не хватит, я тебе отдам четырёста рублей и сама купишь. А не многовато ли? «Волгу» или «Оку» можно за восемьдесят рублей купить.

— Мне видней. Даю тебе неделю. Если не купишь сам, с тебя деньги. Идёт? — поставила эта вымогательница ультиматум.

— Согласен, — вздохнул я.

Искать импортную стиральную машину я собирался при посильной помощи Юрия Викторовича, руководителя фотокружка из нашего дворца пионеров. Если он не поможет, то есть ещё бухгалтер из городского универмага. Хотя с малознакомой женщиной связываться и не хотелось. А особенно светить чеки Внешпосылторга. В этом случае предпочтительней помощь именно фотографа, как уже проверенного временем и сделками, делового партнёра.

Даже не знаю зачем я ляпнул бабуле по поводу импортной машинки. У ленинградского соседа, в той, первой моей жизни, была BOSH V680, которую он за боны приобрёл и «Берёзке»****. У нас же, первое время была автоматическая стиралка Волга-10. Которая,

время от времени, при отжиге, перегружала электрическую сеть и выносила пробки в квартире. В 1982 году мы её сплавиле моим предкам в Лугу, а баба Маша купила Вятку-12. Вот если я ничего не найду импортного, что быстрее всего, то куплю именно Вятку. Не сам конечно. Кто мне в здравом уме продаст товар за четыреста рублей. Кого-нибудь привлеку к покупке.

После одной из туристических тренировок я заглянул к Юрию Викторовичу, заранее того предупредив, что принесу кое-что интересное. Под этим «кое-что» имелась в виду найденная книга Анны Ахматовой. Ну и заодно, на всякий случай, прихватил с собой все чеки Внешпосылторга, спрятав их в тайник в ляжке рюкзака. Тайник, кстати, скопировал с швейцарского рюкзака из прошлой жизни.

— Здрости. Можно? — заглянул я в его кабинет.

— Да, Жень, заходи. Только не мешай. Мне тут минут пять осталось, — сказал он не поднимая голову от своей работы.

Подойдя поближе, я понял чем он занят. Юрий Викторович клеивал фотографии десятиклассников-выпускников в красные картонные папки-обложки. Слева большой портрет, а справа общую фотографию класса. Видимо, кроме кружка он ещё и по школам шабашит, фотографируя выпускников. Ну а что? Деньги очень неплохие, если охватить несколько школ. И расходные материалы халаявные, за счёт дворца пионеров. Сколько надо, столько и спишет на занятия кружка.

Закончив с последними папками, он разложил их раскрытыми на отдельные столы, видимо для того чтобы просыхали. Прошёл к входной двери и заперев её на ключ, вернулся за свой стол и, кивнув мне, спросил:

— Ну, и что у тебя там такого интересного?

— Вот, — я выложил перед ним найденную книгу.

— О! Из шести книг, Ахматовой. Видел такую. Хочешь продать?

— Да. Сколько дадите?

Он замялся, полистал книгу, посмотрел выпускную информацию о книге, почесал подбородок и, наконец, выдал:

— Ну. Семьдесят рублей. Не больше. Устраивает?

— Да. Вполне. А вот еще, вопрос...

— Постой. Пойдём покажу чего, — он хитро подмигнул.

Мы прошли в его подсобку и он жестом фокусника сдернул с чего-то белую простынь.

— Телевизор? — разочаровано вырвалось у меня. — И что?

Мужик явно не ожидал от меня такой реакции. Он как минимум ждал восхищенного интереса.

— Это цветной переносной Грюндиг, — обиженно сказал он. — С пультом управления!

— Но это все равно немец. А у них стандарт сигнала PAL, он не будет показывать наши программы.

— Тем не менее показывает, — он включил телевизор в сеть и через несколько секунд на экране появилось цветное изображение читающего что-то с листа Горбачёва.

— Не понял, — я обошёл телек сзади и, найдя технический шильдик, прочитал. — Грюндиг, переносной, супер колор 1632, размер 15 дюймов. А, вот, мануфактурерс бу Марсель. Ясно. Он во Франции собран, а у них SECAM,***** как и у нас. Только почему 1 дюймах?

— А в чём должно быть? — спросил, явно удивленный моими техническими

познаниями, фотограф.

— В сантиметрах, по идее. Так вы просто показываете или продаёте?

И вспомнив мем из будущего про «рыбов»,***** чуть не заржал, но сдержался и только широко заулыбался.

— Продаю. А ты чего лыбишься?

— Радуюсь, — ушёл я от ответа. — И сколько он стоит?

— Твоей книжки не хватит, — усмехнулся он. — Тысяча рублей. Есть?

— А сколько это будет в чеках Внешпосылторга, — поинтересовался я, продолжая изучать шильдик.

Телевизор, согласно данных на металлической пластине, был новёхоньким. Выпущенный в декабре 1985 года. Видимо, кто-то из моряков купил во Франции и сдал здесь на реализацию Юрию Викторовичу. Да и цена была вполне нормальная. В Березке, он стоил бы полторы тысячи точно.

Мужик от моего вопроса явно подзавис. Видимо или пытался перевести чеки в рубли, или сообразить издеваюсь-ли я над ним.

— Ну, — отмер наконец фотограф. — Чеками — четыреста, а бонами — даже не знаю.

— Минутку, — я вернулся в кабинет к рюкзаку и, вытащив из тайника четыре сотенных купюры, отнес их в подсобку и положил сверху на телек. — Вот. Только с доставкой, а то я не упру его до дома.

Названная им сумма была грабительской. За один дипломатический чек давали, примерно, около трёх рублей. Но торговаться не буду, я их не зарабатывал, я их просто нашёл. Фотограф, тем временем закончив рассматривать принесённые мной купюры, куда-то их убрал и, отключив телевизор, принялся его упаковывать в пенопласт и в коробку.

— Ты далеко живешь? — спросил он, когда закончил упаковку. — Тебя куда везти?

— К 13й школе, переулочек Осипенко, я там покажу. Стойте! А семьдесят рублей за книгу? — Вспомнил я про начало нашей встречи.

— Блин, забыл, — покивал головой мужик и достав портмоне, отсчитал семь красненьких десятков.

Для выноса телевизора, впрочем как наверное и для заноса, Юрий Викторович воспользовался боковой пожарной лестницей.

Вижу, я не один такой хитрый. Еще в самом начале посещения дворца пионеров, когда у меня появился велосипед, я позаимствовал ключи от этой лестницы. На рынке мне сделали копии, и я вернул оригиналы на место. И всегда парковал там, под лестницей, свой велик и «Салют» Сидоровой.

Дома никого не было, бабуля была еще на своём хоре. Так что занос коробки с телевизором прошёл буднично и спокойно. Уже прощаясь, фотограф, помявшись всё же спросил:

— Евгений, а у тебя еще чеки есть?

— Есть немного. Ой. Кстати. Я же забыл спросить вас.

— О чём? — насторожился мужчина.

— Вы не поможете найти нам, — я обвёл рукой прихожую квартиры, как бы имея ввиду не только себя. — Импортную стиральную машину. Желательно, бош.

— Хм, ну и запросы у тебя. Я поспрашиваю. Смотрю у вас телефона нет, запиши мой, — и он продиктовал пять цифр своего номера, которые я поспешно занес в свой блокнот. — Всё, пока, звони, может что найду. Или во дворце забегай.

Следующие два часа я паял, сверлил и ругался. Быстренько спаял антенный разветвитель. Сгонял к нашему телемастеру, дяде Юре, купив у него за трояк, десять метров телевизионного кабеля. Какое однако популярное имя, одни Юры мне на пути попадаются. И ладно бы молодые, те кого после полёта Гагарина назвали. Но эти-то раньше родились.

Затем лазил на карачках, крепя кабель к плинтусу вокруг сначала бабушкиной комнаты, а когда просверлил отверстие в стене, то и своей. Благо, что скоб для крепления наделал с запасом.

Установил телевизор на свою тумбочку, подключил телевизионный кабель и понял, что рядом нет розетки. Пришлось срочно еще и переноску лепить. Пока её делал, вспомнил что у меня нет стабилизатора, а рисковать импортным цветным телевизором не хотелось. В инструкции было написано на французском, что у телека импульсный блок питания. И по идее, стабилизатор не нужен. Но бережёного КПСС бережёт. Опять сбегал к дяде Юре в подвал-телемастерскую и выпросил продать за двадцать рублей стабилизатор «Таврия».

И только тогда я включил телек. Настроил все три канала и, лежа на софе, щелкал лентяжкой, переключаясь между каналами.

Пришедшая бабуля, сначала не обратила внимания на звуки из моей комнаты, но придя звать на ужин, просто залипла в цветное изображение телевизора. Там как раз шла информационная программа «Сегодня в мире».

— Это у нас откуда? — спросила она, ткнув пальцем в сторону телевизора.

— Купил.

— Ты же стиралку собирался купить?

— Нужных мне стиралок не было, но попался вот такой аппарат. Мне понравилось и я взял.

— И сколько он стоит?

— Четыреста, — не стал я уточнять чего именно.

— Сколько-сколько?! — она наконец соизволила повернуться ко мне лицом. — Женька, ты что? Специально надо мной издеваешься?

— Наш советский цветной телевизор стоит семьсот рублей, а тут импортный за четыреста. Или ты где-то можешь за сто купить? — окрысился я на неё.

— А это у тебя что? — она потянулась к лентяжке.

— Пульт управления, — и я принялся ей показывать, как он работает, радуясь, что она сама замяла тему цены.

Короче, она меня отправила ужинать, а сама осталась в моей комнате развлекаться с пультом. Поел, вымыл посуду и вернулся к себе. Где мне бабуля и заявила:

— Жень, а давай меняться. Я тебе мой большой телевизор, а ты мне этот маленький, — и смотрит так хитро-хитро.

— Щаз. Разогнался. Я его купил, я его и смотреть буду. Хочешь, продам тебе? За пятьсот рублей.

— Ах ты поросёнок! Продавать он мне решил! Спекулянт недоделанный! Пороть тебя надо! Чтобы взрослых уважал! — понесло её от возмущения.

— Да ради бога, — я перевернулся на живот и спустил до колен треники. — Пори, казачка. Пори честного пионера!

— Тьфу, охальник! Прикрой свою задницу пионерскую, богохульник!

Разругались мы с ней вдрызг. Но утром, за завтраком, видя её хитрые бегающие глазки, понял, что это еще не всё. А когда пришел домой и обнаружил новый телевизор у бабули в

зале, прям рассердился. Добавляло отрицательных эмоций, ещё и то, что она выдрала телевизионный кабель, оборвав соединение с штекером.

Объявил ей, что ушёл гулять, а сам устроился у окна в подъезде соседнего дома. В отсутствии меня и, видимо, приняв моё бездействие на её демарш за мою капитуляцию, бабуля успокоилась и ушуршала куда-то по делам.

Быстро вернувшись в квартиру, я вернул телевизор в свою комнату. А чтобы похищение не повторилось, прикрутил аппарат к тумбочке. У телека было четыре винтовых отверстия снизу. Или для вкручивания ножек или для крепления на чем либо. Такой себе аналог стандарта VESA***** из будущего.

Пришлось портить тумбочку, высверливая отверстия в столешнице. Зато потом, намертво прикрепил телевизор. Ехидства ради, притащил с десяток кирпичей, которыми и утяжелил тумбочку. Надеюсь, теперь не уволочёт.

Вернувшаяся бабушка была обескуражена моими действиями. Но промолчала, только зло на меня зыркая. Перед ужином отправила меня вынести мусор. А вернувшись, я с удовольствием лицезрел её растерянный взгляд. Явно что-то пошло не по её плану. Ходила, вздыхала, но все же решила со мной поговорить:

— Жень. Ну отдай мне этот телевизор.

— Ба. А как ты объяснишь своим друзьям и подругам появление этого аппарата? Он же больших денег стоит! Скажут: не по средствам живём.

— Пф. Четыреста рублей. Накопила и купила. У знакомого капитана, что в загранку ходит, — сразу выдала она вариант, который явно продумала заранее.

— Не. Не стоит он четыреста. Он стоит дороже. Около тысячи, — и видя её удивление, готовое перерасти в возмущение с карательными действиями, успокоил. — Но я купил именно за четыреста, человеку срочно деньги понадобились.

— Вот и я так же скажу! Ну отдай. Пожалуйста! Сколько мне тут осталось-то той жизни-то? Уважь свою старушку, — стала просить и канючить бабуля.

Вздыхнул и представил, что она завтра тут будет творить, когда я уйду в школу. Будет пытаться уволочь тумбочку или её сломать? Надорвётся еще. Спину недавно только залечила. А если сердце прихватит? И чего я такой вредный? Или это переходный возраст меня уже начал плющить?

— Ох! Хорошо, ба. Сейчас отсоединю и перенесу к тебе, обрадовал я старушку.

— Вот спасибо! Вот уважил! — причитала она, крутясь вокруг меня в нетерпении. — Я буду должна тебе, внучек. Только напомни. Всё сделаю, в лепёшку расшибусь ради тебя.

Эк её проняло-то? Перетащил телек назад в её комнату и подключил.

— Ты лучше подумай, куда нам этот гроб девать, — я кивнул на тушу «Верховины», нашего старого телевизора.

— А себе не заберешь в комнату?

— Не, я тоже хочу цветной. Буду искать, может, что попадётся по деньгам, — отказался я от такого счастья. — Может его в дворец культуры кто отвезёт? В комнату вашего хора. Будете чай гонять с телеком.

— Ой. Точно. Надо будет Митрича напрячь. У него машина есть. Какой ты у меня разумник однако, — я был пойман в объятья и затискан-зацелован.

Моника Левински* — основная участница общественного и политического скандала, возникшего по поводу её сексуальной связи с президентом Соединённых Штатов Биллом Клинтонном.

Половое созревание или пубертат (от лат. *pubertas* — «возмужалость, половая зрелость»)** — процесс изменений в организме подростка, вследствие которых он становится взрослым и способным к продолжению рода. Несмотря на индивидуальные различия, в среднем начинается с 8–9 лет у девочек и с 10–11 у мальчиков, а заканчивается в 16–17 лет у женщин и в 19–20 лет у мужчин.

Бред. Паноптикум. Поп играет на балалайке... в ванне!*** — цитата из фильма «День Выборов».

«Берёзка»**** — сеть фирменных розничных магазинов в СССР, реализовывавших пищевые продукты и потребительские товары за иностранную валюту (иностранцам) либо за сертификаты и бонусы, позднее — чеки Внешпосылторга и Внешторгбанка (советским заграничникам — дипломатическим, военным и техническим специалистам, в частности специалистам «Зарубежстроя» и членам их семей).

SECAM***** — стандарт телевизионного сигнала принятого во Франции, СССР и странах соцблока.

Мем «вы продаете рыбов»***** и всякие его вариации — это часть постироничного тренда. Главное в нем не сама картинка, а структура диалога.

VESA***** — стандарт крепления плоских мониторов и телевизоров на стойку или на настенное крепление. До 1997 года назывался — Flat Display Mounting Interface (сокращенно FDMI).

Бабуля поступила всё-таки по-своему. Не отдала телевизор, а продала его какой-то тётке. За шестьдесят рублей. В шесть раз дороже чем я его брал. И кто после этого из нас спекулянт? Причем продала с вывозом. Покупатели сами приехали, вынесли, да еще и поблагодарили эту махинаторшу.

В конце февраля меня с занятий туристического кружка выдернул Юрий Викторович. Я обрадовался, что у него получилось достать импортную стиральную машину, но обломался. У него были несколько иные хотелки.

— Евгений, ты говорил, что у тебя есть еще чеки Внешпосылторга? — сходу спросил он, как только мы зашли в его кабинет и он запер двери.

— Ну да, есть. А вы уже нашли, что я вас просил?

— В том-то и дело, что нет. Но я готов у тебя их выкупить. По хорошей цене.

— А зачем они вам если не секрет? — нагло поинтересовался я.

Мужик посмотрел на меня внимательно, почесал подбородок, встал и прошёлся по кабинету, как бы раздумывая, что мне можно сказать.

— Ладно. Всё равно мы с тобой уже замазаны по полной, — изрёк он через пару минут размышления и, видя мое недоумение, пояснил. — У меня с тобой были уже и валютные сделки, и с нелегальной антисоветской литературой тоже. Хотя ты и несовершеннолетний, но доверять тебе явно можно.

Хм. Ну тут я его понимал хорошо. В случае чего, я сейчас отделаюсь спецшколой, а он сядет надолго. Но только в том случае, если кто-то из нас начнет болтать. Или его прихватят на горячем, и, он, спасая свою шкуру, сдаст и меня. Хотя, всегда есть шанс прикинуться валенком и заявить, что ничего не знаю, поклёп и навет на честного пионера. «Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик».

— И? — поторопил я его.

— За эти чеки я могу, вступив в жилищный кооператив вне очереди, сразу получить квартиру.

— Так у вас же есть вроде, — удивился я.

— Есть, двушка. И мы там вчетвером. Я, супруга, сын и невестка. А так, старая квартира останется сыну, а я с женой перееду в новую. У нас в Азове, если ты не знаешь, довольно плохо с кооперативным жильём. Только один ЖСК «Дон». Все остальные дома строят предприятия, и получить через них очень проблематично. А тут как раз в кооперативе освобождается сразу три квартиры. Но там и простая очередь есть, а за чеки я получу сразу.

— И сколько вам не хватает?

— Ещё как минимум пятьсот рублей чеками, — назвав сумму, мужик посмотрел на меня с надеждой.

— Хорошо. У меня есть столько, но, с условием.

— Я слушаю.

— Вы покупаете мне стиральную машину и телевизор, и доставляете ко мне домой.

— Импортных стиралок нет. Да и телевизоров тоже. Это мне случайно на реализацию отдали. Да и зачем тебе? Ты же уже один купил.

— Тогда, купите мне наши телек и стиралку в универмаге.

— Ну хорошо. Когда? Сегодня?

— Давайте сегодня. Через пару часов возле универмага, — согласился я с ним. — Мне всё равно надо за чеками сбегать.

Никуда бежать я не собирался. Так как переместил эти купюры в тайник рюкзака заранее, ожидая, что фотограф все-таки подгонит мне импортную стиральную машину. А оставшиеся до встречи часы потратил на выбор товаров в нашем универмаге.

Я остановил свой выбор на стиралке «Вятка-автомат-12»*. Нет, там были «Вятки» и с четырнадцатью программами и даже с шестнадцатью. Но именно первая модель уже была в массовом выпуске несколько лет и в ней были устранены почти все недостатки. А следующие модели уже не имели почти ничего от классического Indesita и были переполненные всякими улучшениями и советскими рационализациями. Да и к тому же, что немаловажно, я знал как с этой машиной работать, и как её подключать.

Телевизор я выбрал цветной, переносной Юность Ц-440Д. С экраном диагональю в 32 сантиметра. Вместе со стиралкой и еще одним стабилизатором для неё выходило на тысячу рублей. Что как бы много меньше народного курса обмена чеков на рубли.

Но всё оказалось не так просто, как я представлял. Для приобретения выбранной мной стиральной машины необходима была справка их ЖЭКа**, о годе постройки дома и наличии необходимого электрического оборудования. Мрак.

Хорошо, что Юрий Викторович был здесь со всеми, как говорится — «вась-вась»***. И спокойно приобрёл данную модель, и оплатил грузовую доставку прямо в квартиру. Так как в упаковке машина весила аж 98 килограмм.

Выбранный мной телевизор он тоже забраковал, а пошептавшись с продавцом телевизионного отдела, купил Шилялис Ц-410. Как он сказал — в этой модели используются цветные японские импортные кинескопы. К тому же, в комплекте с телевизором шел и дистанционный пульт. Пусть и проводной, но тем не менее. В общем, нашей сделкой мы остались удовлетворенны оба.

Чеками у меня осталась одна сотня и пять двадцаток. Умом то я понимал, что скоро их отменят, года два осталось, если не меньше. Но пусть на всякий случай будут.

Если переносной телевизор встал на мою тумбочку как родной, то со стиралкой пришлось помучиться. В принципе, я к этому и был готов, но всё равно ушло четыре вечера на подготовку к пуску.

Снял транспортировочные болты, подключил к холодному водоснабжению. У этой машины есть возможность подключения и к горячей воде, чтобы экономить электричество. Но решил не связываться. Потом носился по всему рынку в поисках канализационного колена с отводом, еле-еле нашёл. Переделал розетку на два подключения и с заземлением. Немного подумав, я не рискнул подключать двухкиловаттную стиральную машинку к стабилизатору поддерживающему приборы с потребляемой мощностью, всего до четырёхсот ватт.

Первый пробный пуск произвёл без бабули, чтобы не было вопросов «зачем я машинку в пустую гоняю». Затем заставил бабушку выучить инструкцию, провёл несколько тренировок с ней и только после этого доверил ей как бы первую стирку.

Бабушка была в восторге, она была на седьмом небе от счастья, что так оказывается всё просто. А когда она увидела, как вращается белье в барабане, то залипла на это действие и даже пропустила какой-то фильм.

Я же, посчитав миссию по модернизации и улучшению нашего жилья выполненной, ушёл с головой в подготовку к весеннему походу. Нам кровь из носу требовался поход для

подтверждения квалификации и участия в турслёте. Но идти в поход по весеннему Кавказу было страшновато.

Самое неудобное межсезонье — весеннее. В случае массового выпадения осадков, переувлажненная за зиму земля не сможет впитать много воды, и это может обернуться для нас не очень хорошими последствиями. Осенью проще: и земля после лета может впитать больше, да и растительность еще активна и нивелирует часть осадков. Так что я боялся попасть в наводнение и своей боязнью заразил почти всех.

Но поход нам был нужен. И поэтому мы выбрали оптимально безопасный, по нашему мнению, маршрут. От Горячего Ключа до Туапсе, вдоль железнодорожных путей. Как раз восемьдесят километров пути, серьёзный степенной поход.

За всеми этими подготовками, махинациями с чеками и приобретениями техники, незаметно пролетели февраль и март. 23 февраля нам, мальчишкам, девчата подарили по открытке, а 8 марта мы отдарились по гвоздике. Если не считать меня с Сидоровой и Померанцева с Петрухиной. Оляка подарила мне набор карандашей, а я ей набор разноцветных резиночек. Парочка наших любителей фантастики отдарилась друг другу книгами.

Поход прошёл почти штатно. Если не считать постоянно идущего дождя. Так что мы правильно перестраховались. Один раз довольно серьёзно заблудились, даже идя по дороге и ориентируясь по реке. Вместо станции Чинары ушли на село Садовое, и дальше, вдоль реки Псекупс. И только потеряв железную дорогу надолго из виду, поняли, что идём не туда. Это было единственным приключением за весь поход. А остальное: грязь, дождь, сырость и мозоли на ногах — романтика. Тем не менее все участники остались довольны и даже строили планы на категорийный поход летом.

По приезде домой заметил прикольные собрания женщин у нас на кухне. За процессом стирки, вернее за вращением вещей в барабане, приходили наблюдать не только подруги бабушки, но и разные женщины-соседки. Прямо секта любителей вращения белья.

Весь оставшийся апрель, до 26го, я провёл как на иголках. Сработало или не сработало моё письмо? Будет взрыв или не будет? Не помогал даже чемпионат мира по хоккею.

Чтобы отвлечь себя от этих мыслей, попытался загрузить себя работой. Сначала взялся за за меню нерабочих элементов в миноискателе. Но совершив несколько ошибок, задумавшись, быстро понял, что нужно что-то другое.

Благо хотелок и проектов у меня было много. Решил сделать плафон на электролампочку в кухню. А то прямо стыдно. Куча людей приходят смотреть как работает автоматическая стиральная машина, а у нас контрасты: супер-дорогая машина и голый патрон с лампочкой.

Сначала планировал собрать проволочный каркас и просто обмотать капроновой нитью внахлест. Но, подумав, отказался от этой идеи. Нитки быстро загрязнятся кухонными ароматами и станут привлекать тараканов.

Простой проволочный каркас, так популярный в моё время, здесь и сейчас смотрелся бы странно, прямо как решётки на промышленных лампах. Но в один из дней я вспомнил о виденном то ли в Цюрихе, то ли в Женеве, плафоне из школьных линеек.

Там из материалов и нужно-то всего ничего. Один деревянный брусок, жестяные обручи и штук тридцать 20-сантиметровых линеек. Брусок у меня был, линейки я купил в книжном магазине «Горизонт», по четыре копейки штука.

Ну, а на обручи вполне сгодится и упаковочная жестяная лента, которой на нашей

площадке школьного металлолома просто до фига. Вот туда я и отправился. Вполне успешно покопался, нашёл пару метров вполне целой оцинкованной жестяной полосы. А возвращаясь домой, встретился с пацанами, курившими за корпусом школьной столовой.

Среди курильщиков были и мои одноклассники, братья Лубенцы. Остальные — знакомые пацаны из параллельных классов и один с седьмого.

— О! Лис! Привет! Здорово! — посыпались от них разнообразные приветствия.

Я в долгу не остался, со всеми коллективно поздоровался и всем лапки пожал. Народ, оказывается здесь не просто так, а на столярном кружке. Вот и выскочили на перекур. И тут мне семиклассник Антон, не помню его фамилию, протягивает пачку «Ростова» и открыв, предлагает закурить.

«Мать моя женщина!» Да они не сигареты курят, а бычки. Половина пачки была забита окурками разной степени величины и сохранности. «Етить колотить!»

— Не, спасибо. Я вообще не курю. А такое и вам не советую. Ты уверен что бычок который куришь, не был обоссан?

Пацан с недоумением на меня посмотрел, вытащил из рта бычок, осмотрел его и наехал в ответ:

— Ты гонишь, Лис? С чего ты это взял?

— То есть, ты на сто процентов уверен что его после выкидывания не обоссали? Он высох на солнышке, ты его нашел, подобрал и теперь спокойно куришь...

Народ прекратил курить и теперь все пялились на свои окурки.

— А может какой-нибудь вафел или туберкулёзник их до вас курил? — я обвел взглядом молчаливые и уже слегка бледные детские лица.

— Да не, Женька, ты гонишь! — подал голос Серега Лубенец.

— Серега, — я почти вырвал из рук у опешившего семиклассника, пачку Ростова с бычками, — На! Нюхни! Чем пахнет? — сунул я под нос пацану открытую пачку.

Мальчишка, привыкший доверять моим словам, вдохнул запах из открытой пачки, позеленел лицом и бегом ринулся в кусты сирени, откуда тут же послышались рвотные звуки.

Запах слезавшихся, влажных окурков от сигарет, собранных в одном месте, перебивает даже запах от недавнего курения. Плюс мои слова об обоссанных бычках видимо благотворно этому поспособствовали.

Остальные пацаны, повыкидывая окурки, затравленно и испуганно кидали взгляды то на кусты, где блевал один из них, то на меня.

— Вас же здесь восемь человек. Могли бы по пять копеек с носа скинуться. Сорок копеек какие сигареты стоят?

— Наша Марка.

— Дорожные.

— Фильтр.

— Ява.

Начали перечислять сигареты пацаны.

— Нива, еще, — влез в разговор и вернувшийся из кустов мой одноклассник.

— Да ну их на фиг. Они же соусированные, — возразил ему семиклассник Антоха.

— Вот видите! По четыре целых сигареты каждому, и можете их спокойно бычковать. Но сколько вы в деньгах потеряете, если продолжите курить? Не считали?

Пацаны отрицательно замотали головами. В их возрасте считать приход и расход денег

как бы не принято. Нет. Многие конечно копят. Кто на велосипед, кто на магнитофон. Но эти накопления в основном от денежных подарков родственников и родителей. Карманные и школьные обеденные деньги тратятся почти сразу.

— Андрей! — обратился я ко второму Лубенцу. — Ваш батя сколько в день скуривает и чего?

— Две пачки, «Космоса». - немного подумав, выдал он.

— То есть, рубль сорок в день. Правильно?

— Да. А причем это здесь? — еще не понял пацан.

— В году 365 дней! Твой отец за год выкуривает больше пятисот рублей.

— ля! — ошеломленно произнес кто-то.

— Во-во, — подтвердил я. — Мотоцикл.

Пацаны ошеломленно молчали, переваривая концепцию преобразования табачного дыма в деньги, а затем и в мечту всех мальчишек — мотоцикл.

— Ладно. Бывайте. — я махнул рукой пацанам и пошёл домой.

Как говорится, сделал гадость — на сердце радость. Надеюсь, хоть какой-то урок они извлекут. Ну, а нет и суда нет.

Доделка плафона из линеек заняла еще пару дней. А потом я просто установил изготовленную поделку в своей комнате, настолько она мне по душе пришлась. А старый зеленый плафон из спальни повесил на кухне.

Затем, наконец, наступил вечер 25 апреля. Я прекрасно понимал, что узнать про «было или не было» — я смогу только намного позже. Но тем не менее гонял радиолу на разных частотах в поисках сам не знаю чего. В итоге лёг спать поздно, не выспался, проспал не только свою зарядку, но даже умудрился опоздать на политинформацию, за что получил запись в дневник.

Суббота тянулась медленно и вязко. Еле высидел все уроки и забыв даже про Сидорову, и традиционное уже её сопровождение, рванул домой. Часа два мучил радиоприёмник, пытаюсь поймать хоть какую-то западную радиоволну, но кроме воя, скрипа и улюлюканья глушилок, ловились только радиостанции восточного блока. А польский и чешский с румынским я не понимаю.

В бессилии рухнул на софу и неожиданно для себя заснул. Разбудила меня бабуля, вернувшаяся с хора и тут же погнавшая меня выносить мусор. Вечером поймал пробившиеся сквозь глушилки канадское радио, но оно ничего про аварию не сообщало, что немного меня успокоило и позволило вернуться в нормальный режим дня. Или я уже перегорел, и мне было всё равно?

И только вечером в понедельник, когда весь Советский Союз смотрел финал чемпионата мира по хоккею, а я как полоумный шерстил эфир в поисках западных радиостанций, шведское радио сообщило про радиационную аварию на атомной электростанции в СССР. Причём процитировало сообщение ТАСС.****

Да как же так? Неужто не дошло письмо? Или не поверили? Десятки вопросов гнездились в голове, вот только дать на них ответ было некому. Я же вам не спецназовец, чтобы можно было решить проблему силовым путём. Магии у меня нет. А бомбардировать письмами государство и комитет государственной безопасности — прямой путь попасть к ним же на опыты и допросы.

Поубивавшись еще несколько дней, я успокоился и пришел к выводу, что ход истории, глобальной истории, я поменять не могу. То же мое предупреждение про Чикатило! Откуда

мне знать, что оно сработало и его поймали или не поймали! Остаётся только ждать. И надеяться.

Бабуля, на моё сообщение, что взорвалась атомная электростанция, отреагировала на удивление спокойно. А когда я стал ей предлагать радиометр для походов на рынок за продуктами, только посмеялась надо мной.

— Женька, глупый ты мальчишка. Эта твоя радиация давно уже вокруг и внутри нас. А ты мне лук и укроп предлагаешь мерить. Сколько от того Чернобыля до нас?

— Километров восемьсот где-то примерно, — прикинул я.

— Вот. А у нас под боком, в Астраханской области, военные взрывали атомные бомбы и всё это к нам тоже летело. А вообще больше ста бомб взорвали. И куда их радиация делась? А? Молчишь?

Оказалось, что тот самый Митрич, то есть Павел Дмитриевич, до того как стал заместителем городского и районного военного комиссара, успел послужить в РВСН.***** И во время застолий, просветил своих друзей и подружек, и про ядерные взрывы, и про влияние радиации на человека. Наверное и он не всё знал, потому что в моё время говорили о более чем двухстах взрывах. А, может, рассказывал только про те что знал.

Ладно. Поживём — увидим.

«Вятка-автомат-12»* — в 1974 году кировский завод «Электробытприбор» покупает у итальянской фирмы Мерлони Проджети (ныне Indesit) лицензию на производство стиральных машин-автоматов. В 1979 году завершено строительство нового производственного комплекса завода, при этом использовалось оборудование, поставленное итальянской фирмой. В 1980 году выпущена пробная модель «Вятка-автомат-12». Число 12 в названии модели означает количество программ.

Жилищно-эксплуатационная контора (ЖЭК)** — территориальный исполнительный орган (контора) Жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) существовали с 1959 года по 2005 год.

«Вась-Вась»*** — близкие отношения, «шуры-муры». У них там тёплый вась-вась (нашли общий язык, «спелись»).

ТАСС**** — Телеграфное Агентство Советского Союза, центральный информационный орган СССР. Собирает официальную и другую союзную, а также международную информацию и фотоинформацию и распространяет её для органов советской печати, телевидения и радио, для других организаций в Советском Союзе и за рубежом.

РВСН***** — Ракетные войска стратегического назначения СССР, вид вооружённых сил СССР, составная часть Советской Армии. Вид ВС Союза ССР который оснащался стратегическим вооружением (баллистическими ракетами большой и средней дальности) и предназначался для выполнения стратегических задач.

Май месяц выдался суетливым и полным разнообразных мероприятий и событий. На первой установилась прям летняя жара. Мы в своих плотных школьных костюмах чуть не сварились на первой демонстрации. Девчонкам в их юбках было куда терпимее. Но прошли, выдержали. Сдали на школьный грузовик свои плакаты и флаги и поскакали в городской парк тратить выданные билеты на аттракционы. В этом году я уже не отрывался от коллектива и веселился со всеми.

А второго мая, поздно вечером, вся страна смотрела матч кубка обладателей кубков. Финал: «Динамо» Киев — «Атлетико» Мадрид. При каждом забитом испанцам голе от радостных воплей болельщиков, казалось, вздрагивал весь дом, весь город и вся страна.

На следующий день учителя даже и не пытались проверять домашку или вызывать к доске. Потому что в головах у мальчишек был только один футбол и радость за победу Советской команды. А футбол у мальчишек стал самой популярной игрой этого месяца.

Девятое мая припало на пятницу и поэтому к «Мемориалу» пошли только ученики старших классов. Мы же учились, выходной нам перенесли на субботу. Только на большой перемене учителя провели небольшую линейку памяти с минутой молчания.

Вернувшись домой, застал хаос подготовки к празднованию Великого праздника и заодно бабулиной днюхи. И не просто днюхи, а юбилея. Ей сегодня исполнялось шестьдесят пять лет. Так что праздновать собирались с размахом. Мой приход заметили, меня покормили и тут же запрягли в работу. То в магазин сбегать, то мусор и очистки выбросить.

И только перед приходом основной массы гостей я сумел урвать момент и преподнести бабушке свой подарок. Большой цветной фотопортрет бабушки и дедушки в красивой раме. Фотографировались они вдвоём в 1943 или, в 44 году где-то в Крыму. Из их совместных фотографий, эта была единственной уцелевшей.

Как-то в одно из посещений нашего дворцового фотографа, он посетовал, что я отрываю его от срочного заказа. Слово за слово и выяснилось, что Юрий Викторович восстанавливает, увеличивает и делает колоризацию* старых фотографий. Уж не знаю как он это делал, но я без компьютера такого точно не смогу. Прям магия какая-то.

Ну и заказал ему портрет. Аккуратно спёр из бабушкиного фотоальбома эту драгоценную фотокарточку и притащил к фотографу. Слава труду, бабуля в эти дни не смотрела свой альбом, а то бы мне пришлось кисло.

К слову сказать, фотограф за создание портрета с меня платы не взял. Только пришлось раскошелиться на дорогую деревянную фоторамку из красного дерева. Но оно того стоило.

— Ой, — только и сказала бабуля, сняв мешковину с фотопортрета. — Как живой.

И она, прижав портрет к груди, добрела до дивана и, рухнув на него, разрыдалась. Я стоял и не знал, что делать. Может лучше было ей подарить какую-нибудь детскую поделку? Скалку там или разделочную доску. Расстроил её в такой день.

Поплакала, отдала подружкам портрет и, подойдя ко мне, обняла со словами:

— Спасибо, Женя, спасибо, внучек. Уважил.

Портрет поставили на отдельный столик и рядом с ним пристроили стопку водки, накрытую кусочком хлеба. Так портрет и простоял весь оставшийся праздничный день. А на следующее утро я, при сильной помощи похмельной бабули, повесил его на стену.

На мой день рождения собралась уже устоявшаяся компания. На этот раз у нас были и

танцы. Подергались, попрыгали под весёлую музыку. А потом я поставил «Ты хочешь?» группы «Современный Разговор»** и пригласил на танец Сидорову, протянув ей руку. И внезапно испугался пришедшей мне в голову мысли: а умеет ли она танцевать?! Да нет, должна уметь. Олька странно на меня посмотрела, музыка композиции вполне была быстрой для этого время, покраснела, но мою руку приняла и вышла танцевать со мной, развеяв все мои опасения.

Обхватив её за талию, я притянул её к себе вплотную, девочка от неожиданности пискнула, сердито на меня зыркнула, покраснела еще больше, но ничего не сказала и спрятала свою голову где-то у меня на правом плече. Стараясь задавать не слишком быстрый темп, я начал потихоньку с ней танцевать. Иногда бросая взгляды на ошеломленных одноклассников. Где-то на середине песни, набравшийся смелости Жмур пригласил Петрухину, и они тоже затоптались в танце. На вполне приличной пионерской дистанции. Смелости или наглости у них явно было еще маловато.

Олька сосредоточено и напряженно пыхтела мне в ухо, прямо как маленький ежик. Но ни одного слова вовремя танца так и не произнесла. Но взгляд у неё был красноречивый после окончания танцев. Ничего, это ей месть. На прошлой днюхе поцеловала в щёчку, а на этой продинамила. Хитрюга.

Бабуля на мое тринадцатилетие подарила мне калькулятор МК-71. Шикарная вещь. В той жизни у меня был точно такой же. С громадной панелью солнечных батарей. Причем, мощность этих батарей при яркой солнечной погоде была столь избыточна, что внутри корпуса были установлены скрытые светодиоды, на которые и сбрасывалась лишняя электроэнергия.

А 17 мая, мы всем классом ходили в кинотеатр «Октябрь» на фильм «Письма мертвого человека»***. Моя политинформация с плакатами, авария на Чернобыльской АЭС, всё это наложилось на эффект от просмотра этого мрачного и тяжёлого фильма. Зрители из зала выходили молчаливыми. Мои одноклассники не были исключением. Молча добрались до парка, где и попадали на лавочки недалеко от фонтана.

— А куда они пошли? — первой не выдержала напряженного молчания Ленка Глыба. — Ну, дети с профессором в конце фильма, — уточнила она, хотя мы все её прекрасно поняли.

— Наверное в поисках другого убежища, — высказал я своё предположение.

И тут народ как прорвало. Все стали высказывать свои идеи по концовке фильма. Сам фильм, никто обсуждать не рвался. Слишком мрачный, тяжёлый и наполненный безнадёгой. Ну и самый главный вопрос — как такое возможно.

Тут я не удержался и рассказал одноклассникам про эффект «ядерной зимы»**** в случае глобальной ядерной катастрофы. Добавил немного примеров из читанного перед попаданством Сергея Тармашева,***** циклов «Древний» и «Каждому своё». Видимо, перестарался. Народ еще больше испугался, и по домам мы опять шли испуганной и молчаливой кучкой. Никто даже и не заметил как Сидорова вцепилась в мою руку. И отпустила её только недалеко от нашего дома.

Все эти мероприятия не мешали активно готовиться к городскому туристическому слёту. На который мы, команда Азовского дворца пионеров, и выехали в понедельник, 19 мая. В самый разгар празднования «Дня пионерии». Что, оказывается, убергло нас с Сидоровой от пионерско-комсомольского собрания в родной школе. Как потом нам рассказали наши одноклассники, их почти два часа грузили какой-то скучной мутью по

итогах XXVII съезда КПСС, который проходил в феврале — марте этого года.

Турслёт прошёл ожидаемо легко и весело. Наша команда подросла, как физически так и репутационно. Почти все городские команды всю пользовались нашими наработками в туристической технике. А голос Владимира Владимировича обрёл значимый вес в кругу физкультурников и туристов. Да и постоянно шлифуемые нами навыки приносили видимые результаты. Мы без особых проблем заняли первое место и теперь мечтали об областном слёте. Дворцовый автобус развез нас по домам, а в наш опустевший лагерь, заехали преподаватели и тренеры на учительский турслёт.

На этой же неделе стало известно о закрытии городской прачечной в связи с ремонтом котельной при переходе на газ. Нашу школьную и квартальную котельные тоже стали переводить на газ. Раньше они работали на угле, но, видимо, кто-то в Горисполкоме посчитал это издевательством, потому что в районе добывается куча газа, а город продолжает топить углём.

В нашем квартале была и другая причина. Наконец закончили строительство двух девятиэтажных башен и готовили их к заселению. А угольные печи котельной просто не справились бы с возросшей нагрузкой.

Поэтому, когда стало известно о закрытии прачечной, стиральные машины просто смели с полок магазинов. В том числе и дорогие модели типа «Вятки». И вот в установке этих машин мне и пришлось поучаствовать. Естественно не бесплатно.

Нет, многие пытались их и сами устанавливать. В Союзе мужики всегда были рукастыми. Но одно дело доволочь купленную машинку до дому и, установив её на указанное женой место, пойти смотреть футбол, время от времени только участвуя в сливе воды. А другое дело, непонятная автоматическая машинка.

Кто-то тормозил на пункте удаления транспортировочных винтов и установки заглушек. В инструкции некоторых серий был только текст без рисунков, и народ конкретно тупил, что это такое и с чем его едят. Плюс, путаница с подключением к горячему и холодному водоснабжению. Ну и странности со сливом воды и регулировкой ножек.

Многим проще было пригласить для консультаций меня и поделиться рублём за подсказки или трёшкой — пятеркой за помощь в подключении. И где и у кого только узнавали про меня и мой адрес?

Платили за консультации и помощь даже милицейские начальники, живущие в трешках нашего подъезда. Ибо их жёны первыми и узнали про эту чудо-машину, когда приходили на нашу кухню наблюдать её работу. Никогда не забуду, как начальник паспортного стола, майор Маханько, прям как откровения свыше впитывал мои подсказки, ползая по полу вокруг стиралки с бобкой***** в руках.

Учебный год для меня закончился на отлично по всем предметам и на хорошо по поведению. Но за турслётом и стирально-машинным бумом я пропустил парочку знаковых событий в жизни страны. Разрешение и показ в телевизионном эфире игры «Клуба весёлых и находчивых». И постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами».

И если КВН я посмотрел потом в повторе, то с постановлением столкнулся вживую уже после областного турслёта, посещая рынок в поисках нужных мне деталей.

Областной слёт в этом году проходил в Багаевском лесхозе, недалеко от станции Багаевской. После городской победы наша команда явно зазналась. А может как раз начал свое шествие переходный период в взрослении ребят и девочек. Но все мои усилия, начиная

от простого ора и заканчивая чуть ли не групповой медитацией, ни к чему не привели. На дистанциях все откровенно лажали и тупили. И в итоге, мы смогли занять только шестое место в общем зачёте. Все первые места достались ростовчанам.

По возвращению в Азов провели разбор полётов и приняли решение начать тренировки по классу самонаведения. Пока что в этом классе выступало только три команды, а значит и у нас появиться шанс показать себя. Тем более, что Владимир Владимирович с сентября начинает набор и тренировку младшей команды, и нынешнюю группу мне придется тянуть самому.

Вот как раз после областного турслёта я и узнал про то злополучное постановление: на меня как из рога изобилия посыпались заказы по починке электрики, причем с разных концов города. По первой, я связал это с попутной рекламой от установки стиралок, но, как выяснилось позже, это было не так.

Купленную в Ленинграде финскую электрику, я отложил до полного ремонта нашей квартиры. А то, что у меня было в запасе: электрическая фурнитура, нагревательные спирали и электрозвонки — быстро закончились. И я в поисках — подешевле, отправился на рынок.

Каково же было мое удивление, когда я не нашёл ни одного барахольщика. Рынок вообще выглядел подозрительно полупустым. Пришлось идти домой к моему «торговому агенту» — дяде Боре. И только он меня просветил о творящемся ужасе. Ну и я кое-что вспомнил из прошлой жизни об этом постановлении.

Началась борьба с нетрудовыми доходами, как и принято у нас в стране, с низов, с простого народа. Разогнали на рынках всех барахольщиков и перекупов. Торговлю теперь, на колхозном рынке, мог осуществлять только хозяин и производитель товара. Естественно вся продукция, попадавшая на ранок от «несунов», теперь становилась по-настоящему незаконной.

То же самое касалось браконьеров и охотников. Рыба, икра и дичь просто исчезли с рынков. Остались только автоцистерны с живой рыбой из рыбколхозов, в основном с гибридом и сазаном.***** Но даже за такой рыбой выстраивались очереди ещё затемно и задолго до приезда машин. Пострадали и граждане, занимавшиеся тепличным хозяйством. По всей стране шла компания по уничтожению теплиц на дачах и в частных домовладениях. Я тут и вспомнил, как у моей мамы, в городе Луга, именно этим летом дружинники сломали теплицу на даче.

В связи с тем, что местная милиция могла сквозь пальцы смотреть на торговлю и нетрудовую деятельность граждан, формировались для проверок командировочные отряды из других городов и районов, а наших отправляли к ним. И проверки всегда проходили вполне серьёзно. Командированные не боялись мести в будущем от проверяемых.

Коснулось это и частных услуг электриков, сантехников и прочих, как говорилось в моё время — «мастеров на час». Отсюда и увеличившийся поток клиентов, а значит и увеличившийся расход ремонтной фурнитуры. Хорошо, что дядя Боря подкинул домашние адреса некоторых залегших на дно барахольщиков. Что позволило пополнить запасы, причем с существенной скидкой.

На опустевших рынках продукты подорожали, а потом началось их исчезновение с полок магазинов. Неожиданно пропал из продажи сахар. Причем, как рафинад, так и песок. Бабушка была в шоке. У неё, как и у всех бабушек тех времён, был небольшой запас этого стратегического продукта. Но именно что небольшой. Поэтому мне и поручили в случае чего, брать сахара сколько унесу или сколько будут в руки давать.

Я не стал морочиться с беготнёй по магазинам, а обратился к своему знакомому фотографу-бонисту-спекулянту из дворца пионеров. И Юрий Викторович не подвёл. Правда предложил не сахар-песок, а сахар-рафинад.

— Тебе какая разница? А сахар хороший. Железнодорожный.

— Это как? — ступил я

— Ну, в упаковке по два пятиграммовых кусочка. Как в поезде к чаю подают.

— И почему? — я как-то скептически отнесся к этому предложению, но бегать и искать не хотелось.

— Три рубля за килограммовый блок, — и видя моё непонимание, пояснил. — Сто пакетиков по два кусочка в каждом. Могу отдать четыре двадцатикилограммовых ящика.

— Двести сорок рублей, — посчитал я. — А чеками возьмёте?

— Возьму. Сто, чеками. Откуда у тебя их столько? А говорил, что больше нет.

— Я такого не говорил. Да и вы не спрашивали. Вы что-то сами себе неправильное надумали.

— Мда? Ну, может быть. Ладно. Извини. Так сколько у тебя еще есть?

— Две сотни осталось. А зачем вам? Я думал, что вы себе уже квартиру купили.

— Да переиграли мы всё, — мужик поморщился, как бы решая, говорить или нет, но все же ответил. — Хотим в Москве кооператив взять. Сын туда переедет с семьёй, а потом, может, и мы.

— Хм. Хорошее и правильное решение. А как же закон о нетрудовых доходах? Не помешает?

— Нет. Там все уже схвачено. Да и разговоры идут, что к осени его отменят. Надеюсь.

— А на две сотни, у вас сахар есть? — вернул я разговор в старое русло.

— Без ножа режешь, — для виду посокрушался фотограф. — Найду. Тебе же с доставкой?

— Естественно, я же не упру столько.

— Где ты живешь я помню, вечером привезу. Расплатишься дома?

— Нет. Здесь. А то у бабули могут вопросы возникнуть.

— А у кого их нет на счёт тебя? — ухмыльнулся Юрий Викторович. — Я уже готов поверить версии твоего тренера про пришельца с Тау-Кита.

Я промолчал и лишь смущенно улыбнулся, и развёл руками. Пусть понимает как хочет.

Сахар он привёз в аккурат в промежуток, когда бабуля куда-то умотала. Так что доставка обошлась без эксцессов. А вот когда она вернулась, штабель непонятных ящиков вызвал у неё удивление и любопытство.

— Женька! Иди сюда, — и когда я вышел из комнаты, она ткнула пальцем в ящики и поинтересовалась, — Это что за склад?

— Сахар. Как ты и просила. Давали по четыре ящика в каждую руку, вот я и взял.

— В ящиках? Сахар? Что ты меня за дурочку держишь? — взъерилась бабуся.

— Минутку, — я вернулся в комнату и, найдя монтировку-гвоздодёр, вскрыл один ящик.

Мне и самому было интересно, не на дурили ли меня? Выудил из ящика один бумажный пакет и вскрыл его. На остальные пакеты посыпались прямоугольники с едущим локомотивом на обёртке. Распаковал пакетик и, выудив рафинадину, сунул её в рот.

— Сладкая. Сахар. На, сама попробуй, — и протянул ей второй кусочек.

Бабуля, на автомате, взяла его и положила в рот. После чего мы с ней и стояли так, молча рассасывая сахар, и пялились друг на друга. Наконец, она отмерла и устроила мне

форменный допрос:

— Откуда столько?

— Купил. Ты же мне сама поручила покупать сахар сколько дадут, — ушел от правдивого ответа я.

Да я и не намерен выдавать своих торговых партнеров. У неё хватит ума похвастаться, что её внук купил у фотографа из дворца пионеров кучу сахара. И всё. Конец котёнку.

— И почему он? — задала она главный вопрос.

— Рупь за килограмм, — снизил я цену до адекватного размера.

— Дорого, — припечатала она.

— С какого перепуга дорого? — возмутился я. — Сахар-песок девяносто копеек за кило стоит, а рафинад всегда дороже стоил! Мне его вернуть?

— Нет, нет. Не надо возвращать. Ты меня не так понял, — заюлила струхнувшая бабуля, видимо, прекрасно меня зная, поверила, что я могу вернуть такую кучу дефицита. — Вот только как его хранить? Сколько его здесь?

— Сто шестьдесят килограмм. В твоей кладовке положим.

— А почему не в коридоре?

— В коридорной кладовке стиральный порошок. Ты что, уже забыла? Потом будем есть сахар со вкусом порошка?

— Опять ты прав. Ну, ладно, — сделала она мне одолжение. — Раз сам купил столько, вот сам и таскай в зал. А я пока кладовку разберу.

Колоризация* — преобразование монохромного (чёрно-белого) кинематографического или фотоизображения в цветное.

Песня Ты хочешь? (Do You Wanna?)** — группы Современный Разговор (Modern Talking).

«Письма мёртвого человека»*** — первый полнометражный фильм Константина Лопушанского (1986). Отражает популярную в годы «холодной войны» теорию ядерной зимы. Фильм стал одним из заметных кинофестивальных событий 1986–1987 гг., получил ряд наград.

Ядерная зима**** — гипотетическое глобальное состояние климата Земли в результате широкомасштабной ядерной войны. Предполагается, что в результате выноса в стратосферу некоторого количества дыма и сажи, вызванного обширными пожарами при взрыве нескольких сотен ядерных боезарядов, температура на планете повсеместно снизится до арктической в результате существенного возрастания отражения солнечных лучей от верхних слоёв атмосферы.

Сергей Тармашев***** — российский писатель, пишущий книги в жанре фантастика (постапокалиптика).

Бобка***** — жаргонное название разводного ключа, используемого для вращения или фиксации труб и других деталей произвольной формы.

Гибрид и сазан (местное южнорусское)***** — серебряный карась и карп обыкновенный. Прудовые рыбы выращиваемые в рыбоводческих колхозах и совхозах.

— Гляньте парни! Какое классное местечко! Только занято какой-то мелочью. А ну, брысь отсюда, — с этими словами, незнакомый парень лет пятнадцати, показушно попытался выполнить вертушку из карате.

Уширо-маваши-гери*, всплыло в памяти, в то время когда я на автомате поймал на блок его ступню и со всей силой дернув её на себя, ещё и провернул по часовой стрелке. Мальчишка, не ожидая такого подвоха, ойкнул и, перевернувшись, рухнул на землю вниз лицом, своим животом прямо на мой кед.

Это уютное местечко приспособили под отдых местные мужики. Четыре раскидистых пуховых тополя, высаженных правильным квадратом и три лавочки между их стволами. Был ещё и столик, где старшее поколение любило забить козла** и попить пивка под рыбку. Но женская часть населения это непотребство быстро пресекло и теперь, мужики ходили рубится в домино в гаражи соседнего двора.

А так как рядом располагались турники, рукоход и металлические брусья, то уютное и тенистое местечко облюбовали мальчишки, собираясь сюда со всех наших дворов чтобы перекинутся в картишки, рассказать и послушать байки, да и просто посидеть в компании.

Вот и сегодня собралась небольшая компашка. Семь пацанов, включая меня. Трое моих одноклассников из параллельных классов, двое уже восьмиклассников и мелкий, семилетний брат одного из мальчишек.

Лето, начало августа, жара, сидим и режемся в секу*** на спички. Все дочерна загорелые и босиком, кроме меня. Я тоже успел за это лето два раза стореть и облезть, но всё равно мой бледноватый загар не дотягивает до бронзового загара остальных. Ну и я, единственный в компании, кто обут.

Это какое-то поветрие этим летом. Прямо мода на босикомость. Все, чуть ли не поголовно вплоть до старшекласников, шляют босиком. А я не могу. Во-первых, боюсь, всё-таки город, здесь полно стекла и гвоздей. И дня не проходит, чтобы кто-то не порезался, свёз ноготь или проткнул пятку. Ну и во-вторых, я чисто плотен. То, что приобретено с годами, просто так из головы не выкинешь. Поэтому и выделяюсь. Но с моим буйным характером мне это прощают.

Две новые девятиэтажки сдали и стали заселять. В основном, жителями окраинных районов «Молокановки» и «Хуторка». Там что-то затеяли строить и людей из их глинобитных домиков переселяли в новенькие квартиры со всеми удобствами. Чему все были только искренне рады. Жизнь в домах с печным отоплением и удобствами во дворе — не сахар.

Попутно с заселением этих домов, на их первых этажах открылись торговые точки, которые все жители нашего района откровенно ждали. Больше всего радовались аптеке и молочной кухне. Раньше за лекарством или молоком для грудничков приходилось переться почти в центр города.

И вот сейчас нарисовались младшие представители семей переселенцев. И сходу попытались отжать у нас наше место отдыха. Восемь парней от двенадцати до шестнадцати лет. Все явно знакомые друг с другом. Что не удивительно, в одну же школу наверное ходили.

Карты полетели на пыльную землю, наши все вскочили и сучковались внутри

периметра лавочек, как бы готовясь к обороне. Силы правда, были не особо равные, перевес в возрасте, силе и росте был явно у пришлых.

Моя реакция на угрозу ударом ноги (ну не думаю, что тот пацан собирался сходу бить кого-то в голову), немного сбила настрой новеньких и те замешкались, поднимая и отряхивая своего, явно жожака.

— Ну, всё! Тебе кранты, мелкий! — прошипел парень, которого я уронил.

— Это наша корова и мы её доим! — вылетела из меня фраза из читанной в прошлой жизни книги Андрея Кивинова.****

— Какая корова? — опешил их предводитель. — Ты чего гонишь, сопля рыжая?

Он запрыгнул на лавочку, явно этим подавая своей компании сигнал к атаке. Я же, плюнул ему в лицо, но промахнулся, но даже это заставило его удивленно и растерянно замереть, поднимая руки к лицу, чтобы прикрыться от возможного попадания. И я, не тормозя, врезался в его ноги, отчего он полетел на сзади стоящих своих подельников. Атака захлебнулась, не особо начавшись.

За всей этой кутерьмой я не заметил куда делся самый мелкий член нашей компашки. А тот, не теряя времени и не жалея своих босых ног, мчался по всем нашим дворам с криком — «наших бьют».

Первыми к нам на помощь принеслась толпа пяти-шестиклассников в картонных доспехах с щитами и мечами. Народ явно играл: то ли в «Спартака», то ли в «Ледовое побоище». И на вопли нашего самоназначенного гонца, так, во всеоружии, и прибежал. Выстроившись толпой во что-то на подобии рыцарской свиньи, они со своими мечами и дубинками на перевес замерли в ожидании неизвестно чего.

Окружение замкнула группа из четырёх парней лет шестнадцати, которые до этого возились около одного из подъездов с мопедом.

Пришельцы, явно понимая, что попали в неприятную ситуацию, тем не менее не трусили, а сбившись в кучку, приготовились дорого продать своё здоровье. Видя, что наша стычка готова перерасти в полномасштабное избиение новеньких, я решил вмешаться, чтобы попытаться решить дело миром.

— Эй, дылда, — обратился я к предводителю неприятеля. — Давай один на один, чтобы остальных не втягивать.

— Рыжий, ты, мля чего такой наглый? Мелкий и наглый. Я же тебя в блин раскатаю и потом в трубочку сверну. Хочешь драться? Выходи. Щаз люлей огребёшь на свою рыжую задницу.

— Не, я драться с тобой не буду. Ты меня не так понял. Давай, кто больше из нас подтянется, тот и победил, — я кивнул на турник.

— И что получит победитель? — решил поторговаться парень.

— Победишь ты, мы уступаем тебе это клёвое местечко. Выиграю я, вы со всеми ручкаетесь и знакомитесь, и вливаетесь в нашу дворовой союз.

— Союз? Что это за на хрен? Чё ты гонишь, мелкий?

— У нас здесь девять домов в союзе, а вам еще и в нашу школу ходить. Давай миром решать, а то мы и завоевать ваш двор можем.

На мои слова псевдорыцари и гладиаторы что-то воинственное заорали и застучали в свои щиты, а один из старшаков показал мне большой палец. Типа дал добро.

— Лады, мелкий. Давай поподтягиваемся. Но ловлю тебя на слове. Даешь слова пацана? — с этими словами, он плюнул себе на правую ладонь и протянул мне для

рукопожатия.

— Даю. А ты?

— И я даю.

Пришлось тоже плевать на собственную ладошку и обмениваться рукопожатиями. Прямо чувствуешь себя участвующим в дикарской церемонии. Нафига надо на ладони-то плевать?

Пришлый дылда, представившийся Артёмом, смог подтянуться шестнадцать раз. Я же, явно красуясь перед собравшимися, сделал двадцать подтягиваний и, выполнив «капитанский подъём», уселся на турник сверху.

— Ну как? Мир? — спросил я у Артёма, смотревшего за моими упражнениями с кислой физой.

Демонстративно соскочив с турника «топориком» я подошел к нему и еще раз поручкался. То же самое проделали все наши парни. А к вечеру мы уже все перезнакомились.

Артёма и еще парочку его дружков заинтересовали мои упражнения на турнике, и парней загорелись их освоить. Но их надолго не хватило. К тому же, они курили, а это очень сильно сбивает дыхалку на тренировках.

Во время совместных тренировок я и выведал откуда он знает удары из карате. Оказалось, что был какой-то восточный человек, вот он и пытался научить пацанов разным приёмам. Но обучение продлилось не долго, и он уехал. Я же все эти приёмы знаю от супруги, она в Швейцарии загорелась обучиться и потом тренировалась на мне, как на манекене. Правда, чаще всего, неудачно.

Лето выдалось каким-то не особо удачным, я бы даже сказал скучным. Летний поход отменили. Мои электрошабашки, набравшие было обороты в июне, как-то быстро увяли до одной, редко двух в неделю. Ольку отправили сразу на два потока в пионерлагерь, на Чёрное море.

Я же, починив миноискатель, обломался и на ниве кладоискательства. В прошлом году я прошёлся по краям пляжа, а в этом году рискнул выйти и на сам пляж. Выходил из дома очень рано, якобы на рыбалку, а сам бежал на пляж.

В первый день я нашел послереформенные два пятака и один гривенник. И полведра пробок и прочего железного мусора. На второй день — всего шесть копеек, двушками. А на третий день ко мне подошел милиционер охраняющий аттракционы и спросил:

— Что-то вы в этом году рано стали пляж чистить.

— Ну. Как сказали, — проямлил я, не понимая о чём идет речь и во-всю напрягаясь в присутствии человека в форме.

— В прошлом году в сентябре мужики пляж чистили. Вот с такой-же штуковиной как у тебя. А ты теперь вместо них?

— Нет, — я, наконец, понял о чём он говорит. — Я пионерский десант.

— А, понятно. Ну давай, пионер. Трудись, — и пошёл прочь от меня.

Я проследил за ним взглядом до того момента, пока он не зашёл в вагончик кассы пляжных аттракционов.

Оказывается, я не один такой умный. Есть и еще охотники за сокровищами. Ну и фиг с ними.

С тех пор я просто ходил на рыбалку, прихватывая с собой миноискатель для проверки отдельных участков леса и дикого пляжа. И кое-что попадалось. И рыба, и денежная мелочь. Рыбу мы с бабулей съедали, а мелочь, я ссыпал в мешочек, копя, чтобы проверить потом всю

сразу.

Положение со снабжением в городе так и не выправилось. Мясо любого вида пропало из продажи. Как на рынке, так и магазинах. Хорошо, что рядом с нами, прямо за «Сельхозтехникой», находилась птицефабрика. И рядом с ней — её ларек, в котором можно было купить суповые наборы из куриных желудочков, шеек, лапок и гребешков.

Школьную отработку я прошел за рекордные три дня. Три дня покраски парт и стульев, которые вытащили из всех кабинетов в коридоры и рекреации школы. Всё мебель — в единый темно-синий цвет. Краски было много и была она жутко вонючей. Хорошо, что у запасливого меня, было пять штук респираторов Р-2. Вот в одном из них я и красил.

В конце лета вылезла новая проблема: я подрос на целых десять сантиметров. Вроде бы немного, даже Ольку не догнал в росте, но вот многие вещи мне стали малы. На всех шмотках, имевших запас, бабуля его уже отпустила, но всё равно одни итальянские джинсы пришлось перешивать в шорты. И покупать мне новую школьную форму, рубашки и демисезонные вещи. Так как свои денежные накопления бабушка уже спустила, то тратили мои.

Та же история и с обувью: вроде ступня и увеличилась всего на один размер, а в туфли и ботинки уже не влезаю. Хорошо, что кеды и кроссовки с запасом брали, а вот коньки зимой придется новые покупать.

На итоговом собрании в дворце пионеров, 31 августа, нашу туристическую группу наградили экскурсионной поездкой в Москву на новогодние каникулы. Ну и всякими грамотами заодно. У меня ими уже почти вся стена завешана.

А вечером первого сентября, после всех праздничных мероприятий, я из иностранных новостей узнал про крушение теплохода «Адмирал Нахимов»*****. И сразу вспомнил про читанное об этой катастрофе в будущем. Вот ведь как — живешь и не помнишь что должно случиться, а происходит и сразу вспоминаешь. И почему мне молния при переносе не дала никакой нейросети или идеальной памяти? Сейчас бы книги переписывал изданные в будущем и был бы знаменитым писателем.

Крушение теплохода коснулось и нашего города. На его борту были две семьи азовчан. Одна семья сумела спастись, а вторая — нет. Увы, среди погибших была главный бухгалтер нашего универмага. Вот так получишь полезное знакомство, бац! — и нет его. Да и просто людей жалко. Жили, растили дочерей, создавали личный уют и благополучие, в круиз, вон, отправились. А потом — пустота. Даже тел не нашли.

В школе же прибавилось новых предметов. Химия и черчение. Появились в классе и двое новеньких. Переселенцев из Чернобыля. Я даже их тайком проверял на радиацию купленными в Ленинграде радиометрами.

Я этим летом, наверное всё проверял приборами. Листья внезапно пожелтели и скукожились — проверка. Продукты принес — проверка. Даже выловленную рыбу проверял. РК-01 не показывал ничего. Второй прибор оказался более точным и его стрелочка иногда шевелилась. В общем зряшная покупка. То ли есть, то ли нет — фиг поймешь.

Владимир Владимирович, как и планировалось, набрал младшую группу. А я закрепил каждого из этой мелюзги за одним из старших. Пусть будут подшефные. Так они быстрее и в коллектив волеются, и туристическим навыкам обучатся. Моя команда сначала начала ворчать, типа им неместно, но я соблазнил их тем, что мелких можно использовать как адъютантов. Правда и застрашал последствиями, если кто свою работу будет на них скидывать. Всё только совместно.

Где-то в конце сентября наш участковый поймал вора, который пытался вскрыть нашу дверь. Первую, железную он уже вскрыл и возился со старой, на которой был сувальдный замок.***** Когда участковый пришёл домой на обед то застал какую-то нездоровую суету у наших дверей. Вернувшись с занятий хора бабуля была в шоке, её долго отпаивали валерьянкой и вишнёвой настойкой. Почти целую неделю после этого она безвылазно сидела дома и на каждый шорох за дверью хваталась за откопанный из-под ванны топор.

Потом, немного успокоившись, выцыганила у меня сто рублей и наняла слесаря, который установил еще по одному замку на каждую дверь. Теперь я точно был уверен, что при виде крутой металлической двери, фигурно отделанной лакированным дубовым шпоном и с двумя замками, все будут думать, что здесь живет, как минимум, директор комиссионного магазина.

Нас, как семиклассников, стали теперь пускать на школьные вечерние танцы по субботам. На которых я с Сидоровой и Померанцев с Петрухиной, никого особо не стесняясь, танцевали медленные танцы. Чем шокировали остальных одноклассников. Но, благодаря нашему примеру, многие тоже рискнули пригласить на танец девчонок. Впрочем, девкам были по ходу более интересны старшеклассники. И многие приглашения своих мелких одноклассников просто игнорировали. Некоторые даже высказывали свое «фи» Петрухиной за то, что она танцует с мелким и невзрачным Жмуром.

В ноябре, наконец, отменили постановление о нетрудовых доходах и приняли закон «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР». Спустя почти девять лет, как это разрешили в Конституции СССР от 1977 года.

И буквально уже в декабре весь колхозный рынок ожил. Появились барахольщики, продавцы декоративных рыбок, собачники, и продуктовые перекупы. Селяне и дачники потащили на продажу лишние продукты. И жить сразу стало лучше и веселее.

Отъезд нашей группы в Москву планировался снова на 31 декабря, и бабуля опять начинала ворчать, что я её одну кидаю на такой праздник. Ну да, ну да. А то я забыл, как встречал Новый год в одиночестве на подоконнике. Сейчас-то я уже на подоконник и опасаясь залазить.

Но за три дня до отъезда я простыл. Сначала сопли, кашель и красное горло. Выпил парацетамола и ацетилсалициловой кислоты, по совету бабули даже скушал горький стрептоцид. А на утро еле встал. Померили температуру, а она уже за 39 пытается перевалить. Нос забит, дышать нечем, режет горло, глотать вообще невозможно, мрак короче.

Бабушка вызвала участкового врача и, скормив мне всё того же парацетамола с аспирином, пошла к соседям звонить в школу и во дворец пионеров. Пыталась ко мне прорваться и Сидорова, но бабуля её завернула, а то заразится ещё. И я с ней был полностью согласен.

После обеда пришла пожилая врачиха, осмотрела меня, ощупала горло и вынесла диагноз — ангина.***** Прописала постельный режим, обильное тёплое питьё, частое полоскание горла. Из лекарств, к парацетамолу добавились таблетки ампициллина, називин в нос. И благосклонно покивала бабуле на её предложение об использовании горчичников и постановке банок. Ой, чувствую ждут меня незабываемые ощущения.

Уширо маваши гери* — японское название удара ногой с разворота в каратэ.

Забить козла** — простонародное название игры в домино.

Сека*** — карточная игра, известная в СССР и странах, образовавшихся после егс

распада.

Андрей Кивинов**** — российский писатель, автор книг серии «Улицы разбитых фонарей». ГГ читал книги «Кошмар на улице Стачек» и «Обнесенные ветром», а сериал по этим книгам не смотрел.

«Адмирал Нахимов»***** — круизный теплоход (бывший пароход Берлин), утонувший 31 августа 1986 года в Цемесской бухте Чёрного моря при столкновении с балкером «Пётр Васёв». Погибло 423 человека из 1666 находившихся на борту.

Сувальдный замок***** — замок, секретная часть которого представляет собой набор пластин (сувальд) с фигурными вырезами, которые при открытии замка подталкиваются выступами на бородке ключа.

Острый тонзиллит (от лат. tonsillae — миндалины), в обиходе — ангина***** (от лат. ango — «сжимаю, сдавливаю, душу») — инфекционное заболевание с местными проявлениями в виде острого воспаления компонентов лимфатического глоточного кольца, чаще всего нёбных миндалин, вызываемое стрептококками или стафилококками, реже — другими микроорганизмами, вирусами и грибками.

Первые три дня болезни прошли как в бреду. А может и в бреду. Потому что ко мне приходили разные люди или призраки людей. Знакомые и незнакомые. Что это было? Сон? Больной бред? Или явь?

Первым пришел какой-то дед. Он представлялся, но я не запомнил. Что-то связанное с революцией. Ругал меня и моё письмо. Но ругал молча, беззвучно открывая рот и потрясая в руке моим письмом в Ленинградское УКГБ.

Второй приходила Галина Петровна, бухгалтер из универмага. У этой, звук работал. Но как-то зациклено. Она постоянно, по кругу, будто заевшая пластинка, меня отсчитывала за мою книгу. Которую она подарила кому-то в главке, а за это её премировали путёвкой на морской круиз.

Третьей, была Петровна, наша умершая соседка сверху и подружка бабушки. Та, наоборот, меня всячески хвалила, но постоянно напоминала, что её софа, на которой я лежу, с иголками.

Три дня сплошного бреда. Прерываемого бабулей на выпить лекарство, закапать нос, прополоскать горло. Ну и уксусом она меня зачем-то обтирала. Наверное, чтобы лучше сохранился. Если бы не её постоянные приходы и отвлечения меня от прочих приходящих, я наверное бы чокнулся.

Понимая, что со мной творится что-то странное, ну не было у меня никаких видений, когда я болел ангиной в прошлой жизни, я в каждый приём лекарств или при полоскании горла, хотел попросить бабулю вызвать скорую. А вдруг у меня что-то вирусное и страшное. Хотеть-то хотел, но так почему-то и не попросил. Хоть видения и продолжались.

На второй день этих видений пришел незнакомый мужик в белых штанах, белом халате и с белым чепчиком на голове. Он молча стоял у стенки и демонстрировал мне похожий на мой радиометр, стрелка на котором застыла на самых высоких показателях. При виде этого мужика, дед с письмом, испуганно вжался в угол и через некоторое время исчез. И больше не появлялся.

Петровна и здесь меня успокоила. Сказала, что это Валера, и он не буйный, и на тебя не сердится. И опять затянула свою страшилку про иголки из дивана.

Самым последним пришло солнышко, а может и шаровая молния. Но с глазами и доброй улыбкой. Этаким теплым, круглым и симпатичным жёлтым смайлик. Вплыл в мою комнату и все призраки сразу исчезли, а когда он прокатился своим теплым боком по моему телу, мне стало хорошо-хорошо и я сразу заснул.

На утро третьего января я проснулся от позывов в туалет. Как я ходил в туалет до этого? В какую-то ёмкость или при помощи бабушки, не помню. И ходил ли я вообще? Может, всё с потом выходило? Но сейчас придавило конкретно. А бабули не наблюдалось. Попытался позвать, но только закашлялся. Постучал алюминиевой ложкой по табуретке. Никто не пришёл. Пришлось вставать. На удивление получилось легко, хоть немного и пошатывало от слабости. Держась за стенки, кое-как добрался до туалета.

И когда уже сделал все дела и потихоньку семенил вдоль стены, открылась входная дверь и нарисовалась бабушка. С сумками и авоськой, явно на рынок или по магазинам ходила. При виде меня, поставила покупки на пол и кинулась ко мне, обдав холодом улицы.

— Женька! Ты чего это удумал? Чего встал? Давай помогу, — и подхватив меня под

руки, почти донесла до моего ложа. — Я же на полчаса отлучилась. Прямо бегом, бегом везде, — стала она то ли оправдываться, то ли отчитываться.

— Всё хорошо, ба. Я в туалет захотел, — прохрипел я и опять закашлялся. — У нас от кашля ничего нет?

— Есть, есть, внучек. Как знала, купила пертуссин.*

Сладковатый сироп мягкой волной прошёл в горло, и мне как-то даже легче дышать стало. Проскочила мысль: раз чувствую вкус, значит не ковид. Тьфу, откуда ему тут взяться ещё? В это время желудок, получив раздражитель в виде сладкого сиропа, заурчал, требуя еды.

— Ба, а что у нас есть поесть?

— Ой. Сейчас. Как знала, вчера курочку прикупила и бульона сварила, сейчас внучек, — засуетилась старушка.

Я был накормлен вкуснейшим бульоном с маленькими, перетертыми почти до волокон, кусочками мяса. Когда насытился, глаза предательски закрылись, и я провалился в сон без сновидений и всяких призраков.

Все каникулы меня держали в постели, лечили и усиленно кормили. Баба Тоня даже пол-литровую банку чёрной икры купила и усиленно её мне скармливала. На мой вопрос об икре, у неё внезапно, подозрительно забегали глаза и она попыталась съехать с этой темы, переключившись на какие-то местные сплетни.

— Ба, подожди. Ты в сберкассе была? Пенсии наши получила?

— Нет, Жень. Третье на субботу припало, а на этой неделе я ещё не ходила. Тебя надолго бросать не хотела. Там же очереди, наверно. Я и на рынок, почти бегом бегала, чулки старые на ботинки натягивала, чтобы не упасть по гололёду.

Ух ты, какие страсти.

— Жень, я это... Твои деньги потратила на продукты. Ничего?

Странно. Мои деньги в тайнике, добраться до них, она точно не могла. Тогда что она потратила? Об этом и спросил:

— Ты о чём? Какие деньги?

— У тебя здесь мешочек с какой-то грязной мелочью стоял, я её отмыла и потратила.

А. Найденная мелочь в земле. Я про неё вспоминал, но дел было много и откладывал её разбор на потом, вот и дооткладывался. Хотя, чего я переживаю. Они же пошли на моё выздоровление. Надо бы бабулю успокоить, а то переживает вроде.

— Всё нормально, ба. Ты правильно сделала. Не переживай, — после моих слов одобрения её действий, женщина даже заулыбалась. Вот и хорошо.

Первым до моей болеющей тушки допустили Жмура. Он принес дневник с оценками за вторую четверть и немного посидел, порассказал разные новости, как школьные, так и дворовые. Пацаны построили большую снежную крепость и, разбившись на команды, целыми днями её штурмовали.

Второй была Оля, вернувшаяся из Москвы. Привезла мне в подарок набор открыток. И часа два рассказывала как им там всем понравилось. Вместо меня с ними поехал внук директрисы дворца пионеров.

Ну и врачиха приходила пару раз. Слушала, простукивала, совала деревянную палочку мне в рот, рассматривая моё горло. Ну и выписала справку об освобождении от занятий в школе до 15 января.

Бабуля все эти дни усиленно меня закармливала. Даже где-то сосисок прикупила в

большом количестве. Ничего так по вкусу, чем-то мне они напоминали «Вкусвилл»** из моего времени. Ну и болтала постоянно со мной, больше для виду, следя, чтобы я не включил телевизор. Врачиха ей посоветовала — ограничить просмотр телепередач ребёнком с температурой, дескать это плохо на зрение влияет.

Так что мой досуг состоял из прослушивания радио и бабули. Так я из её слов узнал, что ввели талоны на сахар, и что у нас в городе действует банда цыганок. Ходят по квартирам и гипнозом заставляют людей отдавать им всё ценное.

— Намедни в семидесятом доме две цыганки загипнотизировали женщину и вынесли холодильник, телевизор и три ковра.

— Ха-ха-кха-кха-кха, — от души рассмеялся я и сразу зашёлся в кашле.

Бабуля метнулась на кухню и принесла готовый тёплый кисель. Который и успокоил моё больное горло.

— Ты чего творишь? Зачем смеёшься, горло себе надрывая, что я смешного такого сказала? — обиделась на меня бабуля.

— Ба. Ну подумай. Как могли две цыганки вынести холодильник и телевизор. Ну один, два ковра, ну телевизор если напрячься. Но холодильник, он что игрушечный был? Ты наш, во время уборки при помощи швабры кантуешь. А поднять его сможешь?

— Мда. И точно. Не подумала. Глупая я у тебя и доверчивая, — неожиданно заявила она. — Все мной вертят как хотят. И ты тоже, — и она обличающе ткнула в меня пальцем.

Ну вот. Как всегда, я виноватый. Начала про цыганок, а закончила мной.

По западному радио почти всю первую половину января мусолили тему драки молодёжных команд СССР и Канады на чемпионате мира. И все эти бесконечные обсуждения — кто виноват и какой СССР плохой, быстро надоели. Поэтому чаще всего слушал музыку в наушниках.

В школу я пошёл только 15 января, пропустив три дня занятий. И очень долго и мучительно восстанавливался после болезни. Появилась одышка при беге, упала результативность в силовых упражнениях. Только ближе к лету я смог полностью восстановить свои показатели до болезни.

Самое главное, у меня изменился голос. Я не очень разбираюсь в голосах, но до ангины у меня был вполне звонкий альт. А вот после болезни — тенор с хрипотцой. Ну, я так сам для себя определил. Надо будет у учительницы пения проконсультироваться.

Жизнь и учёба потекла размеренной рекой, иногда прерываемой на небольшие плотины и пороги ссор, неурядиц и просто плохого настроения. Которое возникало само собой и без видимых причин. Я старался этого не допускать и гнать всякий негатив от себя подальше, виня в его проявлениях переходный возраст.

В начале марта, наши седьмые классы сводили в кинотеатр на фильм «Плюмбум, или Опасная игра»***. А после, на классных часах, затеяли выяснять, кто и что понял после его просмотра. Но класс молчал почти на все вопросы. Как партизаны на допросе. Лично я много чего мог сказать по этому фильму, но благоразумно промолчал.

Зато передачи западного радио о массовых молодежных беспорядках в Москве слушал с громадным удивлением. Я ничего про это не знал. Может это другой мир, а не мой? Особенно поразили рассказы о драке свыше трех тысяч подростков из группировок «Люберы»**** и «Металлисты» на Крымском мосту. Несколько сотен человек были скинуты с моста на лёд Москва-реки.

Абсолютно внезапно накрылся медным тазом наш летний поход, которого ждали уже

обе команды, старшая и младшая. Вера Павловна, старшая пионервожатая и комсорг дворца пионеров, а заодно, по совместительству, и жена Владимира Владимировича, нашего тренера — оказалась беременной. И в мае собиралась уйти в декретный отпуск. А второго руководителя для похода мы так и не нашли.

Ростовский областной СЮТур***** отменил проведение отдельных соревнований по самонаведению на областном турслёте и нам пришлось в срочном порядке менять подготовку вспоминая старую технику.

Да и я как-то охладел к этим туристическим занятиям. Раньше хотелось в горы, в настоящие горы с ледовыми шапками и скальными стенками. В местные горные клубы меня не взяли. И пришлось мутить свою тему с надеждой попасть хотя бы в Домбай или на худой конец в Мезмай. Но оказалось, что всё не так просто в пешем туризме. Сложные маршруты, можно брать, только сходя в пешеходные походы начального уровня.

В последнем нашем походе, найдя подходящую скальную стенку, попробовал вспомнить всё, что умел раньше. И у меня ничего не получилось. Нет, забраться-то я забрался, но как краб, медленно и печально. Оно и понятно, это тело ничего не умело, его не тренировали на скалодромах.

Уходить из секции я конечно не планировал, это было бы не честно по отношению ко всей команде. Но запал пропал. Может что-то во мне сломалось после болезни, а может это происки того самого переходного возраста...

Четырнадцатилетие Ольки припадало на среду, так что празднование дняхи она перенесла на воскресенье, на день космонавтики. Собралась вся старая компашка, плюс Артём Кушнир, пацан из нашей туристической секции. Его предкам дали квартиру в новой девятиэтажке, а он сам оказался в нашем классе.

Предки Сидоровой свалили на дачу, чтобы не мешать нашему веселью. Папа Оли, Александр Фадеевич, был вполне себе крупной шишкой в городских масштабах, директором треста зеленого хозяйства.***** А её мама, Анастасия Семеновна, работала в том же тресте главным бухгалтером. Отсюда и их трехкомнатная квартира, жигули первой модели, дача и домашний достаток.

Надарили имениннице всякой всячины. Я подарил оригинальный венгерский «Кубик Рубика».***** Поели, поплясали, потом опять поели. Ну и разбрелись по домам, а я остался помогать мыть посуду.

— Жень? А ты целоваться умеешь? — внезапно спросила Оля, подкравшись ко мне со спины, когда я мыл хрустальную салатницу.

От такого вопроса чуть не кокнул её об мойку. Салатницу естественно, а не именинницу. Выключил воду, вытер руки и повернувшись к девчонке, признался:

— Умею. А что?

— А откуда умеешь? Ты с кем-то уже целовался? — как то холодно поинтересовалась Сидорова и злобно прищурилась.

— Читал инструкцию. В журнале «Здоровье», — решил я всё свести к шутке.

— Пф, — фыркнула она. — Лисин, я тебя серьезно спрашиваю.

Я привстал на цыпочки и обхватив руками голову ничего подобного не ожидавшей девчонки, впился своими губами в её.

— Ммм, — замычала Сидорова секунд через пять после начала моего нападения.

Оттолкнула меня с силой, отчего я чувствительно приложился спиной о мойку, в которой жалобно звякнула посуда, и гневно прошипела:

— Ты чего творишь, полоумный?

— Доказываю что умею. Ты же этого хотела? — и потёр рукой ноющую спину. — Или специально спровоцировала, чтобы меня покалечить?

— Ой. Извини. Я не хотела. Ты сам виноват. Дай посмотрю.

— Посмотреть чего? — насторожился я.

— Ну спину твою, — и силой развернула меня к себе спиной, нагло попыталась задрать мою рубашку и майку, выдернув их из джинсов.

— Сидорова, ты чего? Сначала целоваться хочешь, а потом раздевать пытаешься? — я вырвался из её цепких лапок и попытался дистанцироваться от неё, что в габаритах советской кухни было практически невозможно сделать.

— Ой, — она мило покраснела и принялась теревить кухонный фартук, явно не зная куда деть руки от смущения.

— Ты меня травмировала, с тебя компенсация. Десятиминутный поцелуй в губы. — нагло заявил я, решив ковать железо, пока горячо.

— Да ты, — задохнулась от возмущения девочка. — Это слишком много, — и она еще сильнее покраснела.

— Ну, хорошо. Восемь минут. Но по инструкции журнала «Здоровье».

— Это как? — заинтересовалась Оля, явно согласная на восемь минут.

— Иди сюда, — я затащил её в уголок, подальше от окна и поближе к перевернутому железному тазику, на который и забрался, чтобы компенсировать разницу в росте.

Притянул к себе чуть сопротивляющуюся Олю и впился ей в губы. Второй поцелуй продлился чуть дольше первого. Меня опять отпихнули и, отплевываясь, с возмущением выдали новую претензию:

— Ты зачем мне в рот свой язык суёшь.

— Согласно инструкции, ты свой тоже должна мне совать, и мы должны их переплестать. Ты обещала, — укорил я её, хотя она и не обещала.

— Ну ладно, давай попробуем, — как-то подозрительно быстро сдалась девушка.

Третий поцелуй был дольше первых двух и более, скажем так, совершенным. Но секунд через тридцать, я опять был оторван от её губ с заявлением:

— Подожди. Сейчас отдышусь.

— Ты что? Не дышишь? Задерживаешь дыхание?

— Ну да. А как иначе-то? — удивилась она.

— Дыши через нос. Ясно?

— Я попробую.

В четвёртый раз у нас получилось более уверенно и продолжительно. Олька старательно дышала через нос, щекоча своим дыханием мои щеки. Ей, как впрочем и мне, явно нравился этот процесс. Но тут я решился на более наглое и переместил свои ладони с её спины на её грудь, и слегка сжал.

Сидорова отстранилась от меня, посмотрела на мои руки продолжавшие удерживать её грудь, после чего посмотрела мне прямо в глаза и сказала холодным тоном:

— Лисин, если ты опустишь свои руки ниже, мы перестанем быть друзьями. Ты меня понял?

В ответ я молча кивнул, и мы продолжили целоваться. Так увлеклись, что чуть не спалились перед её предками, вернувшись с дачи. Может они о чём-то и догадались, но виду не подали.

Пертуссин* — отхаркивающий сиропообразный препарат, основанный на компонентах природного и синтетического происхождения. Средство применяется для лечения кашля у взрослых и детей.

«Вкусвилл»** — российская розничная сеть супермаркетов и собственная торговая марка продуктов, позиционируемых как «продукты для здорового питания».

«Плюмбум, или Опасная игра»*** — советский художественный фильм-драма 1986 года. Один из первых «перестроечных» фильмов. Режиссёр — Вадим Абдрашитов.

«Люберь»**** — молодёжное движение, возникшее в городе Люберцы Московской области в конце 1970-х годов и существовавшее до начала 1990-х годов. Название произошло от города Люберцы в Московской области, где зародилось движение. Люберы занимались культуризмом в подвалах («качалках»), рукопашным боем, боксом, плаванием, бегом, прыжками и другими видами спорта. Активно пропагандировали здоровый образ жизни. Враждовали с неформалами: хиппи, панками, металлистами и т. п.

СЮТур***** — станция юных туристов.

Трест зеленого хозяйства***** — городская служба озеленения и благоустройства. Чаще всего работала на хозрасчётной основе. Имела собственные цветники для продажи цветов населению и питомники по выращиванию саженцев.

«Кубик Рубика» — механическая головоломка, изобретённая в 1974 году (и запатентованная в 1975 году) венгерским скульптором и преподавателем архитектуры Эрнё Рубиком.

На днюхи мы с бабулей обменялись неравнозначными подарками. Если бабушке от меня достался «рефлектор Минина», в простонародье — синяя лампа. То мне от неё достался крайне дорогой и дефицитный подарок — телевизионная игровая приставка «Электроника Видео-Спорт-3».

С девятью встроенными играми: две разновидности футбола, теннис, лапта, стенка, и четыре вида стрельбы по мишеням. В комплекте было два странных джойстика и электронный пистолет. Хоть приставка и стоила всего 115 рублей, но достать её было практически невозможно. Уж не знаю где её бабушка и раздобыла.

— Спасибо, ба, — я обнял её и только сейчас обратил внимание, что мы с ней уже одного роста. — Ты где урвала такую прикольную вещь?

— На здоровье Женька. В ветеранском отделе универса продавали. Никто брать не хотел. Дорого и непонятно что это. А я сразу, как увидела, поняла, что тебе понравится.

К слову сказать, остальные гости подарили книжки, ну, за исключением Сидоровой. Олька подарила прикольные солнцезащитные очки. Сначала подумал, что импортные. Но оказались наши, белорусские, со странным названием — «Лес». Кроме очков, она меня еще и поцеловала, в губы, при всех.

А на следующий день, Вера Павловна, приняла от меня с Олей заявления о вступлении в комсомол. Не знаю кто писал рекомендации Сидоровой, но мне написал наш фотограф-бонист, который к моему удивлению оказался членом КПСС. Через неделю после собеседования в райкоме комсомола мы с Олькой уже получили на руки комсомольские билеты и значки.

До ухода в декрет Вера Павловна успела принять в комсомол почти всех членов нашей старшей туристической команды. Только двое девчонок пролетели мимо из-за того что родились в июле и августе.

На школьном последнем звонке на нас с подругой попыталась наехать классуха за отсутствие пионерских галстуков. Но после того как мы предъявили ей наши комсомольские билеты, от нас отстали. Наши документы опять, как в прошлый раз с моим удостоверением из дворца пионеров, пошли по рукам одноклассников. Хорошо что я и на них сделал пластиковые чехлы.

Турслёт опять разочаровал и повеселил одновременно. Во-первых, мы выставили сразу две команды. В правилах проведения соревнования не было пункта ограничивающего количество команд от образовательного учреждения. И хоть споров особых не было, но на это ругались многие.

Во-вторых, мы проиграли. Заняли второе место. Одиннадцатая школа обошла нас буквально на пару баллов. И поход у них был. Пусть и не серьёзный, краеведческий, но он тоже шёл в зачёт. А, значит, это они, а не мы в этом году едут на областной турслёт. Зато наша младшая команда, заняла третье место. Если они с таким же упорством будут тренироваться и дальше, то в следующем году могут обойти и нас. Что я и высказал своей команде.

Учебный год для меня закончился на отлично по всем предметам кроме черчения. С учителем этого предмета у нас случился конфликт в третьей четверти. Мы как раз проходили сечения и он за технический рисунок поставил мне тройку, аргументируя это

тем, что я сделал штриховку не под углом в сорок пять градусов. Мои аргументы и измерения транспортиром он проигнорировал и заявил, что у него — «глаз алмаз». Пришлось идти разбираться к администрации школы.

Наш старый завуч, Краснопольский Георгий Алексеевич, ушел на пенсию, а вместо него заместителем директора по учебной части назначили одну из многочисленных русисток. Выслушав мою жалобу, она пожала плечами и заявила, что учитель всегда прав. Пришлось идти к директору. Та, зная мой характер и помня как ей досталось её директорское кресло, инициировала разбирательство.

Был приглашён из городского отдела образования методист по черчению и преподаватель начертательной геометрии из индустриального техникума. Всё разбирательство свелось к измерению наклона линий штриховки транспортиром. После чего нашему чертёжнику вклеили выговор без занесения в трудовую книжку и исправили мне оценку.

Тем не менее, он как и где мог, старался занижить мне оценки. В основном за устные ответы, правильность которых или неправильность можно было подтвердить, только при записи на магнитофон, например. Одно время, у меня даже такая мысль была, но как-то не сложилось. Да и снижал он до четверки. Так что в дневнике у меня красовалась одна единственная четвёрка.

В первых числах июня, когда я вовсю уже проходил школьную отработку, бабуле внезапно выделили «горящую путёвку» в санаторий в Железноводск. На целых три недели.

— Женька, точно к тетке в Ростов не поедешь? — спросила она у меня за сутки до своего отправления на курорт.

— Не, ба. Я уже и не помню как её зовут. Прожил же один, когда ты в Таганроге была и сейчас справлюсь, — отказался я от её предложения в очередной раз.

— Ну, смотри. Ты, главное, никуда не лезь, ни с кем не связывайся, лучше всего будь дома, а то залезут к нам аспиды, — инструктировала она меня по уже десятому наверное кругу за пару последних дней. — Двери запирай на все замки когда уходишь и окна закрывай. И газ с водой проверяй.

— Я понял, понял, хватит уже. Я запомнил всё. Ты лучше побольше денег с собой возьми, а то вдруг там дополнительные услуги есть или пирожные вкусные, — попытался я перевести разговор на другую тему.

— Ты думаешь? А ведь и правда. Возьму еще пятьдесят рублей.

— Возьми и те, что мне оставила. У меня есть. А приехать и привезти тебе, я не смогу, слишком далеко.

— Точно есть? Ну, хорошо, уговорил. Неси. Помнишь куда я их положила?

Ну еще бы не помнить. Запихнула в хлебницу, с заявлением, что грабители их здесь не найдут. Весь последний день перед своим отъездом, она мотала мне нервы постоянным инструктажем. И лишь проводив её до автовокзала, откуда отправлялась их небольшая группа, вздохнул с облегчением.

И первым делом, дойдя до своего дома, залез на крышу. Как в первый год своего сюда попадания. Благо замок на чердачном люке уже сломали. Припекало на крыше не по-детски. А присесть в тенёк чердачного колодца уже не тянуло. Раньше меня здесь никто не видел, а теперь вся наша крыша находилась под обзором с окон построенной рядом многоэтажки. Так что постоял немного, повспоминал первый день попадания и поспешил домой. Беречь его от всяких аспидов, согласно инструкции бабули.

Тем более, что дел было, и вправду, невпроворот. Я затеял, немного-немало, небольшой ремонт. Ну, это как посмотреть. Своими силами и с привлечением моей банды поклеить обои в коридоре. И найти мастера-плиточника для укладки плитки на кухне.

Непростое это дело, найти хорошего мастера, да еще согласного получать оплату от четырнадцатилетнего подростка. Двое мужиков, которых посоветовал фотограф-бонист, просто отказались иметь со мной дело, когда озвучил, что заказчик — это я.

И только один дед, Ефим Олегович, которого нашёл мой торговый партнёр с рынка, дядя Боря, согласился прийти и оценить фронт работ.

Пришёл, выслушал меня и мои хотелки и стал что-то считать в своём блокноте. Потом мерил матерчатым метром и опять считал. И так около получаса.

— Значит так, парень, — наконец изрек он, закончив свои подсчёты. — Восемьсот рублей за материалы и четыреста за работу.

— Охренеть, — вырвалось у меня. — Извините.

— Ничего, многие так реагируют. Но это я насчитал по твоим хотелкам. Если класть не от потолка до пола и не по всей правой стороне кухни, а сделать только фартук, то будет намного дешевле. Ты же сам понимаешь? Хотя откуда тебе это знать! Мне надо всю эту краску со стены убрать, потом её выровнять и только потом класть. Есть еще один нюанс, у меня нет столько белой плитки.

— И что делать?

— У меня есть праздничная плитка. Новогодняя и революционная. Если сделать три пояса, снизу, посередине и сверху, то как раз хватит.

— А что это за праздничные? — заинтересовался я. — У вас образца нет?

— Нет. Недодумался взять. Новогодние — там снеговик с зайцем. А революционные — Аврора и Ленин.

Мать вашу. Это же на что у меня кухня будет похожа? На музей новогодней революции? С другой стороны, плитка дефицит, особенно в таких количествах. Блин, и цена конская, я-то рассчитывал всего рублей на триста-четыре, ну, водки если надо, а тут два мотоцикла с колясками.

Но нет. Мало ли кто и как возбудится на вождя и символ революции на кухне. Может и сама бабуля взбрыкнёт или кто из её многочисленных друзей и подружек. Мне только идеологического срача для полного счастья не хватает...

— А можно только новогоднюю пустить? Без революционной. Хватит её тогда?

— Да как скажешь. Если решился делать, то гони задаток пятьсот рублей и реши вопрос с газовщиками. Надо будет отключить и снять колонку и отодвинуть плиту.

— Ну. Это меньшая из проблем. У меня в соседях половина горгаза.

В общем, согласился я на разбавление простой плитки новогодней и отдал деду деньги. И он не подвел. За неделю выложил, любо-дорого посмотреть. Соседи-газовщики тоже не подвели. С этими рассчитался водкой, которой у меня скопилось уже несколько бутылок, а бабуля на неё почему-то не покушалась.

В последнюю неделю бабулиного лечения я с Лубенцами и соседом Жмуром поклеил обои в коридоре. Заодно поменял старую электрофурнитуру на привезенную из Питера, финскую. Расплачивался я с пацанами на этот раз не вкусняшками, а игрой на приставке. Они как узнали про такое чудо-юдо, так их стало никакими силами не оттащить от игр. Даже подрались из-за очередности.

Бабуля была в шоке, когда оценила масштаб изменений в квартире. И ей тоже

загорелось что-нибудь в квартире поулучшать или отремонтировать. Но так как она не только умудрилась спустить все деньги на курорте, но и еще влезть в долги, которые и отдала с наших пенсий, то что-то делать она решила на мои деньги. Пришлось её обломать, сказав, что всё потратил на плитку и плиточника.

А планы у неё были устрашающие. Какие-то знакомые предложили ей синий линолеум, и ей загорелось положить его на наши полы.

— Женька! Да хороший линолеум. Как в больнице, — пыталась она меня убедить, подозревая что я, в силу своего куркульства*, не все деньги спустил на ремонт.

— Во-во. Как в больнице. Видел я этот линолеум. Он трескается и узкий. Его надо сшивать между собой. Хочешь ходить и спотыкаться о жестяные полоски? Хрень получится полная.

— Это что за словечки? Нельзя тебя одного оставлять, сразу гадостей на язык свой нахватаешься.

— Ну, извини, ба. Но, правда, некрасиво получится. Как в казенном учреждении или как в морге, — при моих словах старушку аж передёрнуло от этого сравнения.

— Вот режешь ты мою инициативу на корню, засранец. Я хотела что-нибудь такое, ого-го, для нашей квартиры сделать. А ты сразу про морг, — и она погрозила мне своим кулачком.

— Ну так покрась рамы и батареи. Да и полы можно будет покрасить на кухне, в коридоре и в твоей комнате.

— А в твоей, что, не надо? — удивилась она.

— В своей, я хочу по-своему покрасить, сам, — не говорить же ей, что боюсь, что она наткнется на мои тайники.

А через неделю узнал, что эта неугомонная старушка достала для меня путёвку в пионерлагерь на Чёрное море. Вернее, в путевке было указано, что это оздоровительный комплекс «Зарница», от нашего азовского оптико-механического завода.

Это тот лагерь, в который в прошлом году ездила Сидорова. Вот к ней и пошёл выяснять подробности жития-бытия в нём.

Олька узнав, что я уезжаю, насела, видимо, на предков и те ей тоже достали путёвку. Но, хитрюга этакая, промолчала об этом до момента отправления. И только столкнувшись со мной на железнодорожном вокзале, со смехом поведала о том, что тоже едет. Посмеялся с ней вместе. Я только за.

И вообще, среди едущих в лагерь оказалось очень много знакомых парней и девчонок. С нашей школы, с секций и кружков дворца пионеров и даже четверо мелких из нашей младшей туристической команды. Которые, найдя нас с Олей в этом людском водовороте, веселыми мячиками заскакали вокруг нас, радуясь нам и делясь с нами своей радостью.

Оказывается, этот лагерь находится рядом с пионерлагерем «Ли́ра», в котором я отдыхал летом 1978 года в моей прошлой жизни. И в котором из-за шторма, убило пацана из Ленинграда осколком стекла. Надо будет как-нибудь туда выбраться, посмотреть, сохранились ли мои инициалы, которые я вырезал на одном громадном дубе.

«Зарница» мне понравилась. Современные корпуса, с новой мебелью и удобствами на этаже. Большая и красивая столовая, актовъй зал, он же кинотеатр, и даже отделение почты, откуда я сразу и отправил телеграмму бабуле — «доехали хорошо тчк целую Женя».

До моря, правда, идти минут десять. Но по удобным дорожкам и через подземный переход. А не как мы в «Лире», через трассу и санаторий «Голубая дача» для

туберкулёзников. Всё это нам показали, сводив на море вечером в день приезда. Пляж, правда, маленький и из крупной гальки. Купаться можно только между двумя волнорезами, не заплывая за натянутую ограничительную сетку. Глубины начинаются почти сразу, поэтому за нашим бултыханием наблюдают спасатели как с берега, так и с лодки.

После ужина, на торжественной линейке, подняли флаг смены. Администрация толкнула несколько речей, желая нам хорошего отдыха и призывая к дисциплине и порядку. Мы все им дружно похлопали в ладоши. И отправились жечь пионерский костёр.

А потом, на дискотеке, мы с Олей отождгли. Нет, не во время медляков, хотя народ и плялился на наш слишком близкий и тесный танец, но никто из взрослых с замечаниями не полез. А вот когда поставили хит этого года, группу Мираж**, мы всех и удивили нашим шаффлом.***

Ночь

Закрыла прошлого листы.

Одни мы в мире — я и ты,

В руке твоей моя рука.

Шанс

Тебе даётся только раз.

Нам мир всё лучшее отдаст,

Что берегли для нас века.

К нам протолкались наша туристическая мелочь и тоже включилась в танец. За год и они выучили несколько связок и шагов. Через минуту к нашим прыжкам присоединились и трое девчонок из параллельных классов нашей школы. Пусть они и не всегда в такт выполняли повороты, но танцевать в нашем стиле девчата учились на школьных дискотеках вместе с нами.

Народ вокруг раздался в разные стороны, образовывая свободное место, и с недоумением смотрел за нашими скаканиями. Но уже на вторую песню этой же группы стал хлопать в ладоши в такт наших движений, а кое-кто, даже пытался присоединиться.

Летний день унёс с собой

Мои силы и мой покой,

И спускается тишина,

Я одна.

В лунном свете уснул паркет,

Только мне сна сегодня нет,

И молчанье холодных стен,

Словно плен.

Жалко что их песня «Солнечный зайчик» появится только в нулевых. Вот она очень заводная. Но и так неплохо потанцевали.

Проснувшись около шести часов в первое же утро, я решил на авантюру. Совместить свой бег, зарядку и Чёрное море. Сменил трусы на плавки, сверху натянул шорты, вбил ноги в кеды, а на шею повесил полотенце и, аккуратно форсировав ограждение лоджии на первом этаже, где поселили наш третий отряд, побежал на море.

Край непуганных идиотов, центральная калитка не заперта, сторожей нет. Добежал до пляжа, понырлял и наплавался в своё удовольствие, выполнил свой спортивный разминочный комплекс и спокойно, к семи часам, вернулся в свою комнату. Видевший меня взрослый, то ли сторож, то ли спасатель, даже не сделал попытки подойти поинтересоваться, кто я. Или,

априори, записал меня в местные или ему и так всё было по барабану.

Дальше все так и пошло. Одним словом, отдыхал. Благо, поручениями в лагере особо не напрягали. Пару раз только съездили на сбор персиков в горы, где мы их и объелись. Возили несколько раз на экскурсии: в Мамедово ущелье и в Волконскую щель, к цельномонолитному дольмену и сероводородному источнику.

На сероводородном источнике я опять многих удивил. Все издали посмотрели на этот вонючий ручеек, пробивающийся из скалы. А я, подойдя вплотную, набрал полный картонный стаканчик из-под фруктового мороженного и выпил. А затем повторил. Соскучился. Давно не пил этой живительной воды. Последний раз, в прошлой жизни, в Швейцарии, в кантоне Аргау на источнике Шинцнах-Баде. На вкус, вода немного отличалась, но, в целом, очень бодрила.

А еще нам крутили фильмы через день, чередуя их с дискотеками. Особенно понравился фильм «Бесконечная история». Одноименную книгу Михаэля Энде я читал, а фильм не видел. Да и никто из смотревших фильм не остался равнодушен к приключениям Атрейю и дракона удачи Фалькора.

В общем, вроде бы вчера только приехали в пионерлагерь, а время так быстро пролетело, что оказывается завтра нужно уже уезжать домой. А я так и не успел побывать в Лире и посмотреть на свой автограф на дубе.

Куркуль* — зажиточный человек, богатый, жадный, скопидом.

«Звёзды нас ждут»** — дебютный студийный альбом советской музыкальной группы «Мираж». Был записан в конце 1986 года и выпущен на магнитной ленте в 1987 году.

Шаффл (Melbourne shuffle)*** — это стиль танца, который появился в конце 80-х годов в Австралии. Иногда этот танец называют «Hard dance».

Черноглазая казачка
Подковала мне коня.
Серебро с меня спросила,
Труд недорого ценя.
Как зовут тебя, молодка?
А молодка говорит:
Имя ты мое услышишь
Из под топота копыт.

Напевал в полный голос я, убираясь в своей комнате. Совсем оказавшись здесь. Во время еженедельных уборок сначала бабуля пела и понукала меня подпевать, а затем и я во вкус как-то незаметно вошёл. И мы с ней, вытирая пыль, моя полы или подоконники, голосили на два голоса:

Я по улице поехал,
По дороге поскакал.
По тропинке между бурых,
Между серых, между скал.
Маша, Зина, Даша, Нина?
Все как будто не она.
Катя, Катя высекают
Мне подковы скакуна.

Бабуля даже пыталась меня затащить на репетицию своего хора, а когда не получилось, осознавая, что я не буду петь с ними, старпёрами, то начала рекламировать мне ансамбль песни и пляски «Донские казаки». До сих пор пытается меня вовлечь в фольклорное казачество. Ничего, тут немного времени осталось и до появления ряженных. Вот тогда сами от них будете отплёвываться.

У нас в Питере вообще до фарса дело дойдёт. Когда не пойми кто, потомки каких-то местных оседлых казаков создали «Невскую станицу» и «Балтийское казачье войско», а возглавил их якобы потомственный донской казак, генерал-лейтенант милиции Комаров. Как позже писали в бесплатном казачьем листке, который в начале девяностых кидали во все почтовые ящики города — атаман питерских казаков всю свою сознательную жизнь боролся против советской власти и коммунистического режима.

По приезду из пионерлагеря оказалось, что я опять подросток. Не критически, но кое-какие вещи пришлось докупать. И опять на свои деньги. Так как бабуля спустила свою пенсию на краску и с подружками покрасила ярко-красной комбайновой краской все полы в квартире. Даже у меня в комнате, хотя я и просил этого не делать.

Жить же предстояло на мою пенсию и опять-таки на мои левые заработки. Хотя откуда правым взяться? Кубышка с накоплениями уже всю начала показывать дно, и мы даже с бабулей малость поцапались на денежном фронте, когда она пришла просить у меня денег на какую-то фигню. Приучил на свою голову её к тому, что у меня всегда есть денежка. Нехорошая тенденция. В прошлом году у неё тоже денег не было после её фортификационных мероприятий. И тогда тоже на мои жили.

— Не дам и не проси! Вот зачем ты забросила швейное дело? Сейчас бы свои деньги

имела...

— Вот ты жлоб, внучек. Вырастила куркуля на свою голову. Да не несут мне заказы на перешивку. Я бы с удовольствием на машинке работала.

— Хочешь работать? Давай я тебе буду заказывать и платить!

— Что это ты удумал, охламон? Хочешь меня унижить, платя за заказы на свои шмотки? Да я тебя, — и она потрясла своими кулачками в мою сторону, тем не менее не делая попыток пустить их в ход.

— Не. Ты опять меня не поняла. Я про другое.

— Да как же тебя понять? Пургу всякую несёшь, — и где слов таких только набралась?

— Сшей десяток трусов, как ты на меня шьёшь. Я их на рынке пристрою. Половина от дохода — твоя.

— Почему половина? И почему ты думаешь, что будут брать эти странные твои трусы?

— Потому что знаю. И, кроме трусов, многое сейчас можно продать. Сумки шей. У тебя брезента до фига, я выкройку тебе нарисую. Тоже будет очень ходовой товар. Рюкзаки, как у меня, влёт уйдут и задорого.

— Ну, нарисуй, попробую. Сомневаюсь я только. А вот рюкзак один, сегодня же начну делать. За сколько ты у меня его выкупишь?

— Пять рублей.

— Всего? А чего так мало?

— Там твои только брезент, нитки и работа. Молнии, фурнитуру и поролон я достаю. Так что нормальная цена.

— Тогда два сделаю. Но десятку сразу гони. Предоплатой.

Тьфу, всё-таки выдурила деньги. Ну пусть ей. Лишь бы занята была. Да и правда, зарабатывает. Про мой школьный рюкзак многие интересовались — где купить? Да и сумки на рынке дефицит, вмиг разлетятся если цену не ломить. А туда попозже и сумки-баулы, типа — «мечта оккупанта», можно будет из клеёнки начать шить. Насчёт трусов-боксёров я был не уверен, но попытка — не пытка.

Первые школьные рюкзаки я вполне спокойно продал даже не на рынке, а во дворце пионеров. Вмиг по двадцать рублей ушли и ещё человек пять в очередь выстроились. Так что бабуля теперь почти целые дни на машинке строчит, не отвлекаясь на всякую фигню и не доставая меня по пустякам.

Нам в этом году от дворца пионеров достались только грамоты и ценные подарки в виде электрических фонариков под квадратную батарейку. Зимние поездки на этот раз перепали боксёрам и авиамоделистам.

А вот мне, как капитану команды, вручили индивидуальный подарок — наручные часы. «Ракета-школьные», производства часового завода в Петродворце. Красивые, в синем корпусе и с циферблатом, стилизованным под тетрадный лист в линейку. На моих старых часах, швейцарских Kenwell, уже совсем затёрлось стекло и я был искренне рад новым часам.

Наш класс только на первосентябрьской линейке осознал, что мы уже старшекласники — восьмой класс. Для многих уже и последний в школе. Так что стояли мои одноклассники тихо и как-то пришибленно. Зато на классном часе бурлили и шумели.

Во-первых, классуха разрешила нам самим выбрать места за партами и кому с кем сидеть. Страсти кипели нешуточные. Даже мне пришлось повоевать за нашу с Сидоровой «камчатку».* К нам в класс пришёл второгодник, Лёха Скворцов. Скворца знали все в нашей

школе и окружающих дворах. Это был парень с отклонениями в развитии. Как сказали бы в моём прошлом времени — ребёнок седьмого вида.**

Почему он учился в общеобразовательной, а не в коррекционной школе номер восемь, оставалась для всех загадкой. Точно такой же, почему учителя не смогли его выпустить со школы с тройками или отчислить по неуспеваемости. Видимо, имелись у него какие-то высокопоставленные покровители.

И да, он был знаменит не своей тормозностью и прибабахами, а своей физической силой и ростом под два метра. И довольно вспыльчивым характером.

Вот это чудо и обнаружилось мной на наших с Олей местах. Вернее, на моём месте. Даже если бы я уступил, то Сидорова бы точно не осталась сидеть вместе с ним. Да и я не собирался уступать.

— Лёша, привет, — начал я процесс переговоров с вполне мирного тона и дождавшись, когда этот Илья Муромец на минималках обратит на меня внимание, продолжил. — Лёш, это моё место, я здесь сижу.

— Хорошо, — и Скворец просто пересел на второй стул, заняв теперь место Сидоровой. — Садись рядом, — и радостно похлопал по освобождённому им стулу.

— Не, Лёха, — я покачал головой. — Мы здесь вместе с Сидоровой сидим, пойдя себе другое место найди.

— Здесь окно, мне тут нравится, — набычился парень и добавил. — Я в прошлом классе здесь сидел.

Проблема однако. И как её решать? Я растерянно посмотрел на Сидорову.

— Чего? — она мотнула головой. — Не справился? Давай я попробую?

Уступил ей место переговоров. Скворцов с интересом наблюдал за нашей рокировкой. Оля, заняв мое место напротив Лёхи, вдруг поманила того пальцем и когда он доверчиво наклонил вперёд к ней голову, склонилась к его голове и что-то зашептала ему на ухо. Парень сначала побледнел, потом столь же стремительно покраснел и, не говоря ни слова, с трудом выбравшись из-за нашей парты, перешёл в соседний ряд и плюхнулся на место одного из Лубенцов.

— И что ты ему такое сказала? — поинтересовался я.

— Тайна. Извини, не скажу, — ответила девчонка и отрицательно покачала головой.

Ну и хорошо, ну и счастье. Главное, что мы наши места отстояли, а какими методами, мне всё равно. Хоть и интересно все же.

Во-вторых, в этом году нам не выдали бесплатных билетов в парк, что довольно сильно возмутило общественность. А самое главное, нас огорошили новостью, что мы, все восьмые классы теперь будем учиться во вторую смену. Во счастье привалило. Это же кто додумался выпускников, да во вторую смену? Об этом я и спросил нашу классуху.

— А что тебя не устраивает, Лисин? — удивилась моему вопросу Изабелла Агасимовна.

— Так, я не за себя волнуюсь. А за одноклассников. Успеваемость у нас снизится и толку от факультативов не будет.

— С чего это ты взял? Ты думаешь, в администрации школы глупей тебя сидят?

— Нет, — я окинул взглядом притихших одноклассников, которые развернулись ко мне. — Вот как пример, мы раньше всегда занимались в первую смену. После уроков приходили домой и делали домашку, а потом гуляли до вечера. Сейчас перед нами будет стоять выбор, пойти гулять или делать домашнее задание. И многие выберут гулянья вечером, так как утром не с кем гулять или с мелкими в войнушки и прятки играть. — По

классу прокатилась волна смеха. — Сначала всё будет нормально, так как все привыкли вставать рано. А потом попривыкнут и многие будут спать до десяти или одиннадцати утра. Ну и домашку будут делать впопыхах и с ошибками...

— Ничего, вы уже взрослые, привыкнете к изменению расписания, — прервала меня классный руководитель.

— Уверен, что привыкнем. Но ведь будут ещё и факультативы. И вряд ли учителя согласятся их вести поздно вечером, дожидаясь окончания наших уроков. А значит, будут их назначать нулевыми или в доступные им дневные окна.*** А это ещё больше урежет наше утреннее время на домашку. Так что вангую, что успеваемость к концу второй четверти в восьмых классах просядет.

— Ван? Что ты делаешь? — переспросила англичанка.

Упс. Вроде давно уже отучил себя от слов-паразитов из будущего, а ты же смотри, вылазят.

— Предсказываю, — поправился я.

— Ладно, садись, предсказатель. Поживём, увидим.

А на следующий день я узнал, что Вера Павловна, жена нашего туристического руководителя, Владимира Владимировича, родила. Причём, двойню. И почти до декабря мне пришлось вести занятия в обеих наших командах, так как тренеру резко стало нехватать времени. Как будто у меня его много!

И постоянно все стремились моё свободное время уменьшить. Дежурствами по школе, факультативами, которые, как я и предсказал, учителя проводили в первую смену. И даже на одной субботней дискотеке умудрились половину вечера совместить с выступлениями школьной самодеятельности, посвящённой празднованию 920-летия города Азова. Видимо, в пику празднованию в Москве 840-летия.

В сентябре же бабуле повысили пенсию на сорок процентов, а мне нет. И где справедливость? А заодно ввели талоны на сливочное масло, водку и вино. И если вино на полках винно-водочных отделов магазинов до введения талонов ещё было, то после исчезло, как и водка.

Весь октябрь и начало ноября школа и дворец пионеров готовились к 70-летнему юбилею Октябрьской революции. Рисовали плакаты, делали стенгазеты, разучивали песни и стихи к праздничным концертам. Почти все осенние каникулы мы и потратили на различные праздничные мероприятия. А на демонстрацию я не попал. Как одного из немногих комсомольцев восьмых классов, меня назначили в почётный караул к бюсту дедушки Ленина между двумя туалетами в школьной рекреации второго этажа.

В начале октября в город пришли морозы. И если во дворце пионеров отопление включили сразу после приказа директора, то в школах и домах тянули до официального начала отопительного сезона — 15 октября.

Хорошо, что я не брезговал брать за работу по электрике не только деньги и водку, но и различные ненужные народу инструменты и электробытовые приборы. Некоторые в нерабочем состоянии. После починки я их сбывал через своего перекупщика на колхозном рынке. А некоторые вещи оставлялись мной «на всякий случай».

Вот так у нас в одной из кладовок и примостились электрокамин «Рубин» и тепловентилятор «Луч». Камин отправился обогревать комнату бабули, а тепловентилятор работал в моей. Как выходили из этого положения остальные жильцы даже и не знаю. Но количество просьб о ремонте обогревательной техники в эти дни просто зашкаливало, что

окончательно съело всё мое свободное время.

Пятнадцатое припало на воскресенье, и котельную запустили только вечером шестнадцатого, и в дома пошло тепло. Везде и у всех стало тепло, кроме нашей квартиры и других квартир над нами. Сначала грешили на милицию, которая под нами в своём опорном пункте перепутала вентили. Но участковый, делегированный бабулей проверить это, сказал что вентили и не трогали, так как на них нет рожков.

— Это всё Ирка, — вдруг заявила бабушка. — С пятого этажа. Воздух со стояков не спустила, а мы теперь здесь замерзаем. Сходи, внучек, напхни ей. А то она деревенская, может и не знает про это.

Пришлось идти. Звонил, стучал, ноль реакции. «Может она там померла от холода» — подумалось мне. Но в этот момент открылась дверь соседней квартиры, где проживала семья капитана-гаишника, и вышла его жена, тётя Галя.

— Здравствуйте, тётя Галь. А не знаете, баб Ира дома?

— Так нет её, Жень. В деревню уехала. В эту, свою, Гусарову Балку. А что? Случилось что-то?

— Она, похоже, воздух из батарей не спустила и мы теперь все замерзаем. Вот бабуля меня и направила напхни ей.

— Так она ключ мне оставила на всякий случай. Но я тебя одного не пущу. Приводи бабушку свою или еще кого из соседей.

Бабуля, быстро пробежавшись по соседям, собрала инициативную группу из таких же бабок, как и она. В качестве главной рабсилы, естественно, выбрали меня. Ну и не откладывая это дело в долгий ящик, двинули на пятый этаж. Тётя Галя конечно удивилась такой толпе, но без вопросов открыла нужную нам квартиру.

Начать я решил с зала, с самой большой комнаты. Плоскогубцами провернул «кран Маевского»**** и из него, зашипев, пошёл воздух. Минут пять шипел, а потом вместо него пошла грязная и холодная вода. Еле успел закрутить кран.

— Ну что? Всё, Жень? Вода пошла? — спросила у меня бабуля, которая в компании женщин перемывала кому-то косточки.

— Не так быстро, ба, надо воду спустить до появления тёплой. А то мало ли где-то еще пузырь воздуха висит, — терпеливо объяснил я ей. — Сейчас тару возьму. Будете воду в туалет носить сливать?

— Да. Конечно. Вынесем, — закивали и почти хором подтвердили женщины.

Тем временем, я продолжил спускать холодную воду, которая чередовалась с воздухом. Всё усугублял неудобный, маленький кран, который находился почти вплотную к стенке. Воду можно было набирать только в детское литровое пластиковое ведро, а затем переливать в нормальное большое, предварительно перекрывая кран плоскогубцами, чтобы не затопить соседей снизу. Одним словом — мазохизм. Хорошо хоть при наполнении большого ведра его тут же подхватывала одна из соседок и опорояняла в туалете.

Наконец, пошла теплая вода и я, перекрыв кран и проверив не подтекает ли он, перешёл на кухню. Здесь, видимо для еще больших мучений советских граждан, этот неудобный кран убрали под самый потолок и расположили вертикально. А значит сикать водой, он будет в бок, что усложняло и затягивало процесс спуска воздуха.

Слава МинЮгСтрою*****, что этот кран спускал воздух только с батареей ваннх комнат. И то, из-за извращенной системы спуска и моего пока еще недостаточного роста, провозиться пришлось прилично. В спальне, идентичной размерами с моей, потребовалось

времени столько же, сколько в зале.

Инициативная группа, возглавляемая бабулей, послушно следовало за мной и выполняла все мои просьбы о помощи. Не забывая болтать между собой на абсолютно разные темы. С их помощью закончил я уже часа через полтора. Даже не представляю, сколько здесь провозился бы один человек. В моё время, в квартире предков в Луге, я установил везде вместо неудобных кранов автоматические воздухоотводчики.***** Есть ли сейчас, в восьмидесятых подобные приспособы, я даже не знаю.

Зато хорошие холода опять позволили залить каток в наших дворах, и я совершенно случайно прикупил на рынке у барахольщиков черно-желтые чехословацкие коньки VOTAS. И теперь с удовольствием в них бегал или играл в хоккей с пацанами.

Этот Новый год мы с бабулей встречали вместе и в большой компании её друзей и подружек. Посидел вместе со всеми, поел салатов, попил лимонада. Посмотрел Новогодний Огонёк и послушал новогоднее обращение Горбачёва: про 70-летие Великого Октября, и про подписанный с Рейганом договор о сокращении вооружений. Мне даже полбокала шампанского налили от взрослых щедрот.

Ну и переместился в свою уютную спальню. По старой привычке хотел устроиться на подоконнике, но передумал. Он-то хоть и бетонный и меня выдержит, но я-то вырос, и уже неудобно на нём ютиться. Вставил в магнитофон кассету с новым сборником американской эстрады. Первой песней в списке шёл сингл Дорджа Майкла — «Вера» (Faith).

Я удовлетворенно кивнул, отрегулировал звук так, что бы он перекрывал шум из бабулиной комнаты и сам не мешал гостям. И плюхнулся на свою софу, чтобы через мгновение вскочить с неё на ноги, из-за сильного укола в бедро правой ноги.

— Бойся иголок в моей софе, — как наяву услышал я голос покойной Петровны, нашей бывшей соседки и подружки бабули.

Волосы на голове зашевелились от ужаса, по спине побежали толпы мурашек, и я в один момент вылетел из своей, недавно такой уютной комнаты.

Камчатка* — шутовское название задней парты или нескольких задних парт в классе.

Ребёнок седьмого вида** — дети с замедленным психологическим развитием (ЗПР)

Учительское окно*** — свободный от занятий учебный час в школьном расписании.

«Кран Маевского»**** — устройство для выпуска воздуха из радиаторов центрального водяного отопления. Для удаления воздуха из радиаторов часто применялись обычные водопроводные краны, но у потребителей (особенно не имеющих горячего водоснабжения) при этом возникает большой соблазн использовать их для разбора воды на бытовые нужды, что в закрытых системах теплоснабжения недопустимо. «Кран Маевского» сконструирован так, что открыть его без специальных инструментов сложно, а брать из него воду неудобно. Название «кран Маевского» является общеупотребительным, но не закреплено в ГОСТ или СНИП.

МинЮгСтрой***** — министерство строительства в южных регионах СССР (1986-1991).

Воздухоотводчик (Вантуз)***** — техническое устройство, клапан для автоматического удаления воздуха, скапливающегося в верхних точках водопроводных, отопительных и подобных систем.

Успокоившись и отдышавшись, я вернулся в свою комнату и, включив верхний свет, осмотрелся. Ничего необычного или подозрительного не наблюдалось, и я в первую очередь занялся собой. Осмотрел при помощи зеркальца прокол на ноге, крови была одна маленькая капелька. Достал пузырек со спиртом, ватку, протер место повреждения, после чего заклеил это место полоской пластыря.

И только после оказания себе первой медицинской помощи занялся осмотром своего спального места. Почти сразу нашёл иголку, пробившую покрывало и простынь. Снял постельное бельё и убедился в том, что из одной из шести диванных подушек торчит игла. Прощупал вокруг иглы какой-то предмет. Интересно, как он попал то туда? Или Петровна зашила что-то?

Осмотрел внимательно подушку и обратил внимание, что вдоль машинного шва, на одном из углов есть явно ручная штопка. Запер дверь в комнату на шпингалет, который я установил вертикально на нижней части двери для её фиксации во время уборок. Но как запор он тоже вполне работал, всего-то и нужно было заранее просверлить отверстие в полу в нужном месте. А то начнет кто ломиться ко мне, а я такой красивый, подушки потрошу, еще скорую вызовут...

Вспорол шов, и увидел, на первый взгляд, вполне себе целый поролон. И только сняв с подушки чехол почти на треть, заметил разрез из которого и торчала иголка. А под разрезом ниша с каким-то свертком из ткани, скрепленной несколькими английскими булавками. Вот одна из них и раскрылась, пропоров подушку, стала той самой иголкой, на которую я напоролся.

Намедни, на софе Лубенцы устраивали борьбу в ожидании своей очереди к приставке, на которой в тот момент рубились я и Жмур в теннис. Видимо это и спровоцировало раскрытие булавок. Ну, хоть какое-то рациональное объяснение, а не голая мистика.

Вытащил сверток и перенёс его на стол. Подушку привел в первоначальный вид, постель застелил. Завтра надо будет проверить остальные подушки на предмет закладок.

В свёртке оказался красный картонный футляр от духов «Красная Москва». Раскрыл его сбоку и аккуратно высыпал содержимое на столешницу. Первыми на стол вывалились две медали, а может два ордена. Ха. Вроде американские. Следующим оказался увесистый сверток из пожелтевшей бумаги. Развернул и присвистнул от удивления. Десять Николаевских полуимпериалов 1897 года, номиналом в семь рублей пятьдесят копеек и предположительно весом в шесть с половиной граммов золота. Спасибо за знания с той лекции, на которую я попал при поездке в Ленинград.

Последними из коробочки выпали лёгкий бумажный свёрток и бархатный мешочек чёрного цвета. Осторожно надорвал сверток, в котором обнаружилось что-то, похожее на купюры свернутые много раз. Аккуратно их развернул и обалдел. Четыре тысячных долларовых купюр 1934 года с президентом Кливлендом. Именно такие я видел в музее денег в Женеве. Мне тогда еще запомнилось, что эти купюры и в 21 веке действительны и ими можно рассчитывать, хотя из-за редкости и стоят намного больше своего номинала.

В бархатном мешочке оказались брюлики. С виду — ограненные бриллианты. Каждый камень где-то в половину карата или меньше. Насчитал одиннадцать камушков. Странное число, перепроверил мешочек и пересчитал заново, всё равно одиннадцать. Если брать цены

покинутого мной 2021го года, здесь что-то около пятидесяти тысяч евро. Прилично, однако. Хотя из меня очень фиговый ювелир, с тем же успехом это может быть простое стекло или горный хрусталь.

Полюбовавшись блеском камней, убрал их в мешочек, а то, не дай бог, на пол просыплю и всё, труба дело, фиг потом найдёшь. Вернулся к медалям. Бронзовый кругляш с китайской джонкой на аверсе и птичка на якоре на реверсе. Крепится колечком к ленточке золотого цвета с двумя красными полосками. На аверсе, так же присутствует надпись — China Service.* Ну, с этой понятно, за службу в Китае. Вторая медаль, бронзовый крест с пропеллером, явно что-то авиационное.**

Интересно, откуда они у Петровны? Может она шпионкой была? Надо будет спросить у бабули и предъявить найденные медали в коробочке. А остальное моё, мне в будущем пригодится.

Или всё-таки положить несколько золотых монеток? Для бабули. Надо подумать. А то жаба-то душит. Ладно, завтра проверю остальные подушки и потом уже решу что предъявлять бабушке.

На следующий день я не рискнул ничего показывать и рассказывать ей. Она и так, бедная, полдня похмельем мучилась. Зато я проверил остальные подушки и не нашёл никаких ручных штопок. Везде был прямой машинный шов. Ну и ладно, и так сверх меры на меня просыпалось, даже не знаю куда чего и девать. Хотя, если камни настоящие, да вместе с купюрами, вполне хорошо ложатся приятным, бонусным дополнением к моему секретному плану.

Золото я решил всё-таки поделить пополам. А то очень подозрительно получается. Золото с наградами смотрится куда правдоподобнее. Пустоту в коробке разбавлю ватой, в которую и замотаю монеты.

— Смотри, ба, что я нашёл в своей софе, — выложил я перед ней коробочку из-под духов во время завтрака, на третий день нового 1988 года.

— Духи что ли? — не поняла старая.

— Не, я спать ложился, а мне в ногу иголка воткнулась. Когда разобрался, оказалось, что это булавка из тайника. Наверное, Петровны, — наигранно предположил я.

— И что там? — лениво поинтересовалась бабуля.

— Две американские медали и золотые царские монеты. Может Петровна шпионкой была?

Не успел я договорить по шпионку, как коробочка была распотрошена, и на столе оказались награды и пять жёлтеньких монеток.

— Точно ничего больше не было? — недоверчиво прищурившись спросила бабушка. — Ничего себе не припрятал?

— Ну, — промямлил я, делая виноватое лицо. — Я хотел медали себе оставить.

— А монет не прихватил?

— Нет. Зачем мне они? Куда я золото дену? А и правда, а куда мы его денем? Государству сдадим как клад? Нам тогда положено двадцать пять процентов от стоимости, — и я мечтательно закатил глаза.

— Женька! Даже не вздумай кому сказать про монеты! Медали — на, себе заberi, — придвинула она ко мне награды. — А про золото забудь! Не находили мы его. Понял?!

— Понял. А зачем оно тебе?

— Мне мосты зубные чинить надо. Золотые поставлю. Тут как раз и на зубы, и за работу

хватит, — призналась в своих корыстных целях бабушка.

— А тебя, не того? Не загребут? Стоматологи не сдадут?

— Нет. Есть у меня знакомая, как раз протезированием занимается. Там всё нормально будет, главное ты не сболтни где...

— Я — молчок. Так откуда у Петровны американские награды-то? И золото?

— Рассказывала, что полюбовник у неё американский был, на той базе куда перегоняли самолёты. Даже предложение ей сделал. Чуть свадьбу не сыграли. Но его в тундре медведь белый задрал. Ну и вот, — она показала рукой на найденное. — И медальки, видать, его. А про золото ничего не знаю. Лучше пойдём к тебе, покажешь где был тайник.

Показал на свою голову. Бабуля целый день распарывала чехлы на подушках и проверяла на предмет других кладов, но нечего не нашла. И потом, почти до полуночи застрачивала ею уже распоротые швы.

.....

Во время каникул директор дворца пионеров объявила нам, что все восьмиклассники в турслёте участвовать не будут. Что-то там ОблОНО придумало и разослало циркуляры по области, якобы заботясь о нашей подготовке к экзаменам. Народ, конечно, расстроился, но продолжал ходить на тренировки и готовиться к летнему походу. Заодно и повышая мастерство младшей команды, устраивая мини-соревнования. Я попытался продавить горный поход в Архыз, но Владимир Владимирович пока не принял решения.

.....

В конце января нам установили телефон. Баба Тоня, оказывается, уже давно стояла в льготной очереди на получение номера. Но так как новые АТС не открывали, то очередь двигалась вперёд только при естественной убыли абонентов или ликвидации какой-либо организации.

Номер нам достался прикольный, пять четвёрок 4-44-44 — судя по номеру из какой-то ликвидированной конторы. Сам телефонный аппарат у меня был, достался почти даром. Купил я его на рынке у барахольщиков. Совершенно новый, белый, латвийский ТА-68 с дисковым номеронабирателем. По ценнику — двадцать рублей, а мне отдали за восемь. Вот теперь можно спокойно давать свой номер телефона клиентам. Или наделать визиток с номером, про ремонт электрики и разбросать по почтовым ящикам. Не, подожду, сначала экзамены, а потом заработок.

Теперь у нас в городе наш подъезд стал наверное самым телефонизированным. Пять телефонов у милиционеров, один у бухгалтера горгаза — и у нас с бабулей. В соседнем доме, где живёт Сидорова, всего два телефонных номера на сто квартир. Круто. Прямо ощущаешь себя жильцом элитного дома. Но только ощущаешь.

На самом деле, всё не так радужно в нашем подъезде. До начала прошлого года все подъезды нашего дома и двух соседних два раза в месяц мыла женщина с первого подъезда. Всего за пятьдесят копеек с квартиры в месяц, и всех всё устраивало. Но она уехала, а мыть, на общем собрании жильцов дома, решили поквартирно и поэтажно. И всего один раз в месяц.

Решить-то решили, а на практике получалось очень плохо. Особенно в квартирах где жили пенсионеры-инвалиды. Они не могли убирать две площадки и два лестничных пролёта. А остальные соседи заявляли, что не будут убирать, раз они не убирают. И подъезды стали превращаться в слоённый пирог из убраных и не убраных этажей. В соседних, кооперативных домах эту проблему решали проще, там нанимали уборщиц и включали

оплату за уборку в квартплату.

А ещё очень сильно раздражала повальная подмена рабочих электролампочек в подъездах на нерабочие или даже просто кража. Особенно на нашем первом этаже. Вечером вкрутил лампочку, а утром уже голый патрон и, соответственно, темнота вечером и ночью. Спасал только уличный фонарь перед подъездом. В общем, совсем не элитное жильё.

В начале февраля меня достали просьбы бабули «вкрутить лампочку». Нашла миллионера. Я ей что, Александр Иванович Корейко?*** Электролампы хоть и стоят всего по тридцать копеек, но не каждый же день их вкручивать на подарок кому-то. Остальные соседи и в ус не дуют по этому поводу.

Поэтому решил избавиться от этой проблемы кардинально. Приобрел на рынке за пятёрку у несуна новенький светильник ПВЛ-1 производства Азовского завода общества слепых. И четыре ртутных люминесцентных лампы ЛБ-40.**** Старый патрон в подъезде, даже не стал демонтировать. Просто рядом прикрепил к стене светильник и перевёл питание к нему. Вставил две сорокаваттные лампы, надел и закрепил винтами плафон. Срок службы у ламп примерно пятнадцать тысяч часов, скорее стартёр навернется чем лампы сдохнут. Да и кому нужно возиться с раскручиванием плафона, чтобы снять две ртутные лампы, которые можно и на своей работе спереть.

.....

В середине февраля сгорел ростовский табачный завод, а вместе с ним и склад готовых изделий, и склады с табаком. Началась табачная паника. Которой заразилась и моя старушка. И она опять учудила, спустила обе наши пенсии на сигареты. Набрала десять блоков сигарет марки «Ростов», десять блоков «Космос», и по сто пачек «Полёт» и «Казбек». И ещё зачем-то десять пачек махорки.

— Махорка-то тебе зачем? Козью ножку***** курить будешь? — подколол я её.

— Ничего ты не понимаешь! — обиделась бабушка. — Махорку среди вещей разложу, люди говорят, что она хорошо от моли помогает.

— А сигарет тебе зачем столько? Спекулянткой решила на старости лет стать?

— Может и решила, тебе какое дело? Ты сам спекулянт, на рынке втридорога продаешь что я шью. Или ты думаешь, я своими руками пошитые вещи не узнаю? — перешла в атаку на меня бабуля.

— Что ты несешь, старая? Где я там торгую? Сдаю перекупаю, а они потом цены сами выставляют.

— Это я старая? Ну Женька! Ну шельмец! Не ожидала я от тебя такого, — всерьез обиделась на меня бабуля.

В общем, пересрались мы с ней капитально. И в правду говорят, что деньги только к ссорам приводят. Ходили и дулись друг на друга дня два, а потом она огорошила меня сообщением:

— Я тебе работу нашла, Женя.

И смотрит на меня так, как будто я должен ей в ножки упасть и искренне благодарить.

— Ба, ты чего? Какую работу? Я же учусь! У меня экзамены в этом году. Или ты хочешь, чтобы я школу бросил?

— Не, ты меня опять не понял.

— Да как же тебя понять, если ты нечего не говоришь конкретно?

Из её довольно пространных объяснений удалось узнать, что её друг, Василий Кох, который работает переводчиком в краеведческом музее, подхватил воспаление лёгких. И

теперь сопровождать по азовскому музейному комплексу немецко-говорящих туристов некому. И он предложил меня. Верю-верю...

— Издеваешься? А почему не тебя?

— Мне нельзя. Я их всех так ненавижу, им такого наговорю, что потом меня в дурдом запихнут за международный конфликт.

— А я не наговорю?

— Ты — нет. Вася в тебе уверен. Ну, Жень. Ну, пожалуйста. Он очень просил.

Дед Василий был прикольным мужиком и приходя к нам на различные застолья, разговаривал со мной только на немецком. Слушая мои ответы, он очень удивлялся: «Вроде Тоня тебя хохдойчу учит, а разговариваешь ты скорее на обердойче».

— Ба, ну сама подумай. Это нереально. У меня нет никакого языкового образования. Как они меня оформят?

— Там уже все решено. Возьмут тебя внештатным сотрудником на сдельно-премиальную оплату. И книжку тебе трудовую выпишут, — подсластила она эту пилюлю.

— А со школой как быть? Вдруг в это время уроки или факультативы? — не оставлял я попыток как-то отмазаться от этого счастья.

— Не знаю. Может справку тебе выпишут.

— Что, учителей немецкого в школах города нет?

— Учителей нельзя. Не знаю почему, но Вася говорил именно так. Женька! Ты чего ломаешься? Он выздоровеет и всё. Тебе пару недель его заменить надо всего.

— Ладно. Согласный я. Что надо делать?

— Возьми в школе и в комсомоле характеристики, свою метрику***** и фотографии три на четыре, у тебя вроде были, и иди в городской музей. Там спросишь Алевтину Игоревну, а она тебя проинструктирует что и как. Только сегодня надо успеть.

— Не понял. Мне, что, сегодня надо уже работать переводчиком?

— Нет. Просто побыстрее надо.

Со сбором этих характеристик, я еле успел в музей до конца рабочего времени. Алевтина Игоревна оказалась начальником отдела кадров. Забрала у меня документы и фотокарточки, и пожуриив, что так поздно, отправила домой. Обязав прийти на завтра к восьми утра.

Что я и сделал. И был перенаправлен на инструктаж в первый отдел музея. Хмурый однорукий мужик в милицейской форме с погонами капитана долго и нудно меня инструктировал что мне можно, а что нельзя в их музее. И ловко орудуя левой рукой, подсовывал мне на подпись различные документы. Такое ощущение, что не музей, а секретный завод. Напоследок обрадовал меня сообщением, что мою кандидатуру еще в областном управлении КГБ должны одобрить. И тогда кто-то из сотрудников комитета, должен приехать и меня проинструктировать о работе с иностранными группами.

В отделе кадров Алевтина Игоревна показала мне мою трудовую книжку, в которой значилось, что я временно принят на должность гида-переводчика немецкого языка третьей категории. И заставила расписаться в копии приказа.

Медаль «За службу в Китае» (China Service)* — медаль, которой награждались служащие американского флота, корпуса морской пехоты и береговой охраны участвовавшие в боевых действиях на стороне Чан Кайши.

Крест лётных заслуг (Distinguished Flying Cross)** — был учреждён американским Конгрессом 2 июля 1926 года.

Александр Иванович Корейко*** — один из центральных персонажей романа Ильфа и Петрова «Золотой телёнок». Подпольный миллионер, скопивший огромное состояние разнообразными жульническими операциями.

Светильник ПВЛ-1 и лампы ЛБ-40**** — закрытые светильники, преимущественно прямого светораспределения, предназначены для общего освещения производственных помещений с повышенным содержанием влаги и пыли. Люминесцентная лампы к этому светильнику на 40ватт.

Козья ножка***** — самокрутка, самодельная сигарета, изготавливаемая самим курильщиком из нарезанного табака или махорки и бумаги.

Метрика***** — принятое в обиходе название свидетельства о рождении.

29 февраля 1988 года. Ростов-на-Дону, проспект Фридриха Энгельса, 33.

Управление Комитета Государственной Безопасности по Ростовской области.

Начальник управления — генерал-майор Кузнецов Юрий Николаевич (ЮН).

Заместитель начальника управления — полковник Попов Игорь Викторович (ИВ).

ИВ: Юра ты не поверишь, поймали!

ЮН: Игорь Викторович что ты себе позволяешь? Я тебя вроде на десять часов вызывал а сейчас только девять. Что такого произошло? Кого ты там поймал?

ИВ: Извините, товарищ генерал-майор. Просто срочные новости. Наши оперативники задержали убийцу которого ловит МВД.

ЮН: Поподробнее, пожалуйста. И не стой столбом, присаживайся. И без чинов.

ИВ: Ты в курсе про операцию «Лесополоса»*, которая на контроле в Москве, в ЦК партии. Должен знать.

ЮН: Ещё бы не в курсе. Подожди. Так вы поймали «этого» убийцу?

ИВ: Очень надеюсь на это. Сейчас наши следователи работают с ним. Наши ребята егс прямо на месте преступления взяли.

ЮН: Ай, молодцы! Тьфу, тьфу, тьфу. Постучи по дереву, чтобы он тем самым оказался. Давай всё в подробностях, а потом я в Москву позвоню. Он, не он, но отчитаюсь, что работаем.

ИВ: С чего начать?

ЮН: С самого начала давай.

ИВ: В декабре 1983 года нам по ошибке доставили анонимку адресованную в МВД. Е письмо говорилось про убийцу из Новочеркаска по фамилии Чикатило.

ЮН: То есть, это еще до меня и до тебя?

ИВ: Да. Мой предшественник, полковник Авруцкий посчитал анонимку после проверки вымыслом и отправил в архив. А когда нам прошлым летом вставили фитиль на совещании в Москве, я приказал поднять на всякий случай все архивы за последние десять лет. Наши ребята и девчата, в прямом смысле перелопали тонны бумаг и нашли несколько зацепок, в том числе и это письмо.

ЮН: Надо будет поощрить сотрудников. Извини что прервал. Продолжай.

ИВ: После проверок всех найденных материалов, выяснилось, что только информация из этой анонимки ведет к реальному человеку. Но он, этот Андрей Чикатило, на тот момент, находился в производственной командировке в Ленинграде. По его возвращению, я приказал установить за ним наблюдение.

ЮН: И мне ничего не доложил? Нехорошо!

ИВ: Так сейчас докладываю. А тогда, что я мог доложить тебе? Или ты думаешь, что я подсидеть тебя готовился? Так вот, не подсел. И не собирался...

ЮН: Игорь, прости дурака.

ИВ: Да ладно. Одно дело делаем. Продолжать?

ЮН: Давай, давай, не тяни.

ИВ: Ну, установили наблюдение и сразу поняли, что гражданин мутный какой-то. Другие с завода домой спешат. А этот — выйдет из проходной НЭВЗа** и бродит по посёлкам. Или к школам идёт и за детьми смотрит, как они бегают, прыгают. И улыбается.

Улыбка у него жуткая, я потом тебе фотографии покажу, которые наши топтуны сделали. А иногда он, прям следил за некоторыми школьниками. Но только следил. Шесть месяцев. Я уже хотел его задержать и устроить проверку, но тут Чикатило нам сюрприз преподнёс.

ЮН: Что за сюрприз?

ИВ: 26го, в пятницу, он изменил маршрут и пошёл к местному стадиону. Но долго там не задержался. Сначала направился к гаражному кооперативу «Сатурн», покрутился там. А затем пошел вглубь дачного товарищества «Донские Зори», где на улице «Утренняя» напал на пенсионерку 1910 года рождения.

ЮН: А где же твои люди были?

ИВ: Ты не понимаешь. Это дачи, ровные и длинные улицы. Почти безлюдные — зимой-то. Наружке приходилось работать издали, чтобы не спугнуть.

ЮН: Ладно, ладно. Я понял. Что с женщиной? Не пострадала?

ИВ: Пострадала. Когда наши ребята добежали до места нападения, Чикатило, успел нанести старушке два ранения кухонным ножом. Одно — довольно серьёзное в бедро, а второе — в грудь, пришлось вскользь. Бабулька с дачи за пазухой несла банки с соленьями, вот они её и спасли. По радиации вызвали скорую и наших оперативников.

ЮН: А это точно тот убийца?

ИВ: Точно. Он когда узнал, что попался комитету, сразу поплыл. Нам даже не пришлось спецсредства применять. Следователи сейчас с ним работают. Он там соловьём поёт.

ЮН: Молодцы. Хвалю. Сейчас в Москву позвоню. Пусть знают, что мы можем. А те милиции и новые машины и усиление, и даже финансирование подняли. А поймали мы. Так что верти дырочки, за такое, если и не награда, то генеральская звездочка точно тебе упадёт.

ИВ: Хорошо бы. Но двух генералов на областное управление не оставят же. Получается, что я тебя подсидел всё-таки.

ЮН: Ну, это еще вилами по воде писано. А вот если меня повысят, могут на какую-нибудь республику перевести, а ты здесь рулить останешься. Ладно, всё, мечты пока в сторону. Давай теперь подробнее по задержанному.

ИВ: Так точно. Задержанный, Чикатило Андрей Романович, по метрике — украинец, по паспорту — русский. 1936 года рождения. Женат, имеет двоих детей. Образование высшее. Причём два или три высших. Сейчас разбираемся. Срочную службу проходил связистом в погранвойсках ГСВГ.***

ЮН: То есть он — наш?

ИВ: В какой-то мере — да. Видимо из-за этого и сразу заговорил на допросе. Так, что еще? Ага. В семидесятых работал в системе народного образования в Шахтах и Новошахтинске. Затем часто менял место работы. Потом, в 1985 году переехал в Новочеркасск. Имел судимость. Вкратце всё. Более подробную информацию готовят.

ЮН: А что по письму? Можно выяснить информатора?

ИВ: Вот здесь начинается мистика.

ЮН: В каком смысле? Полковник, ты мне это прекращай!

ИВ: А как это еще назвать? Письмо написано чертёжным шрифтом на листе из школьной тетради с штампом Новочеркасской средней школы номер один...

ЮН: Значит, кто-то из Новочеркаска? А что с конвертом, почтовыми штемпелями и отпечатками? И где здесь мистика?

ИВ: Вероятнее всего из этого города. Конверт самодельный, штемпели только ростовские, внутригородские. Письмо кинули в городской почтовый ящик на пригородном

железнодорожном вокзале. Отпечатки есть, но они все принадлежат моему предшественнику полковнику Авруцкому. Если и были какие-то иные улики, то после пяти лет в нашем архиве их практически невозможно найти. Так что в этом направлении копать даже и не стоит. Тут другое интересно. Письмо датировано декабрём 1983 года, а Чикатило, переехал в Новочеркасск в 1985 году. Вот как такое может быть?

ЮН: Мда. И правда, мистика. А что твой предшественник? Ты говорил, что он проверял письмо.

ИВ: В том то и дело, что в письме указано, что Чикатило работает на НЭВЗе Авруцкий, проверил информацию, но на то время среди работников завода не было человека с фамилией Чикатило.

ЮН: А у самого Виктора Петровича, можно что-то узнать?

ИВ: Он сейчас в Кабуле, я отправлял ему запрос, но он не ответил. Ты сам должен быть в курсе, что там сейчас горячо.

ЮН: Понятно. Давай тогда так. Когда будут забирать дело в центральный аппарат, то всё отдадим и пусть они сами головы ломают над этой мистикой. У тебя что-то ещё?

ИВ: А по какой теме ты меня на десять-то вызывал?

ЮН: В Азове, в музее, заболел штатный переводчик с немецкого, так они решили пятнадцатилетнего школьника переводчиком взять. Ты их там пропесочь и кого-нибудь отправь им из резерва, а то послезавтра две группы из Гуля и Дюссельдорфа должны быть.

ИВ: Понял. Пропесочу и разберусь. И переводчика найду. Разрешите идти.

ЮД: Иди. И как будет готов предварительный протокол допроса задержанного, сразу его ко мне.

ИВ: Так точно.

.....

Никто ни в какой музей меня на работу, конечно, не взял. Как выяснилось из объяснений Алевтины Игоревны, мою кандидатуру не одобрили в КГБ. Самым странным в этом трудоустройстве было, то, что мне на руки выдали: трудовую книжку с записью о приёме на работу и увольнении через две недели по собственному желанию, копию приказа об этом самом увольнении и справку о том, что я действительно работал в краеведческом музее. И на том спасибо. Трудовая с записью о том, что я работал переводчиком, мне точно пригодится в будущем.

По поводу непринятия на работу я не волновался от слова — совсем. Я её не хотел, мне эту работу навязали. Больше всего меня волновали наши отношения с Сидоровой. Всё застряло на уровне поцелуев и обжиманий. Может я слишком форсирую события и девчонка просто еще не доросла? Фиг его знает. Но сексуальное напряжение, возникающее после наших с ней встреч, мне приходилось снимать вручную, в ванной комнате по методу Артура Ван Кертиса**** на планете Инцедиос.

.....

Как я и «ванговал» классной руководительнице в начале года, по итогам третьей четверти успеваемость в классе значительно просела. И, видимо, не только у нас, а у всей нашей параллели. Но вместо того, чтобы перенести факультативы на вечернее время, после уроков или даже совместить их с уроками, нам увеличили их количество в первой половине дня. А на классном часе нас даже обрадовали, что могут парочку факультативов по русскому и литературе проводить по воскресеньям.

В установившейся в классе после этого сообщения тишине, я не сдержавшись, ляпнул в

почти в полный голос:

— Совсем охренели.

— Лисин! Что ты себе позволяешь! — выверилась на меня классуха.

— Выражаю свое мнение по поводу лишения меня единственного выходного! — не менее агрессивно рявкнул я в ответ. — Я вам еще в сентябре говорил, что перевод нас во вторую смену ни к чему хорошему не приведет!

— Давай сюда дневник! — не выдержала Изабелла Агасимовна.

Встал, вышел из-за парты и отнёс ей дневник, не став его передавать по ряду вперед. С легким поклоном протянул его ей и сказал:

— За правду, не жалко.

Белла промолчала и красной ручкой сделала запись: «Пререкался с учителем на классном часе».

— Евгений, это же для вашего блага делается. Учителям ведь тоже в выходной работать не очень хочется, — попыталась она меня переубедить.

— Они за работу деньги получают. Сколько за один факультатив доплачивают? Два с половиной рубля? То есть дополнительно пятёрку за воскресенье! Вот и нам столько же доплачивайте. У вас отбоя от желающих не будет, — и повернувшись к классу спросил. — Кто готов за пять рублей по выходным на факультатив приходить?

Народ заулыбался и вверх поднялся лес рук.

— Вот видите, Изабелла Агасимовна, какой энтузиазм.

— Лисин! Прекращай паясничать! Скажут вам ходить на занятия по воскресеньям — пойдёте как миленькие.

— Угу. А еще я схожу в райком комсомола и прокуратуру, и напишу заявление, что в нашей школе, лишают учеников единственного выходного, который положен нам по конституции. Вот и проверим кто сильнее — Конституция или администрация, — и ехидно улыбнувшись, пошёл на своё место.

Видимо, мой демарш, по поводу дополнительных занятий классная руководительница донесла до администрации школы, и нам никто и нечего на выходной не ввёл. Ну, и то хлеб.

.....

В апреле, я на четыре дня стал владельцем мопеда. Дядя Юра, телемастер из телемастерской что в соседнем доме, предложил мне купить у него мопед «Рига 26 мини». Он, оказывается, продаёт дом и уезжает на Дальний Восток, к сыну. Жалко и обидно. Я успел к нему привязаться, да и источника деталей под рукой тоже хватать не будет.

Ну и распродаёт всё что можно. Мопед он купил себе год назад за двести пятьдесят рублей. А сейчас просил за него всего двести. Мокик он содержал в отличном состоянии, да еще и с чезетовским***** движком. Так что я почти сразу согласился.

Еще в том, в своём прошлом времени, я хотел такой мокик, чтобы мотаться по Питеру. Но как-то не сложилось. А тут, прям свою юношескую мечту выполнил. Мопед оказался прикольным. Маленький, верткий и с почти бесшумным двигателем. Из минусов были: всего одно посадочное место (Олька даже обиделась, что я не могу её покатасть), отсутствие места для хранения и вытекающие из этого проблемы с бабулей, которая ворчала на запах бензина в квартире.

А самое главное, за эти несколько дней владения собственным транспортным средством я успел поссориться с несколькими знакомыми пацанами. Естественно, из-за просьб «дай прокатиться». А меня прям жаба душит. Поедут куда, еще угробят или отберёт

кто. Им-то чего? Не их, не жалко. Я попытался объяснить в таком ключе, но не был понят.

И когда от одного из старших парней во дворе прозвучало предложение о продаже мопеда, я даже обрадовался. Но моя жаба и тут вылезла вперёд и после довольно продолжительного торга, мокик сменил хозяина за триста тридцать рублей.

.....

За пять дней до дняхи Сидоровой я вспомнил, что у меня нет подарка. Пришлось, как ужаленному, бегать по рынку в поисках пары метров приличной, калининской джинсовой ткани, металлических молний и заклёпок, и заказывать бабуле пошив рюкзака. Еле-еле успели. Даже за срочность пришлось бабушке доплачивать. И кто из нас куркуль?

Первого апреля в области ввели талоны на табачные изделия и бабуля вполне выгодно, пристроила свои запасы сигарет и папирос. Как минимум две цены взяла, а то может и больше.

Оля подарком осталась довольна. Я, кстати, наконец перегнал её в росте. Ненамного, сантиметров всего на пару, но именно я сейчас на неё сверху гляжу, а не наоборот. Но это дома, в носках и тапочках. На улице и в школе, её обувь с каблуками нивелирует моё превосходство.

В нашей компашке почти все тоже разбились на парочки. Только у Лубенцов пока еще детство в одном месте играет. Ну, им простительно. На дняхе у Оли, когда они узрели наши получившиеся парочки, заявили, что женятся на моей игровой приставке. Все ржали так, что чуть не опрокинули праздничный стол.

.....

Перед майскими праздниками бабушка спугнула парочку воров, которые возились с нашей новой дверью. Я был в школе, а она пошла к Примаковым, нашим соседям сверху, со второго этажа. Ну и возвращаясь от них, увидела парочку типов, которые ковырялись в наших замках.

На её крик, преступники тут же убежали. А вот никто из соседей, если они конечно были дома, даже и не подумал прийти ей на помощь.

— Это хорошо, что вы сверху шли, а не с улицы заходили. Такие могли и ножом пырнуть, — «успокоил» её наш участковый.

Бабуля впала в очередную волну своей фобии и начала даже подумывать о постановке квартиры на сигнализацию. А потом решила установить еще дополнительно дверь-решётку и стала меня подбивать на скинуться деньгами. Пришлось её успокаивать и обещать решить проблему с безопасностью нашей квартиры. Вроде успокоилась.

Долго ломал себе голову чтобы такого придумать серьезного и не особо дорогого. Сначала хотел сделать электромагнитный замок, как на дверях в подъездах будущего. Почти всю вторую половину первого мая, припавшего на воскресенье, и половину понедельника проползал вокруг двери с метром, блокнотом и калькулятором.

Вроде всё вытанцовывалось. И по материалам и по креплению, и по подводке электричества. Одно «но» меня всё-таки смущало. При отсутствии электричества этот замок превращался в беспомощное железо. А обесточить квартиру проще простого. Одним щелчком автомата в этажном щите рядом.

И тут меня осенило. Магнитные защелки. Такие были у отца в Луге на гараже. За воротинной скрывалась деревянная коробочка со стальным стержнем, в который врезалось несколько магнетиков. И при помощи магнита снаружи стержень вполне спокойно двигался за стенкой и попадал в паз. Точно так же и открывался.

Купил на рынке за три рубля парочку миниатюрных электродвигателя ДС-25 на 6000 оборотов, которые на оптико-механическом заводе ставили на фотоувеличители. Разобрал, магниты залил тонким слоем полиэтилена — и вот, две готовые открывашки.

Собрал сами защёлки и установил на двери. Испытания прошли успешно, всё работало. Чтобы бабуля не забыла где надо проводить магнитом, нанёс несколько разноцветных пятнышек. И провел очень строгий с ней инструктаж, чтобы она даже не думала с кем поделится секретом нашей защёлки. На её паранойю мой инструктаж лёг просто отлично.

Операция «Лесополоса» 1985–1990* — самое масштабное оперативное мероприятие, когда-либо проводившееся советскими правоохранительными органами. За всё время операции на причастность к серии убийств было проверено более 200 тысяч человек, попутно было раскрыто 1062 преступления. Были даже использованы военные вертолёты, чтобы патрулировать железнодорожные пути и прилегающие к ним лесополосы. Розыск убийцы обошёлся государству примерно в 10 миллионов рублей в ценах 1990 года.

НЭВЗ** — Новочеркасский электровозостроительный завод.

ГСВГ*** — Группа советских войск в Германии. Оперативно-стратегическое формирование войск Вооружённых Сил СССР, дислоцировавшееся в ГДР.

Артур Ван Кертис**** — подросток, клон Кертиса Ван Кертиса создателя и главы аТана. Герой цикла научно-фантастических романов известного российского писателя Сергея Лукьяненко.

Чезет (CZ)***** — чехословацкое предприятие выпускавшее двигатели, мотоциклы и мотороллеры. Название произошло от *Česka zbrojovka v Praze továrny ve Strakonici* (Чешский оружейный завод в Праге предприятия в Страконице).

Май выдался хлопотным. Нас вовсю готовили к экзаменам, нагрузив сверх меры различными нулевыми уроками и факультативами. Так что все майские праздники и днюхи пролетели незаметно. Ну собирались, ну веселились, но у всех моих друзей в головах был ужас приближающихся экзаменов, коим и я от них немного заразился.

Бабушка от меня на свою днюху получила коробок дефицитных «ипликаторов Кузнецова»*, которые она тут же пришила на старое полотенце и занялась самолечением. Мне же от неё на мой пятнадцатый день рождения перепал ею же сшитый костюм-двойка из ткани с затейливым названием «креп-адмирал»** синего цвета, который она достала через каких-то старых подружек на швейной фабрике.

Костюм мне и вправду был нужен, так как школьный был уже откровенно мал. А впереди и экзамены, и последний звонок, и выпускной вечер. И зная это, бабуля приготовила мне вот такой вот подарок.

С одеждой у меня вопрос стоял вообще довольно остро. Я за зиму вытянулся прилично, раздался в плечах и поясе. Последние мои итальянские джины, которые бабуля привезла из Чехословакии, пришлось обрезать, сделав из них шорты на лето. А из обрезков она сделала накладные карманы на них.

Галстук к костюму я выбирал сам, не доверил этот процесс никому. А то выберут какой-нибудь ужас и трэш, а мне потом в нём мучиться. Долго бродил по галантерейным отделам и магазинам, но сумел выбрать парочку однотонных темно-синих под цвет пиджачной пары. Нет, можно конечно в 15 лет и обойтись без галстука, но почему-то захотелось пофорсить.

Заодно и приценился к импортным шмоткам в комиссионках, но решил отложить приобретение одежды до возвращения фотографа-бониста из Москвы. Куда он умотал устраивать сына, взяв во дворце пионеров отпуск за свой счёт.

.....

Последний звонок традиционно прошёл 25 мая, и все школьники, кроме выпускных классов, свалили на каникулы. А уже через два дня у нас состоялся первый устный экзамен — математика. Ничего сложного, больше волновался. Вытащил билет, подготовился, вышел и ответил. Проходил же уже такое несколько раз в своём прошлом.

После выходных — математика письменно. И потом, в течение первой недели июня, два экзамена по русскому языку, устно и письменно. С письменным по русскому большинство попало впросак. Готовились к сочинению или изложению, а ОблОНО всё переиграло и изменило на диктант.

Но, худо бедно, весь наш класс сдал. Лично я на все пятёрки кроме устного русского, но диктант и четвертные с годовыми — пятёрки, они нивелировали экзаменационную четверку. Сидорова даже обошла меня и закончила восьмой класс на одни пятёрки. У меня в свидетельстве о неполном среднем образовании, была только одна четверка, за черчение. Ну, это не смертельно.

Хуже всего пришлось Лубенцам. Уж кто им это насоветовал, так и осталось тайной. Но именно по этому совету, они пришили по большому, тайному карману к подкладке форменного школьного пиджака. В который и укладывали ответы на экзаменационные билеты. И если на математике этот способ вполне прокатил, то на русском они засыпались. Причем еще до начала экзамена, на инструктаже.

Лето, жара, а они, оба два, сидят и потеют. Открытые фрамуги особо не помогали. Ну, русистка, спасая этих дураков от возможного теплового удара и заставила снять Андрея пиджак. Этот косорукий, умудрился свой пиджак уронить на пол после снятия. А наша классная руководительница, которая сидела в комиссии на экзамене, подошла и подняла его пиджак прихватив снизу. Ну и из него посыпались листочки. В которых сразу распознали шпоры.

Устроенный тут же обыск остальных учеников выявил точно такую же стопку шпаргалок и у Сергея Лубенца. Сдавать экзамен-то им позволили, но пригрозили снизить оценку на балл. И хоть сдали она на тройки, учителя решили всё-таки их выпустить, чтобы не портить и им поступление в индустриальный техникум, и себе отпуска переносом экзамена на август.

За всей этой экзаменационной катавасией белым фоном прошли сообщения о начале вывода советских войск из Афганистана и принятие закона «О кооперации в СССР», и даже о визите Рональда Рейгана в Союз.

Наша младшая команда, уже и без нашего контроля, опять заняла второе место по городу. А наш тренер, Владимир Владимирович, втайне от старшей команды, зарегистрировал поход только для младших. И снова по любимившемуся ему маршруту — вдоль железной дороги от Горячего Ключа до Туапсе. Все мои попытки провести горную единичку в Архызе он пустил коту под хвост. Ну, вот и будет официальная причина расплеваться с ним и поднадоевшим пешим туризмом.

.....

Вручение нам свидетельств, по установившейся в школе традиции, совмещали с вручением аттестатов десятиклассникам 25 июня. Потом совместная дискотека в школе, праздновать до утра остаются старшаки, а нас по домам. Но перед этим мероприятием мне пришлось озаботиться гардеробом. Торжественно-выходной у меня уже был, а вот одеть на дискотеку было нечего. Не в шортах же или убитых трениках позориться?

Наплевав на конские цены в комиссионках, решил прикупить импортные джинсы, но перед выпускными балами видимо не я один такой умный оказался, и на мой размер ничего не нашлось. Можно было, конечно, съездить за искомым в Ростов, но мне вдруг вспомнились варёнки*** которые я делал на свой выпускной в прошлой жизни. И я решил повторить процесс.

Купил в магазине «Одежда» отечественные, советские джинсы «Тверь». Правда, в своё время, я использовал для варки не калининские джинсы, а ленинградские, фабрики «Салют». Но, думаю, что это ничего не изменит.

Дождался, пока бабушка свалит на свой хор. Откопал из-под нашей ванны пачку «Персоли»****, забытую там бабулей наверное еще в год получения ею этой квартиры, а может даже оставшуюся и от предыдущих владельцев, так как ГОСТ на пачке был семьдесят четвёртого года.

Скрутил джинсы, не забыв набить карманы чисто отмытыми камнями, и в респираторе, защитных очках и резиновых перчатках, устроил варку в старом эмалированном ведре. Варил недолго, минут двадцать. И только после варки я понял, что защищался от вредного воздействия зря. В прошлый раз я добавлял при варке еще и хлорсодержащий отбеливатель «Белизна».

Так как «Персоль» была практически в каменном состоянии и растворилась не вся, её довольно крупные куски при контакте с тканью оставили прикольные ежики-блямбы. Кроме

всего, видимо из-за старости, посыпалась часть эмалировки ведра. Что добавило эксклюзива россыпью белых точек на ткани.

Моя банда, когда на следующий день узрела меня в этих джинсах, впала в благоговейный экстаз.

— Где достал? — первой отмерла Олька, в глазах остальных читался тот же вопрос.

— Сам сварил! — я встал в гордую позу Наполеона и выпятил вперёд подбородок.

— А как?

— А нас научишь?

— Что для этого надо? — засыпали меня вопросами ребята и девчата.

Пришлось делиться секретом. Не забыл попутать и последствиями для кожи рук, дыхания и зрения если работать без защиты при варке с «Белизной». К выпускному почти весь наш класс щеголял в вареных штанах и юбках совершенно фантастических расцветок, линий, клякс и прочих пятен.

Мужская часть выпускников пришла на мероприятие в довольно понуром виде. За час до вручения нам документов закончился финальный матч чемпионата Европы по футболу 1988 года. На котором сборная СССР проиграла команде Нидерландов со счётом 0:2. Наши хоть и взяли серебро, но болельщики — это такие люди, которым вечно мало и у них во всём виноваты игроки.

Тем не менее, после торжественной части плясали почти до полуночи. Некие шептуньи товарищи даже спиртное умудрились протащить через вполне себе плотный контроль со стороны учителей.

Встречать рассвет никто из восьмиклассников не пошёл. Вернее, договаривались встретиться в три ночи на школьной площадке и уже оттуда идти вместе с десятиклассниками в центр города. В итоге, я проспал. Как выяснилось позже, проспали все, и никто из восьмой параллели так и не пришёл.

А уже через два дня, в понедельник, 27 июня, я и Сидорова отнесли свои свидетельства назад в школу. Где, заодно, написали заявление на приём в десятый класс. Вот так вот, закончили восемь, а перешли сразу в десятый.

Так как желающих продолжить обучение в школе было немного, то четыре восьмых сливали в два десятых. Я-то привык, что у нас в Питере две трети восьмиклассников шли дальше в девятый класс. А здесь, наоборот, две трети пошли в средне-специальные заведения: в техникумы и училища. Наш «Б» класс слили с ашниками и мы, сами того не желая, стали десятым «А».

.....

В начале июля все мои друзья поразъехались в разные стороны. Сидоровой предки достали путёвку на спаренный, двойной поток в знаменитый пионерлагерь «Орлёнок». Жмура отправили на Азовское море в село Порт-Катон, к родственникам. Лубенцов, после поступления в техникум, записали в стройотряд и отправили на ремонт общежития. Кушнир уехал в Донецк, поступать в горное училище.

Да и само лето выдалось дождливым и прохладным. Развешанные мной объявления о ремонте с указанием номера телефона, особого увеличения потока клиентов не принесли. Дворовые игры в настольный теннис и карты быстро приелись. И я, от нечего делать, нарисовал на ватмане формата А3 игру «Монополия».

Провозился несколько дней, раскрашивая, подписывая названия фирм и вспоминая правила. Даже сделал пару десятков карточек «Шанс», типа: «прорыв канализации, минус

сто ЭКЮ», «Вы попали в больницу, минус двести ЭКЮ» и прочее. Не забыл и про поощрительные карточки «Сюрприз». Денежные отношения в игре выбрал в виде безналичных расчётов, записываемых отдельно кассиром. Валюту в игре обозвал ЭКЮ.*****

Полностью вспомнить правила я не смог. Уж что получилось, то и получилось. В один из дней притащил игру во двор и начал обучать приятелей правилам. На моё удивление, с правилами разобрались почти влёт. И это игра стала популярнейшей настолкой во дворе. Чтобы поиграть в неё, народ записывался в очередь.

В процессе многих игр в «Монополию», я довспоминал правила и игровой процесс, вплоть до цветовой структуры ячеек для создания игровых корпораций. И за лето пару раз делал всё более продвинутые версии игры. А старые я продал. Не дорого, но каждая по пятёрке мне принесла.

.....

В августе, совершенно случайно, наткнулся на объявление о наборе платной группы в автошколу при ДОСААФ. Сходил ради интереса и, неожиданно даже для самого себя, записался в неё, оплатив в кассу триста рублей. Группа была создана в связи с переходом организации на частичный хозрасчёт.***** Обучение категориям А и Б предполагалось проводить по вечерам в течении пяти месяцев.

Инструктора, проводившие набор, честно меня предупредили, что я из-за возраста, на руки получу только справку об окончании курсов и прохождении первичного экзамена. А сами права я смогу получить только в шестнадцать. И очень удивлялись тому факту, что я пошёл на платные курсы, а не воспользовался направлением от военкомата. В ответ я промолчал, помня негативный опыт обращения в военкомат Невского района в моей прошлой жизни. Хотел тоже на мотоцикл и легковушку обучиться, а меня определили в группу на категории С и Е, на управление грузовиками и автопоездами.

.....

Бабуля весь июнь и июль шила сумки и рюкзаки. А в августе кто-то её сбил с праведного пути, и она ударилась в торговлю жареными семечками возле городского парка. Семена подсолнечника я, как и каждый год до этого, выпрашивал у водителей-колхозников привозивших его в город для сдачи в «Заготзерно».

Поначалу всё у неё шло хорошо. Маленький стаканчик — десять копеек, большой — двадцать. В качестве тары — свёрнутые газетные кулёчки. От трёх до пяти рублей в день. На свежем воздухе с возможностью поболтать с знакомыми. Эта работа ей понравилась больше, чем сидение за швейной машинкой.

Но в один из прекрасных летних вечеров её ограбили. Подошел какой-то пацанчик, якобы купить семечек и схватив полный стакан, бросился наутёк. Моя шустрая старушка рванула следом и естественно не догнала. А когда вернулась обратно, то не нашла ни своей сумки, ни своих семечек. Хорошо хоть ключи от квартиры, выручку и документы она носила всегда с собой.

Попыталась пожаловаться в милицию, где её еще и запугали штрафом за незаконную трудовую деятельность. Повздыхала, попереживала, да и вернулась к пошиву.

.....

В середине августа, наконец, вернулась из «Орлёнка» Сидорова. Даже и не думал, что я по ней так соскучился. Почти целый день провели вместе, болтая о всякой ерунде. Я похвастался, что записался на водительские курсы. А Оля рассказала всякие забавные лагерные истории. Дождавшись ухода бабули в дворец культуры, перешли к поцелуям и

взаимным тисканьям. В себя пришли от громкого детского вопля за окном — Ураааа!!!

В конце июля водоканал перекопал наш переулок вдоль и поперёк. В поисках неведомой водопроводной трубы. И ничего не нашёл. Как оказалось позже, они просто перепутали переулки. Ну и бросили всё как есть. А эти траншеи, облюбовала мелочь для игр в войнушки. И почти целый день, за окнами звучали детские вопли, крики ура, трескотня механических автоматов и звонкие хлопки револьверов и маузеров, заправленных пистонами.

Когда мы только начали целоваться, детвора была где-то далеко и нас не отвлекала. Но когда несколько десятков звонких детских глоток заорала прямо под окном, мы в испуге синхронно подпрыгнули на софе и обнаружили, что нас нет уже одежды, и мы, походу, были готовы перейти к самому главному.

Я с ужасом осознал, что полностью потерял контроль за происходящим, что могло привести к непредсказуемым последствиям. Ольга тоже явно пребывала в шоке, но разрывать объятия не спешила. Видимо, подсознательно, была уже готова к чему-то подобному. Мне тоже уже надоело предаваться фантазиям в ванной и хотелось нормального секса. Ну, или как минимум — более глубокого петтинга.*****

Поэтому, без колебаний, взял и возложил её ладонь на мой стоящий член.

— Ой, — только и сказала девчонка и, видимо от испуга, обхватила и сжала моё естество.

— Ооо, — выдохнул я и сжав её кисть своей, потребовал, — Двигай рукой туда-сюда. — и она тихо и послушно выполнила моё требование.

— Жень, а почему он такой горячий?

— В нём сейчас очень много крови, — начал я объяснять. — Нет, нет, не останавливайся. Просто, кровь, сейчас приливает к нему со всех частей тела, — попытался я объяснить по-простому, без этих всяких артериол и прочих кавернозных тел.

— А он не лопнет? — ехидно поинтересовалась она, продолжая плавные движения без моей контролирующей руки, которая отправилась в вояж по её телу.

— Сейчас и узнаешь. Ооо! Ааа! — я задергался всем телом и упругой струёй кончил ей на живот. — Кайф, — выдохнул я и чмокнул её в носик.

— Это и есть малофья? — задумчиво уставилась она на капли и подтёки на своём теле.

— Да. Она самая.

— Хм, — девчонка, пальчиком сняла немного этой белёсой жидкости со своего пупка и, поднеся к носу, понюхала. — Странный запах, — и нагло стёрла эту капельку с пальца об мой живот.

— Так, теперь моя очередь, — потянул я свои грабки к её кустистому треугольнику внизу живота.

— Нет, нет, нет, мне срочно нужно в душ, — Сидорова ловко увернулась от моих рук и, вскочив, умчалась нагишом в ванную комнату.

Ну и ладно. Ну и хорошо. Не сегодня, так завтра. Главное, процесс пошёл. И я расслабленно откинулся на подушки софы.

Ипликатор Кузнецова* — средство рефлексотерапевтического воздействия на организм человека, создан И. И. Кузнецовым, относится к альтернативной медицине. Ипликатор Кузнецова представляет собой гибкую пластмассовую пластину или эластичный ремень с множеством шипов, с нажимом накладываемые на какой-либо участок тела с якобы оздоровительной целью.

Креп** — группа тканей, главным образом шёлковых, а также из шерсти или синтетических волокон, вырабатываемых из нитей с очень большой (креповой) круткой, а также в некоторых случаях специальными (креповыми) переплетениями. Отличительная черта крепа — шероховатость, неровность лицевой стороны ткани.

Варенки*** — это джинсы, которые имели неоднородную окраску. Было несколько способов добиться такого эффекта. Например, джинсы туго скручивали, завязывали узлами, и варили в хлорке. Отсюда и название варенки.

«Персоль»**** — торговое название перкарбоната натрия. Кислородный отбеливатель.

ЭКЮ (ECU)***** — валютная единица, использовавшаяся в европейской валютной системе ЕЭС и ЕС в 1979–1998 годах. Название «ЭКЮ» происходит от англ. European Currency Unit («европейская валютная единица»), а также от названия средневековых французских монет экю.

Хозяйственный расчёт (хозрасчёт)***** — метод расчёта расходов и доходов на предприятии (в организации) в условиях плановой экономики, предполагавший равномерное распределение части прибыли в пользу «общественности» — работников предприятия

Петтинг (от англ. to pet — «баловать», «ласкать», «раздражать»)***** — достижение сексуального удовлетворения посредством раздражения эрогенных зон тела сексуального партнёра без непосредственного соприкосновения половых органов.

В понедельник, 29 августа, наш класс в полном составе собрали в первый раз. Мы хоть и сменили литеру с «Б» на «А», но классный руководитель у нас осталась старая, а бывшая классуха Ашников взяла пятый класс. В этом году Изабелла рассадила нас по своему усмотрению. Вернее, она сначала рассадила остатки нашего класса по местам как мы сидели в восьмом, а потом, в произвольном порядке, дополнила Ашниками и пришлыми. Так что на нашу с Сидоровой камчатку никто и не покушался.

Всего в классе было двадцать восемь учащихся. Двадцать два наших и шестеро со второй школы, где не смогли наскрести учеников на второй десятый класс и им пришлось часть старшеклассников направить к нам.

В первую очередь нас обрадовали, что мы будем учиться в первую смену. Во-вторых, нам объявили, что первые две недели учёбы мы пропускаем из-за поездок на яблоки. Ну, и в-третьих, довели до нас информацию по новым предметам и появившемся в этом году в городе УПК*.

Из-за этого УПК, на который выделялся весь понедельник, в нашем расписании стояло по шесть — семь уроков ежедневно. Но не только из-за этого, прибавилось и самих предметов: начальная военная подготовка, этика и психология семейной жизни, обществознание и МХК**.

Потом получали учебники, переписывали предварительное расписание уроков, которое впрочем нам в первые недели и не пригодится. И столпившись возле списка профессий на УПК, чесали репу и пытались выбрать чего мы хотим. Большинство пацанов рвалось на расширенный курс информатики, чтобы получить удостоверение оператора ЭВМ. Девчат больше привлекали медицинские и швейные курсы. Были в списке и шуткатуры-маляры, помощники печатника, слесари и даже пионервожатые. Выбрать что-то одно мы должны были до первого сентября.

.....

В воскресенье 28 августа получил личное приглашение от директора дворца пионеров на важную беседу. Вот не хотелось больше связываться с этой организацией, но Людмиле Михайловне я отказать не мог.

Как оказалось, она вызвала не только меня, но и Сидорову. В попытках найти ответ на странный вызов мы с Олей перебрали массу вариантов. Но сошлись только на одном, что она пытается реанимировать старшую группу. И не угадали.

Нам с Сидоровой предложили вести группу младших, которые после нашего ухода стали старшими. Владимира Владимировича назначили завучем и ему пришлось отказать от одной из ставок. И он отказался в пользу набранных им в этом году малышей. Ну, иного я от него и не ожидал.

В качестве оплаты за проведение трёх вечерних тренировок — в пятницу, субботу и воскресенье — нам предложили сорок рублей на двоих и автоматический зачёт посещения педагогического УПК, который, оказывается, расположен во дворце пионеров. Даже не раздумывая я согласился. Олька, немного поколебавшись, но, видимо доверяя моему выбору, тоже дала согласие.

Естественно, нас никто оформлять на работу не будет. Директор оформит ставку на себя, чтобы дворец пионеров не потерял тренированную и слаженную группу. Нам же

перепадает небольшая денежка за необременительную работу и дополнительный выходной в понедельник. Что я и объяснил девчонке на её вопрос «на что я подписалась?».

Воспользовавшись моментом, когда Сидорова улетела поболтать с вышедшей из декретного отпуска Верой Павловной, а заодно и наши комсомольские взносы заплатить, я забежал к вернувшемуся из Москвы Юрию Викторовичу.

Фотограф-бонист оказался на месте и явно был рад меня видеть.

— Привет Жень, — ответил он на моё приветствие. — Я тут кое-что тебе привёз, пойдём, отдам, — махнул он в сторону своей подсобки.

— Как вы съездили? Удачно? — по пути в подсобку поинтересовался я.

— Нормально. Сына устроил. Квартиру им кооперативную взяли. Еле успели с чеками Внешторгбанка. Слышал? Что их отменили?

— Да. Краем уха, — соврал я, не моргнув.

— На, вот, — протянул он мне белый пластиковый пакет с эмблемой пепси-колы. — Подарок.

В пакете оказалось шесть аудио-кассет с записями различных групп. Две кассеты с Modern Talking — их пятый и шестой альбомы «Война за романтику» и «В саду Венеры». Одна, с первым альбомом группы «Коммунизм» Егора Летова — «На советской скорости». Остальные три — со сборниками иностранной эстрады.

— Спасибо, Юрий Викторович, — от всего сердца поблагодарил я.

— Да пожалуйста. Я рад, что ты рад, — сдохмил он. — А у тебя как дела? Есть что интересное для меня?

Я молча высыпал перед ним немного мелочи, найденной мной при редких в этом году походах на рыбалку.

— Мда. Ничего интересного, — расстроился мужик. — За всё — десятку дам, не больше. Я думал у тебя есть что-то поинтереснее.

— Есть, если вы конечно разбираетесь в фалеристике.***

— Разбираюсь. И даже лучше чем в нумизматике. Так что у тебя там?

— Медали. Американские. Вот, — я вытащил из рюкзака пакет и, развернув его, выложил две найденные в тайнике Петровны награды.

— Ух ты, — удивился фотограф. — Лётную медаль я видел, а за службу в Китае — нет. Что ты за них хочешь?

— Мне бы приодеться не помешало бы, — ответил я уклончиво, так как не знал цену наградам, а Юрий Викторович тоже не спешил называть свою цену.

— На твой размер? — он окинул меня взглядом. — Джинсовый костюм немецкой Монтаны, плюс спортивный польский костюм, — и видя, что я выжидательно молчу, как-то нерешительно добавил. — И штуку индийского денима.

— Не понял. Что за штука?

— Сверток, рулон индийской джинсовой ткани. Полтора метра в ширину и шесть метров в длину. Согласен?

— Да. А у вас всё здесь?

— Нет конечно. Завтра забежишь и заберешь. Слушай, Жень, — он в нерешительности пожевал губами, но всё же спросил. — А откуда это всё? Монеты, награды? Или тайна?

— Нет. Не тайна. Нахожу, — и видя его недоверчивый взгляд, пояснил. — У меня есть металлодетектор, ну, миноискатель. И я всё это нахожу и откапываю. А что?

— Вот это да. Мне мужики рассказывали про подобный способ поиска, но я особо не

верил. Слушай, а ты не продашь мне его?

— Нет. Извините, Юрий Викторович. Хотя, рублей за пятьсот отдам, — назвал я явно нереалистичную цену чтобы он от меня отстал.

— Пятьсот? Нет, не потяну. Слишком много в Москве спустил. А давай меняться?

— На что?

— На трехкамерный холодильник, — и видя моё изумление, добавил. — Большой, двухстворчатый, почти новый. В прошлом году сын купил, а тащить в Москву не решился.

Я задумался. Холодильник — это хорошо. И как-то подозрительно вовремя. На нашей старой «Оке» рассыпался из-за ржавчины механизм запора, и теперь бабуля подпирала дверцу холодильника табуреткой. И всё тянула, не хотела менять на новый. Кто-то ей пообещал достать дверь с работающим замком и заменить на нашем агрегате. А тут чудом предлагают за совершенно мне уже ненужный девайс, к которому я охладел.

— Почему нет? Давайте меняться. А как вы его ко мне привезёте?

— Найму грузчиков, а заодно шмотки тебе сразу отдам и ткань. Вечером тогда? Часиков в шесть?

— Ага. Хорошо. Буду ждать.

— А завтра прибеги во дворец. Поучишь меня работать с миноискателем.

Ровно в шесть, как мы и договаривались, трое мужиков с трудом заволокли ко мне в квартиру здоровенный металлический шкаф нежно-лимонного цвета. А из квартиры уволокли, по моей просьбе, подкрепленной тремя рублями, заранее мной отключенный и разгруженный наш старенький холодильник.

Юрий Викторович привез кроме обещанных шмоток и ткани, еще и документацию на холодильного монстра. В обмен получил миноискатель, мотоциклетный аккумулятор, приспособленный мной для его питания, и запчасти для ремонта.

Холодильник назывался «ЗиЛ-65». Имел три створки: одна в морозилку и две в простые холодильные камеры, плюс, на правой дверце отделение под сливочное масло с собственной регулировкой холода. Эмалированные камеры для фруктов и овощей и резервуар с хромовым покрытием на тридцать куриных яиц. Был же он ненамного шире старой «Оки», но высотой по паспорту тысяча шестьсот миллиметров. Зато весил он целых 135 килограмм. Но на его подвижности это никак не отражалось, так как он имел роликовые опоры.

Я потом еще долго лазил по технической документации и самому холодильнику, который кстати работал вполне себе тихо по сравнению со старым. И всё не мог поверить, что это советский агрегат, выпущенный советской промышленностью. Может это и правда — другая реальность? Больше всего меня смущали роликовые опоры и лимонный цвет корпуса.

Пришедшая с репетиции бабуля при виде нового холодильника сразу схватилась за сердце и надела на меня с вопросом — «сколько ты, ирод, денег на него потратил?» Я сделал вид, что обиделся, и ушёл в свою комнату слушать новые кассеты.

Через полчаса бабушка пришла мириться, долго меня обнимала и плакалась мне в плечо — «прости дуру старую». Естественно, простил, а потом почти весь вечер объяснял, что и как работает в новом холодильнике. Что характерно, судьбой старого аппарата, она даже и не поинтересовалась.

.....

31 августа, на итоговом награждении во дворце пионеров, младшей группе за второе место по городу дали новогоднюю путёвку в Москву. А значит и мы с Сидоровой тоже

пойдем вместе с ними. Мелкие вообще очень радостно восприняли новость, что теперь их тренировать будем мы. Оля будет вести занятия по пятницам и субботам, а я буду к ней присоединяться в субботу и сам вести в воскресенье. Ну, а понедельник — выходной, кайф. За исключением вечернего занятия в автошколе.

Провел с Юрием Викторовичем несколько занятий по пользованию металлодетектором. Предупредил, что городской пляж ежегодно чистят какие-то мужики с точно такими же миноискателями. И посоветовал проверить дикий пляж на левом берегу Дона, от хутора Задонье и до базы отдыха «Стрелка». У меня самого как-то не получалось туда выбраться, а находки там могли быть хорошие.

.....

На яблоки мы успели съездить всего шесть раз. А потом пошли дожди, и нас отправили на учёбу. Из новых предметов, наибольшие проблемы мне доставлял МХК, учебника по которому не было, и преподаватель музыки несла какую-то откровенную чушь про «советско-христианскую» культуру, и всё это приходилось конспектировать. Не удивлюсь, если это всё — она сама придумала.

Информатика же разочаровала. Нас обучали древнему учебному языку программирования «Робик»****, который в моей прошлой жизни изучали дети младшего возраста в различных кружках. Причем, урок информатики проводился не в школе, а в помещении УПК, возле пригородного железнодорожного вокзала. Отнимая для этого у нас час во второй половине каждой среды.

Хорошо хоть занятия проводили с использованием учебных ЭВМ «Агат»*****. На которых нас предполагалось обучать и работе с графическими программами «Маляр» и «Муравей» — прям каменный век и тёмные джунгли. Но на этом ужас не заканчивался. После того, как нас, десятиклассников, обучат работе на «Агате», в одиннадцатом классе нас начнут обучать работе на компьютере «УК НЦ»***** и новому языку «Рапира»*****. Насколько я знал из будущего, это всё мертвые языки, и их изучение ничего владельцам не даст, за исключением навыка работы на клавиатуре. Но куда деваться с этой подводной лодки?

.....

16 октября у нас дома собрались почти все подружки бабули, что бы посмотреть на цветном телевизоре первую серию сериала «Рабыня Изаура», разрекламированную мной. Бабкам так понравилось, что под чаёк, сушки и яблочное повидло, вся эта гоп-компания собиралась у нас все пять вечеров трансляции сериала. А мы с Сидоровой смотрели у меня. И не только смотрели.

Появление в расписании телевидения этого сериала напомнило мне, что в Ленинградской области в мое время, в конце года, ввели талоны на мыло и стиральный порошок. И если порошком мы запаслись надолго, то мыло можно было бы и прикупить. А то у бабушки, всего два куска «банного» в запасе. Не откладывая это в долгий ящик, я приобрёл и хозяйственного, и туалетного мыла. Правда без особого фанатизма. Этот дефицит всё равно временный, на четыре года максимум, а потом всё будет — лишь бы деньги были.

В конце октября несколько семи-восьмиклассников из наших дворов обнесли склад с медицинским оборудованием, расположенный на территории «Сельхозтехники». Буквально через несколько дней их всех уже допрашивали в детской комнате милиции и проводили сбор похищенного ими.

Эти недоумки прятали украденные ими инструменты и аппараты в технологические ниши в подъездах и за защитные пластины батарей отопления. Я когда узнал об этом, то решил на всякий случай проверить подобные места в нашем подъезде. И почти сразу нашёл два болгарских тонометра в картонных пачках и пенал с болгарским же фонендоскопом.

Сдавать найденное милиции я и не подумал. Такие приборы, которые сейчас называются сфигмоманометрами, пригодятся и в нашей семье. Тем более у бабули уже начинаются проблемы с давлением, она время от времени жалуется на мигрени. Перепрятал вне нашего дома среди туристического снаряжения во дворце пионеров, подожду пока уляжется шумиха вокруг происшествия и тогда принесу домой.

Шумиха утихла очень быстро, виновными в краже не признали никого, так как не смогли найти хозяина склада. Всё найденное было передано в городскую и районную больницы, что очень повысило качество работы этих учреждений.

.....

Утром 7 декабря, на уроке географии неожиданно задрезжали двойные вставки стёкол в окнах, а одно из них выпало и разбилось. И меня, как громом среди ясного неба, шарахнуло воспоминанием про Спитакское землетрясение. Вот честно, пытался хоть что-то вспомнить про него и так и не смог. А тут бац — разбитое стекло, и в мозгу горит дата 7 декабря 1988 года. Вечером в новостях западные радиостанции подтвердили сильное землетрясение в Армении. А советское телевидение об этом сообщило на следующее утро.

.....

Весь декабрь мы с Олькой готовились к поездке в Москву. Собирали разрешения родителей с мелких, составляли списки вещей и продуктов в поезд. С нами ехала в качестве официального руководителя сама директор дворца пионеров.

Бабуля опять начала причитать, что я её одну бросаю, а потом как-то быстро изменила своё мнение об нашей поездке. Видимо уже стала тоже списки формировать, гостей на новый год.

Стартовали мы после обеда, 31 декабря с железнодорожного вокзала Ростова-на-Дону, на местном фирменном поезде «Тихий Дон». Как и в прошлые наши поездки, у нас были купейные места.

Разместили девчонок и мальчишек, разместились сами, накрыли столы тем, что взяли в дорогу, и начали праздновать приближающийся Новый год под музыку из купейных динамиков. В какой-то момент, начавшая играть музыка, показалось мне знакомой, и я прибавив громкости, с удивлением узнал голос Юры Шатунова:

Белые розы, белые розы,

Беззащитны шипы.

Что с ними сделал снег и морозы,

Лёд витрин голубых?

Люди украсят вами свой праздник

Лишь на несколько дней

И оставляют вас умирать

На белом холодном окне.

А люди уносят вас домой, и вечером поздним

Пусть праздничный свет наполнит вмиг все окна дворов.

Кто выдумал вас растить зимой, о белые розы,

И в мир уводит жестоких вьюг, холодных ветров?

Кто выдумал вас растить зимой, о белые розы,

И в мир уводить жестоких вьюг, холодных ветров?

Учебно-производственный комбинат (УПК)* — организация, обеспечивающая старшеклассникам начальную профессиональную трудовую подготовку.

Мировая художественная культура (МХК)** — в советском образовании учебный предмет в школе, изучающий основы художественной культуры. Решением Министерства Просвещения РСФСР с 1977 года курс МХК преподавался как экспериментальный вариант обязательного предмета в старших классах общеобразовательной школы, а с 1988 года — уже как обязательный учебный предмет в старших классах общеобразовательной школы.

Фалеристика*** — наука, с середины 1970-х годов окончательно выделившаяся из нумизматики, занимающаяся изучением истории орденов, медалей, значков, настольных медалей и плакеток, жетонов, фрачных миниатюр, наградных документов, а также любых нагрудных знаков.

«Робик»**** — учебный язык программирования, созданный в СССР для обучения основам программирования школьников младших классов (8—11 лет). Язык был разработан в 1975 году, а затем доработан для включения в систему программного обеспечения «Школьница» для компьютера «Агат».

«Агат»***** — первый советский серийный персональный 8-разрядный компьютер. Разработан в 1981–1983 годах.

«Электроника МС 0511» («УК НЦ»)***** — персональная микроЭВМ, советский учебный компьютер (УК), разработанный для учебных классов.

«Рапира» (акроним от расширенный адаптированный поплан-интерпретатор, редактор, архив)***** — учебный процедурный язык программирования, разработанный в 1978–1979 годах в СССР в качестве средства перехода от более простых языков (в частности, учебного языка Робик) к языкам высокого уровня Сетл и Поплан.

Не откладывая в долгий ящик, сразу после песни отправился к проводникам и узнал что у них можно купить кассету с записями новой группы «Ласковый май». Купил сразу парочку. Дороговато кстати, пятнадцать рублей за кассету МК-60-5 подписанную просто шариковой ручкой — Первый альбом группы «Ласковый май» февраль 1988 год г. Оренбург. Мне сразу вспомнились рассказ Шатунова в какой-то передачи в будущем, где он говорил про вот такой способ рекламы, через продажу кассет. Раритет однако мне попался. Сразу после выступления Горбачёва и боя курантов, подарил вторую кассету Сидоровой поздравив её с наступившим 1989 годом.

.....

Приехали мы в Москву первого января в восемь утра. По какой-то необъяснённой нам технической причине, поезд пришёл не на Казанский вокзал, где нас должен был ждать автобус, а на Павелецкий.

Людмила Михайловна, пыталась куда-то дозвониться с телефона-автомата, пока мы с Сидоровой охраняли пытающуюся расползтись группу. Но, видимо, её попытки не увенчались успехом. К нам она вернулась грустной и задумчивой.

— Никто не берёт трубку, — как бы оправдываясь, сказала она нам.

— Хм. Утром первого января оно и не удивительно. А куда нам ехать-то надо?

— Улица Волочаевская, дом тридцать восемь, — прочла она с какого-то документа.

А адрес-то мне знаком...

— Людмила Михайловна, это не республиканский центр туризма и экскурсий случаем?

— Да. Он. Ты знаешь как туда добраться? — с надеждой во взгляде спросила она.

Я вытащил маленький календарик со схемой московского метрополитена, который на всякий случай прихватил в поезде. Город и метро я знал посредственно. Несколько раз приходилось приезжать в тот самый центр детского туризма в девяностых годах на курсы повышения квалификации. Правда, я приезжал с другой стороны и на Ленинградский вокзал. Но в предполагаемой мной схеме движения это практически ничего не меняло, станция метро Таганская тоже для меня была узлом пересадки.

— Так. Мы на Павелецком. Нам надо до станции метро Площадь Ильича. Сейчас спускаемся в метро, доезжаем до Таганской, переходим на станцию Марксистская и уже оттуда доезжаем до Площади Ильича. Нам нужны пяточки для турникетов. Людмила Михайловна, сходите разменяйте, пожалуйста. Там, разменные автоматы, — махнул я рукой в сторону входа в метро.

Пока директриса ходила и меняла деньги, Оля ходила за мной и зло шипела мне на ухо:

— Лисин! Ты говорил, что никогда не был в Москве. Откуда ты так хорошо её знаешь?

— Сидорова, ты что-то путаешь! Я тебе такого не говорил! А в Москве я был с Юрием Викторовичем. Помогал его сыну при переезде, вот малость и подучил, — придумал я на ходу отмазку.

Девчонка сделала вид что поверила, но, как пить дать, она ещё точно поднимет эту тему. Вернулась директор и мы, построив наших оглоедов, повели их к эскалаторам. Вел колонну я, Оля была в центре, а подгоняла отстающих Людмила Михайловна. На наше счастье, утром первого января в метрополитене было практически пустынно. В лицо ударил

поток теплого воздуха с примесью знакомых запахов озона и креозота. Почти как в родном Питерском метро. Блин, а я, и правда, соскучился по этим подземельям...

Загрузились, доехали, выгрузились. Повёл всех дальше. Я ориентировался скорее на ощущения, чем на кусочки далеких воспоминаний из будущего. Практически интуитивно провёл группу по лабиринту перехода со станции Таганской, до станции Марксистской. На Площади Ильича вылезли на поверхность, и я всех повёл к подземному переходу под железнодорожными путями останочной площадки «Серп и Молот». Ну, а дальше, минут пятнадцать неспешного путешествия, и мы практически на месте.

Людмиле Михайловне хватило десяти минут переговоров, чтобы нас впустили в четырехэтажное здание и поселили в наши номера. Номерами это было, правда, назвать проблематично с моей точки зрения. Но для аборигенов вполне приемлемые условия. Два десятиместных номера с удобствами в коридоре. За окном, с высоты четвёртого этажа, сквозь заснеженные деревья парка Дачи Строгановых проглядывала замёрзшая Яуза. А справа густо дымили кирпичные трубы вино-водочного завода Кристалл.

Только успели покинуть вещи, как позвали на завтрак. В моё время гостиница здесь была, а столовой — уже нет. Выдали всем по запеканке с какао. Как-то не очень, я, например, не наелся и, по вполне себе голодным взглядам малых — они тоже. Ну, оставим эту проблему нашей директрисе. У меня сегодня дел — выше головы.

Во-первых, надо передать пакет с чем-то сыну Юрия Викторовича. Во-вторых, смотаться в посёлок Сокол и разведать — где-же там находится таинственное кресло с пятьюдесятью тысячами советских рублей. Из известных мне сведений, я за все эти годы смог из своей памяти выудить только, что хозяина кресла звали Александр Жуков. И был он инженером и помощником то ли Берию, то ли Маленкова, а найденные в 90х годах деньги, были, по объяснению его внучки частью Сталинской премии. Женщина правда не учла деноминацию 1961 года. И в кресле, явно, была не только премия.

Сам я даже и не собирался пробовать достать это кресло. Тут нужен был взрослый. В общем, или бабулю привлечь или фотографа-бониста. И там и там — есть свои подводные камни. А главное, не хочется делиться такими деньгами с чужими.

Все экскурсионные мероприятия начнутся завтра, а сегодня меня Людмила Михайловна отпустила по моим делам. Причем, как-то свободно и спокойно отпустила. А вот Сидорову — нет. Хоть та и рвалась со мной.

.....

Совершил обратный марш-бросок до метрополитена, предварительно созвонившись с сонным и недовольным Юрчиком-младшим, которому и нужно было отдать посылку от отца. Договорились встретиться на северном выходе станции метро Медведково. Не ближний свет если честно. Из объяснений Юрия Викторовича я понял, что квартиру сыну купили в панельной пятнадцатизэтажке «с видом на МКАД».

Встретились, обменялись передачками. Назад я должен был отвезти аудио-плеер Sony Walkman NW2 с наушниками. Довольно-таки старенькая версия аудио-плееров, но удобная из-за того, что работала на батарееках типа «крона». Даже странно, зачем из Москвы его тащить, такие и в местных «Березках» продавались всегда. Да и я в местных комиссионках видел подобные. Может, что внутри корпуса спрятано? Ладно, приеду, спрошу.

Чтобы не возвращаться через весь город до пересечения оранжевой ветки метрополитена с зеленой, рискнул выйти на кольцевой станции — Проспект Мира. И проехать до Белорусской, а уже оттуда и до Сокола.

Долго болтался по Ленинградскому проспекту, пока, наконец, не вышел к самому посёлку. Еще минут пятнадцать шел вдоль улицы Врубеля, пока не попала первая живая душа, бабулька лет восьмидесяти на вид.

— Здравствуйте. С Новым годом. Не подскажете?

— И тебя, милоч, туда же, — неприветливо откликнулась старушенция. — Ищешь кого?

— Да. Мне нужен дом инженера Жукова Александра. Не знаете такого? Он был раньше помощником у Берии или Маленкова. Лауреат Сталинской премии.

Женщина скривилась как от приема внутрь целого лимона. То ли искомый Жуков был с ней в неладах, то ли от упоминания фамилий небожителей.

— Знаю, — почти проскрипела она. — Только опоздал ты, милоч. Помер он в прошлом году. Это тебе на улицу Шишкина надо. Восьмой дом, напротив роддома, — и развернувшись бодро почапала по своим делам, никак не отреагировав на моё «спасибо».

Возле искомого дома, была активная движуха. Грузчики выносили через распахнутые ворота мебель и грузили на простую подводу, запряженную парой лошадей. Ага, значит процесс продажи мебели бывшего хозяина идёт полным ходом. Что есть очень хорошо.

— Мальчик! А что ты здесь высматриваешь? — подошла ко мне из глубины двора, женщина лет сорока.

— Я не высматриваю. Мне сказали что здесь мебель можно купить.

— А. Ты по объявлению. Поздно. Уже все шкафы забрали.

— А что осталось? — насторожился я.

— Пара кресел и обеденный гарнитур, стол и десять стульев. Нужно? Посмотришь?

— Давайте гляну.

Кресла оказались совсем такими же как и на фото в сообщениях про клад. Правда, там было всего одно. Хозяйка хотела за каждое по пятьдесят рублей. Я пообещал, что донесу до своих взрослых информацию и цены, и взял у хозяйки контактный телефон, так как оказалось, что она живет в Хамовниках, а на дедушкину дачу приезжает редко.

.....

Возвращался назад, можно сказать, на автопилоте. Всё обдумывал как повернуть выкуп кресел и что с ними потом делать. Тащить на руках через всю Москву — подозрительно. В дома на Волоколамском шоссе и Ленинградском проспекте лучше не соваться, выглядят помпезно и пахивают ведомственным жильём с консьержами и охраной. А может даже и организации какие, ну, не знаю я Москву..

Из подходящих для потрошения кресел мест, нашлись только один незапертый подвал в панельной девятиэтажке и квадрат двухъярусных гаражей. Осталось только бабулю как-то уговорить принять участие в этом мероприятии.

За всеми этими мыслями проехал нужную мне остановку метро и приехал на наш начальный этап — Павелецкий вокзал. Пришлось повторять сегодняшний утренний маршрут. И только выйдя из-под земли на Площади Ильича, я понял, что уложился в первую половину дня и у меня есть свободной еще одна половина.

Кстати о половине. А не сводить ли мне Сидорову в кинотеатр? Думаю, сегодня, директор нас отпустит. Так, и где здесь ближайший кинотеатр?

Народу к обеду на улицах прибавилось, но никто не знал где искомое мной, находится. Вот лимита галимая, заполонила столицу и ничего не знают. Пришлось идти к постовому милиционеру, который и объяснил как пройти и проехать к кинотеатру «Победа».

На вечерние сеансы билетов не было. Ну, я понимаю, народ на «Ассу» идёт, но

«Забывтая мелодия для флейты» чем привлекает-то? Удалось купить билеты только на «Убить Дракона», на четырёхчасовой сеанс. Заодно выяснил, что от кинотеатра и до нашего места расположения, ходит трамвай номер сорок три. На нём же и поехали с Олькой после обеда. Людмила Михайловна отпустила нас без проблем.

Фильм Сидоровой не понравился. Быстрее всего, она его не поняла. Видимо не доросла еще, я же получил искреннее удовольствие от его просмотра. Мы даже немного поругались, но потом быстро помирились, когда я ей купил в кондитерской несколько пирожных-картошек.

Проверка вечером полученного для передачи аудио-плеера, ничего не дала. Все пломбы были на месте. Аппарат ни разу не разбирали, и я это тоже делать не собирался. Вполне простой плеер с уже установленной батареей. Проверил на единственной имеющийся у меня кассете с группой «Ласковый Май». Всё работает. Странно...

.....

Второй день нашего пребывания в Москве начался с посещения Кремля и Оружейной палаты. Отщёлкал полную 36-кадровую пленку в фотоаппарате только на Царь-Пушку и Царь-Колокол. Всем хотелось и в группе и в одиночку сфоткаться. Хорошо хоть плёнок с запасом взяли, спасибо за это Людмиле Михайловне.

В Оружейной палате первой экспозицией шла выставка из Алмазного фонда. Все, как зачарованные, ходили за экскурсоводам от одного экспоната до другого. Особенного долго на украшения залипала женская часть нашей группы. Зато на выставке средневекового оружия, уже мальчишки зависали со спорами, что из этого всего — круче?!

Сразу после обеда нас сводили в мавзолей, где все полюбовались на дедушку Ленина. Я, кстати, тоже первый раз его увидел и побывал в мавзолее. В той жизни как-то не сложилось. Оказывается, что в первую половину дня мавзолей открыт для всех, а во вторую только для организованных групп.

А затем был Государственный исторический музей. Директриса умотала в находившийся рядом ГУМ, а мы с Сидоровой вдвоём отдувались, опекая группу. В музее проходил масштабный ремонт и реставрация, и в тоже время, работали экспозиции. Приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы не врезаться в мешок с раствором или ведро с песком. Но, тем не менее, всем экскурсия понравилась.

Проблему с питанием Людмила Михайловна решила, и нас кормили очень хорошо. Конечно без всяких разносолов типа красной и чёрной икры как в Ленинграде, но вполне достойно.

Единственно чего не было, так это вечерней культурной программы. Кроме ежедневных музеев и выставок, было только одно посещение Большого Государственного цирка. Всё остальное время мы развлекали себя сами. Играли в мафию и прихваченную мной монополию. А перед сном с пацанами соревновались — кто громче пёрднет. Уверен на сто процентов, что девчонки так не развлекались.

На третий день была Государственная Третьяковская галерея. На её территории тоже что-то строили или перестраивали. Часть экспозиций была закрыта, да и остальное мелким не очень понравилось.

Наверное, самым запоминающимся из всей поездки, кроме Кремля, стало посещение московского планетария. А уже на выходе из него, прочитав объявление, что восьмого января в здании планетария состоится премьера спектакля «Маскировка» по пьесе Генри Каттнера*, пожалел, что мы уезжаем завтра.

Перед отъездом я успел прошвырнуться по близлежащим магазинам. Но ничего путного так и не нашёл. Чтобы не ехать домой с пустыми руками, приобрёл два радиоприёмника для абонентской радиоточки.** У нас на кухне так и дребезжал звуком из-за треснутого корпуса старенький «Каштан». Вот я и прикупил ему на замену красивый и почти миниатюрный «Олимп-316», чем-то напомнивший мне колонки из будущего. Второй радиоприёмник — «Ленинград-АГ» был настольным, но также подключался в радиосеть и предназначался в комнату бабули, которой хотелось слушать радио, работая на швейной машинке.

Обратно мы уезжали уже с Курского вокзала. На поезде Москва — Элиста. Уж не знаю почему мы сюда ехали в купе и на фирменном скором поезде, а обратно на простом пассажирском и в плацкарте, но этот ужас больше чем на сутки я запомнил хорошо. Щелястые окна с одинарными рамами, постоянные сквозняки и снег со льдом в туалетах. Вроде проводники и топили хорошо, но выше плюс пятнадцати в вагоне точно не было.

Спасибо нашей директрисе, которая сразу просекла куда мы попали и смогла из поездной бригады вытрясти по дополнительному одеялу на человека.

Для утепления своих ушей, нацепил наушники Sony Walkman, включил «Ласковый Май» на песне «Седая ночь» и развернувшись к спящей на противоположной полке Сидоровой, стал подпевать Юре Шатунову:

Я не знаю, что сказать тебе при встрече
Не могу найти хотя бы пары слов
А недолгий вечер, а недолгий вечер
Скоро станет ночью темною без снов
А недолгий вечер, а недолгий вечер
Станет ночью темною без снов
И снова седая ночь
И только ей доверяю я
Знает седая ночь не все мои тайны
Но даже и ты помочь
Не можешь, и темнота твоя
Мне одному совсем, совсем ни к чему
Знаешь ты без слов, тебе давно все ясно
Только прячешь взгляд своих счастливых глаз
И опять напрасно, и опять напрасно
Собираюсь я все рассказать сейчас
И опять напрасно, и опять напрасно
Собираюсь все сказать сейчас.

Оля, как будто почуяв мой взгляд, открыла глаза и с удивлением на меня уставилась? Или не почуяла, а услышала меня! Я что, вслух пел что-ли? Да нет, вон дед-сосед на боковушке, пытающийся при скудном освещении читать газету, даже и бровью не повел. Значит притворилась, что заснула. А потом она у меня отобрала плеер. Ну, мне не жалко.

В Ростов-на-Дону поезд приехал с приличным опозданием, глубокой ночью, можно сказать — даже ранним утром. Но автобус нас дождался, и через полтора часа мы были уже дома, в Азове.

А дома меня никто не ждал. Вернее, дома никого не оказалось. На мои стуки и звонки внезапно открылась дверь соседей Померанцевых. И заспанный дядя Лёша огорошил меня известием:

— Не трезвонь. Дома у вас никого. Бабка твоя в больнице. Аппендицит ей вырезали.

Генри Каттнер* (Henry Kuttner) — известный американский писатель-фантаст.

Абонентское устройство проводного вещания (в быту также называлось абонентская радиоточка)** — устройство, устанавливаемое у абонента и обеспечивающее воспроизведение радиопрограмм проводного вещания первой программы «Всесоюзного Радио».

— Вот. Держи ключи от вашего сейфа, — участковый протянул мне увесистую связку ключей, слепленную магнитом. — Да не переживай ты так, всё у неё нормально, она там уже давно, на днях и выписать должны, — успокоил он меня, широко зевнул и попытался скрыться за своей дверью.

— Дядь Лёша, подождите. А в какой она больнице? В районной или городской?

— В городской, в хирургии. Больше ничего не знаю. Всё, пока, — и он захлопнул дверь перед моим носом.

Мда уж. Съездил в Москву за сувенирами. А тут бабуля аппендицит умудрилась словить. Я по своей необразованности считал, что это болезнь молодых. Ладно, сначала домой. А то времени начала шестого. Никто меня до девяти утра в больницу не пустит.

И тут оказалось, что оба замка на новой двери уже открыты, а дверь закрыта только на мою магнитную защёлку. На второй двери все замки и защелка были закрыты.

Это что же получается? Кто-то попытался вскрыть нашу дверь, но защёлку найти не смог. Может, дядя Лёша зачем-то приходил? Да не. Зачем ему? Да он бы и сказал или как минимум закрыл замки назад.

В квартире было темно и щелканье выключателями света не прибавило. Пришлось лезть в щиток. Точно, автомат выключен. И явно не бабулей. Видимо воры, посчитав, что столкнулись с хитрым электрическим замком, попытались его нейтрализовать. Но у них ничего не получилось. Ай да я! Слава великому мне!

Дома в срочном порядке пришлось решать проблему с пропавшими продуктами в холодильнике. А было их прилично, видимо остатки не съеденного на Новый год. Пока выкидывал продукты, отмывал холодильник, приводил после этого себя в порядок, не заметил как пролетело время.

На завтрак отварил рожек и заварил чай. Если её вот-вот выпишут, то надо за оставшееся время: сделать генеральную уборку и закупить продуктов. Успел только прибраться в квартире, как позвонила бабуля.

— Алло! Женька? Здравствуй, родненький. Извини, что я у тебя такая невезучая, — затараторила телефонная трубка её голосом.

— Привет, ба. Как ты там? Тебе что-то нужно?

— Всё уже хорошо, завтра должны выписать. Жень, ты коньяк можешь где достать? А то хочу хирургу подарить.

— Да, ба. Найду коньяк. Ещё что?

— Сбегай к Валентиновне, к нашей руководительнице хора. Я ей уже звонила. Она тебе даст коробку конфет «Птичье молоко», заведующей хирургическим отделением подарю. И несколько трёшек принеси. И если будешь на рынке, купи мне баночку кислого молока с пенкой. Поллитровую, не больше. Только банку из дома возьми на обмен.

— А как к тебе попасть? Хирургия на втором этаже рядом с реанимацией? В какой ты палате?

— Женька, не суетись. Подноси всё к часу, я спущусь на лифте и заберу. А то на вахте досматривают что несут больным, и тебя с коньяком не пропустят.

— Да я и сам к тебе пройду, как в прошлый раз.

— Не надо, Жень. А то меня ругать будут. Хорошо?

— Хорошо, ба. А завтра? Тебя встречать?

— Нет. Я тут договорилась, меня на скорой привезут, после обеда. Алло, внучек?

— Что, ба? Еще что-то? Может, одежду какую.

— Не, просто в трубке щелкнуло что-то, я думала что связь прервало. Ну, всё. В час, чтобы как штык был! Понял?

— Понял, ба, — ответил я уже коротким гудкам.

Вот старушка-то боевая. Бесплатный таксофон был в холле первого этажа, а значит, она уже вовсю сама передвигается.

Пришлось в темпе вальса вскрывать тайник в тумбочке и извлекать одну из бутылок с коньяком «Лучезарный». А затем бежать к бабулиной руководительнице за конфетами. На обратном пути заскочил на колхозный рынок. Обычно народ ходит на рынок часам к пяти или шести утра, к приезду сельских продавцов. У них всё же дешевле чем потом у перекупщиков. Колхозники стремятся поскорее продать своё и успеть на работу, а городские этим пользуются.

Я же пришёл слишком поздно и рынок был уже почти пустым. Но нужными мне продуктами я всё-таки смог закупиться. Хотел купить рыбки, чтобы сварить ухи, но было уже слишком поздно и рыбы не было от слова «совсем». Пришлось купить курицу, сварю бабуле завтра бульончик. Фиг его знает, что после такой операции можно есть, но куриный бульон можно всегда.

Про кислое молоко я чуть не забыл, как и забыл дома банку на обмен. Хорошо хоть сунулся в молочные ряды, чтобы прикупить масла и сыра, и только увидев разнокалиберные банки с кислым молоком, вспомнил о бабушкиной просьбе. Пришлось переплачивать пятьдесят копеек за банку.

Покрутился еще по рынку, но ближе к полудню продавцов было уже совсем мало, или перекупы или кугуты* какие-то. Тьфу, понабрался здесь словечек, даже торговаться научился, выучив несколько торговых мантр типа: на рынке два дурака — один дорого покупает, другой дешёво продаёт. А всё от неё, от старой. Ладно, пора домой и к ней в больницу бежать.

.....

На следующий день, к приезду из больницы бабули, я успел приготовить обед и закинуть в стирку свои грязные шмотки. Старушка бодрилась, шутила, но было видно, что похудела и как-то даже заметно постарела.

— Так как это всё произошло? Я уезжал ты вроде здоровая была...

— Да как-то сразу придавило. Только вот отпраздновали, выпила немного и всё. Хорошо хоть у нас в гостях был Вася Кондауров с женой. Он сразу определил что со мной и вызвал скорую. Да еще и сам рвался оперировать. Надо будет и его отблагодарить как-то.

Дядя Вася Кондауров, был знаменитым азовским хирургом. Его знал весь город и все больные, которым необходима была полостная операция, рвались только к нему. А еще он был ветераном войны и частенько присоединялся к празднованиям у нас в квартире.

— Ты-то как съездил, рассказывай, — вспомнила она о моём путешествии.

Кратко отчитался о поездке, порадовал её новыми приёмниками для радиоточек. И намекнул про секретный и важный разговор. Она попыталась с ходу выяснить тему этого разговора, но я всё свел к тому, что «ты мне нужна здоровая и сильная», типа — лечись и набирайся сил.

.....

Хорошо, что Юрий Викторович сам позвонил и напомнил про плеер. А то за всей этой кутерьмой, я про него совсем забыл. Сбегал во дворец пионеров и отнёс переданный ему аппарат. Не забыв поинтересоваться — а зачем было его тащить из Москвы?

— А зачем покупать? — ответил фотограф-бонист. — Супруга стала ходить на «аэробiku»** и у них стало модно заниматься и дома под музыку из плеера. А сын ей на день рождения и передал. Спасибо что привез, Женя.

.....

В четверг, двенадцатого января, нас с бабулей посчитали. Приходили женщины-переписчики и долго заполняли громадные переписные бланки. Государство интересовало всё. Не только наши фамилии и имена, но и из какого материала построен дом, в каком году построен, сколько комнат в квартире, источник доходов.

А на следующий день меня точно так же посчитали и в школе. На моё недоумение, что меня уже переписали, мне ответили, что мол так надо. Ну, государству виднее.

В конце января закончил автошколу и сдал экзамены на права. Практику зачили на хорошо, не комфортно сдавать вождение на плохо чищенном от снега полигоне. А теорию и правила сдавали как билетами так и на автомате «Вятка-5»***. Тот еще агрегат. Что бы уверенно могли им воспользоваться, нас минут тридцать учили — как и сколько времени нужно жать на клавиши. Но даже после подробных инструкций, шесть человек из группы не смогла пройти тест на этом автомате. Я же оба раза, до армии и после армии, сдавал знания правил дорожного движения на подобном девайсе. И особо по поводу его использования не волновался.

К моему удивлению, права мне выдали сразу. Председателем комиссии оказался мой сосед-капитан с пятого этажа нашего подъезда. При выдаче прав, он мне подмигнул и пояснил:

— Женя, я тебя знаю давно, ты человек ответственный, с головой дружишь. Да и водить тебе пока нечего. Вот тебе сразу твои права. Смотри, на категории А и В стоят штапки «разрешено» и ручкой мы приписали — с 16 лет на А, и с 18 лет на В. Остальные категории мы не гасили, может ты до 18 лет еще на что сдашь.

— Спасибо, дядя Андрей, — искренне поблагодарил я. — Я думаю, что от ДОСААФ сдам еще и на С.

— Смотри сам. Но у нас в феврале стартуют курсы переподготовки водителей. Могу приписать к группе. Надумаешь, приходи.

А почему бы и нет. Когда ещё я смогу получить направление от военкомата? А так, пока учусь в десятом классе у меня и вечера свободные есть, и к экзаменам выпускным готовиться не надо.

— Спасибо. А как записаться?

— Оплати в кассу сто рублей за курсы переподготовки и с ордером оплаты подходи в методический кабинет, а там скажи, что я направил тебя в четвертую группу переподготовки.

— Ясно. Ещё раз спасибо. Сейчас и займусь.

.....

13 февраля у меня украли законный выходной, которым я разжился вместо УПК. Всех мальчишек нашей школы, 1973 года рождения, повели в военкомат на диспансеризацию. А у девчонок диспансеризация будет проходить в женской консультации. И то, и то на одной улице, почти в центре города.

Никто нас, естественно, не вёл. Просто велели вымытыми и со свидетельствами о рождении явиться к городскому военному комиссариату к девяти утра. Память услужливо подкинула сцену в таком же районном военкомате, но в Ленинграде. Пока мы проходили медицинскую комиссию какие-то ушлые пацаны вывернули все карманы на нашей одежде, которую мы оставили в раздевалке. Тогда все лишились денег, складных ножей и даже часов. Вот об этом я и предупредил своих одноклассников на классном часе, где нам и сделали объявление о военкомате.

— Изабелла Агасимовна, разрешите сделать объявление, — обратился я к классной руководительнице.

— А о чём именно? — насторожилась она.

— О военкомате, — и не дожидаясь разрешения выбрался со своей камчатки.

— Парни. В понедельник, когда пойдём в военкомат, не берите с собой деньги и ценные вещи и попроще оденьтесь. Там нет шкафчиков для вещей как в бассейне и поэтому всё придётся оставлять в открытую. А насколько я понял, завтра собираются прогнать через военкомат не только нашу школу. И есть опасение, что нехорошие люди могут пройти по карманам.

— Вообще ничего не брать? А как же ключи или часы? — задал вопрос Ромка Степанов, пришлый со второй школы.

— Ключи, я думаю, мало кого из грабителей интересуют, но, конечно, лучше дома всё оставить. И это, тапочки комнатные с собой возьмите.

— Зачем? — спросило сразу несколько голосов.

— Там, на медкомиссии, придётся или в носках или босиком ходить. А в военкомате полы холодные, каменные или линолеум. Я лично возьму, вы как хотите.

— Откуда ты всё это знаешь? — подал опять голос Степанов.

— У нас друг семьи — целый подполковник и заместитель военного комиссара города и района, — похвастался я. — В общем, я вас предупредил, а вы сами решайте.

— Лис, а у нас будут спрашивать куда мы хотим пойти служить? — неожиданно проснулся Сашка Иванов.

— Нет, Ива. Это просто медицинская комиссия. В следующем году нас будут ставить на первоначальный учёт, там и спросят. А ты где хочешь служить?

— В танкистах, как дядька.

Тут же со всех сторон загалдели пацаны, высказывая свои хотелки про службу в армии.

— Спасибо, Женя, — подала голос наша классуха. — Ребята, тише! Потом помечтаете. Я думаю вам стоит прислушаться к рекомендациям Лисина. Давайте откроем дневники и запишем про тапочки, — тут же опошила оно моё предложение, народ повозмушался, но про тапочки записал.

.....

Посещение военкомата прошло буднично. Я был абсолютно прав в своих предположениях. Нас на комиссии объединили еще с тремя школами и толчея была страшная. Естественно, в такой неразберихе, у многих пропали карманные деньги, и всё, чуть не переросло в драку между пацанами первой и пятнадцатой школ.

Когда мы раздевались «до трусов» перед медицинской комиссией, пацанов очень впечатлили мои рельефные мышцы и кубики брюшного пресса. Васька Тёмин из десятого «Б», даже пристал с расспросами — в какую качалку я хожу.

— Сам тренируюсь. Каждое утро на протяжении шести лет, — объяснил я ему.

— Да ну нафиг! Сам так не прокачаешься! Я пробовал! — не поверил Васёк.

— Так надо не пробовать, а делать. Через не хочу, каждый день. Да и нет у нас на районе качалок. Вот ты какие знаешь?

— Ну, — пацан стусевался. — Вроде в ДК «Ильича» что-то есть, и в бассейне.

— Так туда же не попасть, все группы заполнены и принимают только с шестнадцати, — влез в разговор другой мальчишка.

На этом, обсуждение моего тела и прочего «кача» и закончилось. Все переключились на животрепещущие предположение — надо ли снимать трусы перед врачами.

После прохождения комиссии я узнал, что вешу 62 килограмма и имею рост 170 сантиметров, а ширина плеч 50 сантиметров. В пятнадцать лет в прошлой жизни я был точно ниже и весил меньше, да и телосложением пожиже, хоть и занимался скалолазанием с восьми лет. Но ведь я еще расту, интересно, в какого бугая я вымахаяю? Или не вымахаяю? Ладно, поживём — увидим.

.....

15 февраля в программе «Время» нам объявили об окончании вывода советских войск из Афганистана. А сразу после окончания этой программы я рискнул поговорить с бабушкой про московский клад.

— Ба, помнишь я говорил тебе про важный и секретный разговор, когда ты вернулась из больницы?

— Ох. Да, помню. Что ты ещё учудил? Надеюсь, мне не пора правнуков ждать?

— Не. До правнуков ещё рано.

— Ну, спасибо, успокоил. Так что у тебя там тогда такого секретного?

— Мне в макулатуре попалось старое письмо, — начал я вешать придуманную лапшу на уши бабуле. — В нём один мужик пишет в Москву брату о том, что спрятал пятьдесят тысяч деноминированных рублей в кресло в его доме.

— Пфф. Внучек, ты сейчас надо мной издеваешься? Ты думаешь я «12 стульев» не смотрела? Вот зачем ты это придумал? Помучать меня решил? — возмущенно воскликнула бабуля.

— Не издеваюсь я над тобой. Это правда! Я, когда был в Москве, нашел этот адрес и даже видел эти кресла, — вспыхнул я и тоже поднял на неё голос.

— Ты говорил про одно кресло, — подняла она вверх свой палец. — Уже стал забывать что придумал?

— В письме речь шла про одно, но в доме по указанному адресу их было два одинаковых.

— А как ты в тот дом попал? Воровским способом? — теперь она почти шипела, что было нехорошим знаком.

— Нет. В доме была внучка хозяина. Она распродаёт старую мебель. И она хочет за каждое кресло по пятьдесят рублей, — терпеливо объяснил я ей.

— Ну-ну. А я тебе зачем?

— Я хочу чтобы ты съездила со мной в Москву и выкупила эти кресла. Мне хозяйка может и не продать, а тебе точно продаст. Я из своих денег полностью оплачу проезд и выкуп кресел.

Бабуля как-то странно на меня смотрела, подперев подбородок своими кулачками и зачем-то зажмурив левый глаз. Как будто целилась. И молчала.

— У меня и телефон хозяйки есть. Как приедем в Москву, сразу ей позвоним и

договоримся о встрече, — продолжил я уговаривать бабушку пока она молчала. — Как выкупим, сразу проверим на клад. Я даже парочку мест присмотрел под это. И если находим деньги, забираем их, а кресла там бросаем и домой едем. Ну, и деньги найденные, пополам, — спохватился я.

— С чего это вдруг пополам? — отмерла бабуля. — Нафига тебе такие деньжищи?

— А ты с ними что будешь делать? — не остался в долгу я.

— На книжку положу. Тебе на свадьбу, а мне на похороны.

— А на следующий день к тебе ОБХСС**** придёт и поинтересуется: Антонина Алексеевна, а откуда у вас столько денег? А не продались ли вы капиталистам за самую главную военную тайну?

— Тьфу на тебя, балаболка. А что с ними тогда делать? Как Петровна — в диван зашить?

— Их сначала надо найти в тех креслах. А потом уже думать куда тратить. Так ты согласна? Съездишь со мной в Москву?

— И когда ты ехать запланировал, кладоискатель?

— В марте, на весенних каникулах. Хорошо? — я мысленно радостно потёр ладошки.

— Давай сначала до них доживём! А то с твоими новостями мне точно повторно аппендицит вырежут. Попозже еще поговорим, и ты мне подробно всё расскажешь и письмо покажешь.

— Письмо не покажу, тут ты сама виновата.

— Не поняла. В чём ты меня обвиняешь?

— А кто обувь свою сушил листиками с моего стола? Взяла без спросу, скомкала и засунула в свои мокрые боты. А потом еще и выкинула. А там и письмо то было и черновик сочинения по литературе.

— Женя, ну, я же уже извинилась за тот случай. Не хотела газетами сушить. Свинец впитывается, а потом носки пачкает.

— Я помню. Вот найдём деньги, и купишь себе нормальные боты. Чего ты в старых дырявых ходишь?

— Так, поговори мне ещё тут. А ну марш зубы чистить и спать. — зарделась уязвленная старушка.

Вот, приучил её на свою голову, что зубы надо и вечером чистить, теперь она меня уже и этим гоняет...

Кугут* (южнорусское) — это недалёкий, необразованный, тёмный, с полным отсутствием вкуса человек. Тупая деревенщина.

Аэробика** (греч. αεr — «воздух» и βίος — «жизнь») — гимнастика, состоящая из аэробных упражнений под ритмичную музыку, которая помогает следить за ритмом выполнения упражнений. Была очень популярна в СССР в 80-е годы.

«Вятка-5»*** — электромеханический автомат для учёта знаний правил дорожного движения. Применялся в системе госавтоинспекции с 1976 года по 1995 год.

Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС)**** — отдел, в составе системы органов внутренних дел СССР (милиции) по борьбе с хищениями социалистической собственности в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской, промышленной и индивидуальной кооперации, заготовительных органах и сберкассах, а также по борьбе со спекуляцией. Существовал в 1937–1946 гг. в составе НКВД СССР, в 1946–1991 гг. — в составе МВД СССР.

Естественно никуда, ни за каким кладом мы не поехали. Или бабуся не до конца мне поверила, или опасалась чего-то. Как я её не уговаривал, она ни в какую не соглашалась. Я уже подумывал соврать про какие-нибудь соревнования и рвануть самому, в одиночку, в Москву. Но, поразмыслив, решил до летних каникул никуда не дёргаться. В мае я получу паспорт и, в крайнем случае, сойду за абитуриента в столичный техникум. А может и бабуля созреет на поездку.

24 марта я своей волей отменил занятия туристического кружка. Ибо в этот день, вечером, по центральному телевидению впервые показывали полнометражный мультфильм «Остров сокровищ». Мы с Олькой смотрели его у меня, покатываясь от смеха. Прикольный получился мультик. В той жизни я его смотрел краем глаза в конце девяностых и особо не запомнил.

Несколько раз приходила бабушка и делала нам замечания. Утром, в программе «120 минут»* её зарядил энергией от астматических влияний Алан Чумак**. А мы своим смехом не давали ей общаться по телефону с подругами по этому поводу.

.....

Весенние каникулы начались у нас на день раньше. Из-за выборов народных депутатов СССР на первый Съезд***, отменили субботние занятия. Но в день выборов в воскресенье нас, старшеклассников, всё равно обязали прийти в школу на дежурство. Наши доморощенные диджеи из 11 класса вытащили музыкальные колонки на козырёк над входом в школу и в 7:30 утра весь микрорайон проснулся от громкой музыки.

На шестнадцатилетие Оли я решил подарить ей половину того отреза джинсовой ткани, который получил от Юрия Викторовича за американские награды. Там вполне хватит на пошить костюм. За процессом деления свертка ткани меня и застала бабуля.

— А что это у тебя такое? — сходу поинтересовалась та.

Я ведь ей не показывал этот рулон.

— Ткань, джинсовая. Вот режу. На подарок Сидоровой. Может, что сошьёт себе.

— А остальное тогда мне отдашь, — в ультимативной форме потребовала бабуля и ухватила отодвинутый мной в сторону скомканный кусок ткани.

— С какой радости? — я от удивления, даже прекратил сворачивать первый кусок. — Не твоё — не трогай, — и почти вырвал ткань из её загребущих ручек.

— Тебе, что, жалко? У меня брезент кончается. И из чего тогда шить твои заказы?

— А что ты собралась из джинсы шить? Рюкзаки?

— Нет, сумки, — пробурчала бабушка.

— Сумки? Хм. О! Сумки! Точно! На, держи, — я вернул ей скомканную ткань. — Пойдём в твою комнату, нарисую и расскажу, что надо сшить из этой ткани.

Нарисовал ей вид сумки-бананки или как называли их наши челноки в 90-е годы — «желудки», за то, что носились всегда спереди и прятались под одежду. Вот эту концепцию «сумки для торговцев» я и выдал бабуле. Заодно заказал сразу парочку на подарок сшитым внутри кошельком-конвертом из толстой кожи для денег.

Не успел выйти из её комнаты, как вспомнил про шейные сумки. Вернулся, нарисовал и попросил одну к завтра сшить. Ольке подарю.

— Ты думаешь, такую фигню будут носить? — удивилась бабуля.

— Будут, не будут. Давай попробуем.

— Ну, смотри. Я-то сошью, ты только деньги мне плати.

.....

Подарки Оля приняла благосклонно, что выразилось в поцелуе в губы. Основная масса собравшегося на днюху народа к этому, впрочем, уже привыкла. Жмур с Петрухиной и сами уже вовсю милуются, а братья Лубенцы, наконец тоже обзавелись подругами. Которых и притащили в гости к Сидоровой, естественно с её разрешения.

К моему удивлению, подруги Лубенцов оказались немками. Анна Кох и Зина Кнорр. Обе с одного хутора в нашем районе. Бурхановка — я про такой населенный пункт и не слышал даже, а уж если судить по названию, то точно не немецкое поселение.

Немецкого языка из них правда никто не знал, в школе учили английский, но это точно не помешает им свалить на историческую родину в девяностых годах. А вместе с ними и Лубенцы смогут отправиться покорять Европу. Если конечно это знакомство не окажется мимолётным. Надо будет потом поговорить с парнями на эту тему.

Потанцевали, поели тортика, порассказывали всякие приколы. Поухахатывались над Андрюхой Лубенцом, который учился ездить на комбайне, а у него отказали тормоза. Так и катался по кругу, пока не догадался выключить двигатель.

Судя по новостям западных голосов, которые уже никто и не глушил, апрель в Советском Союзе выдался кошмарным. Сначала утонула подводная лодка К-278 «Комсомолец», затем в Тбилиси армия разогнала протестующих, с многочисленными убитыми и ранеными. Следом Верховный Совет Литовской ССР провозгласил государственный суверенитет республики. Но советским гражданам, особенно мужчинам, было не до всего этого. 15 апреля в Швеции начался чемпионат мира по хоккею.

.....

Новые поясные сумки пошли на рынке только влёт. Первую пошитую я презентовал своему торговому агенту дяде Боре. А уж он расхвалил её всем знакомым торговцам. Так что почти все пошитые бабушкой сумки разбирали только они. Шейные сумочки тоже нашли своего покупателя. Очень быстро бабуля перевела всю ткань на изделия и мне пришлось побегать, поискать замену. А ведь совсем недавно покупал калининскую джинсовую ткань вполне спокойно, а сейчас, с развитием кооперативного движения, даже она превратилась в дефицит. Плюс, нагрёб по галантереям прозапас молний, заклёпок, кнопок и прочей фурнитуры.

Первого мая наша сборная по хоккею заняла первое место на чемпионате мира, а уже третьего мая это событие омрачил поступок нашего хоккеиста Александра Могильного, который попросил политическое убежище в США.

Сами майские праздники, включая наши с бабулей днюхи, пронеслись метеором по небу. А всё из-за подготовки нашей туристической команды к городским соревнованиям. Единственно, что запомнилось, так это навороченный подарок от бабушки, который был мне совершенно не нужен. Бабуле попался супер-дорогой девайс в отделе для ветеранов и она посчитала, что я без него точно не проживу. И приобрела, а потом и мне подарила микрокомпьютер МК-85. Ну и зачем он мне? Я что, атомные реакторы разрабатываю? Но в ответ, естественно, поблагодарил, пообнимал довольную старушку, а в уме сразу решил, что этот девайс точно кому-нибудь загоню.

.....

Десятый класс мы с Сидоровой закончили ноздря в ноздю с одними пятёрками. И

сразу же после последнего звонка уехали со своими туристами на городские соревнования в родной и до последнего кустика знакомый лес за речкой Азовкой.

Видимо не зря мы столько гоняли мальчишек и девчонок на тренировках. Наша команда, азовского дворца пионеров, в легкую и с довольно большим отрывом по очкам, взяла первое общегородское место. Что вылилось в поездку на областные соревнования. Которые в этом году проходили в лесхозе «Кундрючий» недалеко от города Шахты.

Перед поездкой на областной турслёт, я наконец получил свой паспорт. Спасибо за помощь начальнику паспортного стола, а по совместительству и моему соседу по подъезду, майору Маханько. Который и ускорил начальственными указаниями получения мной паспорта. Остальные и подольше ждут чем две недели после шестнадцатилетия. И отдельно сдавать паспорт на прописку не надо, сосед и об этом позаботился. Ну, за мной не заржавеет, если что надо будет, всегда помогу.

На области наши мелкие тоже отличились и заняли второе место в общем зачёте. Слава ВЦСПС, что не первое. Нам еще не хватало на республиканские соревнования ехать. Но сами мелкие расстроились. Мы на области вообще выше третьего места никогда не залазили, а эти от второго расстроились. Вместе с ними расстроенным с турслёта приехал и Владимир Владимирович. У нас с ним вообще конфликт случился. Его отправили старшим над группой, ну и нас с Олей ему в помощь.

А он прихватил свою команду. И попытался её заявить на соревнования вместо нашей. Типа, мы уже и так должны быть сыты победой на городском слёте, а ему надо своих малых в деле попробовать. Пришлось ему долго и нудно втюхивать в голову, что он своей подтасовкой подставит весь город и самого себя.

— А я здесь причём? — не понял он.

— В следующем году Людмила Михайловна собирается уходить на пенсию. И твою кандидатуру активно проталкивает в отделе образования на своё место. Не знал? — со злости перешёл я на «ты».

— Блин. Первый раз слышу. Что, правда? Ты мне тут спагетти на уши не развешиваешь?

— Да елки-зеленые. Весь дворец об этом шепчется. Приедешь, у своей супруги спроси. А сейчас если своих выставишь, то можем вообще на дисквалификацию уйти, если кто дотошный списки сверит участников. И тогда точно твою кандидатуру никто не поддержит. И будешь вечным тренером.

— Но я же обещал своим, что они будут участвовать.

— Ну и выставь их вне конкурса. Пусть потренируются.

Еле убедил. Потом, уже после приезда с турслёта, и он сам и его супруга Вера Павловна наш комсорг, приходили благодарить за то, что вовремя осадил эти «горячие порывы».

.....

После того как мы с Сидоровой приехали с турслёта нас в родной школе огорошили новостью, что летняя отработка проводится теперь по месту прохождения УПК.

Директор дворца пионеров нас успокоила, сказала, что наша поездка на соревнования и пошла в зачёт летней педагогической практики. А вот весь остальной состав педагогического УПК будет по две недели отрабатывать на летних дворовых лагерях, которые уже организовали в каждом микрорайоне.

Поговорив с директором, я заскочил в наш туристический кабинет за спрятанным тонометром. Пора его уже в квартиру переселять. И уходя, на лестнице, встретился с Юрием Викторовичем.

— Евгений, привет. Я там тебе еще парочку кассет привёз. Пойдём отдам.

Чой-то он меня балует кассетами. Что на этот раз нужно от меня этому хитрому фотографу? Но по приходу в его кабинет, я понял, что быстрее всего, это просто прощальный подарок. В кабинете и в его лаборатории не было никакого имущества. Или всё сдал, или это всё было его личное и он домой вывез.

— Вот. Держи, — и он протянул мне две кассеты SONY.

— Спасибо, Юрий Викторович, — поблагодарил я его. — Они чистые что ли? Надписей нет.

— Там внутри, на вкладыше, название.

Обе кассеты оказались с записями группы «Кино». На одной два последних альбома: «Группа крови» и «Звезда по имени Солнце». А на второй: «Начальник Камчатки» и «Ночь». Куда потерялся альбом «Это не любовь» я спрашивать не стал. И так шикарный подарок. А если там еще и студийная запись — то вообще класс!

— Спасибо большое. Я смотрю, пустовато здесь. Переезжаете всё-таки в Москву?

— Да, Жень. Через месяц. Самому не вериться. Ведь всю жизнь здесь, в Азове прожил.

— А как с работой? Получилось?

В одну из прошлых наших встреч, когда я учил его пользоваться миноискателем, он разоткровенничался и рассказал про свои планы. Из его слов выходило, что его пригласили поучаствовать в создании и работе антикварного кооперативного магазина.

— Не совсем, — вздохнул он. — Там нужен солидный вступительный взнос из какого-нибудь редкого антиквариата. А я такой предложить не могу, поэтому буду пока работать на стороне, а там, может что-то попадётся. У тебя случаев нет ничего подобного?

Вот теперь понятна его цель с кассетами. Я же пришелец с Тау Кита. А вдруг у меня что-то есть. И у меня это что-то точно есть. Но вот если и скидывать медный червонец-сеятель, то за исключительно приличную цену. Реализовать его в близлежащие двадцать лет точно не получится за реальную стоимость. Запрошу много, а там если откажет, будет лежать, ждать своего часа.

— Есть, Юрий Викторович. А как вы догадались, — я ехидно заулыбался.

— Ну. Это же ты. У тебя всё что угодно может быть. Так что именно есть-то?

— Не так быстро. Я сначала цену назову, а вы уже думайте. Если согласны — то покажу этот артефакт.

— Заинтриговал, шельмец.

— В общем. За этот предмет я хочу гараж в кооперативе и мотоцикл «Иж Планета-5» с коляской, — озвучил я свои хотелки.

— У тебя там что, яйцо Фаберже что ли? — удивился мужик.

— Нет, немного другое. Как вам цена? Гараж у вас вроде бы был, а мотоцикл сейчас не проблема купить. Зато, за этот артефакт вас точно возьмут в ваш кооператив.

— Гараж и сейчас есть. Договориться с председателем кооператива и переписать на тебя проблем не будет. Шестнадцать тебе же есть? — и дождавшись моего кивка, продолжил. — Мотоцикл тоже не проблема. В принципе я согласен, зная тебя, уверен, что туфту ты мне не будешь предлагать. Но заинтриговал. Поехали покажешь.

— Я на велике. Куда его?

— Он же у тебя складывается! В салон запихнём. Поехали!

— Нет. Давайте вечером. В шесть. Возле моей школы.

— Ну, ладно. Надеюсь, дотерплю.

Приехав домой я выколул из тайника червонец и обе трехрублевки 1958 года на всякий случай. Переупаковал в пластиковые, прозрачные конверты и занялся домашними делами. Сделка выгорит или не выгорит, а у меня висит несколько заказов на арт-светильники.

Вечером, без десяти минут шесть, я подошёл к школе. Жигулёнок Юрия Викторовича уже стоял на обочине, в чахлом тенёчке от акации. Открыл дверь переднего сидения и усевшись в душный и прожаренный солнцем салон автомобиля, протянул молчавшему фотографу пластиковый конверт.

— Что это? Монета? Сеятель? Медный? Подожди. Но этого не может быть. Как? Вернее откуда он у тебя? Только не говори что с «Тау Кита».

— Хорошо. Он с «Альфа Центавра». Устроит?

— Пфф, — только и фыркнул мужик не отрываясь от рассматривания монеты через увеличительное стекло. — Похоже на настоящую, — промямлил он.

— Вы много их видели? Чтобы отличить?

— Видел, в хранилище Ленинградского монетного двора. Друг экскурсию устраивал. Не как? Как она здесь оказалась? — фотограф вопросительно уставился на меня, но явно вспомнив мой ответ, просто покачал головой. — Немыслимо. Правда не скажешь?

— Если скажу правду, то придут люди в чёрном и сотрут вам память, а меня депортируют на «Тау Кита», — решил я приколоться.

Если мужик доживёт до фильма, то он реально прифигеет, вспоминая наш разговор. А он его точно запомнит. Ха-ха, ржака.

— Даже и не знаю, редкость конечно, но на гараж точно не тянет, — тем временем Юрий Викторович решил включить дурачка и поторговаться.

— Монету верните, — протянул я руку. — На нет и суда нет. Передумаете, звоните, номер знаете, — мужик нехотя вернул монету, и я выбрался из его автомобиля.

Фотограф позвонил через два дня и дал согласие на все мои хотелки. Почти неделю он потратил на переоформление на меня своего гаража. «Первый кооператив», как незамысловато назывался этот гаражный кооператив, находился буквально рядом с моим домом. Ну, не совсем конечно рядом, но что такое триста метров. Рядом, короче.

Уж не знаю сколько он заплатил за всю эту процедуру: собственный выход из кооператива, приём меня туда через голосование актива и оформление бокса номер двадцать два на моё имя. Но на всё ему понадобилась ровно неделя. В гараже уже стояла выбранная мной модель мотоцикла, а у меня на руках был чек о приобретении мотоцикла за 620 рублей, для оформления транспортного средства в ГАИ и получения номера.

— Ну, вот. Вроде всё, — сказал он мне, отдавая связку ключей от бокса.

— Юрий Викторович, а не подскажите, к кому мне можно будет обращаться за дефицитом. А то вы уедете, а я больше никого в городе не знаю.

— Хм. Кого бы тебе посоветовать? — задумался он. — Ааа. Точно. Рядом с тобой живет, в кооперативном доме, Краснопёров Александр. Он в ресторане «Казачок» завскладом работает. Всё достать может.

— Это, который, на грузовом мотороллере ездит?

— Да. Он.

— Знаю его. У него еще сын, на год младше меня, толстенький такой. А этот мужик мне поверит? Ну, что я от вас?

— Скажешь ему про шампунь «Кря-Кря» в виде пластмассовой утки. Он

коллекционирует шампуни и я ему достал болгарский. Тот, что они для себя производят, а не нам поставляют. Об этом только мы вдвоём знаем. Вполне за пароль сойдёт, — ухмыльнулся фотограф.

— Ясно. Тут еще одна просьба есть. Можете шприцы импортные одноразовые достать?

— А тебе зачем?

— Опасения имею. В прошлом году, в Элисте, почти двести человек СПИДом заразились. А их оттуда к нам в Ростовскую область отправили лечиться, — и видя недоумённый взгляд оппонента, пояснил, — Боюсь, что и у нас в области начнут заражаться. А там заражения происходят в большинстве через плохо прокипячённый многоразовый шприц.

— И что? Этот твой СПИД такой заразный? — удивил меня мужик.

— Он неизлечимый, смертельная болезнь. Так что насчёт шприцов?

— А много тебе их надо?

— Ну. Сотню на десять миллилитров и сотню на пять, хотя бы.

— Ни фиги себе. Я даже не знаю.

— А за это? — я показал ему монету в три рубля 1958 года.

Юрий Викторович покрутил конверт с монетой в руке и тяжело вздохнув, произнёс:

— Не знаю. Попробую. Тоже с «Альфа Центавры»?

— Нет. Эта с «Бета Центавры».

«120 минут» (Доброе утро)* — утренняя информационно-развлекательная телепрограмма «ОРТ/Первого канала», выходит с 13 июля 1987 года и включает в себя несколько публицистических и развлекательных программ, а также новости.

Аллан Владимирович Чумаков** — советский и российский телевизионный деятель, позиционировавший себя как целитель и экстрасенс. В конце 1980-х — начале 1990-х годов стал одним из самых известных «целителей» в России благодаря телевизионным сеансам, транслировавшимся на территорию всего СССР. Во время телевизионных сеансов «заряжал» с помощью пассов руками различные субстанции: воду, кремы, мази и т. д.

Съезд народных депутатов СССР*** — высший орган государственной власти в СССР на заключительном этапе его существования — в 1989–1991 годах. I Съезд начал работу 25 мая 1989 года и стал значительным политическим событием в жизни страны.

— Ты всё-таки без меня в Москву ездил, — укоризненно покачала головой бабушка.

— С чего такие выводы? — не понял я.

— Так вот же, — она мотнула головой в сторону лежавших перед нами на столе бланка гаражного ордера и книжки технического паспорта мотоцикла.

— Я же тебе рассказывал. Юрий Викторович в Москву переезжает. А я у него выкупил гараж, — терпеливо повторил я ей.

— А деньги ты откуда взял, шельмец?

— Из тумбочки, — но, видя её недоумение, пояснил. — Скопилось. Ты сумки и рюкзаки уже два года шьёшь. От меня получаешь за них до сотни в месяц. И я столько же с них имею, плюс светильники мои, ремонт электрики. Вот и скопилось. Ты против?

— Нет. Что ты. Я только за. Теперь в гараже можно будет и закрутки хранить и часть старых вещей, — пошла она на попятную. — Ты замки-то поменял?

— Да. Сменил. И магнитную защёлку поставил. Завтра сходим, я покажу. И твой комплект ключей отдам.

— А чего номер такой некрасивый получил? Циферки то без разницы, но вот этот «РОГ», что, других не было?

— Что выдали, то и взял, — огрызнулся я, так и подмывало сказать, что куча народу в Ленинградской области, вообще с номерами «ЛОХ» ездят. Но не поймёт же. — Мне номер сразу и то по блату дали. Там сейчас надо два-три месяца в очереди стоять. Даже номера дефицитом стали, — уже более спокойно объяснил я ей.

— Женечка, миленький. Ты только не гоняй на своём драндулете как оглашенный. Вон, у подруги со швейной фабрики сын на мотоцикле разбился насмерть, — неожиданно запричитала она и в её глазах появились слёзы.

— Обещаю. Не буду гонять. Да ты же сама знаешь, что тот парень по пьяни разбился, а я вообще не пью. И шлемы в комплекте есть. Тебя буду возить на «Соленое» озеро, да с Олей на пляж. Вот и всё.

— Ой. С озером ты это хорошо придумал.

— Так я это всё и придумал чтобы тебя туда возить. Надоело слушать как ты мечтаешь испытать силу целебной грязи. Ах да, вот что ещё, — я достал из-под стола свёрток, из которого извлёк десяток одноразовых шприцов и ленту с такими же скарификаторами.*

Их, эти иголки, мне совершенно неожиданно подогнал Юрий Викторович вместе с шприцами. Сам я и не подумал даже о том, что сейчас палец прокалывают для забора крови на анализы тоже многоразовыми инструментами. И, порой, обслуживают сразу несколько человек одной иглой.

— Что это? Шприцы? Зачем? — удивилась бабушка.

— Это одноразовые шприцы. Если, не дай Чумак, ты заболеешь, то лекарства колоть будешь теперь такими.

— О. А у тебя ещё есть? — и дождавшись моего кивка, продолжила. — Все давай, я подругам раздам.

— Ты, часом, не рехнулась? Один такой шприц стоит почти полтора рубля! Я их достал с трудом, чтобы моя родная бабуля не заразилась всякими туберкулёзами, СПИДаами и сифилисами. А она их раздавать собралась. Как конфеты. Ты еще не того? Не ку-ку? Крыша

на месте? — выверился я на неё.

— Ой, — растерялась женщина. — Я же не знала. Чего ты сразу на меня кричать начал?

— Да мозги свои просто иметь надо. Не знаешь — спроси! А не мечтай сразу раздавать. Так, ладно. Вот это вот, — я показал ей упакованный шприц с иглой. — На один укол. Сделали и выкинули.

— Вот просто так выкинули? — вылупила на меня глаза старушка. — А прокипятить его нельзя потом? Жалко же.

— Нет. Он одноразовый. Пусть медицинские работники с ним что угодно после инъекции делают. А ты, на следующий укол, новый шприц берёшь. С этим ясно? Теперь вот это, — я взял ленту с одноразовыми скарификаторами. — Это одноразовые иглы для забора крови из пальца. Идёшь на анализы, бери парочку штук с собой. На всякий случай. Поняла? Я хочу чтобы моя бабушка была здоровая и прожила ещё долго-долго.

— Спасибооо, Женечка, — бабуля меня обняла и разрыдалась у меня на груди.

О как. Она у меня на груди, а не я у неё подмышкой. Как время-то летит...

.....

Мотоцикл я зарегистрировал сразу после сдачи водительских экзаменов на категорию «С». С получением номеров могла возникнуть проблема. Так как из-за увеличения дохода, население стало активно приобретать транспортные средства, а выпуск новых номерных знаков осталось на прежнем уровне, возник дефицит на номера.

В первую очередь номерными знаками обеспечивалась столица области и города областного значения и только потом очередь доходила до прочих населённых пунктов. В сельских районах с этим вообще была труба. Но там, все были свои и езда без номеров была вполне себе нормой. А учитывая, что на селе с четырнадцати лет подростки работали на тракторах, а с шестнадцати на комбайнах, то частенько водили вообще без прав.

В городе автомобилисты получали временные, бумажные номера, которые и крепили за лобовым стеклом. На мотоцикле это не работало.

Хорошо когда живешь в одном подъезде с кучей милицейских начальников. И мне по благу был выдан один из резервных номеров. Но с условием. Поставить во всём нашем подъезде такое же освещение как и на моём первом этаже. Не нравилось милицейскому начальству ходить по тёмному подъезду. Делов-то, пятьдесят рублей на материалы и пару дней возни на стремянке. Зато сразу номера и возможность ездить, а не ждать когда про тебя вспомнят.

Узнав про дефицит номеров, я вспомнил и про другой дефицит, запчастей. Помню, друг в девяностом убивался, что нельзя достать запчасти, лампочки и аккумулятор. Может в этой местности подобного и не будет, но на всякий случай закупились всяким. Благо теперь, есть где это всё хранить.

Гараж мне достался шикарный, ухоженный и укомплектованный. Часть инструмента Юрий Викторович увёз с собой. Но старый и просто ржавый брат не стал. Вот лентяй. А этот инструмент почищу и будет как новый. Остались в гараже и стеллажи, верстак с массивными тисками и пара железных ящиков. Имелся даже кухонный уголок с раковиной, водопроводом и печкой буржуйкой, труба которой выходила через заднюю стену на улицу. Явно люди под себя строили.

Был здесь даже подвал, а не просто смотровая яма. Небольшой, размером всего в треть от надземного помещения, но вполне удобный. Тоже оборудованный полками и железными ларями. А в углу нашёлся древний холодильник «Саратов-2». Толку от него всё равно ноль

из-за участвовавших вверных отключений электричества. Бывает, каждый день на пару часов вырубают. Но раз оставили — не выкидывать же?

.....

В комплекте с мотоциклом шло два шлема «Салют» производства завода «Буревестник» из Гатчины. Оба шлема были с козырьком, но без новомодного пластикового щитка-забрала. Третий шлем пришлось докупать самому. Единственное что было в продаже в магазине «Спортивный», простые, но стильные и красивые шлемы без козырьков эстонского комбината «Salvo», за 12 рублей. Но Оля обиделась когда я ей его предложил надеть.

— А почему мне без козырька?

— А потому, что ты сзади меня сидишь и при торможении будешь лупить меня по затылку козырьком и отломаешь его, — давай попробуем, предложил я.

Попробовали как я и предполагал, при резком торможении если девчонка не прижималась ко мне, а сидела свободно, то мы звучно сталкивались шлемами. Посмеялись на эту тему и она признала мою правоту.

На машинный пляж мы ездили теперь почти каждый день. Сначала сами. А потом нам на хвост упал Жмур с Петрухиной. Он тоже сдал на права и отец ему доверил управлять своим стареньким «Ковровцем».** Так как люльки у него не было как, и практики у водителя, то Ирку мы возили первое время в нашей люльке. И только уже к концу лета она осмелилась пересесть к своему ухажёру.

А вот шлемы у них отсутствовали. И они ездили в простых шахтерских касках. Я сначала по своей неграмотности обозвал их строительными шлемами. Но неожиданно получил отпор от Петрухиной, которая объяснила, что у них именно шахтерские каски. Так как на них есть крепление для коногонки.*** Слово за слово, и я узнал что это такое. В конце своего монолога, видимо для закрепления эффекта, Ирка вполголоса спела шахтерскую песню про «коногона с разбитой головой». Мотивом очень напоминающую — «по полю танки грохотали».

Вот лошадь мчится по продольной,

По темной, узкой и сырой,

А коногона молодого

Предупреждает тормозной:

«Ах, тише, тише, ради бога!

Здесь ведь и так большой уклон.

На повороте путь разрушен,

С толчка забурится вагон».

И вдруг вагончик забурился,

Беднягу к парам он прижал,

И к коногону молодому

Друзей на помощь кто-то звал.

Через минуту над вагоном

Уже стоял народ толпой,

А коногона к шахтной клетки

Несли с разбитой головой.

«Ах, глупый, глупый ты мальчишка.

Зачем так быстро лошадь гнал?

Или начальства ты боялся,

Или конторе угождал?»

«Нет, я начальства не боялся,

Конторе я не угождал, –

Мне приказал начальник шахты,

Чтоб порожняк быстрее давал.

Прощай навеки, коренная,

Мне не увидеться с тобой.

Прощай, Маруся, ламповая,

И ты, товарищ стволовой.

Я был отважным коногоном,

Родная маменька моя,

Меня убило в темной шахте,

А ты осталась одна».

На наши вопросы девчонка рассказала, что у неё дед, бывший шахтёр, и часто поёт разные шахтёрские песни. И она, когда была маленькая, пела вместе с ним, вот и выучила.

Потом она частенько пела нам на пляже и даже втянула в это дело Олю. А мы с Витькой с удовольствием слушали их.

Бывший ботан и хлюпик к шестнадцати годам тоже значительно изменился. Ростом он меня, конечно, не догнал, но значительно окреп. Ещё в четырнадцать, его батя записал Витьку на какие-то занятия по самообороне при городском отделе милиции. И там ему хорошо подтянули физуху.

Все попытки моих дворовых друзей выпросить у меня поуправлять мотоциклом я теперь смело разбивал вполне законным вопросом: «А права у тебя есть?». Но покататься на моём транспортном средстве хотели не только друзья и приятели, но и вполне незнакомые личности. На пляже пару раз возникали конфликты с пьяными парнями, типа: «дай в город съездить».

Один раз даже пришлось помахать с пьяным парнем лет за двадцать. Его, оказывается, забыла его компашка, и ему срочно нужно было в город. Вот он и выбрал меня, как самую молодую жертву. Пришлось его успокаивать ударом в живот, о чём я очень быстро пожалел. От моего удара его стошнило. И если я почти успел отскочить, то движку мотоцикла досталось знатно. Отмывая мотик, я вспомнил все ругательства, которые забыл за свое здешнее детство.

.....

Поездки с бабулей на Солёное озеро в районе села с прикольным названием Пелёнкино, у нас обычно случались по понедельникам и вторникам. Что бы людей было поменьше на этом курорте. Раньше я знал, что по дороге из Азова в село Самарское за Павловкой и есть это озеро. Я на солёный ерик «Бушуйка», впадающий в это озеро, ездил пару раз в поисках обещанной там форели. Как выяснилось, напрасно.

Этим озером мою бабушку соблазнила баба Зоя Примакова, наша соседка сверху. Её супруг, дед Миша, из-за каких-то заболеваний ходил с трудом и ему посоветовали мазать ноги грязью с этого озера. И ему помогло. Бегать он, конечно, не стал, но передвигался теперь вполне спокойно и без болей.

Баба Зоя обычно за этой грязью ездила на рейсовом автобусе и много привезти не могла. А тут у меня появился мотоцикл и две бабки возмечтали. Одна про приобретение молодости, а другая, видимо, про бесплатные поездки с возможностью привезти много грязи

деду Мише. Я и не против, лишь бы они нашу канализацию этой грязью потом не забили.

Дорога туда была аховая. Если до хлебзавода был вполне нормальный асфальт, то дальше — фрагменты асфальта с щебнем, гравием и тырсой.**** Раньше, на велосипеде, я ездил по обочине и меня всё устраивало. Теперь же, когда мотоцикл не особо помещался на обочину, приходилось ездить по дороге, медленно и печально, чтобы не растрясти старушек.

Обычно я их привозил к озеру, где они выгружались и располагались в чахлой лесопосадке. Я же в это время копал яму, добывая свежую целебную грязь. Верхний, светло-коричневый слой считался слабоцелебным, поэтому приходилось углубляться до полуметра в глубину. Как только появлялась чёрная грязь, я накапывал её полное ведро и тащил к старушкам, которые в это время купались в озере. Всё, дальше они сами мазали друг дружку грязью, закутывались в тепличную плёнку и начинали париться на солнышке. А я ехал рыбачить.

Никакой форели в это речке, естественно, не водилось. Попадались бычки, верхоплавка, окушки и много щук. Вот щук я и ловил спиннингом на блесну. Две, три рыбины размером в пару ладоней, попадались стабильно.

А еще в этой речке жило громадное количество раков, которых драли из нор местные пацаны. Вот от них я и узнал, что село это никакое не Пеленкино, а вот озеро наоборот, не Солёное, а Пеленкинское.

Стою, рыбачу, никого не трогаю. Вдруг ко мне подруливает мотоцикл «Днепр» с тремя мелкими пацанами двенадцати — тринадцати лет.

— Привет, городской, — поприветствовал меня белобрысый водитель этого монстра. — Тебе раки нужны? Ведро за пятёрку отдадим.

— Не, спасибо, мне уже щук достаточно, — отказался я, хотя цена была вполне нормальной.

— И много поймали? — почему-то на «вы» спросил лысый пацан с прикольными большими ушами. Мне было отвлекаться некогда, потому что на блесну что-то попало и я, мотнув головой в сторону реки, сказал. — Сам посмотри, там, в садке.

— Ого! Ничего себе! — последовали удивленные и одобрительные возгласы при виде двух щук в садке.

— Еще одна! — завопил самый мелкий из местных, реагируя на вытащенную мной щуку.

Аборигены столпились за моей спиной, наблюдая как я снимаю с блесны очередной улов.

— Слышь, паря, — обратился ко мне явно предводитель этой гоп-компании. — А давай меняться. Ты нам щук, а мы тебе раков.

— И сколько вам не жалко раков за моих щучек? — усмехнулся я.

— Да за три штуки, всё ведро и отдадим, Мячик, тащи сюда ведро, — самый мелкий, бегом метнулся к люльке мотоцикла и приволок десятилитровое ведро с живыми раками.

Раки были не сказать, что большие, но вполне пригодные для употребления. А зная любовь своей бабули к этим десятиногим животным, я согласился на обмен не задумываясь. Тем более, у нас в холодильнике стояла парочка бутылок «Жигулёвского». Которые она уже успела зарядить Чумаком. А уж с варёными раками это пиво вообще превращалось в эликсир молодости.

В процессе торгов я с ними перезнакомился, а заодно и выяснил, что населенный пункт на самом деле называется «Платоно-Петровка». А «Пелёнкино» это старое, еще царское

название. Но откуда взялись старое и новое названия и что они обозначали, пацаны не знали. Ибо местным был только их предводитель на мотоцикле, а остальных заслали на лето к бабушкам и дедушкам из других населённых пунктов.

Предводителя звали Минькой или Митькой, на городского Димку, он не отзывался. Мячик, оказался Вячеславом, которого сначала сократили до Вячика, а потом, за его постоянную привычку подпрыгивать на месте, его перекрестили в резиновое изделие. Ну а третий был Вениамином, откуда и выплывало его погоняло — Веник.

Менялся я с ними уловом частенько, ибо бабуля вошла во вкус и просила раков постоянно. Пацаны же рыбу сбывали какому-то деду Матвею, который хорошо за неё платил и делился бензином для их мотоцикла.

.....

Почти в конце августа, бабушка созрела на поездку в Москву за кладом. Пришлось созваниваться с хозяйкой кресел по межгороду и договариваться на ближайшие выходные о встрече. Договориться-то я договорился, но то, что конец августа, у меня из головы вынесло напрочь. Билетов в железнодорожной кассе на нужные даты не было.

— Мальчик, я еще раз тебе повторяю, плацкарта и купейных до Москвы на девятнадцатое августа нет, — прохрипел женским голосом динамик, закрепленный сбоку от окошка кассы.

— А в мягкие есть? — задал я новый вопрос под недовольный гул очереди, торопившейся купить билет.

Кассир защелкала клавишами аппарата, скорее всего АСУ «Экспресс-2»,***** и через пару минут ожидания выдала ответ:

— Есть. На «Тихий Дон». Двадцать восемь рублей за одно место, — от величины названной суммы за билет, народ за моей спиной удивленно притих. — Берешь? — ехидно поинтересовалась кассир.

— Да. Два. В одно купе. И сразу обратно на двадцатое августа из Москвы до Ростова-на-Дону.

— Тоже мягкие? — удивилась кассир.

— Да. Давайте. Тоже в одно купе. Сколько с меня?

— Сто двенадцать рублей. И паспорт покажи, — попросила она зачем-то, когда я протянул в окошко три полтинника.

Ну, показал.

Песня «Коногон» <https://youtu.be/e6mXzBmZCP0>

Скарификатор* — инструмент для прокалывания кожи, представляет собой пластинку с несколькими острыми зубцами. Используется для взятия капиллярной крови из пальца.

«Ковровец» К-175** — советский дорожный мотоцикл-одиночка, выпускавшийся заводом имени Дегтярёва с 1956 по 1965 год.

«Коногонка»*** (жарг — головной светильник) — это профессиональный осветительный прибор, применяемый шахтерами. Название произошло от профессии коногона — рабочего, сопровождающего поезда подземной конной откатки.

Тырса**** (южнорусское) — материал дорожного полотна из молотого песчаника и ракушечника.

АСУ «Экспресс-2»***** — автоматизированная система управления резервированием мест и билетно-кассовыми операциями, предназначенная для бронирования мест в поездах дальнего следования. Платформа: ЕС ЭВМ (ЕС-1045, ЕС-1046 и др.); операционная систем

TKS. Набор функций: «резервирование мест, продажа билетов от 45 дней до прихода поезда на станцию назначения». Действовала на территории СССР и РФ с 1985 года по 2005 год.

— Жень, а что означает буква «М» в билете, — подозрительно спросила бабуля проверяя купленные мной билеты. — И почему так дорого?

Уж не знаю зачем кассир проверяла мой паспорт, но билеты продала. Билеты нам напечатали на нежно-розовом бланке с логотипом МПС СССР.* Матричный принтер на каждый билет потратил не меньше минуты. На каждом бланке было отмечено сразу по два места. Туда, первое и второе, обратно, пятое и шестое. Значит первое и третье купе.

— Это, ба, значит, что билеты в мужской вагон, — решил приколоться я. — Придётся одеть тебя в штаны и выдавать за деда. А дорого, потому-что в нём курить и пить можно.

— Ой. Как это? Ты что, специально? — переполошилась старушка.

— Ха-ха-ха. Пошутил я. Не удержался, извини. «М», это значит мягкий вагон. Других мест не было. Конец лета же. Все с отпусков возвращаются.

.....

На главный железнодорожный вокзал Ростова-на-Дону мы приехали с приличным запасом времени. А всё из-за одной старушки, которая то полгода ехать не хотела, а когда возжелала, стала опасаться опоздать на поезд.

Сидеть вместе с ней в зале ожидания было очень скучно и я отправился путешествовать по вокзалу, оставив её охранять баул с продуктами. Набрала, как будто на неделю едем.

Побродил по второму этажу, купил в ларьке «Союзпечати» сборник кроссвордов и июньский номер журнала «Дон» на почитать в поезде. Постоял и посмотрел на роскошь депутатского зала ожидания да и пошёл на крытую железнодорожную галерею. И сразу увидел знакомое лицо.

— Здравствуйте, дядя Игорь.

— Эээ, — мужик подвис и видимо силился вспомнить кто я такой.

— Я, Женя, с Азова. Ну, помните, вы на пляже меня откачивали от солнечного и удара, а потом обои помогли купить?

— Не узнал. Богатым будешь, — мужчина заулыбался и протянул руку для пожатия. — Был мелким, бледным и рыжим. А вымахал с меня уже. Так сразу и не узнаешь.

— Богатым, это хорошо. А что вы тут делаете? Едете куда-то?

— Супругу встречаю, с дочерьми. Они на море отдохали, а я поехать не смог. А ты? Едешь или встречаешь?

— С бабушкой, по делам, в Москву. Ой, минутку, постойте, не уходите, — я метнулся к киоску «Союзпечати» и купил за рубль два последних билета денежно-вещевой лотереи. Надо же отдариться за подаренный им выигрышный билет. Часы-будильник, до сих пор исправно тикают и будят нас точно в установленное время.

— Вот. Держите. Я же вам писал, что ваши лотерейки оказались выигрышные. Желая вам выиграть сразу много хорошего.

Как Игорь Алексеевич не отнекивался, я всё же смог вручить ему эти два билета. А тут и о прибытии ожидаемого им поезда объявили, и он, скомкано попрощавшись, поспешил на перрон.

.....

Бабуле мягкий вагон понравился. Как она сказала «едем как баре». Особенно её удивил бесплатный чай и бесплатное же бельё. Не стал её обламывать, рассказывая, что всё это уже

включено в цену билета. Я не забыл предусмотрительно вырезать на дорогу несколько картонных сидушек в туалет. Мне оно и неактуально в общем, а бабуля порадовалась. Хоть вагон вроде и элитный, но советские граждане всюду норовят залезть с ногами. Так что мои изделия оказались вполне востребованы. После ужина, попробовал поразгадывать кроссворды, но скоренько их у меня отобрала бабушка, пришлось переключаться на литературный журнал. А ночью я еле заснул, даже и не знал, что эта старушка так громко храпит.

На этот раз, в отличие от моей прошлой поездки, «Тихий Дон» пришёл на Казанский вокзал. Выгрузились и пошли искать вход в станцию метро «Комсомольская». Попасть в него прямо из вокзала не получилось. Зал ожидания, из которого можно было спуститься в метрополитен, был закрыт на ремонт. Пришлось выходить из вокзала и через пятьдесят метров вновь в него заходить.

С преодолением турникетов проблем не возникло. По уверению бабули у них точно такие же стояли на проходной швейной фабрики, только бесплатные. Поэтому она смело пошла вперёд, а я, на мгновение замешкавшись, тут же потерял её из виду в толпе. Пробежался вперёд — нету. Вернулся назад и на лестнице, ведущей к красной линии метро, обнаружил пропажу, которая тоже растерянно крутила головой в поисках меня.

— Ну и куда ты побежала. Нам не сюда, — взяв её за руку потянул её вверх по лестнице.

— Так там же метро, поезда, — вырвала она руку и зло на меня зашипела.

— Это красная линия, а нам надо на кольцевую. Пойдём уже.

— А так нельзя доехать? — махнула она вниз, в сторону платформ.

— Можно. Но нам там тоже с пересадкой. С «Проспекта Маркса» на «Площадь Свердлова» надо переходить. А я там никогда не был и могу заблудиться. Я же тебе всё в поезде рассказывал. Чем ты слушала? Не капризничай, пойдём.

Следующей проблемой оказался эскалатор, перед которым она попыталась затормозить, испугавшись непонятной движущейся вниз ленты. Но это у неё не получилось. Утро, Москва, куча народа спешит на службу и на работу. Нас просто внесло людским потоком на ленту. Вниз она ехала с закрытыми глазами и судорожно вцепившись в мой рюкзак. Еле убедил её открыть глаза перед концом спуска и почти заставил шагнуть, потянув за собой.

В вагоне поезда она немного отошла от свалившихся на неё приключений. И при пересадке на станции «Белорусская» на короткий эскалатор ступила уже вполне уверенно. Слава Кагановичу, что станция метро «Сокол» была не глубокого заложения и не имела эскалаторов. Путь наверх у нас прошёл по простым ступеням. А завидя небо и солнышко, бабуля радостно заулыбалась и вздохнула с явным облегчением. Весь путь до самого посёлка художников она укоризненно молчала и только уже на подходе к искомой даче, выдала:

— И сиденья у них в вагонах неправильные.

— С чего ты так решила? — я даже обрадовался, что она наконец заговорила.

— Так людям их поставили спиной к окну. Как в окна смотреть?

— А зачем в тёмные тоннели смотреть? — не понял я. — А вот и нужный нам дом. Мы пришли. — и указал бабушке на дом номер восемь.

.....

Хозяйка уже нас ждала и сразу провела в дом где и находились кресла. Пока бабуля увлеченно торговалась с женщиной о цене на мебель, я осматривался вокруг. И моё внимание привлекли разноцветные, явно детские книги на немецком языке.

Подошёл поближе. Точно, знаменитый сборник приключений ежика Мекки.**

Горизонтально-прямоугольные в виде альбомов и довольно сильно запыленные. Пересчитал, вроде все тринадцать книг серии. Интересно, продаст ли их мне хозяйка?

В это время, баба Тоня и хозяйка закончили торг. Оба кресла достались нам за девяносто рублей. Старая, всё-таки смогла сбить цену на десятку от предварительной цены. Дождавшись, пока бабуля расплатится за оба кресла моими деньгами, я подошел к хозяйке и спросил:

— Скажите, а те книги на немецком, про ёжика Мекки, вы случайно не продаёте?

— Здесь все продаётся, кроме дома естественно. Никогда не понимала деда и бабуку зачем они этот хлам в дом тащат. Я и мои братья учили английский, мои дети учат испанский, кому он их привёз, непонятно, — вывалила она на меня ворох информации. — Вот эти тринадцать? — она подошла к полке и даже не стряхнув с них пыль, собрала стопкой.

— Да. Именно они.

— Эти дед привёз из западной Германии. На каждой подписи авторов книг, — показала она автографы латиницей, в которых угадывались фамилии Райн и Диль. — Стояли и только пылились. Картинки там прикольные, а текст мы не понимали. По десять рублей за каждую отдам.

— Хорошо, — согласился я и, отсчитав затребованную сумму, расплатился.

Бабуля, стоящая за спиной хозяйки, покрутила пальцем у виска, показывая какой я лопух и недоумок. Но я то прекрасно знал, что книги с подписями авторов этого ёжика, артефакт ничуть не меньший, чем медный червонец.

Упаковав купленные книги в старые газеты и разместив свёрток в рюкзаке, мы с бабуле потащили на улицу приобретенные кресла. Бывшая их хозяйка, заперев дом и калитку, села в первую модель жигулей и умотала.

— Даже подвезти не предложила, — проворчала бабушка.

— И куда бы мы поехали?

— Да я так. Просто возмущаюсь. А тебе зачем эти книжки понадобились? Отдал больше чем за кресла.

— Я свои отдал. Не твои.

После короткой перепалки сложили кресла одно на другое и, подхватив получившуюся неудобную конструкцию с двух сторон, потащили в сторону разведанного мною зимой подвала. Неспешно, с частыми остановками на отдых, мы их всё-таки дотащили до места потрошения. Подвал был так же беспечно открыт, как и в прошлый раз. И даже освещение присутствовало, чего я никак не ожидал, прихватив с собой на всякий случай фонарик.

В самом начале подвала, спугнули стайку мальчишек, у которых, судя по витавшему в коридоре табачному дыму, здесь была курилка. Дождались пока стихнет их топот и потащили кресла в самый дальний закуток.

Достав нож, я без жалости вспорол кожаную обивку кресла которое стояло рядом с бабулей. Бинго!!! В переплетении соломы набивки в свете тусклого освещения, проявились пачки фиолетовых купюр.

— Забирай, — сказал я бабушке и направился ко второму креслу.

Под его обивкой оказался небольшой квадратный пакет из толстой бумаги. Даже не заглядывая в него, переместил находку в свой рюкзак и начал вспарывать кожу на спинке кресла. Обшарив открывшиеся пространство, обнаружил только небольшую, круглую и жестяную коробку из под леденцов «монпансье», которую тоже сунул в рюкзак.

А развернувшись к бабуле, обнаружил, что та застыла соляным столбом, держа в каждой руке по банковском упаковке четвертаков.

— Очнись, — толкнул я её в плечо. — Собирай и прячь. Не тормози. Давай, давай.

Сам начал вытаскивать пачки из кресла и подавать старушке, которая слава Минфину, наконец отмерла и стала прятать находки в специально пошитую для этой акции, поясную сумку. Я же, вскрыв спинку и второго кресла, вытащил еще несколько пачек двадцатипятирублёвых купюр. Считать потом будем. Главное, ничего не оставить в креслах.

Пока бабушка паковала найденное в сумку, а потом закрепляла её у себя на теле под рубашкой и платьем, я досконально обыскивал кресла. Но больше ничего не нашел. Кресла оставили в подвале. Или детишки их доломают, или какие-нибудь рачительные хозяева приберут.

После того как выбрались наружу, обратил внимание на поведение бабули. Она как будто впала в какой-то ступор. На мои вопросы отвечала односложно. В общем, была, как говорится, в неадеквате. Шла куда я её вел, выполняла что я ей говорил, но и всё. Честно сказать, я перепугался. Подумал, что она с ума сошла при виде такого количества денег. И нафига я всё это затеял?

Зато теперь вполне спокойно и без утренних испугов путешествовала на метро. По моей команде заходила на эскалатор и сходила с него, поворачивала где надо и безропотно ждала когда нужно было ждать.

Испугавшись за её психическое здоровье, я тоже погрузился в мрачные мысли: «кто виноват и что с этим делать?». Поэтому и не сразу понял, что мы проскочили нужную на станцию метро «Улица 1905 года» и подъезжали к «Горьковской». Решил не дёргаться и не пытаться перейти на красную линию на следующей остановке «Площадь Свердлова», а доехать до знакомой мне станции «Павелецкая».

Доехали, перешли на кольцевую, а тут столпотворение. Обеденный перерыв и куча народу едет по своим делам. Встали третьими или четвертыми от края платформы и я прикидывал успеем мы влезть в вагон или нет, ну и передвинул чуть-чуть бабулю вперёд, а та толкнула стоящую перед ней дородную женщину. Которая начала разворот к нам, видимо в попытке высказать всё что она думает про невоспитанных гостей столицы.

Но при развороте, сама, плечом, толкнула какого-то военного. Который от её толчка, влетел в спину другого военного, стоявшего на краю платформы. И тот, не удержавшись, рухнул вниз на рельсы. Коротко сверкнуло электрической вспышкой, закричали люди, стоявшие на краю, и толпа подалась назад, оттеснив нас с бабулей в сторону.

— Что? Что произошло, внучек? — отмерла к моей радости бабуля. — Мы в метро? Еще не доехали?

— В метро. Скоро доедем... — начал я ей говорить, но был прерван громкими криками со стороны путей, на которые упал военный.

— Дудаева*** убили! Генерала Дудаева убили! — кричал надрывно кто-то.

Вот не было мне печали. Поехал Евгений за кладом в Москву и случайно грохнул Дудаева. А как теперь Чечня без него будет? А, ладно, может и не он это, а какойнибудь другой генерал. В Москве их — как песка на берегу реки. Надо ноги делать, пока спецслужбы не набежали.

— Пойдём, ба. Вон наш поезд подходит, — подхватил я под руку удивленную старушку и поволок к подходящему составу двигающемуся по часовой стрелке кольцевой дороги. Сколько нам так ехать? Восемь или девять станций? Ничего, выдержим.

Всю дорогу до станции метро «Комсомольская» бабуля пыталась выяснить что с ней произошло. И почему она не помнит как мы в метро спускались. Я же отнекивался и кормил её обещаниями поговорить потом и лучше всего вечером, в поезде.

На Казанский вокзал мы попали в начале третьего дня, а «Тихий Дон» отправлялся в половину шестого вечера. А значит нам еще, как минимум, надо было три часа где-то скоротать. Да и перекусить было бы неплохо. В моё время тут рядом КФС****был, а сейчас разве толькопельменную найдёшь и буфеты с подозрительной вокзальной едой.

Побродив минут десять по вокзалу и постоянно шарахаясь от таборов азиат и цыган с мешками и сумками, уверенно потянул бабулю к залу ожидания «повышенной комфортности». Куда нас сначала не хотели пускать, заявляя что зал только для пассажиров с билетами в мягкие вагоны. Пришлось предъявлять наш билет.

В зале было вполне комфортно. Мягкие кресла, наподобие как в кинотеатрах, собственный туалет, который на поверку оказался кооперативным, а значит платным. И даже вполне неплохой буфет, где мы наелись свежих пирожных под чай. Так, незаметно, время до поезда и пролетело.

Назад нам попался тот же вагон и та же поездная бригада что везли нас сюда, только купе было другое. Проводники при нашем появлении не высказали ни грамма удивления. Видимо частенько у них пассажиры катаются сюда и сразу обратно.

Заказали чаю и сели серьёзно поговорить.

— Так что со мной случилось, Жень? — начала расспросы бабуля.

— Ты, когда закончила деньги паковать, впала в странный ступор. Кстати, о деньгах, они с тобой? Не потеряла?

Бабушка побледнела и, заставив меня отвернуться, полезла проверять наличие сумки.

— Висит, не потеряла, — и мы оба вздохнули с облегчением. — Ты рассказывай, не тяни.

— Ну, ты впала в ступор. Двигалась, когда я тебя вёл, делала, что я тебе говорил, но совершенно пустым взглядом и отвечала только — да или нет. Перепугался — жуть. Думал у тебя кукуху унесло. Сам начал уже в панику впадать. А потом нас толкнули сильно в метро и ты очнулась.

— Ничего не помню. Может на деньгах оберег какой был, надо будет приехать и святой водой их сбрызнуть.

— Правильно, заодно узнаем настоящие или нет.

— Это как? — удивилась она.

— Ну, если краска от святой воды поплывёт, значит фальшивка.

— Ну ты и юморист, — покачала головой бабушка. — А кого там, в метро, убили-то?

— Да не знаю. Кого-то на рельсы толпа толкнула, — соврал я.

— Как-то мы с тобой галопом через всю Москву пронеслись, — опечалилась она. — Я даже толком её и не запомнила. Почти всё время под землёй провели. Даже никаких достопримечательностей не увидели, в магазины не ходили.

— Если захочешь, приедем сюда еще раз. По музеям, магазинам и театрам походим. Ты только скажи. Деньги у нас теперь есть.

Бабушка на мои слова только покивала. Допила свой чай и неожиданно повинилась передо мной.

— Прости меня, внучек. Не верила я тебе про клад. А ты каждый раз прав оказываешься. Иди сюда, — и она хлопнула по полке рядом с собой.

Я пересел, она меня обняла и заплакала — ну, это мы знаем, сеанс психотерапии.

Пусть выплачется.

Министерство путей сообщения МПС* — орган государственного управления в СССР управлявший деятельностью железнодорожного транспорта Советского Союза... Образован в 1946 году. В 1992 году реорганизован в МПС РФ.

Мекки** (нем. Mecki) — вымышленный антропоморфный ёж, изначально персонаж кукольного фильма немецких мультипликаторов братьев Диль, а затем — талисман западногерманского журнала «Nörzu», также вместе со своей семьёй и друзьями фигурировавший в книгах, открытках и на фигурках, выпускавшимися как в ФРГ, так и в ГДР. Своим названием ёжик обязан бывшему главному редактору «Nörzu» Эдуарду Райну.

Джохар Мусаевич Дудаев*** — генерал-майор ВВС СССР, лидер движения 1990-х годов за независимость Чечни от России, первый президент самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия (1991–1996). Генералиссимус ЧРИ.

КФС**** Kentucky Fried Chicken (с англ. — «Жареная курочка из Кентукки») — международная сеть ресторанов общественного питания, специализирующаяся на блюдах из курицы.

Домой добрались где-то к десяти утра. Никто в момент нашего кратковременного отсутствия на квартиру не покушался. По-быстрому ополоснулись в душе, пооткрывали окна в квартире и после завтрака сели делить найденное.

— Жень. А что было в твоём кресле? — похоже, бабуля решила поделить кресла и на этом строить разговор.

— Потом покажу. Давай сначала деньги поделим. Где твоя сумка?

— Я её уже прибрала. Нечего там делить. Там всё наше. Вырастешь, будет нужно, попросишь, дам.

— То есть, все твои вчерашние слова, «прости меня дуру грешную за то, что не верила тебе», ничего не стоят? И моя родная бабушка просто обманщица и воровка?

— Что ты такое несешь?! — взбеленилась старушка. — Я! Это всё! ради тебя делаю! Всё в дом! Всё для тебя! А ты, неблагодарная скотина, ещё что-то требовать с меня решил?!

— Совсем охренела, старая? Что ты в дом-то несешь? То, что я нашёл? Ты мне полгода не верила и ехать не хотела! А теперь оказывается это полностью твоя заслуга?! Оглянись вокруг, вот на кухне, кафельная плитка, холодильник, стиральная машинка, мебель и даже светильник, всё на мои деньги куплено! Ты ни копейки не потратила! Все телевизоры в доме за мои деньги взяты и даже твоя швейная машинка куплена за чешские кроны, которые я достал! А ты только хернёй страдала. Двери и решётки устанавливала и переплачивала за них в два-три раза больше чем они стоят! — высказал я ей всё, что у меня накопилось.

Бабуля, во время моей речи, то открывала рот, то закрывала, видимо хотела что-то вставить, но, в конце концов, уткнула своё лицо в ладонки и заплакала.

Я же, молча ушёл в свою комнату и демонстративно занялся сборкой очередного светильника. Хотя всё валилось из рук, и хотелось бежать и извиняться перед бабушкой. Всё-таки за прошедшие годы я сильно к ней привязался и в глубине души даже любил её. Вот правильно говорят, что деньги и золото могут разрушать жизни и семьи. Но у нас с ней был договор. И эти деньги должны были мне помочь в дальнейшем.

Минут через пять в мою комнату зашла бабушка и выложила передо мной десять пачек серо-фиолетовых купюр. И как будто ничего не случилось, поинтересовалась спокойным голосом:

— Так что в твоём кресле было-то?

— Пойдём на кухню, — предложил я и первым направился туда, прихватив из тумбочки пакет, найденный мной в кресле, и попутно смахнув пачки денег в ящик стола.

Показывать и отдавать найденное в баночке от монпансье, я не собирался, а вот содержимое пакета было не жалко, тем более что половина этого содержимого уже протухла.

— Вот, — вывалил из конверта на кухонный стол облигации на десять и пятьдесят рублей государственного внутреннего выигрышного займа 1966 и 1982 годов. — Забирай всё, мне оно без надобности.

У бабульки глаза на лоб полезли при виде стольких ценных бумаг. Уж я-то думал, что после находки пятидесяти тысяч рублей её ничем не удивить. Но две сотни облигаций смогли это сделать.

— Только половина из них уже сгорела, — обломал я её радость. — Облигации

шестьдесят шестого года гасились до восемьдесят восьмого. Вон на них и написано. Зато все полтинники действительно до 2004 года.

Вот только они обесценятся намного раньше. Но обламывать ей радость от еще пяти тысяч рублей, пусть и облигациями, я не стал.

— Куда же это всё девать? — наигравшись бумажками, наконец проявила благоразумие бабуля.

И подняв на меня взгляд, спросила:

— Жень, а куда ты свои деньги прятать будешь?

— Давай я сделаю тебе сейф-тайник в гараже. Будешь там хранить, — решил я временно уйти от темы про свои капиталы и, поднявшись из-за стола, выглянул в открытое окно, а то мы тут орём, а вдруг там кто слушает?

Но никого за окном не обнаружилось. Слава водоканалу, ямы закопали и детишки нашли для своих игр лучшее место. Но закопали небрежно, а поэтому и прочего движения в нашем переулке не наблюдалось. Тишь и гладь. И это хорошо, а то наши крики могли далеко разноситься и привлекать внимание.

— А это как? — удивилась бабуля.

— Закажу сварить ящик железный и вмурую в пол гаражного подвала. Пару простых замков поставлю и магнитную защелку.

— Сделай, конечно. Но я про другое. Если их нельзя в сберкассу отнести, может мне тогда золота в ювелирных магазинах приобрести?

— Прибери. Только не переусердствуй. А то заметят, что какая-то бабулька золото скупает и тогда точно нас ограбят. Раз в полгода, по одному предмету бери в ювелирках и комиссионках. И это, не храни деньги в полтинниках и стольниках.

— Почему?

— Юрий Викторович говорил, что в следующем году возможна реформа, и эти деньги отменят, — решил я сгустить краски.

— Как это — отменят? — удивилась бабушка. — Надо всем рассказать об этом.

— Да погоди ты, как только точно мне сообщат, тогда я тебе скажу, и ты предупредишь своих друзей и подружек.

Зря я её предупредил так рано. Точно проболтается. Как бы последствий не было.

— Женька. Ты не уходи от ответа. Куда свои гроши собираешься тратить! Или тоже закопаешь?

— Я? Я планирую дом купить, — огорошил её.

— Каккакой ддом? — бабуля даже начала заикаться. — Хочешь меня тут одну бросить? Да, я! Да, ты! Да...

— Ты! Ты сама купишь дом для меня! — перебил я её. — Вот не дослушиваешь, а потом придумываешь всякое на свою голову.

— А что я должна думать? Тебе что, не нравится наша квартира?

— Очень нравится. Я тебя очень прошу. Помолчи и послушай.

— Слушаю, — бабуля скептически вздохнула. — Ну ладно, давай бухти мне, как космические корабли бороздят Большой театр, — дословно процитировала она слова Феди из "Операция "Ъ" и другие приключения Шурика".

— Во-первых, я хочу вложить во что-то часть своих денег...

— А почему тогда не в кооперативную квартиру? — перебила меня бабуля.

— А потому, что есть и во-вторых, и в-третьих, и так далее. Ты постоянно хочешь то

огород, то дачу. А я прекрасно помню, как ты в больницу с первого своего огорода попала. А собственный дом, это еще и участок земли, где ты можешь ковыряться и знать, что я тебя обязательно найду чтобы не случилось.

— Это ты хорошо придумал, — мелко закивала бабушка.

— В-третьих, не дай Бог, с тобой что-то случится и я останусь один, — я выставил вперёд ладони, призывая её к молчанию. — Ты думаешь, твой совет ветеранов от которого ты и получала эту квартиру, оставит её мне? Да сразу найдется ушлая старушка наподобие тебя, которая организует мне комнату в коммуналке, а себе нашу квартиру.

Бабуля пару минут сидела молча, переваривая информацию, а потом всё-таки изрекла:

— Вполне может и такое стать. Хочешь соломки подложить, внучек?

— Именно, ба. Да и дом там хороший.

— Это где же? Ты уже и дом присмотрел?

— Рядом с нами, через дорогу, угловой дом на пересечении нашего переулочка и улицы Крымской.

Бабушка даже метнулась к окну, но за густыми кронами каштанов ничего не увидела.

— Погоди. Это тот несуразный панельный уродец что-ли? — смогла она всё же сообразить и сориентироваться.

— Да. Он. Хозяева переезжают на черноморское побережье и продают его, — поделился я с ней частью разведанной информацией.

Домик там был не простой. Его хозяин, директор завода ЖБИ*, построил его явно из оставшихся невостребованными панелей домов серии 1-504** при переходе на другую серию. И получилась вполне, на мой взгляд, симпатичная одноэтажная панелька на шесть комнат с двумя санузлами.

— И сколько они хотят за дом?

— Десять тысяч всего, — и видя её недоумение, объяснил. — Пять по договору купли-продажи и пять просто на руки.

— Во, жулики, — восхитилась бабушка.

— Вот поэтому ты и будешь заниматься покупкой. Ты торговаться любишь, — я сходил в свою комнату и принёс четыре пачки четвертаков которые и положил перед ней. — Сможешь сбить цену — разница твоя. Только не тяни резину. Мне тот дом понравился, да и рядом с нами, что удобно.

— Сделаю в лучшем виде, — просияла старушка, прибирая пачки денег назад в свои руки.

Прям круговорот денег в одной отдельно взятой квартире.

.....

Еще в поезде, ночью, в туалете, я проверил содержимое подозрительно нетяжёлой большой жестяной баночки из-под монпансье. Я был готов увидеть всё, что угодно. От гвоздей до золотых монет. Но увидев, что скрывала банка и толстый слой серой ваты, выпал в осадок. Так бы и стоял офигевшим соляным столбом, если бы на очередном стыке вагон поезда не дернулся и находка не попыталась отправиться в полёт по туалету. Еле поймал.

Знак ордена Святой Великомученицы Екатерины*** первой степени — судя по размеру. Сам большой крест и подвеска, на которой он крепился. И блеск бриллиантов. Часть из них, правда, отсутствовала. Штук пять или шесть — в неярком свете туалетного плафона я мог и ошибиться. А по приезду коробку еще не открывал.

Я его помню из интернета 2021 года, да и вживую видел в Эрмитаже. Тогда этот знак

ордена оценивался в сумму от двадцати до пятидесяти миллионов рублей. И найденный мной, первой степени с бриллиантами, и маленький, второй степени с неограниченными алмазами.

Как и когда он попал в руки советского инженера стоило только догадываться и строить предположения. А вот что мне с ним делать прикажете? Сейчас, в этом времени и в этой стране его реализовать нереально, а засветка этого ордена на людях может принести много проблем мне. Самым разумным было бы или сохранить его до лучших времён, или извлечь камни для задуманной мной авантюры. Если она, конечно, состоится.

.....

Пока бабуля была занята торговлей за мою будущую недвижимость, я ловил последние денёчки уходящего лета, мотаясь с друзьями на речку. А один раз мы даже рискнули съездить на Азовское море, на Павло-Очаковскую косу. Мелкое и грязноватое в том месте море нам не понравилось. Да еще, к тому же, Жмур умудрился поймать передним колесом гвоздь, и мы часа три проторчали на пыльной и жаркой обочине дороги, клея камеру. Из плюсов этой поездки была только куча кукурузных початков, которые мы наломали в поле.

.....

С нового учебного года, нам добавили предмет астрономия. А так, всё осталось как прежде. Даже день УПК не перенесли, хотя в прошлом году и грозились это сделать. А еще до нас довели информацию о требованиях к золотым и серебряным медалистам. И если Сидорова спокойно тянула на золотую медаль, то я на серебро и не рассчитывал. Ибо на нашу школу, ГорОНО выделил по одной золотой и серебряной медали. На собеседовании у директора школы, я от своей предполагаемой медали отказался в пользу сына директора кирпичного завода. Но с условием гарантированного получения золотой медали Сидоровой по итогам экзаменов.

На итоговом награждении во дворце пионеров мне с Олей ничего не перепало. А вот детишки получили грамоты и ценные призы каждому в виде трехтомников Аркадия Гайдара. Нам оставалось только порадоваться за них. Зимнюю поездку им тоже пообещали. На какую-то лыжную базу «Рамонь» в Воронежской области. Но состоится поездка или нет — пока неизвестно. С календарного нового года во дворце меняется руководство. Старая директриса уходит, а на её место, как она и обещала, должен стать Партянов Владимир Владимирович, наш бывший тренер. Но нас это не касается, мы, как и прежде, будем вести тренировки в зачёт УПК.

Про гибель Джохара Дудаева написали в номере газеты «Аргументы и Факты», которую выписывала бабуля. Довольно короткое сообщение о трагической гибели в московском метрополитене героя афганской войны. Блин, вот так бабочку я растоптал!

.....

Проводя свои утренние пробежки и комплекс упражнений, поймал себя на мысли, что мне не хватает музыки. И если раньше всё ограничивалось невозможностью светить доходы, особенно перед бабулей, то сейчас, с находкой клада, эта проблема исчезла.

Обошёл почти все комиссионные магазины, но устраивающий меня вариант так и не подобрал. Пришлось обращаться за помощью к знакомцу Юрия Викторовича. Который и свёл меня с одним чиновником Азовского морского пароходства. У которого я и приобрёл, дорогуший, за триста пятьдесят рублей, японский аудио-плеер «JVC Victor CX-V9».

В обычном по размерам корпусе плеера, скрывался не только аудио-кассетник, но и радиоприёмник АМ, FMдиапазонов, встроенный микрофон и даже черно-белый

жидкокристаллический телевизор. И всё это работало как от сетевого адаптера, так и от пальчиковых аккумуляторов шедших в комплекте с зарядной станцией. Ну и наушники.

И еще на пятьсот рублей приобрёл десять японских же аудио-плееров «Unisef». По пятьдесят рублей за штучку. На подарки друзьям. Один сразу презентовал Ольке в честь нового учебного года.

В комиссионных магазинах мне попадалась эта модель, но её функционал меня не устроил, плюс я помнил из прошлой жизни, что эти плееры долго не жили. В СССР они поступали вообще-то бесплатно, для жертв Чернобыльской аварии и Спитакского землетрясения. Но большая часть этих плееров оказывались в комиссионках и на рынках. Доходило ли что из этой гуманитарной помощи до тех, кому они предназначались, мне неизвестно.

Долго составлял трек-лист песен от различных западных и советских групп, а потом еще дольше ждал исполнения своего заказа в студии звукозаписи. В основном, в списке были композиции групп Joy, Bad Boys Blue, C. C. Catch и прочее ритмичное диско. Заодно, там же, в студии звукозаписи прикупил парочку сборных пластиковых, вращающихся боксов для кассет.

.....

В конце сентября я, наконец, стал хозяином домовладения. Бабуля договорилась о продаже довольно быстро, еще в конце августа. Но само переоформление собственника частного дома по новым правилам, которые спустили сверху в 1986 году, заняло почти месяц. И это с подмазыванием и привлечением связей.

Дольше всего оформлялся нотариальный договор через горисполком. Первой проблемой было то, что я несовершеннолетний. Оформить на меня дом можно, но с некоторыми оговорками. Вторая проблема — по существующим на данное время правилам, жилая площадь продаваемого дома должна быть не больше шестидесяти квадратных метров. А в приобретаемом мной она была сто один метр. Пришлось платить чиновникам за перевод части помещений дома из жилых в подсобные. Мрак.

Самое обидное, что подобная площадь домов на продажу неодинакова в СССР. Самая большая жилая площадь дома для продажи и соответственно покупки была в Грузинской ССР. Целых девяносто шесть квадратных метров. А в Армянской ССР вообще отсутствовали такие понятия — как жилая и подсобная площадь дома.

Быстрее всего прошла смена прописки в моём паспорте. Ну так — связи. Хорошо иметь соседа, начальника паспортного стола. Одно плохо, рядом с ГУВД началась стройка отдельного «милицейского» жилого дома повышенной комфортности. И через годик почти все мои соседи-милиционеры могут от нас съехать.

Бывшие хозяева вывезли контейнером всю мебель. Они даже умудрились снять газовые отопительный и водонагревательные котлы. Нам досталась только шестикомнатная коробка с неплохим ремонтом и сантехникой. Ну, и то хлеб. Ввиду приближающихся холодов, пришлось срочно искать газовый котёл под площадь дома. Даже привлекли к этому процессу наших соседей, работников горгаза.

Сколько себе на карман положила бабуля из тех десяти тысяч, выделенных мною ей на покупку, я не знаю, но выглядела она не очень довольной. Явно меньше, чем она рассчитывала.

А в конце всей этой жилищной эпопеи, в вечернем выпуске новостей «немецкой волны», сообщили о покушении на Бориса Ельцина путём сбрасывания его с моста. И е

голове сразу всплыл кусок стихов про это падение. Вот всякую фигню помню, а что-то действительно нужное — нет.

Вот мост через тихую местную реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку по данным замера — река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.
А вот и Борис, что с моста сброшен в реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку по данным замера — река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

Даже записал, что вспомнил. Надо будет потом найти выпуск газеты «Свободное слово» за январь 1990 года и сравнить с оригиналом. Если не забуду.

.....

В одно дождливое утро последних дней октября, когда я бегал, нарезая круги вокруг здания школы, дождь вдруг сменился снегом. И на землю повалили крупные хлопья замерзшей воды. Я даже остановился от такого чуда и вытянув руки вперёд, ловил ладонями снежинки. В плеере сменился трек и после «Тихих Игр» Nautilus Pompilius, зазвучала песня Ромы Жукова — «Первый снег»...

Под утро, когда в темноту октября улетают сны
Когда фонари бесполезно горят, больше не нужны
И в долгой ночи, заменяя закат, кому только тратят свой свет
Снег, вдруг приходит первый снег
Первый снег, в моем городе вновь первый снег
Первый снег, так неожиданно и будто во сне
Вот и все, снег сильнее дождя, вот и все
И снежинки летят в руки мне, в руки мне
А снег так старался красиво упасть в предрассветный час
Совсем не подумав, на землю ложась, кому нужен он сейчас
И редкий прохожий, укрывшись зонтом, проходит, прокляв мокрый снег
Снег, видно нужен ты лишь мне...

Завод железобетонных изделий ЖБИ* — производственное предприятие, на котором изготавливают железобетонные изделия и детали для строительства дорожных покрытий, мостов, труб, зданий и других сооружений.

Дом серии 1-504** — советская типовая серия крупнопанельных многоквартирных жилых домов, разработанная институтом «Ленпроект» в 1969 году. Дома серии 1-504 возводились в СССР в 1969–1972 годах.

Знак ордена Святой Великомученицы Екатерины*** — орден Российской империи для награждения великих княгинь и дам высшего света, фактически второй по старшинству в иерархии орденов Российской империи с 1714 по 1917 год. Имел две степени: «большой крест» — для особ царской (королевской) крови и «малый крест» — для лиц женского пола из высшего дворянского сословия. Всего за 200 лет существования орден был выдан 734 раза.

На ноябрьские праздники в школе сделали попытку привлечь меня с моим мотоциклом для участия в праздничной демонстрации. Идея, родившаяся в головах комсомольского актива школы, была изначально бредовой. Соорудить макет броневика на котором выступал Ленин и одеть получившуюся конструкцию на мой мотоцикл. Видимо кто-то на заседании школьной организации ляпнул про мой мотоцикл, ну и понеслось.

В итоге, они долго ломали копыя в спорах, но на практике всё упёрлось в финансирование проекта. У школы не было необходимых стройматериалов, а сбор денег провалился, никто не захотел сдавать по три рубля на непонятную хрень. «Флаги же есть, транспаранты, портреты вождей, чего вам еще для счастья не хватает?»

Осознавая, что данный проект изначально был мертворожденным, я не особо и волновался. Кто меня может заставить использовать мой мотоцикл? Чай не в Северной Корее живём, да и я ведь в комсомольской организации дворца пионеров состою. Так что пусть идут лесом. У меня были проблемы и поважнее.

Одной из них стала моя рыжая растительность. Которая поперла из тела наружу прям из всех щелей. И если тело было прикрыто одеждой, то внезапный буйный рост волос на лице вызвал сначала радость по поводу взросления, а потом и панику по поводу предстоящего бритья.

Связываться с бритвенными станками, помазками, лезвиями и мылом я не рискнул. А поэтому приобрел электробритву «Харків-6103». В той жизни у меня тоже такая была. И я ею пользовался чуть ли не до конца девяностых, пока не приобрёл немецкую электробритву «Braun».

А ещё надо было достать мебель для появившегося дома, приручить собаку и ежедневно протапливать дом. Что я и совмещал с выполнением домашних заданий, и свиданий с Сидоровой.

Которая тоже предпочитала делать домашку в моём новом доме, после того как мы попались её предкам, не услышав их прихода. Тётя Вика утащила пытать красную от возбуждения и стыда дочь в свою комнату, а со мной остался немного растерянный и не знающий, что делать, Александр Станиславович. Которому, ввиду свалившихся на него и его супругу проблем, было как-то не до любовных проказ дочери.

В их «Трест зелёного хозяйства» также добрались нововведения. И если переход на самокупаемость их только порадовал, то производственная демократия лишила работы. Коллектив их организации избрал нового, народного директора. Который тут же перевел отца Сидоровой в простые трактористы, откуда он и начинал свою карьеру. После недолгого семейного совета старшие Сидоровы уволились. И хоть с тунеядством боролись уже спустя рукава, но Олины предки были людьми советской эпохи и намеревались найти себе новую, и тоже руководящую работу в течении четырёх месяцев. Пока что это у них получалось плохо.

— Дядь Саш, ну что там у вас с работой? — прервал я слишком давящее молчание и попытался увести тему подальше от нашего с его дочерью залёта.

— Да так. Ничего пока, — грустно произнёс мужчина.

— А вы кооператив открыть не хотите?

— Думали об этом уже с матерью, — он мотнул головой в ту сторону, куда его жена увела Олю. — Она цветы хочет выращивать и продавать. Ну, как на старом месте работы. А

кто их будет выращивать? Я что-ли? — стал оживать и заводиться Олин отец.

— Откройте что-нибудь другое. Видеосалон например. Это сейчас хорошие деньги приносит.

— Легко говорить — откройте. А с чем? У нас только телевизор цветной есть. Видик достать можно только в обмен на машину или за очень большие деньги. Или у тебя есть? — с надеждой посмотрел он на меня.

— Могу достать. И даже парочку, — и видя скепсис в его глазах, поспешил обнадёжить. — Через знакомых в Москве. Правда, правда.

Что было вполне реальностью. На днях звонил Юрий Викторович, который при помощи «медного червонца» стал коммерческим директором в их кооперативном антикварном магазине. И вот опять ему нужно было подтвердить свой статус человека, который мог доставать уникальные артефакты.

За этот артефакт, вполне сойдет и «Знак ордена Святой Екатерины» из которого я смог выковырять шестьдесят два бриллианта. На самом ордене их должно было быть семьдесят восемь. Пять самых крупных, которые должны были быть на подвеске, отсутствовали при находке. Еще одиннадцать остались на ордене: пять камней на кресте, который держит святая, я побоялся трогать из-за возможности повредить саму эмаль рисунка, а шесть на ободке, просто не смог выковырять.

Кроме приличной исторической ценности, даже в таком состоянии, там еще около шестидесяти грамм золота, ну и камни. Захотят, восстановят.

На его звонок я ответил уклончиво. «Мол, надо поискать в своей летающей тарелке». Но, думаю, он с удовольствием сменяет видеотехнику на этот орден. Благо, у него и у его сына и видеомагнитофоны и цветные телевизоры в личном пользовании есть.

— Евгений, — вернул меня на землю из размышлений глава семейства Сидоровых. — Ты это серьезно? Про видики?

— Я-то серьезно. Я закажу, мне привезут. Главное, чтобы вы определились. А то тётя Вика вас собьёт на путь выращивания гладиолусов, и окажется, что я зря людей напрягал и технику сюда тащил.

— Не. Не-не, — помотал он головой. Пусть герань дома выращивает. Если я скажу, она никуда не денется. Значит, с нас — регистрация кооператива по бытовому обслуживанию населения, а с тебя — аппаратура? Я так понял?

— Еще помещения нужны, кресла или стулья для зрителей, огнетушитель и те, кто будут крутить фильмы, наёмные работники, — перечислил я всё, что помнил из своего прошлого и недавнего, неудачного похода в видеосалон с Олей.

Возле рынка, рядом с пятиэтажкой, в которой располагался магазин «Детский мир», в летней кафешке открылся видеосалон. Где-то в центре города один подобный салон уже был, а ближе к нам появился только сейчас. Ну, и Олька упростила меня сходить в него. Девчонки в классе все уши ей прожужжали про классный фильм «Голубая лагуна», который крутят там. Ну, мы и сходили. Лагуну уже не крутили, зато попали на ужастик «Возвращение живых мертвецов». В самый напряженный момент, когда толпа мертвяков побежала на полицию с криками «свежие мозги», я не выдержал и громко расхохотался.

Эффект от моего громкого смеха проявился мгновенно. Люди, сидевшие вокруг меня, подумав, что мертвецы атакуют уже прямо в салоне, в ужасе ломанули от громкого и пугающего звука в разные стороны. Даже Сидорова попыталась это сделать, но так как сама же вцепилась в мою руку, то далеко не убежала. В общем, меня выгнали. Чуть до

рукоприкладства не дошло. Оля потом целый день на меня дулась.

— Это я записал, — опять вернул меня из воспоминаний Александр Станиславович, который позаимствовал из запасов дочери двойной лист в полоску и, не найдя ручки, записал всё фломастером. — А где помещения искать?

— Так в вашем же доме закрывшаяся телемастерская. Там просторно, три больших комнаты, которые можно отдельными залами сделать. Окна с решётками, двери железные и санузел есть, а две небольшие комнаты, можно под какойнибудь склад пустить. Или! — меня прям огорошила пришедшая на ум мысль. — Или даже сделать салон игровых приставок. Одна у меня есть, еще одна у вас. Так что договаривайтесь и берите у города в аренду это помещение срочно и на максимальный срок. Пока кто-нибудь не опередил вас.

— Ага, ага, — пыхтя и отдуваясь записывал мужчина мои мысли. — Можно еще и качалку там организовать. Платную, — подал он идею.

— Не советую. Вас быстренько те самые качки возьмутся крышевать, — и видя его недоумение, пояснил. — Охрану свою навяжут или заставят, силой. И лишимся мы всего.

— А как же быть? Ну, с этим, с крышеванием?

— Можно предложить нашему участковому. С ним, я думаю, первое время никто связываться не будет.

— Это здравая идея. Переговорю с Алексеем, — записал он и это.

За этим занятием нас и застала вернувшаяся тётя Вика с маячившей у неё за спиной Ольгой. И очень удивилась нашему поведению. Вместо понурого меня и злого мужа она обнаружила нас, увлеченно что-то обсуждающих и черкающих в листочке на столе.

— Так, мальчики, а чем это вы тут заняты?

— Да вот, с зятем будущим обсуждаем, как ты это назвал, Жень?

— Бизнес-план, — подсказал я дяде Саше, ничуть не смутившись на «зятя».

— Во-во, именно его. Кооператив мы обсуждаем, мать. Иди к нам, послушай, что мы тут придумали.

Наша идея, тёте Вике понравилась. Что ей не понравилось, так это разделение чистых доходов пятьдесят на пятьдесят. Но я смог аргументированно доказать, что мой вклад техникой, а в случае чего и починка этой техники, того стоит.

.....

Звонок Юрию Викторовичу в Москву, с озвучиванием моих хотелок за некий ценный артефакт, «магнитофонов импортных — три», привёл к тому, что он примчался ко мне на следующий день, явно воспользовавшись услугами Аэрофлота.

Хорошо, что я сказал ему свой новый адрес, а то припёрся бы к нам с бабулей на квартиру на её допрос: когда деньги отменять будут, милок?

После тщательного осмотра ордена он всё-таки был вынужден согласиться с моей ценой за него. И пообещал привезти всё требуемое в течение недели на личном автомобиле в сопровождении сына.

— Но только, Жень, видики будут советские: две «Электроники» и одна «Весна».

— Да мне без разницы, лишь бы работали. И кассет побольше с записями. С фильмами, мультиками, можно эротикой если есть.

— Привезу всё, что найду, — пообещал он и смылся в столицу в тот же день.

.....

Пока ждал обещанного, со стороны предков Сидоровой и от своего, уже московского, знакомца, внезапно нарисовалась другая проблема. Бывшие хозяйка дома, видимо для того

чтобы не тащить своего старого пса с собой, просто завезли его куда подальше и выпустили. А это чудо, нашло дорогу домой, щёлку в заборе и спустя месяц отсутствия самозаселилось в свою пустую будку.

После школы, как обычно зашёл во двор, а там это гавкающее и злющее животное. Как же, чужой пришёл, надо двор защищать, чтобы хозяева увидели и накормили, и напоили. Хорошо, что у калитки стоял сломанный черенок от тяпки, и я смог от пса отбиться. И не просто отбиться, а выгнать со двора.

Включил отопление, сел домашку делать, слышу Оля орёт благим матом, выскакиваю во двор, а там сюрреалистическая картина. Сидорова, в немыслимой позе, сидит на яблоне, а вокруг неё этот же пёс носится и лает. Повторил процесс изгнания, спустил девушку с дерева, потом успокаивал её около часа. Только успели одеться, опять лай во дворе.

При виде меня, пёс забился в свою конуру и выходить из неё отказался наотрез. Не помогли ни удары палкой по домику, ни прочие хитрости. Даже на запах колбасы не вышел. Пришлось оставлять и посадить на цепь при помощи бабули, а потом долго приучивать, что у него сменились хозяева.

Самый прикол, что с бабулей он подружился практически мгновенно. Может, он её принял за ту старушку, что жила здесь до нас? Как бы там ни было, но пёс по имени Бетон, которое я выяснил у соседей, так и остался у нас.

.....

Предки Сидоровой долго резину не тянули и в кратчайшие сроки, с привлечением всех своих связей, сумели зарегистрировать кооператив. А вот аренда бывшей телемастерской чуть не сорвалась из-за взаимной жадности горисполкома и Александра Станиславовича.

Город выдвинул условия об аренде интересующего нас помещения аж на десять лет по сто рублей в месяц. А дядя Саша, посчитав эти условия неприемлемыми, отказался. Пришлось его уговаривать и вносить половину стоимости десятилетней аренды, шесть тысяч рублей из своих запасов. Типа — договаривались же пятьдесят на пятьдесят. Что не помешало мне взять с него расписку о получении денег.

От вида такого количества денег в руках шестнадцатилетнего подростка он сначала выпал в осадок, а потом устыдился своей жадности и снял все свои накопления. Не поверит же, если ему объяснить, что через несколько лет за эти деньги он ничего и купить толком не сможет. Главное, за столбить место, а там, можно будет и приватизировать его.

Юрий Викторович выполнил обещание, и к концу недели привёз три видеоманитофона и три больших цветных телевизора. Все видики, как он и говорил, были отечественные, советские, так же как и один телевизор, старенький Темп-714. А два других тоже были старичками, но немцами, «Grundig B7720». И шестьдесят одну видеокассету с записями.

Отдавая ему орден, я мысленно пожелал удачи. Если медный червонец был просто нумизматическим артефактом, то один из высших орденов Российской Империи, даже в таком состоянии, мог принести много проблем своему обладателю. Хорошо, если я ошибаюсь, а то и на меня могут выйти серьёзные люди с вопросом: откуда? Не думаю, что моя сказка про «Тау Кита» так просто прокатит. Ну, будем надеяться, что это только мои страхи и домыслы.

.....

Пока улаживал коммерческие дела незаметно закончился год. А с ним и вторая четверть, со вторым полугодием последнего, одиннадцатого класса. В субботу тридцатого декабря у нас в школе состоялся праздничный карнавал и дискотека для старших классов.

Естественно, правдами и не правдами, на дискотеку просочились и бывшие уже наши одноклассники, и просто молодёжь с близлежащих дворов.

Многие уже подвыпившие. В том числе и парочка Лубенцов. Которые и затеяли драку с десятиклассниками. Хорошо, что их быстро утихомирили и выперли с мероприятия. Но на меня они почему-то обиделись. Я, в их понимании, должен был за них вступить. То все друзья, братья и сёстры, а стоит острограммиться и всё, враги до шестого колена.

Но я-то — ни сном, ни духом об этой драке. Мы как раз с Олей целовались в раздевалке спортзала и всё веселье пропустили. Да и, честно говоря, не очень хотелось под Новый год заполучить фингал под глаз или еще чего хуже. Обиделись, ну и флаг им в руки.

Сам Новый год мы планировали встречать нашей небольшой компанией в моём новом доме. Но после той драки я скорректировал планы. Встречаем дома, с родными, а потом, днём первого января, идём гулять.

.....

Вечером тридцать первого декабря я, наконец, смог переговорить тет-а-тет с Павлом Дмитриевичем Митрохиным. Тем самым подполковником, который был заместителем районного и городского военного комиссара. И тем самым, который когда-то служил в РВСН* и просвещал всю гоп-компанию бабули о радиации.

За минувшие годы я многое о нём узнал из рассказов бабушки и смог составить целостное впечатление об этом человеке. Вдовец, имеет троих взрослых сыновей и уже целых семь внуков. Всех любит баловать, а поэтому постоянно нуждается в деньгах. Яростный любитель преферанса, но не очень удачлив, особенно в мизере. Не сказать что много проигрывает, но и выигрывает тоже немного. Также о нём ходит слухок, что он за небольшую мзду может помочь откосить от армии.

— Павел Дмитриевич, а можно мне с вами пошептаться отдельно от компании? — перехватил я его, когда он возвращался к нашему праздничному столу из кухни, где у нас была импровизированная курилка.

— Жень? Это что-то важное?

— Очень! Мне нужен ваш совет. Всего на пару минут, — и я указал на дверь в свою комнату.

— Ну, хорошо, — он зашёл ко мне и нетерпеливо поинтересовался. — Что у тебя?

— Вот, — я протянул ему незапечатанный конверт с деньгами внутри.

Он его принял, заглянул, как-то слишком быстро и профессионально пересчитал. И только тогда поднял на меня удивленный взгляд.

— Зачем это? Хочешь откосить от армии? Для внука Тони я сделаю это и без денег. Но тебе вроде рано еще об этом задумываться, — произнёс он, тем не менее не делая попытки вернуть мне конверт.

— Нет. Наоборот. Это плата за то, чтобы попасть в армию. В группу советских войск в Германии, — затараторил я, спеша уложиться в создавшуюся паузу. — Я летом собираюсь поступать на заочное отделение в Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. На переводческий факультет. И мне очень не помешала бы языковая практика. А попасть в ГСВГ** сейчас очень трудно. Если там мало, — я кивнул на конверт зажатый в руке подполковника, то я готов доплатить.

— М-да. Первый раз мне платят, за то, чтобы пойти в армию, — покрутил из стороны в сторону головой военный. — Сейчас, действительно, из нашего округа набирают очень мало срочников в ГДР. Стараются оставить старых на сверхсрочную службу. Группу войск

потихоньку сокращают и выводят.

— И что? Ничего нельзя сделать? — удивился я.

— Почему? Можно, — Павел Дмитриевич покосился на конверт в своей руке и спросил. — У тебя когда постановка на первоначальный учёт?

— Не знаю, — растерялся я. — У нас тринадцатая школа, обычно по номерам идут, в начале весны, наверное.

— Вот! Как только вам сообщат, сразу мне позвонишь, чтобы я на месте в тот день был. И я сразу внесу тебя в списки призывной сборной команды в ГСВГ. И это, мне надо будет подмазать кое-кого в штабе округа, так что готовься заплатить ещё.

— Конечно. Давайте сразу, — я вытащил второй приготовленный конверт с еще пятью сотнями рублей. — Вот, держите.

— Это твои деньги? Антонина меня не съест? — запоздало взволновался мужик.

— Мои. Заработал ремонтами и так, прочим, — покрутил я растопыренной пятернёй в воздухе. — Бабуля против не будет.

— Дай-то бог, дай-то бог, — проговорил Павел Дмитриевич и, спрятав конверты во внутренний карман пиджака, хлопнул меня по плечу, произнес. — Пойдём праздновать, боец!

РВСН* — Ракетные войска стратегического назначения СССР, вид вооружённых сил СССР, составная часть Советской Армии. Вид ВС Союза ССР который оснащался стратегическим вооружением (баллистическими ракетами большой и средней дальности) и предназначался для выполнения стратегических задач.

Группа советских войск в Германии, ГСВГ** — оперативно-стратегическое объединение Вооружённых Сил СССР, с 1945 по 1994 год дислоцировавшееся в Германии (ГДР, ФРГ). Штаб-квартира — город Вюнсдорф, расположенный в 40 км к югу от Берлина.

Как мы с друзьями и планировали, первого января нового 1990 года, мы отправились гулять. Побродили по заснеженному городу, спустили кучу двугривенных в недавно установленной фотобудке. С завистью посмотрели на малышню катающуюся на санках с кручи спуска, рядом со строящейся каменной лестницей к пляжу. Перекусили блинами в кафе «Якорь» и отправились в кинотеатр «Октябрь» на американский фильм «Враг мой». Фильм крутили уже недели две, но попасть на него у нас не получалось. Но позавчера, выстояв огромную очередь, Лубенцы смогли купить билеты на сегодня для всех. В своём ином прошлом я тоже смотрел этот фильм и тогда он мне понравился почему-то больше чем сейчас. Но остальные были в восторге.

А еще у нас с Олей, вечером этого же дня случился полноценный секс. В тот день, когда мы попались её предкам, матушка просветила Ольку о взаимоотношениях мужчины и женщины и рассказала о средствах защиты при подобных взаимоотношениях. Слава всем богам, что про презервативы, а не про внутриматочные спирали.

И девчонка загорелась попробовать. Даже сделала попытку купить «гандонь» в аптеке подальше от нашего места обитания. Но её почему-то обозвали «лярвой» и выгнали из аптеки, в чём она мне и призналась.

— Оль? А ты можешь, дословно озвучить, что ты там в аптеке говорила? — заинтересовался я.

— Ну. Здрате. Продайте мне, пожалуйста, два «гондона».

— Ха-ха-ха, — заржал я в полный голос, но увидев навернувшиеся слёзы в глазах девушки, прекратил смеяться и, подойдя, обнял её. — Дурочка. «Гандон», это простонародное название. Эти изделия, называются — презервативы. А ещё фармацевтом хочешь стать, — подколот я её и чмокнул в порозовевший носик.

— Но мама так их называла, — растерянно пробормотала девушка.

— Значит, она их не покупала. Вот, — я вытащил из аптечки ленту из пяти презервативов. Вот так они выглядят. Знаешь как ими пользоваться?

Девчонка покраснела пуще прежнего и робко сказала:

— Надо их надевать на... на него, — и смущенно показала пальчиком в сторону моего паха.

— Значит, будем тренироваться. Иди сюда.

Тренировки ей понравились, а мне нет. Но я стоически терпел в предвкушении нормального секса. И не зря. Всё у нас получилось. Прав был генералиссимус Суворов — тяжело в учении, легко в бою.

.....

В середине января получил письмо из Ростова-на-Дону, от дяди Игоря. С Новогодними поздравлениями и благодарностями за подаренные лотерейные билеты. У него с ними была целая история. В тот день на вокзале, получив билеты от меня, он сунул их во внутренний карман пиджака и побежал встречать семью.

А про билеты напрочь забыл. А в декабре, когда случайно посадил пятно на пиджак и собирался сдавать его в химчистку, то выгреб все накопившиеся бумажки из карманов на стол. Где лотерейные билеты и нашла его дочь, которая их и схватила с криками «денежка, денежка». Денежку, естественно, отобрали, и тогда Игорь Алексеевич и вспомнил про мой

подарок. Не поленился найти сентябрьскую газету «Труд» в ближайшей сберкассе с итогами розыгрыша и с радостью и удивлением узнал, что стал обладателем «телевизионного приёмника цветного изображения» за 750 рублей. Из двух билетов выигрышным оказался только один.

Правда, за 750 рублей цветных телевизоров в торговых сетях не оказалось и пришлось соглашаться на «Славутич Ц-208» за 665 рублей. Вернули ли ему разницу стоимости выигрыша и магазинной цены, он не написал. Но я искренне порадовался за него, о чём и написал в ответном письме. Такой телевизор как у него, я знал. У соседа-участкового такой был. Жмур после покупки хвастался индивидуальным блоком настройки шести каналов, вот я и запомнил.

.....

В конце января, случился первая, и я очень надеялся, что последняя попытка меня прогнать в отношении доли дохода от кооператива Сидоровых.

— Вот, это тебе, — выложила передо мной стопку купюр тётя Вика. — И вот здесь распишись. — придвинула она какие-то бланки.

— Что это? — я кивнул на бланки и, пересчитав купюры, спросил. — И это всё? Я думал больше будет.

— Это не за месяц. Мы с Александром Станиславовичем выкупаем у тебя оборудование. Так как оно у тебя подержанное, то за половину государственной цены, — нагло сообщила женщина и, не дав даже раскрыть мне рта, продолжила. — Мы узнавали, новые «Электроника ВМ-12» стоят по 1200 рублей. Мы тебе, за каждую штуку, платим по 600 рублей. И за «Весну» ещё 500 рублей.

Я молча развернулся и ушёл. И дождавшись окончания рабочего дня, сразу занялся переноской аппаратуры к себе домой. Благо она была не тяжелой, да и я рядом живу. Оставил только на месте Олину приставку. А потом, от греха подальше, вообще отвёз на мотоцикле их в гараж и спустил в подвал.

На следующий вечер Оля попыталась меня убедить вернуть аппаратуру. На что я ответил ей прямо:

— Оль. Не надо. Не лезь в мои финансовые дела с твоими шнурками. Иначе мы поссоримся.

И она меня послушалась. Вот не зря я её с четвертого класса воспитываю.

А еще через пару дней пришёл Олин отец договариваться насчёт возврата техники. С извинениями, что супруга, мол, погорячилась, а ты нас не так понял. Но я то от Оли уже знал, что они сменили замки на всех дверях и в следующий их взбрык, я не смогу забрать своё.

— Дядь Саш, я вам не верю. Я не верю, что без вашего ведома ваша супруга решилась на такое! Я вполне могу поверить, что эта идея принадлежала ей. Но без вашего одобрения она бы не стала это делать. Так что вы — ненадёжные партнёры. И я боюсь теперь что-либо вам отдавать.

— Ну и как нам теперь быть? Это ведь ты нас подбил на создание кооператива и видеосалонов! — он обличительно ткнул в мою сторону пальцем.

— Да! И я достал видеоаппаратуру и внёс половину суммы за аренду помещения. И я нигде вас не обманывал и не кидал. С чего же вы ко мне так?

— Ну, — Александр Станиславович смущенно пожал плечами и, не найдя что сказать, замолчал.

— Вот вам и ну. Значит, так. Давайте заключим нотариальный договор о доходах.

— Но ты же несовершеннолетний.

— Значит, заключите с моей бабушкой. А ещё лучше, если она войдёт в руководство кооператива. И вот после этого я верну вам аппаратуру. Пока повесьте объявление, что ремонт типа.

— И кем она будет? — как-то сразу сник мужчина.

— Назначьте её почётным председателем. Тем более, что она имеет льготы как ветеран войны, которые и на кооперативное движение распространяются. Да и времени у неё свободного много и знакомых в разных кругах города, что сможет вам помочь, ежели что. А вы с тётёй Викой, будете коммерческими директорами.

— Хм. А в этом, что-то есть. Пойду посоветуюсь с супругой. Я тогда вам позвоню, чтобы встретиться и всё обговорить.

Пришлось в срочном порядке всё рассказывать бабуле. К моему удивлению, она восприняла всё вполне спокойно и сразу согласилась переговорить на эту тему с Сидоровыми.

В итоге, она, как я и предлагал, стала председателем этого кооператива. Какое-то время ушло на переделку уставных документов и закрепление передаваемого нами имущества, нотариально. Сама старая развила бурную деятельность. Пошла себе строгий деловой костюм и всю себя вела как бизнес-леди. Из-за её активности даже мне пришлось отправиться в незапланированную зимнюю поездку.

— А я думала, что ты продал свою игрушку (так она называла мою приставку), а ты ею деньги стал зарабатывать.

— Именно так, ба, — кивнул я.

— Тогда купи ещё игрулек.

— А где? Они что, до сих пор продаются в вашем ветеранском отделе?

— Нет. Там я их больше не видела. Летом, когда мы на солёное озеро ездили, в Пелёнкинском сельмаге видела. Может еще лежат, кому они там нужны, съезди, глянь.

— Хорошо, ба. Попробую.

Пришлось срочно купить несколько метров цепи и прилаживать её к колёсам. Ибо зима, сугробы и местами гололёд. Оля решила составить мне компанию в поездке. Пришлось и её готовить у поездке, заставляя одеться потеплее. Но всё обошлось. И туда и обратно вполне спокойно проехали.

Хорошо что взяли с собой денег с запасом. Даже удивительно, что в сельских магазинах такое количество различной техники и инструментов. Купили две приставки «Электроника Видео-Спорт-3» по 115 рублей, и парочку маленьких, 32-сантиметровых цветных телевизоров со странным названием «Банга» за 359 рублей штука. Также забрал все баллонные пневматические опрыскиватели в магазине. Коих было целых семь штук. У нас в городе, на рынке, такие уже давно по 15–20 рублей продаются, а здесь всё ещё по госцене в 5 рублей и 80 копеек лежали. Надо будет по весне, когда снег сойдёт, по близлежащим сельским магазинам прокатиться. Глядишь, чего и на перепродажу найду.

С превращением бабули в акулу бизнеса, чуть не накрылся наш швейный доход. Бабушка, целыми днями теперь пропадала где-то по кооперативным делам. И надо сказать, не зря. С её помощью удалось арендовать еще два полуподвала. Но пошив сумок, рюкзаков и прочего остановился.

Пришлось примерами других кооперативов подталкивать её к идеи создания

пошивочной мастерской при нашем кооперативе. За которую она ухватилась обеими руками. И уже к весне, в одном из помещений бывшей телемастерской, трудилось трое женщин на срочно купленных на рынке, электрических швейных машинках «Тула».

.....

За всеми этими коммерческими пертурбациями, усиленными подготовками к всё более приближающемуся экзаменам, каким-то малозаметным фоном прошли сообщения о начале Карабахского конфликта и о резне в Баку и Душанбе. Страна всё отчётливее стремилась к развалу. Коммунисты сами же отменили шестую статью* конституции СССР, а в Литве националисты из «Саюдис»** получили 101 мандат из 140 на выборах в местный Верховный Совет.

В конце февраля в стране разрешили частные крестьянские хозяйства и заявили о выводе войск из Чехословакии и Венгрии.

.....

Девятого марта на уроке НВП военрук, которого за его крутой нрав все звали «воеводой», объявил о том, что двенадцатого марта парни нашего класса должны прийти в военкомат на медицинскую комиссию. Чисто вымытыми, с паспортами и медицинскими справками если у кого какие есть.

— А девки? — спросил кто-то из пацанов.

— А девушки — потом, — ляпнул «воевода». — Тьфу, — потряс он головой. — В смысле, девушки учиться будут. Ну или что там у вас? УПК? Вот туда и пойдут.

— Я не могу в понедельник, — заканючил Толик Астахов, пришлый пацан из второй школы.

— Астахов, не придёшь — с милицией потом доставят. Вот, видите! — потряс учитель пачкой каких-то листов перед нами. — Это повестки. На руки не даю, а то потеряете. Но вас я предупредил: те кто не явятся будут доставлены в военкомат с милицией. Откройте дневники и запишите про паспорта и медицинские справки. О, точно. И про тапочки запишите. Как в прошлом году. А на завтра, запишите, после шестого урока всем быть здесь в кабинете НВП. И тоже прихватите паспорта, а, кого есть, и водительские или спортивные книжки. Будем заполнять карточки Т-10.

— Товарищ майор, а что это?

— Вот завтра и узнаете.

Мне и так было прекрасно известно про карточку призывника. Но вот почему мы должны их заполнять сами и в школе, было очень интересно. Неужели военрук решил свои обязанности на нас переложить? Но, как оказалось, нет. Просто он решил всё заранее заполнить и подать на согласование в день постановки нас на учёт.

В субботу, сразу после физкультуры мы ввалились в кабинет НВП и обнаружили там Бшников, которые в девичестве были из «В» и «Г» классов. Ясно-понятно, военрук собрал всех парней старшеклассников из обоих классов. Естественно «Б» класс сидел как они привыкли, а нам пришлось занимать места их отсутствующих девчонок.

На моей «камчатке» сидел Владька Зинченков, пацан из нашего двора, только с кооперативного дома. При виде меня он дёрнулся в попытке уступить мне моё, как он знал, место, но я махнул рукой, «типа сиди и не дёргайся» и плюхнулся рядом. И сходу начал делать домашку. Народу много, пока до моей «Л» по списку доберутся я уже половину выполню.

— Тебя, — толкнул меня в плечо Владька, и я оторвался от учебника астрономии.

— Лисин! Ты там заснул что ли?! — учитель, успевший видимо уже вымотаться с носителями фамилий вышестоящего алфавита, в раздражение повысил голос.

— Никак нет, товарищ майор! — я вскочил со своего места. — Я вас слушаю.

— Иди ближе сюда, что бы не орать через весь класс, — велел он и, когда я подошёл к его столу, продолжил. — Я буду задавать вопросы, а ты отвечать. Понял?

— Так точно!

— Начнём, — мужчина поудобней прихватил карандаш и приготовился заполнять чистую карточку. — Так, фамилию и инициалы пропускаем, я записал с твоего аттестата.

Дата рождения?

— 13 мая 1973 года.

— Место рождения?

— Азов, Ростовской области.

— Образование пропускаем, я уже вписал. Профессия, прочерк. Семейное положение, холост. Состав семьи?

— Сирота, — за моей спиной шушукающиеся парни притихли, не все знали про мою семью.

— Опекун кто? — и, глазом не моргнув на моё сообщение, продолжил опрос военрук.

— Антонина Алексеевна Лисина, бабушка.

— Ага, дальше. Знание иностранных языков?

— Немецкий. В совершенстве. Вот выписка из трудовой книжки, что я работал переводчиком в музее, — я вытащил из кипы своих документов нужную бумажку и предъявил мужчине.

— Однако, — удивился тот, но, изучив выписку, указал в карточке про уровень знания языка. — Водительское удостоверение есть? Давай сюда. — и переписал номер документа и сданные категории. — Телефон дома есть?

— Так точно!

— Диктуй номер.

— 4-44-44.

— Так, дальше, — перевернул он бланк. — Сведения о воинском учёте пропускаем, ага, дополнительные сведения. Давай сюда свою выписку из трудовой, я перепишу. Спортивные разряды есть?

— Да, — я протянул книжку туриста с заверенным первым взрослым разрядом по пешеходному туризму.

Он всё тщательно переписал и, вернув мне документы, отпустил на своё место. Но я остался стоять рядом с ним.

— Что-то еще, Лисин?

— Товарищ майор, я могу идти домой? Вы же уже всё переписали.

— Хм. Точно. Молодец. Хвалю. Но так нельзя, получится бардак. Иди на своё место, сейчас всё решим, — не успел я дойти до своего места, как он разродился решением.

— Так, бойцы. Сейчас я называю фамилии по списку тех, кто прошёл опрос, и они по одному выходят из класса. Аспарян, Астахов...

.....

Поход в военкомат, в понедельник, был калькой прошлогоднего. За исключение обходного листа, который мы предъявляли врачам. В прошлом году вместо него была диспансерная карточка.

У всех семерых врачей, кроме психиатра, я получил отметку «А». Дедушка-психиатр, поставил в обходной лист «А1»***, хотя и задал всего один вопрос, который я слышал от всех врачей, которых я прошёл до него:

— Жалобы есть?

— Всегда, — ляпнул я, не подумав.

Дедуля заулыбался, глянул на отметки коллег и, выставив свою, махнул ладонью.

— Здоров, свободен. Следующего зови.

В самом конце обхода нас ждала комиссия из трех человек. Дядя Паша Митрохин, моложавый, но седоватый капитан, и врач в белом халате. Увидев меня, Павел Дмитриевич приветливо заулыбался и поздоровался.

— Здравствуй, Евгений.

— Здравия желаю, товарищ подполковник, — и отдал ему обходной лист.

— Капитан, поищи там бланк на Лисина Евгения Пантелеевича и перенеси туда отметки врачей.

Пару минут они шуршали бумагами и коричневым картонными бланками. После чего подозвали меня, и я расписался в журнале и учётной карточке.

— Аркадий Иванович, — обратился к капитану дядя Паша. — В разделе воинского учёта подчеркни — специальный. И в строке напротив укажи — «команда 81РГ».

— Вы уверены, Павел Дмитриевич? — спросил капитан с удивлением.

— Уверен, я сейчас и печатью заверю.

Еще с минуту военные, тихо переговариваясь, возились с моей карточкой. После чего дядя Паша мне улыбнулся и отпустил восвояси. Надеюсь, он всё правильно сделал, и я вместо Германии не полечу в Монголию.

Статья 6-я* Конституции 1977 года гласила: "Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу».

Саюдис** (лит. Sąjūdis, «Движение») — общественно-политическая организация Литвы, возглавившая в 1988–1990 годах процесс выхода (отделения) Литовской ССР из состава СССР и восстановления независимости Литовской Республики. Первоначальное название — «Литовское движение за перестройку»

Категории годности к военной службе*** — используются при осуществлении организованного призыва людей на срочную военную службу и поступлении в военные учебные заведения. «А» — годен к военной службе, абсолютно здоров и не имеет никаких проблем со здоровьем. «А1» — годен без ограничений, патологий и отклонений в здоровье не имеет, серьёзных заболеваний не имел. «Б» — годен к военной службе с незначительными ограничениями. «В» — ограниченно годен к военной службе. Призывник получает освобождение от призыва в мирное время и зачисляется в запас. «Г» — временно не годен к военной службе. Дается отсрочка. «Д» — не годен к военной службе. Данная категория освобождает призывника от призыва и от воинской обязанности в целом.

Бабуля нашла куда потратить свои накопленные полтинники и стольники. Заказала мраморные памятники на кладбище, отцу и матери Женьки. Все эти годы там стояли металлические пирамидки, установленные от профсоюза судоверфи.

И каждый год приходилось два, а иногда и три-четыре раза таскаться на кладбище. Всё зависело от настроения бабушки. Дни рождения и дни смерти, Пасха, родительская суббота, а иногда даже и на какойнибудь летний Спас нужно было идти чтобы убрать выросшую траву или чегонибудь подкрасить.

Вроде бы и недалеко, по прямой меньше километра, но идти приходилось через железнодорожные пути забитые составами. Железнодорожники чаще всего оставляли разрывы в составах. Так как с той стороны тоже люди жили и им нужно было и на рынок, и в магазины, и детишек в детский сад водить или отправлять в школы. Но иногда приходилось лазить и под самими вагонами, что у меня особого восторга не вызывало, так как в прошлую жизнь насмотрелся на жертв подобного на нашей сортировочной. И непросто лазить, а тащить с собой тяпки, грабли, бидончик с водой, цветы и прочее.

С появлением у меня мотоцикла, поездки на городское кладбище стали, если можно было так выразиться, более приятными. Само кладбище появилось на своём месте недавно, в пятидесятые годы. Когда городские власти решили убрать историческое кладбище из центра города, а на его месте построить дворец культуры и новый жилой микрорайон. Что для меня было совершенно неувидительно, ведь все кварталы в Ленинграде, в районе станции метро Ломоносовская, построены на месте старого «фарфорового» кладбища.

И вот теперь бабуля оплатила изготовление и замену железных памятников на мраморные. Не забыла и про новую оградку, значительно расширив участок, что позволило установить столик и пару лавочек. Ткнув пальцем в свободное место на участке, которое она планировала засадить цветами, сказала мне:

— Вот здесь и похоронишь меня. Понял? — на что я только молча кивнул, не зная, что отвечать.

.....

С моей невольной подачи бабушка стала основоположницей единого магического воздействия и лечения. Всё началось с появления на экранах телевизоров Анатолия Кашпировского.* Как-то прихожу с тренировки во дворе пионеров, сидит эта красавица перед телевизором и смотрит выступление этого экстрасенса. А рядом с ней на диване две её подруги. И вот эти вот женщины смотрят на Кашпировского и раскачиваются из стороны в сторону, как маятник. Да так синхронно, что аж интересно стало, как они так делают. А бабуля не раскачивается.

Ну, и вечером, пришла мне плакаться, что на неё Кашпировский не воздействует, а значит она не сможет при помощи его вылечить свои болячки.

— Ба, так может ты здорова и ему нечего лечить раз не качаешься?

— Да куда там? И поясница ноет и колени болят. Не, тут что-то другое. Может мне надо самой раскачиваться, чтобы его сила на меня подействовала?

— Не, ба. Это уже дурдомом пахнет. Может на тебя только магия Чумака действует, а у Кашпировского другая, вот они друг от друга и отталкиваются, — несу я какой-то откровенный бред, лишь бы успокоить старушку.

— Хм. А ты знаешь? Может быть. Я ведь Алана Чумака давно смотрю и воду пью им заряженную и кремами заряженными мажусь. Точно! Так и есть! Какой ты у меня умник-разумник, сразу всё мне объяснил. Мне даже легче стало. Как ты там сказал? Магия другая?

— Ну да. Они же какими-то энергетическими полями вас лечат, а это вроде магия.

— Ой. Да знаю я что это такое, — и видя моё удивление, пояснила. — В книжке прочитала, которую ты у Витьки Померанцева брал. Про понедельник, который начинался в субботу.** Так вроде называлась.

«Нифига себе» — я аж прибалдел от её признаний.

— Ну, да. Вроде той, как в книжке.

И с этого всё и началось. Уж не знаю, что она понесла в массы, но вскоре уже почти все верящие в паранормальное лечение, откровенно делились на Чумаковцев и Кашпировцев. Побеждали в этой борьбе Чумаковцы, так как их целитель был всегда при них, заряжая воду и мази, а Кашпировский до этого пока не додумался.

.....

Как только потеплело, сошёл снег и более или менее просохли дороги, я стал ездить по близлежащим сельмагам. И каждый раз, натываясь на абсолютнейший дефицит, который в городе давно исчез с полок магазинов, например: нагревательные спирали для утюгов и электрокаминов, наборы гитарных струн восточноевропейского производства, и другие, подобные предметы ненужные на селе, а потому пылящиеся на полках.

В магазине села Круглое мне попались два радиоконструктора «Электроника КР-03», которые после сборки превращались в компьютер «РК-86» с 2 кб ПЗУ и 16 кб оперативной памяти. И по сто пятьдесят рублей за штуку. Даже если сам не буду собирать их, то перепродам за три-четыре цены свободно.

А в магазине на родине бабушки в хуторе Новоалександровка, я вообще наткнулся на чудо-чудное — игрушку «миноискатель» для ребёнка в возрасте 6–7 лет. Квадратная батарея, два генератора, два транзистора и катушка искателя. И всё за пять рублей. И это «чудо» работало, я вполне уверенно с его помощью нашел несколько медных монеток. А я воровал миноискатель и паял самодельный, а их оказывается детям-дошкольникам в качестве игрушки продают.

Брал, в основном, скобяные изделия, швейную фурнитуру и прочее. Часто попадались переносные малогабаритные телевизоры с экраном диагональю в двадцать пять — двадцать семь сантиметров. У селян эти крохи спроса не имели, так как плохо принимали сигнал, а в городе их с руками отрывали — как мониторы для персональных компьютеров.

.....

Днюху Оли отметили скромно. Посидели, попили чаю с тортиком и даже не потанцевали. Близнецы с подругами ушли расстроенными, но нам было пофиг, Оля была по уши в подготовке к приближающимся выпускным экзаменам, а я семейном бизнесе. Я, подарил Сидоровой еще один плеер «Unisef» взамен предыдущего. Который у неё украли. Где и как это произошло, я от неё так и не узнал.

Страна продолжала погружаться в хаос предстоящей катастрофы. Горбачёва избрали президентом, Прибалтику удавалось удерживать только при помощи армейских подразделений. Самый главный вклад в приближающийся развал вносила действующая законодательная власть. И такое ощущение, что по подсказке извне. В апреле был принят закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР».

Но советскому народу было глубоко фиолетово на этот закон. Шестнадцатого апреля в

Швейцарии стартовал чемпионат мира по хоккею, совмещенный с чемпионатом Европы. И весь Союз припал к экранам телевизоров, болея за нашу команду. Нивелируя все экономические и политические неудачи игрой нашей сборной. А после разгрома сборной США со счетом 10:1 вся страна ликовала так, как будто построила коммунизм.

В дни трансляции матчей по хоккею резко падали выручки видеосалонов. И бабуля ходила мрачная и недовольная, не зная чем привлечь зрителей.

— Женька, может ты подскажешь?

— Ты о чём, ба?

— Ну, какого они в свой хоккей залипают, а не идут в видеосалоны.

— Пф, потерпите до второго мая. Всё и наладиться. Больше сеансов с мультиками для детей пускайте. Продавайте чегонибудь зрителям. Семечки, например.

— Да пытались семки продавать, так они, ироды, весь пол заплевали. Надо что-то другое.

— Попкорн попробуйте.

— А что это? — не поняла она

— Воздушная кукуруза.

— Кукурузные хлопья или палочки? Так их попробуй достань сейчас.

— Нет. Ты меня не поняла. Это другая разновидность кукурузы, — и тут до меня дошло, что попкорн еще не знают в Союзе. — Я поэкспериментирую и потом тебе покажу что это.

На создание аппарата по приготовлению попкорна у меня ушло несколько вечеров. Вспоминая аппараты из будущего, взял за основу большой прямоугольный аквариум, заменив одну стенку на открывающиеся стеклянные дверцы. В качестве котла использовал корпус от старой скороварки. Нагрев сделал электрическим, так как газовый, скорее всего, зарубили бы пожарники.

Для перемешивания кукурузы внутри котла пришлось дырявить крышку и крепить вал от электродвигателя до дна котла, к перемешивающим лопастям. Постарался сделать всё аккуратно. Даже освещение добавил. Чтобы не попасть впросак, провёл несколько тренировочных приготовлений воздушной кукурузы, которые и позволили выявить некоторые косяки.

Почти все материалы я нашёл в подвале своего нового дома. Если из самого дома бывшие хозяева вывезли почти всё, то содержимое подвала бросили. Ну, может, запасы продуктов или закрутки забрали, а весь остальной хлам оставили. Подвал полностью повторял первый этаж. Всё те же шесть комнат, только без окон, дверей и отопления. И очень сильно захламленный. Со временем, из него можно сделать неплохое место для отдыха и спорта. Но пока на это не было времени. Так, разгрёб одну комнату под мастерскую и установил масляный электрический обогреватель, чтобы не замерзнуть.

В один из выходных, при помощи Жмура, перетащил готовый аппарат из своего дома в кооперативный подвал. Где и презентовал его и его работу руководству кооператива. Готовую продукцию, я собирал жестяным совком и высыпал в пакет, свернутый из серой упаковочной бумаги. Первую готовую порцию руководство же и слопало, и вторую тоже. Третья, досталась Жмуру за помощь в переноске аппарата, после чего его турнули из помещения.

— И за сколько продавать порцию, — поинтересовался Александр Станиславович.

— Одну, за пятьдесят копеек. А три порции, за рубль, — в процессе изготовления машины у меня было время подумать о цене.

— Почему три за рупь? — не въехала бабуля.

— Потому что дорого. Три порции за полтора рубля вряд ли возьмут, а за рубль — точно, — сразу въехала в ситуацию тётя Вика.

— Вы главное, найдите кто будет производить попокорн.

— А почему не ты? — удивился дядя Саша.

— У него экзамены на носу, — вступилась за меня бабушка. — Не переживай, найдём. Ты, главное, обучи как на ней работать, — кивнула она в сторону созданного мной агрегата.

.....

На первое мая, в Москве, прошли две демонстрации. Традиционная и альтернативная демонстрация демократических сил с антисоветскими лозунгами. Вторую демонстрацию по телевидению практически не показывали и народ в общем даже и не был в курсе что творится в Москве. Первомайская демонстрация и гулянья плавно перетекли в празднование победы нашей сборной по хоккею в чемпионате мира и Европы. А там, через неделю и до 45-летия Победы добрались.

Утром мы школьными колоннами сходили и возложили цветы к мемориалу. А вечером, смотрели по телевизору повтор военного парада в Москве. И все находившиеся в нашей квартире люди, кроме меня, даже и не подозревали, что это последний военный парад Победы в этой стране.

В этом году бабулю нашла еще одна награда. На этот раз — боевая. Медаль «За Отвагу». С теми самыми самолёткам и танчиком. Награждали бабушку в городском военкомате, а уже вечером к нам в гости, отмечать день Победы, день Рождения и награду набилось просто немыслимое количество людей. Ну, мы и перешили праздновать в мой дом. Главное, недалеко, куча места и соседям не будем мешать. Вот там она и рассказала за что ей дали эту медаль.

В 1943 году их штаб вместе с полевым подвижным госпиталем чуть не оказался в окружении из-за внезапной контратаки немцев. И вот тогда их, всех штабных, бросили на оборону наплавного моста, по которому и эвакуировался госпиталь.

— Страшно было, ужас. Особенно когда нас из миномётов обстреливали, — делилась с нами, своими воспоминаниями бабушка, рассказывая почему-то с закрытыми глазами. — А тут атака, и ползёт на нас что-то гусеничное. Ну, я и подорвала эту хрень гранатой. Начальник штаба обещал представить к награде. Вот, видимо, и представил. Только долго она меня искала. Я уже и забывать стала тот случай.

А боевая, однако, у меня оказалась старушка. Я считал, что она всю войну в штабе просидела, а оно вон как, оказывается, бывает. До сколько они пили, пели и плясали я не знаю. Меня отправили на квартиру баиньки около одиннадцати вечера.

На день рождения, я ей подарил набор из двух китайских халатов. Теплый банный, махровый халат и лёгкий хлопковый летний. Даже и не знаю, угодил я ей этим подарком или нет...

.....

— Аааа! Это ты виноват! Аааа! Что мне теперь делать? — орала Сидорова и пыталась бить меня своими кулачками.

Сидел в квартире, никого не трогал, делал домашку. А в моём доме бабуля затеяла второй день празднования. Ну и ради Бога, лишь бы здоровья хватило. И тут звонок в дверь, врывается эта оглашенная, начинает орать и бить меня.

— Оля! Оля! Стой! Да мать твою! — не выдержал я и, схватив её за руки, притянул к

себе.

Её ярость тут же перешла в рыдания и она, обливая мою шею своими слезами, потихоньку начала успокаиваться. Дав ей выплакаться, усадил её на диван и принёс с кухни воды, которую она с жадностью выхлебала. После чего поделился с ней чистым платком и приступил к осторожным расспросам — что случилось?

— У меня задержка, — почти шёпотом поведала она мне. — Уже две недели. Я, наверное, беременна. Меня уже два раза тошнило и у меня груди стали болеть.

— Минутку, — я встал и пошёл запер двери в квартиру, а то мы тут про такое, а двери почти на распашку. — Ты же меня уверяла, что у тебя не было особых дней когда порвался презерватив. Да и ты вроде все тщательно подмыла?

— Я тоже была так уверена, — опять захлюпала носом Оля.

— Ты в туалет по маленькому хочешь?

— Что?

— Я спрашиваю, ты писать хочешь?

— А зачем тебе? Ты, что, поиздеваться надомной решил?

— Футы-нуты. Я полностью серьёзен. Так да или нет?

— Ну, немного хочу. А что?

— Вот тебе банка, иди и пописай в неё. И сюда принеси.

— Зззачем?

— Оля! Пожалуйста! Сделай что я прошу!

Взяв робко литровую банку, другой я не нашёл, она, косясь на меня, а вдруг я, и правда, издеваюсь, отправилась в сторону туалета. Проводив её взглядом, я ринулся в шкаф за канадской медицинской универсальной аптечкой FAO-134 компании «First Aid Only». Которую я прикупил через знакомого чиновника морского пароходства.

Осознавая, что на всякий случай надо иметь дома хорошую аптечку, я с этим вопросом к нему и обратился. И к своему удивлению, уже на следующий день, всего за триста рублей, стал обладателем хорошей бытовой аптечки. Правда, я запрашивал что-то вроде аптечки горного спасателя или парамедика, но, изучив содержимое, остался доволен и им.

В числе массы полезной медицины мне на глаза попался и десяток одноразовых тестов на беременность от английской фирмы «Clearblue». Которые я и собирался сейчас применить, чтобы проверить, залетели мы или нет. Вообще-то у девочек-подростков такие колебания сроков менструального цикла в период взросления иногда случаются. Да и стресс от подготовки к экзаменам исключать нельзя. Но, на всякий случай, стоит проверить.

Вернувшись в комнату из туалета, Сидорова, при виде металлического кейса аптечки чуть не выронила банку с мочой. Но, справившись с собой, всё-таки не допустила этого, а торжественно водрузила мне её на стол.

— Вот, — сказала она и с интересом уставилась на мои действия. — А что ты делаешь?

— Это, — показал я полоску из жёлтого картона. — Мобильный тест на беременность. Вот этим концом с красной точкой, опускаем его в мочу. И нужно подождать три минуты. Если тест станет коричневым — ты беременна, а ежели останется жёлтым — то ложная тревога. А пока, пойдём чая попьём. — потащил я её на кухню.

Чайник успел только закипеть, как Ольга не выдержав, рванула в комнату. Откуда послышались приглушённые рыдания. Зайдя за ней в комнату, я обнаружил полностью коричневый тест. М-да, залёт. А ведь мне ещё и семнадцати нет. Стукнет только через три дня, а я уже успел ребёнка зачать.

«Сбылась мечта идиота» — мелькнула и пропала в голове мысль. Ведь ты всю жизнь хотел стать отцом. Но у нас с супругой это так и не получилась. Индивидуальная не предрасположенность — как нам объяснили в одной из швейцарских клиник. Ладно, нельзя это дело пускать на самотёк. Надо брать всё в свои руки и выправлять создавшееся положение.

Покопался в своём письменном столе и, найдя нужное, подошёл к вновь плачущей Оле. Осторожным движением поднял её с дивана, обнял и поцеловал. Сидорова послушно обняла меня в ответ и, прижавшись ко мне, замерла.

— Оль, — я отстранился от неё и сделав шаг назад, вынул из кармана и раскрыл коробочку.

Тонкое золотое колечко с рубином блеснуло в электрическом свете, и я, встав на правое колено, протянул коробочку с украшением девушке — сказал:

— Олечка, выходи за меня замуж.

Анатолий Михайлович Кашпировский* — советский психотерапевт, ведущий телепрограммы «Сеансы здоровья врача-психотерапевта Анатолия Кашпировского», экстрасенс, который якобы удалённо лечил телезрителей, смотрящих его передачу.

«Понедельник начинается в субботу»** (1965) — фантастическая юмористическая повесть братьев Стругацких.

«Бамс» — прилетел очередной подзатыльник от бабули.

— Ах ты, поскудник. Весь в отца. Яблоко от яблони. А я, еще и сомневалась, дура. Мол, не мой внук, подменили его. А, не, мой, весь в моего сыночка, @лядуна.

Я сидел на диване с покорно опущенной головой и терпел все эти подзатыльники и ругательства. Олька тоже с кулаков начинала, сейчас, вон, испуганной мышкой сидит в уголке и смотрит за процессом моего воспитания. Бабуля тоже сейчас выдохнется и к слезам перейдет. Ничего, за одного битого — двух небитых дают.

После сделанного мной предложения и полученного от Сидоровой согласия стать моей женой, нам предстоял нелёгкий и для меня опасный путь к легализации нашей семьи. Я решил начать этот процесс с моей бабули. В моём понимании она — лицо заинтересованное, как в правнучке или в правнучке, так и в моей свободе — мало ли как поступят предки Оли.

Ну вот, такого я от неё ещё не слышал — «урод вонючий». Хотя нет, где-то слышал, но не от бабушки. Блин, да где же? «Урод вонючий, козёл немый, всю жизнь мою погубил, ах ты паскуда» — всплыло внезапно в памяти и я, как наяву, мысленно увидел древний, но в этом мире ещё не снятый клип группы Би-2 — «Моя любовь», о нелегкой судьбе и жизни семьи Мухиных, которые тоже ждут ребёнка:

У героев стынет кровь

Разбиваются и вновь

Идут ко дну

Идут ко дну

Успокоит океан

И разделит по волнам

Свою вину

Свою вину

Кон-кончится пленка

Ты, ты ждешь ребенка от меня

Моя любовь, моя любовь...

От столь ясной картины из прошлого будущего аж немного потеплело на груди, но я решительно мотнул головой прогоняя это видение, сейчас не тот момент чтобы предаваться ностальгии.

Из-за моего внезапного манёвра головой бабушка промахнулась в отвешивании мне очередного подзатыльника и, не ожидая от меня такой подлости, потеряла равновесие и начала заваливаться в мою сторону. Я её аккуратно поймал и, усадив на диван, прижал к своему плечу, где она, наконец, и заплакала. С другой стороны ко мне метнулась Оля и, прижавшись к второму плечу, тоже пустила слезу. Вот так я и сидел, обливаемый слезами с двух сторон.

Наконец, запас слез у них иссяк, и они смогли нормально соображать.

— Ну и что нам теперь делать? — слабым голосом спросила бабуля.

— Жить. Ждать мой день рожденья, — и видя вскинувшееся в негодовании лицо бабушки, которая, видимо, подумало про — «кто про что, а вшивый — о бане», поднес свой указательный палец к губам, призывая к молчанию. — Ведь только с семнадцати лет нас

распишут, а ты сможешь мне официально разрешить жениться. И лучше всего это сделать после экзаменов.

— Почему? — не поняла Сидорова.

— Мы с тобой спокойно сдадим их, получим аттестаты, расскажем и уговорим твоих предков, а потом, тихо и мирно, без свадьбы, распишемся в ЗАГСе.

— А я мечтала о свадьбе, платье, фате, ресторане и кортеже машин, — печально вздохнула Оля.

— Устроим, — пообещал я. — Но попозже. Сначала школу закончим, распишемся, я в армию схожу, а ты заочно или очно закончишь наше медицинское училище.

— В армию? Ты меня бросишь с ребёнком? Ведь можно наверное как-то откупиться от неё, — возмутилась, пока ещё Сидорова.

— Не, девонька. Всё правильно. Мужчина должен отслужить в армии, — неожиданно пришла мне на помощь бабуля. — Ты смотри, Женька, только не сбеги от нас в Германии.

На самом деле, я это и планировал в уже далёком восемьдесят четвёртом году. Поднакопить резервов, купить место в группе советских войск и дать дёру. Тогда меня ничего не держало. Всё вокруг было чужим. Но за прошедшие годы я привязался к месту своего жительства и к своей новой родственнице. И не просто привязался, а полюбил. Иначе не переживал бы за её здоровье, как за своё. Обзавёлся движимостью и недвижимостью.

Плюс друзья и моя любимая девушка. И как вишенка на торте, ребёнок. Мой ребёнок. Тот о котором я так мечтал в прошлой жизни. И, может быть ради него, меня сюда и закинуло? Так что, куда я с этой подводной лодки денусь? Схожу в армию, отвезу накопленное беспоштинно через границу, припрячу, может чего подзаработаю и обязательно вернусь.

— Дядя Паша проболтался? — понял я.

— Ага, вчера, по пьяни.

— В Германию? А ближе ничего нет? Вон, под Азовом, в Кулешовке, какие-то военные есть, — проявила свою обеспокоенность, и Оля, видимо, приняв тот факт, что я всё равно уйду в армию.

— Нет, Оленька, — опять вмешалась бабушка, я даже рта не успел открыть. — Пусть едет в Германию. Там спокойно. А то здесь, сейчас, могут и в какую-нибудь горячую точку заслать.

— Ясно, — согласилась со словами бабули Оля. — Жень? А что ты говорил про медицинское училище? Я же в институт хотела.

— Можешь и в институт поступить. Только трудно тебе будет в Ростов мотаться беременной и после родов. Проще в наше училище на фармацевта* поступить. Там год и десять месяцев учиться. И рядом всё. Школу закончим, пойдешь на водительские курсы, а потом и машину тебе купим.

— Мне? Машину?

— Тебе, тебе. Я же в армию уйду. Кто вас возить будет? Кто из вас на мотоцикл сядет? А тебе легче будет по городу передвигаться. На учёбу, в аптеку, в поликлинику.

— Ба, ты можешь найти не болтливого гинеколога? — спросил я у неё уже после ухода Оли домой. — Что бы осмотрел Олю и подтвердил всё это, то, что мы здесь сами напроверяли.

— Ох. Найду. А то, и правда, может просто длительная задержка, а твоя химия вообще что-то другое показывает.

.....

Мою днюху не отмечали. Так, просто посидели, попили чаю с бабушкой и Олей. И разошлись по домам. Правда, предупреждённый об отмене торжества, вечером заглянул ко мне Жмур и подарил книгу Валентина Пикуля** «Богатство»

Во дворце пионеров Владимир Владимирович потихоньку осваивался в директорском кресле. На городской турслёт мы с Олей конечно хотели попасть, но нас, ввиду приближающихся выпускных экзаменов в школе, просто не допустили до этого мероприятия. Но даже и без нас наши подростские подопечные снова заняли первое место по городу.

А я, кстати, предварительно договорился с нашим бывшим тренером, что до призыва в армию поработаю во дворце на полставки. Правда, фиктивно, мне пойдёт запись в трудовую книжку, а ему — мои деньги.

Самым первым экзаменом у нас была физкультура. С моей-то подготовкой практику я сдал на отлично, впрочем, как и теорию. Очень сильно переживал за Олю. Но она, к моей радости, вполне спокойно справилась.

Первого июня мы со всеми выпускниками одиннадцатых классов Советского Союза писали сочинение, первый письменный экзамен. Писали мы его в столовой, она же актовый зал. Туда, заранее, ученики десятых и восьмых классов перенесли необходимое количество парт и стульев. В прошлом году кто-то из родителей учащихся девятой школы написал жалобу в ГорОНО об избирательной помощи учителей ученикам во время экзаменов. И в этом году та жалоба аукнулась всем школам.

Нам зачитали темы сочинения: «Герои нашего времени», «Революционный героизм в стихах Маяковского» и «Русская природа». И время пошло. На подготовке к экзаменам мы частенько писали сочинения из похожих тем. И за выделенные пять часов, я, и все мои одноклассники, вполне уложились.

Вторым письменным была математика. Её уже сдавали спокойно, по отдельным классам и без представителей из управления образования.

А затем, посыпались устные экзамены: иностранный, физика, химия и литература. Особо не напрягаясь, сдал все на хорошо и отлично. Слава министерству образования, что Ольгу не пришлось буквально протаскивать по экзаменам, перед каждым индивидуально успокаивать и настраивать. И всё из-за того, что это дурёха проболталась о «случившемся» своей старшей сестричке.

Я не учел факт появления помолвочного кольца на безымянном пальце её левой руки, сам же дурак и рассказал про западные традиции. И если её предки не заметили украшение в силу занятости по работе, а одноклассницы из-за экзаменов. То Тамара сразу углядела золотой ободок колечка с красным камешком. Ну и не слезла с младшей сестры, пока та, под «страшным секретом», не выболтала всё.

И мигом донесла эту информацию до Олиных шнурков. К моему удивлению, её родители вполне адекватно восприняли сложившуюся ситуацию. Успокоили и, побеседовав по душам с младшей дочерью, полностью поддержали её, ну и мои в том числе планы. И только после этого отправились к бабуле планировать и спасать ситуацию.

К этому времени бабуля нашла «специалиста», которая, осмотрев Сидорову, подтвердила её беременность. Найти полноценного гинеколога бабушка не смогла, но зато раскопала среди своих многочисленных знакомых опытную акушерку, которая больше тридцати лет проработала в различных родильных домах.

Сидорова, получившая поддержку от родителей, тут же ожила и начала щёлкать экзамены как орехи.

В отличие от наших одноклассников, мы наш с Олей последний экзамен по предмету УПК не сдавали. Нас автоматом внесли в экзаменационную ведомость от дворца пионеров и выдали на руки удостоверения «старшего пионервожатого».

.....

За всеми навалившимися хлопотами, переживаниями и экзаменами незаметно пролетел почти весь июнь. Наверное никто из выпускников даже не заметил происходившие в стране события. Принятая декларация о государственном суверенитете РСФСР мелькнула в новостях и тут же вылетела из головы, смытая билетами по физике. Наши футболисты, проиграв аргентинцам два — ноль, тут же были забыты из-за подготовки к сдаче химии. Но рано или поздно всё заканчивается, закончился и наш экзаменационный марафон.

В этом году выпускной вечер решили проводить двадцать четвёртого июня. Так как это было воскресенье. А двадцать третьего мы всем классом собрались на последний наш классный час. Изабелла Агасимовна задерживалась на затянувшемся педсовете, а мы просто сидели и болтали о прошедших экзаменах и планах на лето. Как-то само собой в классе разгорелся спор о самых крутых профессиях, полученных на УПК.

Астахов, чуть ли не с пеной у рта, доказывал, что именно у них, операторов ЭВМ, самая востребованная специальность.

— Толя, а что написано в твоём удостоверении? — не выдержав, я тоже решил влезть в спор.

— Оператор ЭВМ.

— А что конкретно как оператор ты умеешь, — я выбрался из-за парты и вышел к доске, где и ораторствовал парень.

— Ну, программировать, в «Рапире».***

— То есть, ты сможешь составить программу для кодирования перфоленты или перфокарты с техническим заданием для станка с ЧПУ?****

— А что такое станок ЧПУ?

— Выходит, для завода ты уже не подходишь. Набирать текст на клавиатуре и отправлять его на принтер для печати вас, надеюсь, учили?

— Ммм, — стусевался Астахов. — Ну, мы набирали текст и отправляли на центральный компьютер, преподавателю, а он уже распечатывал.

— Не-не-не. Астахов, ты прямо скажи: сможешь набрать текст и вывести его на печать? Сам! Без преподавателя!

— Да где такое нужно-то? — возмутился парень.

— На работе, куда вас всех сразу с распостёртыми объятиями, как ты выразился — примут. Какую практику вы сдавали на экзамене?

— Создавали программу для отображения графического изображения на экране компьютера, — почти с пафосом произнес Толик.

— И что ты нарисовал?

— Снеговика в двух цветах.

— За сколько его можно продать, как ты думаешь? — ехидно поинтересовался я.

— Не понял. Зачем его продавать?

— Ну, вот, смотри. У нас в классе есть те, кто ходил на строительное УПК. Медведев, что у тебя в удостоверении написано? Какая специальность?

— Штукатур-маляр, — сразу отозвался Сашка Медведев.

— Вот, Астахов. Медведев может прямо сейчас прийти в любую строительную контору и получит работу. Я с Сидоровой, с нашими удостоверениями вожатых, без проблем получим работу в детских летних лагерях. И мы все будем получать зарплату. А кому нужны рисунки снеговиков в двух цветах на экране компьютера?

— Эээ...

Продолжить спор о нужности той или иной профессии не дала Изабелла Агасимовна, прибежавшая с окончившегося педсовета и разогнавшая нас по своим местам.

.....

Выпускной вечер вполне удался. Ольга блистала в своём бальном платье, когда получала аттестат и золотую медаль. Надеюсь, я тоже неплохо смотрелся в новеньком костюме, который ради этого события построила мне бабушка. После довольно продолжительной и нудной торжественной части началась дискотека. Нам с Сидоровой было совсем недалеко до моего дома и мы смогли быстро сбегать и переодеться, а вот остальным пришлось тащить с собой второй комплект одежды.

Родители выпускников накрыли столы с угощениями в помещении спортзала, где сидели и угощались, время от времени выползая в актовый зал потанцевать и проконтролировать детишек.

Где-то в начале четвёртого ночи, когда небо уже начинало сереть на востоке, мы дружной толпой, распевая песни, выдвинулись встречать рассвет, на смотровую площадку возле здания Горисполкома.

Не все добрались до места встречи. Часть где-то потерялась. Особенно большие потери были среди подвыпивших родителей. Но это было не особо заметно в той толпе, которая там собралась. Выпускники всех школ с родителями и друзьями стекались в это место со всего города.

Как только краешек солнца появился над видневшимися на горизонте строениями Ростова-на-Дону, вся многочисленная толпа закричала и запрыгала, приветствуя восходящее светило и свою наступающую взрослую жизнь.

.....

Ровно через неделю после встречи солнца, мы с Олей расписались в городском ЗАГСе. Бабушка и родители Оли утрясли все формальности и за небольшую мзду договорились о проведении мероприятия бракосочетания в понедельник, второго июля. Понедельник был выходным днём в этом учреждении, а значит и наша регистрация пройдёт без привлечения чужого внимания.

Единственными приглашёнными участниками бракосочетания, кроме близких родственников, стали: Витька Померанцев — в качестве моего свидетеля и Ирка Петрухина — свидетеля у Оли. За эту парочку пришлось еще и доплачивать заведующей ЗАГСа, так как оказалось, что по гражданскому кодексу РСФСР свидетели должны быть совершеннолетними. Но за два портрета дедушки Ленина на фиолетовом фоне нам пошли навстречу. Витька и Ирка были в шоке, когда узнали о том, что мы расписываемся. Но полностью нас поддержали и согласились стать свидетелями..

Все участники собрались заранее на заднем дворе длиннющей девятиэтажки, в которой и находился городской отдел регистрации. И ровно в девять утра нас запустили внутрь.

Впустившая нас женщина, оказавшаяся той самой заведующей, провела всех в зал, отделила нас от друзей и родственников, и без лишних предисловий и музыки начала

процедуру:

— Вступают в брак граждане Союза Советских Социалистических Республик Ольга Александровна Сидорова и Евгений Пантелеевич Лисин. Торжественный обряд бракосочетания проводит Епархина Анастасия Викторовна, заведующая отделом регистрации браков города Азова.

Оля в волнении, влажной ладошкой стиснула мою руку. Я повернул голову в её сторону и ободряюще ей подмигнул. Вокруг нас, с фотоаппаратом в руках, вился Жмур. Я очень надеялся, что он хоть немного соображает в фотографировании, и фотографии получатся.

— В добрый час вы подали друг другу руки. Под мирным небом нашей Родины советский народ, руководимый партией Ленина, светлой дорогой идет в коммунистическое грядущее. Вы — дети нашего народа, его надежда и будущее, сегодня вступаете в брачный союз. В прошлом остаются годы юности, впереди — ответственная пора семейной жизни. Исполняя высокий общественный долг, — тем временем продолжала говорить женщина. — Я, как представитель государства прошу ответить: готовы ли вы, Ольга, всю жизнь быть верной подругой Евгения?

— Да, — чуть хрипло от волнения выдыхает Оля.

— Готовы ли вы, Евгений, всю жизнь быть верным другом Ольги?

— Да, — твердо произношу я и улыбаюсь смотрящей на меня девчонке.

— Примите эти обручальные кольца как символ вашей семейной верности и единства. Обручитесь ими, — она указывает на две коробочки с обручальными кольцами, которые я поставил на столик перед нами еще до начала церемонии.

Взял свою коробочку и, вытащив кольцо, тонкий золотой ободок, надел его на безымянный палец правой руки Оли. Она, волнуясь, проделала тоже самое и со своим кольцом, с трудом украсив им мой палец. Когда в начале июня их покупал, кольцо было впору. А сейчас с трудом налазит. Хорошо, что мы заранее потренировались с невестой в надевании их, иначе это могло вызвать и панику.

Заведующая, дождавшись пока мы с Олей закончим, жестами развернула нас к небольшой кучке наших близких и скомандовала нам.

— Брачующиеся, повторяйте за мной: перед лицом Закона нашей Советской Родины, перед своими родителями, друзьями и товарищами мы выражаем свою волю к совместной жизни, как супруги Лисины, основатели семьи и продолжатели рода своего, во имя блага нашего государства, бессмертия советского народа и личного счастья.

Мы заученно повторили текст, который зубрили всё воскресенье.

— Прошу подойти к столу и скрепить свой семейный союз, — взмахом руки она указывает нам на приготовленные документы в папках.

Подходим и расписываемся, следом за нами ставят свои подписи и наши юные свидетели.

— Именем Закона Союза Советских Социалистических Республик подтверждается взаимное проявление воли граждан Сидоровой Ольги Александровны и Лисина Евгения Пантелеевича к совместной семейной жизни. Утверждается взаимное проявление воли супругов носить общую фамилию Лисины. Отныне вы — муж и жена, основоположники новой семьи и продолжатели рода своего во имя блага государства, личного счастья, бессмертия советского народа.

Нам протягивают подписанное нами свидетельство и наши паспорта, которые были сданы на оформление документов еще на прошлой неделе. Дождавшись когда я возьму все

наши документы, женщина продолжает говорить, обращаясь к нам, но повернувшись почему-то ко всем присутствующим в зале.

— Дорогие друзья! Примите свидетельство о браке как дорогой и памятный документ вашей семьи, признанной государством. Живите дружно. Будьте щедры на труд и любовь. Вы, Ольга, помните о великом призвании матери — родить человека, и о еще большем — вместе с мужем воспитать его. Вы, Евгений, уважайте Ольгу как друга верного, берегите ее как мать ваших будущих детей. Наше советское общество возлагает на вас обоих обязанность — вырастить их честными и чуткими людьми, трудолюбивыми и мужественными гражданами. Сердечно поздравляю вас с рождением новой семьи, желаю судьбы славной и жизни большой! С этой минуты все для вас становится общим: труд, радость, мечты. Поздравьте друг друга как супруги.

И мы с Олей сливаемся в поцелуе.

Фармацевт* (специалист со средним специальным фармацевтическим образованием) — является специалистом по обращению лекарственных средств и изделий медицинского назначения.

Валентин Саввич Пикуль** — советский писатель, автор многочисленных художественных произведений на историческую и военно-морскую тематику. Уже при жизни писателя общий тираж его книг, исключая журналы и зарубежные издания, составил примерно 20 млн экз.

Рапира*** — учебный процедурный язык программирования, разработанный в 1978–1979 годах в СССР в качестве средства перехода от более простых языков (в частности, учебного языка Робик) к языкам высокого уровня.

Станок с ЧПУ (числовое программное управление)**** — область техники, связанная с применением цифровых вычислительных устройств для управления производственными процессами.

клип Би-2 — Моя любовь (2001) <https://youtu.be/zNN11aJV3Pw>

Последний день лета я встречал на крыше соседнего с нашим дома, в том, где находился арендуемый нами подвал. И не просто встречал, а пытался до восхода солнца и наступления жары сориентировать двухметровую спутниковую тарелку на европейский телевизионный спутник «Астра1А».*

.....

Лето у меня прошло сумбурно, авантюрно и в метаниях. Сначала меня уговорила бабушка съездить в Таганрог. По её словам, на факультете иностранных языков местного педагогического института было и отделение переводчиков.

— Зачем тебе в Пятигорск ездить, когда под боком есть?

— И где его там искать?

— Помнишь, мы в «Чайхане» кушали, когда ты ко мне в больницу приезжал? — и дождавшись моего кивка, продолжила. — Вот рядом с ней. Соседнее здание. Желтенькое такое, с колоннами.

— Вроде помню, что-то такое было. Ладно, съезжу. Сначала надо тебе мебель найти.

.....

После того как мы расписались с Олей, бабуля решила нам уступить для семейного гнездышка свою квартиру, а сама перебраться в мой дом. Вроде всё просто и легко, а не тут-то было. В доме был минимум мебели. Пришлось в срочном порядке докупать необходимое. В том числе холодильник и даже газовую плиту.

В государственных мебельных магазинах было шаром покати, одни табуретки и то сделанные школьниками на деревообрабатывающем курсе УПК. Понравившийся бабушке диван и кресла, продававшиеся в комиссионке, я забраковал, когда обнаружил в них клопов. Пришлось заказывать мебель у кооператоров, что было и дороже, и дольше.

.....

Оля без проблем, со своей золотой медалью, поступила без экзаменов в наше городское медицинское училище. Хоть на неё и смотрели «как на дуру» (с её слов) при предъявлении красного аттестата.

Дядя Саша, узнав от Ольги, что муж собирается купить ей машину, тут же сориентировался и подарил дочке свою старую «копейку».** Которую, правда, через пару дней одолжил куда-то съездить и больше мы её и не видели. Впрочем, нам до начала вождения автомобиля было еще далеко. Как в возрастном плане, так и с отсутствием прав у Оли.

На курсы вождения я её записал. С помощью знакомого капитана ГАИ и небольшой мзды. Все группы обучения вождению были забиты под завязку, но для неё местечко нашлось. И теперь она почти каждый день отправлялась на обучение в автошколу. Ну или я её возил, когда был свободен.

А я был постоянно занят. То мотался по дальним сельпо в поисках лежалого дефицита, то чинил машину по производству попкорна, то заказывал и забирал готовую мебель. Ну, и про попытки поступления в институт не стоит забывать.

.....

«Метеоры» в Таганрог и обратно с этого года ходили всего два раза в сутки. Почему-то отменили всё пассажирское морское сообщение с украинскими городами, оставив только

рейс из Ростова в Таганрог и обратно.

Чтобы не терять время, я сразу предупредил всех домочадцев, что, в случае отсутствия нужного факультета в Таганроге, я сразу поеду в Пятигорск. И дам об этом телеграмму домой.

Таганрог встретил меня сильнейшей грозой, и я целый час провёл в здании морского вокзала, пережидая её. На факультете иностранных языков не обнаружилось отделения переводчиков. Его закрыли еще пять лет назад, наверное как раз тогда, когда я первый раз побывал в этом городе. На предложение стать учителем иностранных языков вежливо отказался. И поспешил на выход, не хотелось терять время.

Путём опроса местных жителей выяснил что в городе имеются в наличии аж два железнодорожных вокзалов. Первый, рядом с которым стоял памятник паровозу, оказался пригородным. С него можно было уехать как в Ростов, так и на Украину. Но там было и расписание движения пассажирских поездов, проходящих через второй вокзал.

Странное совпадение, я из порта в центр добирался на автобусе номер два, а от пригородного вокзала до второго, который не пригородный, ехал на трамвае номер два. Какой-то дикий трамвай. Местами, этот КТМ-5*** разгонялся наверное до своей максимальной скорости. Его трясло, кидало из стороны в сторону, но он упорно мчался сначала вдоль, как я понял, центральной улицы этого города, а потом, не снижая скорости, нырнул в промышленную зону. И вокруг замелькали бетонные заборы, серые громады цехов и исполинские дымовые трубы.

Я уже был не рад, что поддался на уговоры бабули и поехал в этот город. В голове сам собой всплыл куплет английской песни индийского певца Рашни, и я весь путь на этом безумном трамвае мысленно его пел:

ajaj babushka, pretty pretty babushka, ajaj babushka

ajaj babushka, pretty pretty babushka, ajaj babushka

.....

Как обычно и бывает летом, билеты до Пятигорска были только в мягкий вагон. Слава МПС, что в поезде Днепропетровск — Кисловодск такой вагон был. До его прибытия я успел найти отделение почты, отправить телеграмму домой и перекусить в вокзальной кафетерии.

При посадке в поезд сначала даже порадовался, что это вагон «Аммендорф», производства ГДР. Думал, что буду ехать как белый человек, с кондиционером. Но вагон, хоть внешне и напоминал продукцию народного предприятия «Waggonbau», но был выпущен другим заводом в Гёрлице и кондиционера не имел. Одно хорошо, не солнечная сторона и отсутствие соседа по купе до самого Пятигорска.

По приезду в этот курортный город, я прямо в справочном бюро вокзала выяснил где находится институт и как до него добраться. Но в институте меня ждал очередной облом. В германоязычные группы прекратили набирать на обучение еще в прошлом году. Официально они есть, но это две группы, которые продолжают обучение. Мне же опять предложили без экзаменов, по собеседованию, поступить учиться на учителя немецкого языка. Обещал подумать.

Так и не приняв никакого решения, отправился на первом попавшемся попутном поезде в Ростов-на-Дону. Даже не стал посещать местные достопримечательности. Все эти Лермонтовские места и «Провал» я посещал в прошлой жизни, и не думаю что там что-то изменилось.

На этот раз мне повезло купить билет на боковое место в плацкартный вагон. И я

сполна хлебнул все прелести летнего перемещения в подобных вагонах. Да еще и в Минеральных Водах меня чуть не высадили из поезда во время милицейского рейда. Слишком подозрительным я показался стражам порядка, и только полный комплект документов для поступления, включая медицинскую справку, спас меня от участи провести ночь в отделе линейной милиции...

.....

Особых терзаний по поводу неудач с институтами я не испытывал. Не повезло сейчас, значит повезёт в чём-то другом и потом. А у меня и так есть планы на это лето.

Во-первых, съездить с супругой в медовое путешествие на море, благо, дядя Саша, мой тесть, пообещал приобрести семейную путёвку в тот самый оздоровительный комплекс «Зарница», куда мы ездили с Олей в пионерский лагерь. С этого года оптико-механический завод не устраивает детский лагерь, а продаёт взрослые путёвки. Видимо с финансами на заводе плоховато стало после перехода на самоокупаемость.

А во-вторых, я хочу попробовать спасти Виктора Цоя. Вся сложность в том, что он уже два года живёт в Москве. Будь я в Питере, было бы проще узнать его московский адрес и, например, уничтожить или повредить тот самый, злополучный «Москвич-2141». Но я не в Питере, а поэтому мне придётся съездить на место его гибели. Это не очень далеко от Риги, был я там в моей прошлой жизни, в нулевых, на экскурсии. Так что думаю, что найду это место.

Весной, когда я объезжал сельские магазины, в селе Маргаритово один из местных жителей предложил прикупить у него осетрины по дешевке. Ну и в процессе выбора рыбы я у него в сарае заметил ящик с характерными оранжевыми брусками тротила. Слово за слово, и я прикупил у него за двести рублей двадцать четырёхсотграммовых пашек этой взрывчатки, десять капсулей-детонаторов номер восемь и два метра огнепроводного шнура двойного асфальтирования. Сразу видно по этому шнуру, как он рыбу ловит.

Естественно, в город я всё это хозяйство не потащил, а прикопал в одном надёжном месте. Брал я это всё не просто так, а для подрыва той самой трубы-мостика, где должны будут столкнуться автобус и автомобиль Виктора Цоя в середине августа.

.....

Поездка на море с Олей у нас чуть не сорвалась из-за взбрыка тётки. Которая посчитала, что южное солнце вредно молодому и беременному организму. Как будто сами не на югах живём? У нас тут жара и до сорока иногда бывает, не сравнить с черноморским климатом. При помощи тестя и бабушки удалось купировать тёткины страхи. И мы сразу рванули на море.

Как только дядя Саша приобрёл нам в профкоме оптико-механического завода двухнедельную путёвку со свободной датой заезда я сразу прикупил билеты туда и обратно. Брал в мягкие вагоны, хотя по неизвестной мне причине было много и купейных и плацкартных.

Отдохнули просто прекрасно, накупались, в меру назагорались. Бродили по местам, где отдыхали пионерами и делились воспоминаниями.

Я каждое утро бегал вдоль трассы к санаторию «Звёздочка», где располагался местный небольшой рынок и несколько магазинчиков. Покупал свежие фрукты и овощи, которые нас очень выручали, так как в столовой кормили не очень. Мы постоянно не наедались.

Во время этих своих пробежек, я нашёл старый громадный дуб на территории лагеря «Лира», в котором отдыхал в той, ещё прошлой жизни в 1978 году. Мои инициалы

вырезанные мной на этом дереве вполне себе сохранились. А вот лагерь не сохранился. Сначала он сгорел, а потом его забросили, видимо не найдя средств на восстановление.

За день до нашего отъезда погода резко испортилась. Похолодало и пошёл дождь. А вечером последнего дня, ожидая поезд на станции Лазаревская, мы наблюдали несколько громадных смерчей. Было красиво и жутко.

.....

Через неделю после нашего возвращения я собрался для поездки в Ригу. Для всей своей семьи официально я еду в Москву к Юрию Викторовичу.

Ради конспирации при перевозке тротила я снял бумажные обёртки со всего находящегося дома мыла и наклеил их на оранжевые бруски взрывчатки. Маскировка так себе, но лучше я не смог придумать. Три детонатора я спрятал в велосипедном насосе, полностью удалив поршень. А метр огнепроводного шнура просто сунул в связку с репшнурами и страховочной системой. Быстрее всего, никому не будет никакого дела до моего багажа, но, как говорится, береженого Бог бережет.

Скорый поезд номер 138 Адлер — Рига «Прибалтика» имел красивые жёлтые вагоны, почти все производства ГДР. Билет в мягкий вагон от Ростова-на-Дону до Риги стоил баснословные семьдесят четыре рубля. Но даже по таким ценам было всего одно место.

По прибытии в столицу вроде бы уже независимой, но всё ещё советской Латвии, я первым делом обратился в справочную за адресами магазинов «спорттовары». Женщина за стеклом справочного бюро мне улыбалась, кивала на мои вопросы, но, один чёрт, все адреса на бланке оказались на латышском языке.

Но язык, как говорится, до Киева доведёт. Вот так я и добрался до громадного магазина «детский мир», в котором я и обнаружил спортивный отдел. В этом отделе я и приобрёл велосипед незнакомой мне марки «Вела». Визуально он ничем не отличался от девчачьего велика «Десна». Такая же сдвоенная и косая рама. Ну, я не гордый, мне-то и нужен велосипед на один день. Сойдёт любой.

Немного поблукал по городу, но всё-таки смог сориентироваться и выехать на дорогу ведущую в Юрмалу. Доехав до города, перекусил пирожками, купленными у какой-то бабульки, и запил всё это бутылкой лимонада. Отдохнул немного и закрутил педали снова, стремясь добраться до места назначения засветло.

Я с трудом нашёл место, где должен погибнуть певец через пять дней. Сначала даже проскочил мимо и, не найдя искомого ручья, подумал что заблудился. Но на обратном пути мне сразу на глаза попало приметное ограждение водовода под дорогой.

Изучил и понял, что это именно то, что я искал. Вытащил из рюкзака и надел оранжевый жилет дорожного рабочего, для маскировки своей деятельности. И полез изучать объект диверсии.

Воды внизу было немного, больше грязи и ила. Я предполагал, что это будет труба, оказалось, что водовод имеет квадратное сечение и он очень заилен. Пролезть глубоко с моими размерами было не реально, и я принялся крепить пакет со взрывчаткой так, как получалось. Была опасность того, что взрыв уйдёт в стороны не особо повредив полотно дороги. Но у меня за плечами было только одно занятие по минно-подрывному делу. Как получится, так получится.

Как я помнил из наставления, огнепроводный шнур горит со средней скоростью один сантиметр в секунду. У меня был с собой метр шнура. То есть, с момента поджигания до детонации должно было пройти около полутора минут. Я отъехал на сотню метров от места

взрыва и молился всем богам, чтобы за это время никого не принесло. Не хватало мне жертв ради спасения одной жизни.

Взрыв произошел неожиданно и очень красочно. Видимо, я недооценивал разрушительную силу восьми килограмм тротила. Мощнейший взрыв, и во все стороны полетели куски асфальта и бетона. Мимо меня прошелестел увесистый кусок чего-то, а несколько мелких обломков, падая уже с неба, догнали мою спину, прикрытую рюкзаком, даже несмотря на то, что я вовсю уже крутил педали, спеша покинуть это место. Наверное там весь участок дороги, проходящей над ручьем, основательно разворотило.

Велосипед я бросил в Юрмале, у железнодорожной остановочной площадки. Узрел подходящий и останавливающийся состав пригородного поезда, направляющегося в сторону Риги и решил, что электричка — более удобный вид транспорта, чем велик.

.....

Из Риги я направился в Ленинград. Мне всё же не терпелось проверить клад на чердаке женского общежития в переулке Декабристов. В прошлый приезд я не смог попасть в это здание, а в этот раз пробрался на чердак без проблем. Общежитие никуда не делось, но двери теперь никто не контролировал.

Но вот на самом чердаке я наверное часа два обыскивал места, подходившие под закладку тайников. И по закону подлости, сверток промасленной бумаги с золотыми червонцами я нашёл уже в самом конце поисков, когда собирался уходить не солоно хлебавши.

Вот, правда, в газете «Ленинские искры», где я прочитал про данный клад в 1991 году моего времени, было найдено всего десять монет. А в найденном мною свёртке, было сорок две золотых десятирублёвки 1899 года. Видать, остальное кто-то прикарманил и сдал меньше.

Домой я вернулся семнадцатого августа и пока никаких сообщений о гибели Виктора Цоя не было. Так что я мог вполне заслуженно писать краской на стенах, что «Цой — Жив», вот только меня никто не понял бы. Вернулся я, как оказывается, вовремя.

.....

К этому времени на руководство нашего кооператива вышли два предприимчивых товарища. Мелкие начальники с оптико-механического завода, некие Склярковский Алексей и Крыловский Николай. Которые предложили реорганизовать кооператив в малое предприятие. Постановление о создании которых принял Совет Министров СССР буквально только неделей ранее, 8 августа. Суть реорганизации была в создании студии кабельного телевидения. Первоначально наши были против. Но я, зная о недолгой судьбе видеосалонов и про неплохие доходы кабельных сетей, сумел их убедить и согласиться с поступившим предложением.

Все учредители малого предприятия «Сеть кабельного телевидения Пульсар», вносили равные доли деньгами и техникой. Бабушка с Сидоровыми вносили по двадцать пять тысяч рублей, а в зачёт специализированной техники шла наша аренда помещения.

Склярковский и Крыловский видимо долго и основательно готовились к созданию чего-то подобного, но сами всё не тянули финансово. Тем не менее, от них на баланс нашего предприятия поступила масса нужной и полезной техники. Самой дорогой и важной единицей из которой был тюнер спутникового телевидения «Витязь ТСТ-001 ДУ».**** Уж не знаю, где они смогли раскопать это чудо в комплекте с двухметровой спутниковой тарелкой, на которой красовался логотип «НПО Радио».

И вот сейчас я пытался настроить конвертор тарелки на европейский спутник. Как оказалось, достать эту техническую хрень было проще, чем вынудить её работать. Ближайший специалист по её настройке был в Москве и до ноября был занят.

До приезда специалиста транслировать хотели только один канал с мультиками, боевиками и эротикой. Узрев привезенную технику и послушав разговоры наших технических специалистов, которые может и были инженерами, но не той специальности, я вызвался всё настроить сам.

Сначала от моего предложения как и от меня отмахнулись. Да не просто, а грубо послали. Ну, какой я могу быть специалист в семнадцать лет? Но за меня вступились Сидоровы и бабуля, которые объяснили нашим новым партнёрам, что без меня никакого кооператива и не было бы.

Скрепя сердцами, наши инженеры разрешили мне показать, что я умею, но под их присмотром. Но быстро убедились в моей квалификации и в своей некомпетентности в данных вопросах. Так как инженерами были специфическими. Один был оптиком-гальваником, а другой — станочником. Плюс, к моему удивлению, Склярский оказался еще и завзятым альпинистом. Так что общий язык мы нашли быстро, а вместе с ним и доверие к моей работе.

В своём, ещё не наступившем, будущем мне пришлось подрабатывать на «11 канале» Санкт-Петербурга, который имел дочернюю компанию кабельного телевидения. Вот там я и познакомился с установкой и настройкой аппаратуры, правда, на вторых ролях, вечного помощника. Но сейчас с теми моими знаниями я вполне потяну и на главного специалиста.

Пришлось через знакомых милиционеров прикупить парочку списанных, но вполне еще работоспособных раций «Виола-Н»,***** чтобы переговариваться с крыши дома, где мы смонтировали тарелку, с полуподвалом, где стоял тюнер. Уж не знаю, перебудили ли мы жильцов подъезда своими криками в рацию и постоянной беготнёй вверх и вниз, но за два часа настройки при помощи мата, моей памяти и компаса, мы смогли поймать и подстроиться под сигнал спутника.

Для приёма эфирных каналов я соединил в вертикальный блок, в так называемый антенный пост, несколько антенн «Гамма», производства Севастопольского завода «Эра», усилив приём сигнала при помощи антенного усилителя «Кубань-1717».

Разводку кабеля «РК-75-22» решили проводить по крышам домов и заводить в подъезд вместе с кабелем коллективной антенны, а на каждом этаже делать закрывающийся шкафчик, с которого и подключать абонентов. Этого кабеля наши новые коллеги припёрли превеликое множество, малых катушек было на несколько десятков километров.

Кроме кабеля и спутникового оборудования у нас появились: парочка частотомеров «ЧЗ-68», лабораторный звуковой генератор, прибор радио-механика «Видеотест-2М», парочка аналоговых видеокоммутаторов, осциллограф, всякие дефицитные электронные мультиметры и масса электронных компонентов. Не удивлюсь, что это всё когда-то числилось на балансе завода.

Так как дома нашего микрорайона стояли практически рядом друг с другом, то кабелем по крышам мы сможем соединить сразу четырнадцать домов. Что в общем количестве давало, более тысячи квартир предполагаемых пользователей. Пробную трансляцию запланировали на середину сентября. Благодаря спутнику, мы сможем принимать четыре британских канала «Sky Television», а также MTV и Eurosport, и ретрансляцией этих каналов привлечь большое количество абонентов. Еще около десятка каналов, в основном

скандинавских, французских, и нидерландских, принимались с большим искажением.

Но даже и принимаемые нами превышали наши возможности по количеству к ретрансляции населению. А учитывая, что многие советские телевизоры могли принимать, максимум шесть каналов, на таком количестве и решили остановиться.

Самое главное, что я смог убедить всё руководство, что плату надо брать ежемесячно, а трансляцию спутниковых каналов сделать временно, с шести вечера и до часа ночи. Ведь у нас было не так много оборудования чтобы им рисковать, гоняя его круглосуточно. Плату решили установить в пять рублей за месяц. Всё остальное время, транслировать обычные эфирные каналы и самодельный канал с мультиками и фильмами.

Чтобы несознательные граждане не пытались, как в моём будущем, незаконно подключаться, настоял на закрываемых коробах с хорошей экранировкой. А то, помню, повесишь свой антенный кабель на аналогичный кабельного телевидения и смотришь бесплатно.

Рассказал и про заработок на рекламе. Рубль за десять объявлений о продаже чего либо. Думаю, народ сразу оценит подобное и валом повалит. А текст и заставки можно пускать с компьютеров «РК-03», которые я купил в одном из сельмагов. Осталось только их спаять.

«Астра1А»* — был первым спутником, запущенным и управляемым SES (Европейским обществом спутников) в декабре 1988 года. Спутник обеспечивал телевизионное вещание в Западной и Восточной Европе с 1989 по 2004 год.

«Копейка»** ВАЗ-2101 «Жигули» — советский заднеприводный легковой автомобиль малого класса с кузовом типа седан.

КТМ-5*** — советский высокопольный четырёхосный односторонний трамвайный вагон. Строились с 1963 года на Усть-Катавском вагоностроительном заводе.

Тюнер спутникового телевидения «Витязь ТСТ-001 ДУ»**** — выпускался с I-кв 1990 года Витебским ПО "Витязь". Тюнер предназначен для приёма 16-ти аналоговых ТВ программ на индивидуальную параболическую антенну со спутников.

Р-838 «Виола»***** — серия средств УКВ радиосвязи. Изначально разрабатывалась для аэродромных служб военного и гражданского назначения, милиции и КГБ. Изготовитель: Ярославский радиозавод.

Первого сентября ходил вместе с Олей на торжественную линейку в её медицинское училище. Бабуля летом насадила кучу цветов во дворе моего дома, так что шли мы с непустыми руками. Ну, найдёт кому подарить.

В её группе двадцать семь девчонок и один пацан. Есть и знакомая. Маргарита, с пятой школы, мы пересекались с ней во дворце пионеров, где она занималась танцами. Она, кстати, тоже беременна. Но, судя по величине живота, на месяц точно обгонит Олю в родах.

Как позже рассказала мне супруга, Марго, залетела от собственного младшего брата. Решили поэкспериментировать, и эксперимент удался. И теперь она вся в метаниях и расстройствах. Она до последнего тянула и скрывала беременность от родителей, а когда тайное стало явным, медики отказались её аборттировать.

После торжественной части мы немного погуляли, поели мороженого с шоколадной крошкой в недавно открытом кафе «Гномик». У Оли то ли начались причуды с едой из-за беременности, то ли я ничего не понимаю в еде. Она лопала мороженное и запивала его тыквенным соком. Я попробовал, мне не понравилось.

Неожиданно, размышляя о совместимости тыквенного сока, вспомнил о ненаписанном еще Гарри Поттере и о их тыквенном безумии на Хэллоуин. «Может в писательство удариться? Написать про советского мальчика-волшебника» — пришла в голову мысль. И я, как в живую, представил — как в академии города Соловца советские детишки под присмотром магистра Корнеева размахивая «умклайдетами»*, занимаются трансфигурацией. А по лесам вокруг академии рыщет Амвросий Амбруазович Выбегалло взявший в плен Машкина Эдельвейса Захаровича вместе с его электронно-механическим прибором для отвечания на любые вопросы, и готовится захватить мир. Я яростно помотал головой, прогоняя это видение.

— Ну и правильно, она мне тоже не нравится, — сказала Оля, приняв мои мотание головой, за жест отрицания на её вопрос.

Взглянув на часы, я понял, что мы засиделись и можем опоздать в кино. Хорошо, что Азов небольшой город, а кафе, в котором мы были, вообще в шаговой доступности от кинотеатра «Октябрь» Так что успели с запасом. Фильм «Дежа вю» нам очень понравился. Шикарная комедия, и как я его пропустил в своём времени?

.....

В пятницу седьмого сентября в программе «Взгляд»** , показали вполне себе живого и здорового Виктора Цоя. Который рассказал о том, как его пытались взорвать латвийские националисты. Показали взорванный мной водовод, и я малость прифигел. Воронка от взрыва была диаметром, метров пять. А ведь я случайно отъехал на сотню метров, хотел поближе остановиться и посмотреть, там бы и лёг наверное.

Хоть взрыв и был далеко от места отдыха Цоя, но Виктор решил, что покушались именно на него. Или его в этом кто-то сознательно убедил. В общем, на Латвию он обиделся не на шутку и больше ездить туда не собирался.

Виктор рассказывал о намечающихся гастролях в США и как идёт подготовка к выпуску нового альбома. Красно-жёлтый, как он его назвал. Прикольно, в моём времени, этот альбом получил название — «черный». В конце интервью он исполнил песню «Вопрос»***:

Как много веселых ребят, и все делают велосипед,

А один из них как-нибудь утром придумает порох.
Ну а я тут сижу без тебя, мне до этих ребят дела нет,
Лишь окурки лежат на полу, да мусора ворох.
Расскажи мне историю этого мира,
Удивись количеству прожитых лет,
Расскажи, каково быть мишенью в тире,
У меня есть вопрос, на который ты не дашь мне ответ.

<https://youtu.be/gcFhflutaOg>

.....

В начале октября поймал в своём подъезде воришку, который пытался вскрыть наш почтовый ящик. Видимо позарился на красочную обложку журнала «Мы»****, которую было видно в отверстиях ящика.

К моему удивлению, воришкой оказался младший брат Витьки Кушнера, моего одноклассника и одnogруппника по туристическому кружку, который сейчас учился в горном техникуме в Донецке.

— Ванька! Какого фи́га? Ты что делаешь? — поймал я этого мелкого за шиворот.

— Ой. Дядя Женя. Я не хотел. Я нечаянно. Отпустите. Я так больше не буду, — испуганно затараторил этот десятилетний клоп.

Вот так и стареем. Недавно был для всех Женькой, а тут уже и дядькой стали величать. Взял поудобней мелкого за шиворот, да и отволлок к его отцу, который с мужиками рубился в домино. Пусть сам воспитывает, такое безнаказанным оставлять нельзя, а то покатится по наклонной.

Спасённый мной журнал был толстым, номер сразу за два месяца, за август и сентябрь. И вообще, надо бы перевести всю выписываемую периодику на адрес моего дома. Там почтовый ящик под охраной «Бетона», а с улицы только закрывающаяся щель доступна. Вон, в мае, у Жмура апрельский номер «Мы» сперли, он у меня брал почитать. А могут и просто подпалить прикола ради. Уже много где такое было. У нас, правда, нет, всё-таки подъезд участкового. Но мало ли? Вдруг, тот же Ванька решит отомстить?

.....

26 октября на советском телевидении впервые вышла развлекательная передача «Поле чудес». Но это знаменательное событие мы дружно пропустили. Пока я был на работе и лазил по крышам, устанавливая дополнительные усилители сигнала, к Оле в гости пришли её предки, а чуть погодя, пришла и бабуля постирать кой-какие вещи.

Вот старшее поколение и сцепилось языками, какое имя дать ребёночку, который вот-вот должен родиться. Сидоровы хотели назвать мальчика Назаром, а если будет девочка, то Ксенией. Бабуля была за Николая и Елизавету. А Оля? Оля хотела назвать мальчика как меня, Евгением, а девочку как её, Олей.

Пришёл домой голодный и уставший, а там прям внеочередной пленум Верховного Совета СССР. И все кинулись за поддержкой ко мне, как к последней инстанции. Я им что, Горбачёв? Ему, кстати, неделей раньше Нобелевскую премию дали, а я есть хочу, а вместо еды меня вопросами мучают.

— Мальчика назовём Александром, а девочку Александрой, — припечатал я. — Всё! Прений не будет! Кормите меня!

Сидоровы остались довольны, особенно тесть, который думал, что назовут ребёнка в его честь. Оля тоже была довольна, что я решил дать имя в честь её отца. И даже бабуля чему-то

обрадовалась и радостно согласилась с моим выбором. Но только я сам знал, что дам имя своему ребёнку в честь самого себя.

.....

В ноябре, выяснилось, что наши новые партнеры хотели не просто кабельное телевидение, а свой телевизионный канал, как средство массовой информации. Зарегистрировали и получили добро на эфирное вещание в пределах города Азова. Добыли где-то два передатчика ФТР-1 и к ним два усилителя мощности УМ-10. Как им кто-то и советовал, один основной передатчик и один резервный. Работали эти приборы Красноярского телевизионного завода в метровом диапазоне и имели транслируемую мощность в десять ватт. И рванули наши инженеры в Москву за видеомонтажным пультом и видеокамерами, которые им пообещали какие-то американцы. Когда они успели ещё и с ними связаться?

А со мной связался чиновник из морского пароходства с предупреждением, что если что надо, то заказывайте сейчас. А то он с февраля переводится в Одесское пароходство.

У меня были хотелки, но за неимением времени я всё время, переносил визит к нему. В итоге заказал любое количество одноразовых подгузников на ребёнка от ноля и до двух лет, которое смогут привезти. Пришлось своими словами рассказывать ему что это такое. Даже рисовать пришлось, как я помнил памперсы. Английское «diapers» переводилось как пелёнки. А пелёнки, они в СССР пелёнки. А «pampers», вообще не переводится.

— А! Понял! — рассмотрев мои рисунки и выслушав объяснения, сказал мужчина. — У нас такие производили до перестройки. То ли в Эстонии, то ли на Урале где-то. Хорошо, мои ребята поищут такое.

Я аж удивился, никогда не слышал про выпуск детских одноразовых подгузников в СССР. И почему, интересно, их прекратили выпускать?

Хотел ещё детского питания заказать. Но подумав, отказался. Кто его знает что там привезут, а у нас под боком и молочная кухня есть, а недалеко даже целый комбинат детского питания.

Заодно с заказом, выкупил у него два древних по году создания, но выпущенных в прошлом году, видеомаягнитофона «Panasonic NV-2000». Именно скопировав эту модель, наши электронщики и выпустили «Электронику ВМ-12». Один себе домой, а второй загнал Сидоровым, им как раз не хватало одного для нового видеосалона. Продал подороже, чем вернул потраченные деньги. Они мне еще пригодятся.

.....

11 декабря председатель КГБ СССР Владимир Крючков выступил по телевидению с заявлением о заговоре западных стран против СССР и их намерениях добиться его распада. Но его никто не услышал. Судя по всему, всех, всё устраивало. А может просто не поверили своим ушам. Чтобы сам председатель всеильного КГБ, да и плакался по телевизору?

А на следующий день Олю забрали в роддом. Что и как там было не знаю, был на работе. В одном из домов опять шёл сигнал с помехами, пытался разобраться в чём проблема. Прибежал какой-то мелкий с запиской от бабули, что Оля в роддоме, у тестя сломан автомобиль, так что дуй в гараж за мотоциклом.

Вот так я целый день мотался между домом и роддомом, который находился на выезде из города. То то надо было привезти, то это забыли. Под дождём, по слякоти, проклиная тестя, который умудрился запороть движок на уже Олиной машине. И постоянно переживая за супругу и ещё не родившегося ребёнка.

Утром позвонили из роддома и обрадовали, что Оля родила мальчика. Все хорошо, ничего не надо, мальчик здоровый, крепкий и весит три килограмма и триста граммов. Хоть ничего вроде было не надо, но бабуля меня взнудала, и мы опять понесли по лужам и грязи. Так каждый день, все пять дней, что Олю продержали в роддоме. Видел супругу в окне с сыном. Вернее со свертком, в котором и был сын.

В день выписки жены, я привычно проклиная тестя, который так и не починил машину, арендовал 412й москвич у соседа по гаражному кооперативу, за пятьдесят рублей, до вечера. Нагрузились цветами и тортиком для медицинских работников и поехали.

В холле родильного дома мы прождали наверное целый час, пока нам не вывели Олю с ребёнком. Но так просто, нам их не отдали. Прочитали торжественную речь, вручили от коллектива роддома паспорт новорождённого и а-ля золотую медаль «Родившемуся на Донской земле». Мы отдарились цветами и тортиком. И только после этого нам отдали Олю с сыном.

Мне вручили матерчатый сверток, из которого были видны только носик и закрытые глазки. Всё это время вокруг нас вился местный фотограф, которому мы дали согласие на оплату фотографий. Вот он и фотографировал нас. Меня в момент передачи ребёнка, меня с Олей и ребёнком, групповое фото родственников, групповое фото с медицинским персоналом. Я аж подустал от этой фотосессии.

Новый член семьи оказался вполне приличным и воспитанным. Много ел, много спал, время от времени громко орал. Но орал вполне себе в меру, давая возможность Оле и мне выспаться. Даже бабуля возмутилась тем, что Сашка тихий не в породу и высказалась об этом мне:

— Не в Лисиных пошел. Что твой отец, что ты, орали каждые пол часа не давали никому покоя. А этот сопит в две дырочки и еще улыбается, — кивнула она на правнука, который в это время, и правда, во сне чему-то радовался.

Супругу я как мог разгрузил от домашних обязанностей. Взяв на себя полностью закупку провианта, готовку, уборку и мытьё посуды. А наличие в доме стиральной машины решило почти все вопросы с грязными пелёнками и всякими прочими чепчиками.

.....

На новый год я подтвердил бабуле, что во второй половине января в стране пройдёт денежная реформа. И она поспешила поделиться этой подтвержденной новостью со своими подругами и друзьями. Многие, кстати, прислушались, за что потом её неоднократно благодарили.

Первого января 1991 года в СССР ввели 5 % налог с продаж. И вообще, в январе произошло немало знаковых и трагических событий приближающегося развала страны. Министерство обороны усилило группировку войск в Прибалтике, вводом частей ВДВ. В Цхинвале вспыхнули бои, а в Вильнюсе спецназ штурмом взял республиканский телевизионный центр. Павловская реформа. И как итог первого месяца этого непростого года, указ Верховного Совета о совместном патрулировании милиции и армии в городах Советского Союза.

.....

Второго февраля в нашей школе состоялся вечер встречи выпускников. Народу пришло откровенно мало. Одноклассники, впрочем как и учителя, очень удивились, узнав, что мы с Олей уже расписались и что у нас уже есть ребёнок.

Из наших наиболее близких друзей была только Ирка Петрухина, которая поступила в

Ростовский институт народного хозяйства и Витка Померанцев, поступивший в Ростовский государственный университет на юридический факультет. Посидели, поболтали, попили чаю с выпечкой, да и разошлись по домам.

А дома, прослушивая выпуски новостей различных радиоголосов, узнал о гибели в США, в авиакатастрофе Виктора Цоя и Георгия Гурьянова. Через неделю, в субботу девятого февраля в программе «До и после полуночи» Владимир Молчанов рассказал в подробностях об этой трагедии. В январе группа Кино улетела в США на гастроли в полном составе. Выступила в Нью-Йорке и Вашингтоне, и первого февраля на попутном рейсе вылетела в Лос-Анджелес. Авиалайнер Boeing 737 авиакомпании USAir рейса USA1493 при совершении посадки не смог сбросить скорость и врезался в небольшой самолёт местных авиалиний, из-за чего тот взорвался. Потерявшие управление самолёты врезались в здание аэродромной пожарной охраны. Часть эвакуационных выходов оказалась отрезана начавшимся пожаром, в дыму и огне из-за невозможности покинуть салон погибли с частью пассажиров и экипажа Виктор и Георгий. Остальные музыканты с администрацией группы выжили.

В Москве на Арбате опять появилась стена Цоя, и во всех городах Союза снова на свободных стенах домов и заборов появились надписи — «Цой жив!» А я задавался вопросом — «на хрена я тогда пытался его спасти»? И не находил ответа. Ведь все мои попытки как-то повлиять или изменить будущее заканчивались ничем. Про Чикатило вроде бы уже должны писать, что поймали. А в итоге, тишина. Или я его спугнул своим письмом или его взяли намного раньше и засекретили всё. Чернобыль пытался предотвратить, тоже никакого эффекта от письма. Разве что только Дудаева ухлопал. Да и то получилось не специально. И будет ли какой эффект от этого — неизвестно...

.....

В конце февраля, наконец, прибыл мой заказ на детскую гигиену.

— Парни нашли только японские одноразовые подгузники «Unicharm» для новорожденных детей, — оправдывался мой знакомец. — По этому и взяли всего один ящик. Ты же говорил про американские «Procter & Gamble».

— А сколько в ящике?

— Пятьдесят упаковок по четыре штуки в каждой.

— Да нормально. Сколько с меня?

— Японские дешёвые. Пятьсот рублей за ящик и триста рублей за сотню американских подгузников на младенцев от года.

Расплатился, куда деваться. Вещь очень нужная. Бабуля с Олей не очень зашиваются со стиркой благодаря стиральной машинке, но с подгузниками всем станет проще, а Сашке еще и комфортней. Надеюсь.

Пришлось проводить целый показательный урок по применению этих средств гигиены. Я-то хоть теоретически знаком с их использованием, что-то видел в рекламе по телевизору в будущем, что-то почерпнул из инструкции по использованию взрослых памперсов на курсах в Швейцарии по оказанию первой помощи. Так что у меня получилось вполне умело и с первого раза одеть сей предмет на пускающего пузыри Сашку.

Другое дело, что пришлось чуть ли не силой заставлять бабулю, тещу и Олю, выкидывать использованные подгузники. Поначалу на меня смотрели как на врага народа, когда я настаивал на этом. Но после того как они развалились в процессе стирки, до женской части моей семьи наконец дошло, почему они называются одноразовыми.

.....

За пару дней до международного женского дня к нам в гости заскочил Павел Дмитриевич Митрохин. И огорошил меня не очень хорошими новостями, которые поломали почти все мои планы.

В осенний призыв 1991 года не будут отправлять призывников в группу войск в Германии. Только в весенний призыв. Но команда срочников в двадцатую гвардейскую армию убывает пятого мая. А мне восемнадцать лет исполняется только тринадцатого мая.

— Есть вариант со спецкомандой, — обнадежил меня дядя Паша. — Но эта команда убывает двадцать пятого мая в восьмую гвардейскую армию.

— Да какая разница? Я могу в неё попасть?

— Да! Но нужно ещё денег. Там отправление воздухом, и мне надо заново договариваться.

— Сколько? — меня не оставляло ощущение, что он просто разводит меня на деньги.

— Еще четыреста рублей. И я тебя лично отвезу на аэродром и сдам начальнику команды.

— Хорошо, дядь Паш, — согласился я. — Но вы мне еще форму и сапоги подгоните. Желательно, второго срока. Но не убитые. Не в гражданке же мне ехать. Сразу там вопросы могут возникнуть. И к вам в том числе.

— Хорошо, Жень. Завтра. Нет, послезавтра зайдёшь ко мне в военкомат, и мы подберём тебе форму.

«Умклайдет»* — это название волшебной палочки из «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких.

«Взгляд»** — популярная информационно-развлекательная телепрограмма Центрального телевидения (ЦТ). Главная передача телекомпании ВИД. Официально выходила в эфир со 2 октября 1987 года по 23 апреля 2001 года, по пятницам. Ведущие первых выпусков программы: Олег Вакуловский, Дмитрий Захаров, Владислав Листьев и Александр Любимов.

«Вопрос»*** — песня Виктора Цоя, не вошедшая в альбом «Звезда по имени Солнце».

«Мы»**** — советский ежемесячный литературно-художественный журнал для подростков. Выходил с 1990 года. Впервые учреждён Советским детским фондом им. В. И. Ленина. Первый номер вышел тиражом почти 2 млн экземпляров, составив серьёзную конкуренцию журналу «Ровесник»

Оле я не стал ничего говорить о переносе моего призыва. А то ещё переволнуется и у неё молоко пропадёт. Потом, перед фактом поставим. А вот бабуле сказал и попросил помочь с подгонкой формы, которую подобрал на складе городского военкомата.

У них приличный запас обмундирования. Правда, почти всё, как говориться — бывшее в употреблении. Как просветил меня Павел Дмитриевич, всё это имущество хранится в объединённом военкомате на случай ЧС или войны.

Взял хорошо знакомую мне по моей службе «афганку». Летний комплект, поношенный, прилично выгоревший, с тёмным пятном от споротой эмблемы и бушлат от зимнего комплекта. Лететь самолётом, фиг его знает какая там герметизация и отопление. Сапоги взял относительно новые, кирзовые, но с широким голенищем. Под стать сапогам взял и ремень, новенький, кирзовый. Всё равно, если верить слухам, солдаты в ГСВГ и ЗГВ нося кожу и никто не позарится на кожзам. Там же подобрал сидор и фляжку в чехле. А вот портянок или ткани на портянки не было, но ничего, этого добра и дома навалом.

Пока бабуля занималась подгонкой формы на меня, я занимался тайниками для перевозки «всего нажитого непосильным трудом». Отодрал в сапогах основную стельку и сделал её двойной, в середине разместив все собранные мной драгоценные камни. Так как размерами они не превышали одного карата, то всё получилось вполне идеально. И надёжно вклеил всё обратно. Теперь главное, чтобы до призыва никто на мои драгоценные сапоги не покусился.

В сидоре устроил парочку тайников в дополнительно пристроенных кусках материи на дне вещевого мешка и на клапане кармана. В которые и припрятал две купюры по двадцать марок ФРГ и все четыре тысячи долларов США, доставшиеся мне из тайника Петровны.

Всё остальное золото, как монеты так и ювелирку, припрятал в нашей квартире под полом и в подвале моего дома. После чего показал эти захаронки бабушке. А то мало ли что здесь случится или со мной, пусть будет в курсе. Бабуля поохала на количество драгоценного металла, но возмущаться или ругать меня, что скрывал — не стала.

Оля, кстати, наши приготовления заметила и как-то всё из бабули вытрясла. Но скандал закатывать не стала. Так, немного поплакала у меня на плече, и на этом всё. Даже как-то подозрительно.

.....

Мой более ранний призыв ломал через коленку планы нашего бизнеса. Пришлось ускориться в организации эфирного вещания и искать мне на замену адекватного инженера. Первый инженер, приведённый Крыловским, гордо отказались иметь со мной дело и выслушивать инструктаж, чего и как у нас здесь.

— У меня два высших технических образования! Сам разберусь! «Иди отсюда мальчик, не мешай!» — был я послан цитатой из фильма*.

Как итог, сорванное вещание по кабелю и зажёванная плёнка на видеокассете. Вторым найденным специалистом оказался молодой парень, выпускник этого года Таганрогского радиотехнического института. Он каким-то чудом откосил как от армии, так и от обязательного распределения с отработкой и вернулся в родной город. Но работу по специальности так и не нашёл. А четырёхмесячный срок обязательного трудоустройства уже истёк. Вот его к нам и привёл Склярковский, который дружил с родителями парня.

В отличие от первого специалиста, этот оказался вменяемым и обучаемым. Мало того, что он внимательно выслушивал все мои пояснения и инструктажи, он это ещё и конспектировал.

Передачики смонтировали ещё зимой на самом высоком строении города — элеваторе. Азов город относительно узкий, и вещание с зернового элеватора, расположенного на окраине, покрывает не только сам город, но и часть сёл и посёлков. Даже несмотря на невысокую мощность выходного сигнала.

Для организации передач пришлось арендовать не только место на крыше строения, но и комнату в здании администрации. Из Москвы наши компаньоны привезли видеокамеру «Panasonic National M1000» и профессиональный видеомагнитофон с функцией монтажа сюжетов «Panasonic NV-V8000». А чуть погодя, к ним добавился ещё и новенький двухкассетный видеомагнитофон «Amstrad Double Decker DD8904» 1990 года выпуска. Оставалось только найти видеооператора и журналиста.

В видеооператоры временно пошёл сам Крыловский, а в журналисты неожиданно взяли моего бывшего одноклассника Иву, Сашку Иванова. Он пытался устроиться журналистом в «Красное Приазовье», но безуспешно. Хотя и успел несколько раз напечататься, посещая журналистское УПК и проходя летом практику в этой газете.

Всё что я помнил по работе видеожурналистов с 11 канала Санкт-Петербурга, я им рассказал. Конечно, не вдаваясь в подробности, где я это почерпнул. Но за полгода нашего сотрудничества к моему всезнайству новые партнёры уже привыкли. А Ива априори был уверен, что я всё знаю и имею полное право давать им советы. Всё-таки неформальное лидерство в классе — полезная вещь.

Знал я немного, ведь сам в процессе съёмок не участвовал. Так, какое-то время таскал за парой оператор плюс журналист, кейс с батареями, штатив и лампы освещения. Да несколько раз наблюдал как монтируют сюжеты.

Там-то и было всего ничего: нарезка мелких кадров, которые потом можно вставить в сюжет, правильная работа с трансфокатором видеокамеры и соединение отснятого видеоматериала при помощи покадровой перемотки. Остальное пусть сами познают методом проб и ошибок.

Главное, я настоял на печати и расклеивании объявлений на остановках города и пригорода о времени работы нового канала на пятой кнопке. А то, пока население само узнает про появившиеся местное телевидение, то и рак на горе свистнет. Заодно напомнил про рекламу. И не только коммерческую, но и самого кабельного телевидения.

.....

Кроме аврала на телевидении, пришлось в срочном порядке решать и бабушкину проблему. Она умудрилась на центральном колхозном рынке взять в длительную аренду участок земли для торговли товарами её пошивочного сегмента нашего малого предприятия. В коем сегменте уже работало четверо наёмных работников. Шили в основном разные сумки, рюкзаки, трусы и майки. Перешивали старые комплекты школьной формы в мною придуманный летний вариант. Трусы-боксеры, кстати, пользовались очень хорошим спросом, как и клеёнчатые вместительные сумки.

Как-то она вляпалась с арендой земли так, что заключая договор не осмотрела сам участок. В итоге, ей достался узкий и длинный кусок земли, шириной три с половиной метра, а длиной почти десять. И, согласно договора она должна была использовать весь участок. В противном случае через год договор аннулировался, участок изымался, а

предоплата не возвращалась. Ну, очередной, привычный, лоховской поступок бабули.

На месте участка, между ларьком Союзпечать и будкой часовщика, располагался раньше проход, но так как место это было в самом центре рынка, то администрация решила его сдать. Причём хитро сдать. По-началу, вникнув в суть проблемы, я хотел где-нибудь выкупить и установить морской контейнер. Но как оказалось, это был страшнейший дефицит. Строительные будки или кунги от грузовиков тоже было найти почти нереально.

Мой знакомец из пароходства уже убыл на новое место работы в Одессу, но на всякий случай оставил координаты одного портового кладовщика. Вот к нему я и обратился в попытке найти свободный контейнер. Но даже он не смог ничем помочь по этому вопросу. Но зато предложил за пятьсот рублей купить у него дом-бочку ЦУБ-2**.

Понимая, что других вариантов может долго не представиться, я согласился на его предложение. Пришлось еще дополнительно нанимать автомобильный кран, грузовик с полуприцепом-платформой, хорошо хоть стропальщики взяли за работу водкой.

Зато эта бочка встала идеально по размерам участка. И после проводки туда электричества, покраски, небольшой перепланировки и навешивания на окна решёток, получился вполне себе приличный магазинчик, с торговым залом, складом и даже удобствами.

.....

В середине апреля прошёл медицинскую комиссию вместе с остальными призывниками весеннего призыва. Медики подозрительно на меня косились, видя мою дату рождения в обходном листе, но тем не менее, исправно визировали мою годность к службе.

Павел Дмитриевич провёл все необходимые мероприятия с документами и даже продемонстрировал мне мой новенький военный билет.

— Отдам тебе в день отправления, а то потеряешь ещё, — и что-то уловив в моём взгляде, пояснил. — Ну, положено выдавать его перед отправлением. А паспорт твой мы в паспортный стол передадим на хранение, вернёшься — получишь.

Паспорт забрали при оформлении в военкомате, военник на руки не выдали. Ну, ничего, из документов у меня есть ещё комсомольский билет и водительские права.

.....

Ко дню рождения Оли, я собрал всю оставшуюся у меня наличность вместе из всех своих многочисленных тумбочек, тайников и захоронок. Исключением стали четыре четвертака с редкими номерами. Мой самый первый клад в этом времени. Их я оставил в тайнике до лучших времён, хотя уже и подозревал, что никогда их не продам, оставив в качестве талисмана.

Собранных денег, с лихвой хватило на выкуп у одного соседа по гаражному кооперативу продаваемый им Москвич 2137***. Семь тысяч рублей и зелёный универсал 1983 года сборки, поменял своего владельца. Пришлось еще заплатить пятьсот рублей знакомому капитану из ГАИ, который на себя взял проводку сделки через комиссионный магазин и оформление документов на Ольгу. И пятьсот рублей комиссии самому магазину.

Жуть короче. Новенькая восьмёрка стоила с 1 января 1991 года — восемь тысяч триста рублей. Но ты её ещё найди, эту восьмёрку, да за государственную цену. А так, дал слово жене про автомобиль, нужно держать. Да и им проще будет с колёсами, тесть нашу-свою копейку вообще где-то потерял. Зато быстро реабилитировался, найдя где-то старенький и даже немного ржавый, сборный гараж, который мы с ним и с парочкой нанятых мужиков быстренько собрали на участке моего дома. Пол и фундамент сделали кирпичный, благо

битого и целого кирпича на участке была целая горка, явно бывшие владельцы что-то хотели построить.

После моего призыва в армию ходить за машиной в гаражный кооператив жене будет далеко и не удобно, особенно зимой. А так, будет место хранения в шаговой доступности и под охраной собаки. А в кооперативе мотоцикл постоит до моего возвращения.

И весь оставшийся месяц до моего отбытия мы находили час каждый день для Олиной практики в вождении. Скидывали Сашку на это время бабушке или прабабушке, и Оля возила меня по городу и пригородам, оттачивая своё водительское мастерство. Не меньше времени потратили и на практику парковки и уверенного заезда автомобиля в гараж, как впрочем и выезда.

.....

Время до моего отправления пролетело как одна секунда. Отпраздновали майские праздники и справили дни рождения. Бабулин, мой и полгода Сашки. Пацан хоть и рос тихим, но был очень активным физически, всю уже ползал по-пластунски и даже делал попытки усесться.

А 24 мая, в тихом семейном кругу за чаем с тортиком справили мои проводы.

— Всё у вас как не у людей, — ворчала бабуля. — Свадьба без гуляний, проводы в армию без пьянки. Вот у твоего отца были проводы как проводы, десятки друзей, накрытый стол и гулянья до утра. А тут торт с чаем...

— Нашла кого мне в пример ставить! Уже забыла как он тебе дом спалил по пьяни? Или как меня лупцевал и крушил всё здесь в твоей квартире? Ну, извини, что водку не пью и веду себя как человек.

— Прости меня дуру грешную, — уже почти канонически заголосила бабушка.

— Да тише ты. Сашку разбудишь, — я подошёл и обнял заплакавшую старушку.

С другой стороны нас с бабулей обняла Оля и тоже пустила слезу. Я высвободил одну руку и притянул её поближе к нам. Так я и стоял в обнимку с моими любимыми женщинами.

— Ну, всё, хватит. Поплакали и будет. Через два года вернусь. Время пролетит и не заметите.

— Это тебе будет незаметно, — утирая слезы, попрекнула меня Оля.

— Я припомню тебе эти слова как вернусь. Вот тогда и сравним.

— Ты, главное, пиши почаще внучек, — успокоилась и бабушка. — Не забывай нас.

Хоть раз в месяц.

— Каждую неделю буду писать, честное слово, — пообещал я.

.....

Рано утром 25 мая я уже завтракал на кухне, одетый в форму и обутый в сапоги. Сапоги я, кстати, разношивал с момента получения. Ну и чтобы опробовать свои подстилки и предать обуви духовитость, для меньшего желания досмотра.

Собранный сидор, стоял в прихожей. Вещей я много не набирал, всё, что будет нужно, выдадут. Но комплект гражданской одежды на всякий случай прихватил. Старенькие и довольно сильно поношенные варёнки из германской «Монтаны», такие же старые чешские кеды и польская ковбойка****. Пара трусов, плюс пара маек и, подаренные на днюху тестем и тещей, полосатые носки. Кусочек туалетного мыла, помазок, бритвенный станок и пачка лезвий «Нева». Привыкнув бриться машинкой, мне прямо заново пришлось учиться бриться станком. Взял также маленькие ножницы, несколько английских булавок и пару иголок с нитками. В последний момент вспомнил про зубную пасту и щётку.

Ну и небольшой тормозок****, который мне собрала Оля в дорогу: несколько пирожков и парочка бутербродов. Вода у меня есть во фляжке. Не пропаду. На всякий случай прихватил пару десятков брикетов железнодорожного сахара из домашних запасов, который я когда-то купил во дворце пионеров у нашего фотографа-бониста. Вроде бы и давненько это было, а сахар пока даже и не думал заканчиваться.

Павел Дмитриевич приехал ровно в восемь. На служебном газике с водителем. Я чмокнул в щечку спящего сына, обнял и расцеловал по очереди жену и бабушку. И, под начинающиеся их тихие всхлипы, вышел из квартиры, по пути чуть не забыв прихватить приготовленный и лежащий на комодe бушлат.

Дорога до военного аэродрома «Северный» в Ростове-на-Дону заняла почти два часа. Всю дорогу я провёл, молча пялясь в окно с заднего сидения. Подполковник и сержант-водитель тоже не болтали. Водитель явно знал куда ехать, а дядя Паша не горел желанием скрашивать беседой мой досуг.

На аэродром нас после проверки документов пропустили без проблем. Но дальше мне пришлось подождать полчаса, пока посланный сержант не нашёл место сбора моей команды. Дядя Паша, сдав документы на меня бровастому майору, похожему на покойного Брежнева, пожал мне руку и сказал:

— Иди, служи Женька, за бабулей твоей я присмотрю.

— Дядь Паш, — я задержал его руку в своей. — Во второй половине августа в Москве может кое-что произойти. Не ввязывайся ни во что. Уйди на больничный или отпуск возьми. Хорошо?

— Хм, — подполковник иронично ухмыльнулся, но согласился. — Хорошо, Жень. Я запомню. Иди.

.....

Моим транспортом оказался странный винтовой четырёхмоторный самолёт, отдаленно напоминавший пассажирский Ил-18. Может это он и был, вернее одна из его модификаций. Я-то думал, что нас повезут на Ил-76, как в мою прошлую службу. Нас тогда из Пулково и до Алма-Аты таким везли, а потом уже автобусом в Панфилов.

Самолёт внутри оказался грузопассажирским. Спереди шли кресла по три в ряд с правого борта и по два в ряд с левого. Всего около тридцати кресел. А сзади, сразу за последними креслами, начинался трюм без иллюминаторов, почти под потолок забитый какими-то тюками.

Меня усадили в последний ряд из трех кресел в компанию к парочке таких же, как и я, призывников. Все остальные пассажиры были офицерами, старшинами и сержантами, явно сверхсрочной службы.

По требованию летчиков, через громкую связь, мы послушно пристегнулись, и самолёт стал выруливать на взлётную полосу, чтобы унести меня, как поётся в песне, «вперёд и вверх».

«Иди отсюда, мальчик, не мешай!»* — цитата из советской комедии «Бриллиантовая рука».

ЦУБ-2** — цилиндрический унифицированный блок, мобильное общежитие на 4 человека. Производился на заводе в городе Сокол Вологодской области. Только в первый год производства для нужд строительства БАМа было создано более тысячи единиц.

Москвич 2137*** — пятидверный универсал, советский грузо-пассажирский автомобиль, выпускавшийся в Москве на заводе АЗЛК с 1976 по 1985 год на базе легкового

автомобиля Москвич-2140.

Ковбойка**** — рубашка с длинными рукавами из ткани в клетку с накладными карманами.

Тормозок***** — набор продуктов на работу, в дорогу.

Моими соседями в самолёте оказались парни из Батайска. Борис и Вениамин были призваны ещё в апреле и всё это время находились в «Красных казармах» родного города. И вот только вчера им объявили куда они поедут служить и очень недоумевали зачем их так далеко отправляют.

— А вы сразу после школы или успели где-то поучиться? — заинтересовался я.

— Не, мы после восьмого в строительный техникум пошли, — начал рассказывать сидевший ближе всего ко мне Борис. — Мы с Веником одноклассники и соседи по дому. Наши отцы в одном СМУ работают. Вот мы и пошли на крановщиков учиться. И даже успели поработать после выпуска.

— Вот вам и ответ, почему вас отправили в Германию, — и видя непонимание в их взглядах, пояснил, — Войска из Германии в Союз выводят. Много чего надо на платформы и в вагоны грузить. Вот вас, как крановщиков, видимо и направили.

Парни покивали, соглашаясь с моей версией и переключились на допрос меня откуда, куда и зачем. Но долго наша беседа не продлилась, самолёт взревел всеми своими четырьмя движками и пошёл на взлёт. А в воздухе поболтать не дали сидящие перед нами сверхсрочники, которым мы якобы мешали спать.

Где-то ещё через час полёта к нам подошёл старший лейтенант автомобильных войск и поинтересовался:

— Кто из вас Лисин? — и когда я отозвался, спросил: — В твоих сопроводительных бумагах написано, что ты в совершенстве знаешь немецкий и даже работал переводчиком, это так?

— Так точно, — подтвердил я, внутренне напрягаясь от непонятной ситуации.

— Пойдём со мной. Вещи здесь оставь.

Пожав плечами, оставил в кресле сидор, который за неимением багажной полки я держал в ногах и, сняв бушлат, последовал за офицером. Он меня привел в начало пассажирского салона, где в коротком ряду из двух кресел сидел седоватый подполковник с общеармейскими петлицами.

— Аристарх Владимирович, вот этот призывник, — старлей указал на меня. — Проверьте его.

— *Setz dich hier hin, kämpfer**, - подполковник указал на место рядом с собой и мне ничего не оставалось как подчиниться. — Расскажи свою биографию и откуда знаешь язык. Только на немецком рассказывай, чтобы я мог оценить знание тобой языка, — продолжил он на вполне сносном хох-дойче.

Пришлось подчиниться и коротко рассказать Женькину биографию. Где родился и жил, как учился и чем увлекался, откуда знаю немецкий язык и откуда его знает моя бабуля. В процессе рассказа про бабулю оказалось, что подполковник её вроде бы знает. Похоже, они пересекались в одном из штабов в 1944 году.

Старший лейтенант, который привел меня, всё это время моего опроса провёл на свободном месте в соседнем ряду. Тупо, по коровьи взирая на нашу беседу и, походу, не понимая ни одного нашего слова.

Минут через пятнадцать интервьюирования подполковник наконец сложил своё мнение о моём уровне знания языка. После чего меня отпустили на своё место, гадать, что это было

и чего мне от всего этого ожидать?

Вернувшись на своё место, только успел натянуть бушлат, так как в самолёте ощутило похолодало, как опять нарисовался старший лейтенант.

— Лисин, после посадки оставайся на месте, дождись меня. Ясно?

— Так точно. Товарищ старший лейтенант, а как вас зовут?

— А тебе зачем?

— Ну, вдруг кто спросит меня, чего сидишь и кого ждёшь? И что мне отвечать?

— Хм. Скажи, что ожидаешь старшего лейтенанта Соболева из 116-й бригады материального обеспечения. Ясно?

— Так точно. Спасибо.

— Походу у тебя уже покупатель** появился, — высказал своё мнение Борис, дождавшись пока офицер уйдёт. — Чего от тебя хотели-то?

— Проверяли на знание немецкого языка.

Дальше развивать тему я не стал, а парни оказались не любопытными. Так и сидели молча под вой авиационных турбин. Мне было хорошо, тепло и уютно, а вот соседям, одетым в легкие рубашки, явно было зябко. Температура в салоне опустилась где-то до десяти градусов тепла.

Где-то к третьему часу полёта я проголодался и полез за тормозком. Слопал бутерброды и наткнулся на голодный взгляд соседей. Без сожалений отдал все пирожки батайчанам, которые явно обрадовались домашней выпечке. Сам я люблю жаренные пирожки, а печённые, что бабуля, что Оля, делают не очень. Вот пироги с капустой у бабушки выходят — пальчики оближешь, а пирожки она не умеет.

Парни проглотили по три пирожка в мгновение ока и принялись их расхваливать. «Ах, какие вкусные, ах, домашние, ах, мы так соскучились по домашней пище». На что среагировали сидящие спереди нас сверхсрочники и попытались присоединиться к празднику живота. Но им нечего не обломилось, так как всё кончилось.

Чернявый сержант, лицом смахивающий на цыгана, попытался выразить своё недовольство раздачей нам подзатыльников. И решил начать с меня. Но я ловко отбил его руку так, что он по инерции заехал себе в нос и, разозлившись, решил полезть в драку. Но два его соседа утянули его на место и смогли его успокоить.

Наконец, после долгих пяти часов полёта пилоты по громкой связи потребовали чтобы все пристегнулись, ибо наш лайнер заходит на посадку на аэродром Альтенбург-Нобиц.

Слава советским ВВС, приземлились штатно. Пилотам, естественно, никто не хлопал. После приземления самолёт еще долго рулил по земле, явно ища куда приткнуться. За это время ожил давешний сержант-цыган, который делился со мной своими мечтами, что он со мной сделает, как только мы покинем самолёт.

Но сделать он ничего так и не смог. Явившийся старший прапорщик увел всех сверхсрочников с собой. Затем целый капитан инженерных войск забрал моих соседей-батайчан. Парни коротко попрощались, пожали мне руку и поспешили за офицером.

Я просидел в салоне самолёта ещё пятнадцать минут, пока меня не выгнал на улицу экипаж. Пришлось ждать снаружи, возле несамостоятельного трапа, под теплым и мелким германским дождиком. Заодно осмотрелся. Припарковался наш лайнер недалеко от двухэтажного комплекса строений и диспетчерской башни. С одной стороны посадочного поля проглядывались многоэтажные строения за куцей рощицей, а с другой виднелись ангары и авиационные капониры с техникой.

.....

Ждал недолго. Пришедший старший лейтенант повёл меня к отдельно стоящему двухэтажному зданию.

— Сейчас медкомиссию пройдёшь и досмотри, а потом я тебя на место службы отвезу.

— А где я буду служить? — рискнул я задать вопрос на ходу, не по уставу, да еще и в спину.

Старлей недовольно на меня покосился, но видимо счёл нужным пояснить.

— 116-я бригада материального обеспечения в Альтенбурге. Но отвезу я тебя в Падиц, на медицинский склад, там был нужен человек с хорошим знанием немецкого языка. А если им не подойдёшь, я тебя к нам в автобат заберу, водителей и так не хватает.

Альтенбург? Падиц? Не, я конечно знаю, что существует такой город в Свободном государстве Тюрингия***. Там даже замок какой-то древний есть. Но в самом этом городе никогда не был. Я в Тюрингии-то, проездом всегда был. Ну, за исключение Эрфурта, где мы с женой на сутки останавливались, в той, прошлой жизни. А уж что такое Падиц, даже и не знаю.

За размышлениями я и не заметил как мы вошли в здание и в одном из коридоров наткнулись на сверхсрочников и моих соседей батайчан из нашего самолёта, которые подпирали стены в ожидании неизвестно чего.

Соболев, не обращая не на кого внимания, буквально протащил меня через коридор и вломился в дверь с табличкой — «смотровая».

— Какого хера? Я обедаю! — заголосил мужичок в белом халате, но увидя моего сопровождающего, сменил гнев на милость. — Пал Андреич, какими судьбами? Ты же в Союз улетел неделю назад.

— А теперь прилетел, Иваныч. Семью отвёз и к вам вернулся. Вот, бойца проверь по быстрому. А то я спешу очень. Потом дообедаешь.

— Конечно, конечно, — засуетился этот мужик. — Раздевайся, — это было уже мне, и я принялся разоблачаться.

— И вообще, какой обед в четыре вечера? — постучал по часам мой сопровождающий.

— Паша, ты часы забыл перевести? Сейчас только два часа.

— Вот же я, растяпа, — старлей хлопнул себя по лбу и занялся часами. — Сколько там на твоих золотых?

— Четырнадцать ноль четыре, — ответил обладатель белого халата и принялся натягивать резиновые перчатки.

Странная медицинская комиссия из одного медика быстро меня осмотрела и принялась писать что-то в моих сопроводительных документах. Даже не спросил ничего. Зато быстро. Явно мой старлей не так прост как выглядит.

Следующая комната, в которую меня привели, оказалось досмотровой. И здесь мой сопровождающий всех знал и его тоже все знали. Так что мои шмотки в сидоре быстренько прошмонали, проверили карманы на моей афганке, но сапоги даже никто и не подумал приказать снять.

— О! То что мне надо! — возбудился лейтенант начальник досмотровой группы, при виде двух пачек лезвий «Нева».

— Серёга, ты чего? — мой старлей даже подошёл к досмотровому столу, но не найдя ничего противозаконного, удивленно уставился на местного начальника.

— Да, Паш, тут один клоун залетел конкретно, и я пообещал, что он будет бриться

только советскими лезвиями. Слышь, боец, давай меняться, — перевёл он взгляд на меня. — Я тебе вместо «Невы» — «Нельсона»***** дам, — и не дожидаясь моего согласия, заменил мои лезвия на свои.

И зачем было у меня тогда спрашивать? Надеюсь, что полученные лезвия не хуже советских.

— А джинсы тебе зачем? — спросил он, когда увидел варёнки. — А, впрочем, пофиг. Это вывозить нельзя, а ввозить можно.

Слава советской армии, что больше ничего не привлекло его внимание. И даже две трешки, засунутые мной в карманы джинсов, никого не заинтересовали. Или не захотели отбирать в присутствии другого офицера...

Десять минут досмотра, и вот я опять стремительно несусь по коридорам здания за старшим лейтенантом Соболевым. Прямо, галопом по Европам. А парней из нашего самолёта только-только начали запускать на проверку. Вот так, пришли последними, а вышли первыми.

Наш бег закончился на контрольно-пропускном пункте аэродрома, где у нас тщательно переписали данные с документов. У старлея с удостоверения, а у меня с военного билета. На стоянке нас, оказывается, уже ждал автомобиль. Стандартный армейский УАЗ-469 был припаркован возле странного автобуса.

Автобус напоминал наш «Кубань», но именно что только напоминал. Где-то я видел такой? Пока грузились в уазик, я пытался вспомнить про автобус. А! Точно! «Прогресс»**** он называется. В ГДР его выпускали, видел в автомобильном музее Берлина. И вообще, на стоянке было много разнообразной техники. Как советской, так и иностранной. Тот же «Трабант» я узнал без труда и несколько малолитражных польских «Фиатов». В своё время, наши польские родственнички приезжали на таком к нам в гости, в Лугу.

.....

Казалось, только сели в автомобиль, а тут, бац, уже и приехали. Километров пять по моим ощущениям всего проехали. Чтобы не палиться, я усердно крутил головой, делая вид что мне всё вокруг безумно интересно. Хотя ничего интересного там не наблюдалось. В основном, потемневшие от времени дома из красного кирпича, да современные блочные строения. Пару раз попадались фахверковые дома*****, но настолько запущенные, что складывалось ощущение, что ты не в Германии. А между небольшими населёнными пунктами, за придорожными лесопосадками, мелькали поля. Всё почти как у нас.

Нашей целью оказался комплекс кирпичных зданий постройки, наверное, прошлого века. Уазик тормознул возле зелёных ворот с красными звездами и старший лейтенант повел меня к металлической входной двери в стене здания. За дверью оказался своеобразный КПП с дежурным нарядом.

— Вольно, — бросил он вытянувшимся по стойке смирно бойцам. — Отставить, — прервал он доклад дежурного сержанта. — Записывай быстрее, — положил он перед ефрейтором азиатской внешности, сидевшим за столом, свое удостоверение. — Чего тормозишь? Военник им свой давай, — скомандовал он мне и пояснил наряду, — Этого со мной запишите.

Пока ефрейтор усердно, высунув язык, переписывал наши данные в журнал, старлей разговаривал с кем-то по телефону.

— Михалыч, я тебе нашел спеца по немецкому. Ага. Привез. К тебе вести? Идём, — он повесил трубку и, забрав документ, скомандовал мне, — За мной.

Недолгий переход по коридору, спуск по лестнице явно в подвальное помещение и очередная команда, брошенная мне:

— Жди здесь.

После чего старший лейтенант скрылся за дверью, откуда вскоре раздались голоса. Подслушивать, конечно, нехорошо. Но там речь ведь обо мне, и дверь неплотно прикрыта, так что я переместился поближе и принялся вслушиваться в доносящийся разговор.

— Бу-бу-бу, как ты и просил, бу-бу-бу, семейный, — слышался голос моего сопровождающего

— Бу-бу-бу, — непонятно что-то проговорил неведомый Михалыч.

— Да его Бурятов из 170-го гвардейского проверял! — почти выкрикнул старший лейтенант. — Бу-бу-бу-бу, — а дальше опять непонятно.

— Бу-бу, ладно, оставляй, если что найду ему применение, — голоса стали различимей и явно приблизились.

— А мой долг, Михалыч?

— Всё, ты мне ничего не должен. Считай, что расплатился.

Я отскочил подальше от двери. Это надо же? Меня спланировали сюда за долг! Охренеть! Чего же мне здесь предложат? Хотя, это же медицинский склад! Неужто предложат поработать пушером*****? Не дай Бог! Нет, я конечно соглашусь, но сразу дам дёру. Уж до столицы Тюрингии я доберусь, а там сдамся властям.

— Лисин! Оставляю тебя здесь. Вот твой новый командир и начальник, старший прапорщик Кузьмин Александр Михайлович, — протараторил выскочивший из-за дверей старший лейтенант Соболев, указав рукой на дядечку среднего роста, среднего возраста и среднего веса.

Указал и смылся, оставив меня наедине с этим страшным, и средним по всем видимым физическим параметрам, прапором.

— Ну, заходи, Лисин. Знакомиться будем, — скомандовал мне он.

Зашёл. Огляделся. Почти стандартная каптёрка, если забыть что мы под землёй. Несколько дверей ещё куда-то и целая батарея телефонов на столе. На котором лежат какие-то бумаги и папка с моими призывными и медицинскими документами.

— Я Кузьмин Александр Михайлович. Старший прапорщик, заместитель начальника медицинского склада 116-й бригады материального обеспечения. Запомнил?

— Так точно, товарищ старший прапорщик, — отчеканил я.

— Давай сюда свой военник и что с собой есть, — перешёл прапорщик на довольно неплохой немецкий. — И расскажи кто ты, откуда, что умеешь, чем увлекаешься. На немецком рассказывай.

Отдал ему военный и комсомольский билеты и водительское удостоверение и, как он и просил, на немецком стал рассказывать о жизни Женьки. Благо, общаясь с подполковником в самолёте, знал что могут спросить и сразу корректировал свой рассказ. Уложился минут в пять. Еще около пяти минут отвечал на уточняющие вопросы старшего прапорщика.

— Так. Достаточно. Ты мне подойдешь. Если тебя одеть в гражданку, то с твоим качеством разговорного языка, я бы решил, что ты «весси»***** откуда-то из под Мюнхена.

Блин! Точно какой-то криминал!

— Ты говорил, что на гражданке подрабатывал электриком?

— Так точно!

— Вот в электрики мы тебя и запишем. У нас тут спокойное место службы. Я думаю тебе понравится. Даже есть возможность позвонить в Союз, родным. У тебя есть дома телефон?

— Так точно, есть.

— Вот, если помнишь код межгорода, то я могу организовать тебе разговор с родными. Они волнуются небось, переживают. Помнишь код?

А вот и плюшки пошли к какому-то возможному криминалу. Но переговорить с родными надо, раз есть такая возможность. Я карандашом написал на предоставленном клочке бумаги восемь цифр, и прапорщик тут же стал набирать их на жёлтеньком телефонном аппарате, добавив еще и своих цифирек.

— Держи, — протянул он мне трубку, в которой слышались длинные гудки. — У тебя три минуты. Я в соседнем помещении подожду, — он встал и вышел.

В этот момент из трубки послышался недовольный, но такой родной голос бабули:

— Алле, хтой-то?

— Ба! Привет! Это я! — в трубке щёлкнуло, и я понял, что прапор где-то в соседней комнате решил послушать мой разговор с параллельного аппарата. Ну и пусть слушает, редиска.

— Женька? Ты? Не улетел что ли? Или Паша обманул, козлина?

— Нет, всё нормально. Я уже из Германии звоню. Тут есть возможность позвонить.

— Ой как хорошо, а мы тут уже переволновались. Тут Оля трубку вырывает, ей даю.

В общем, за три минуты разговора на меня вывалили дневные новости, поплакали в трубку и даже дали послушать Сашку, который выдавил из себя какой-то свой лепет типа «ла-са-па» — чтобы это не значило. А затем щелчок, и связь прервалась.

— Поговорил? — нарисовался прапор.

— Так точно. Спасибо большое! — искренне поблагодарил я его.

— Вот! Цени! У нас тут особая часть. Даже жить будешь в отдельной комнате, а не в казарме. Нет её у нас. Вернее есть, но для взвода охраны.

— А как же КМБ***** и присяга?

— Всё здесь решим, — прапор поднял трубку чёрного телефона и вызвал к себе какого-то Василевского.

Через минуту моего молчания и заполнения каких-то документов старшим прапорщиком, к нам присоединился шкафообразный парень с погонами старшины.

— Игорь, — обратился к нему прапор. — Это Лисин Евгений. Он будет служить у нас. Запомни, он будет электриком и будет помогать мне. Ясно?

— Так точно, Александр Михайлович! Электрик, это хорошо, — пробасил старшина и вполне открыто и дружелюбно улыбнулся мне, протягивая руку для пожатия.

— Посели его в угловой комнате, выдай бельё и покорми. Я вечером подам заявку начальнику на постановку его на довольствие. И тогда уже выдашь всё, что ему положено.

— Так точно! Сделаю.

Setz dich hier hin, kämpfer (нем)* — Садись сюда, боец.

Покупателем** в воинских частях называют специально подготовленного человека, как правило из офицерского состава, который приезжает за призывниками на сборном пункте. Это, своего рода, вербовщик.

Тюрингия (нем. Thüringen), официальное название — Свободное государство Тюрингия***, земля в восточной части Германии. Столица — город Эрфурт. Наряду с

Саксонией является одной из наиболее экономически развитых федеральных земель на востоке Германии.

«Прогресс»**** — ряд автобусов на шасси грузовиков ГАЗ и ЗИЛ, которые с конца 1940-х по начало 1990-х гг. выпускались для нужд ГСВГ и ЗГВ на 53 авторемонтном заводе МО СССР в Кёнигс-Вустерхаузене в/ч пп 18702 (ГДР).

Бритвенные лезвия марки «Nelson»***** производились в ГДР на предприятии VEE Feintechnik Eisfeld в городе Айсфельд.

Фахверковый дом***** — это, по сути, разновидность каркасного строения, основа которого состоит из вертикальных и горизонтальных балок, а также установленных под углом распорок. Элементы каркаса хорошо просматриваются снаружи строения, придавая зданию своеобразный, хорошо узнаваемый вид.

Пушер (pusher)***** — торговец наркотиками.

Вэсси***** (нем. Wessi, от нем. Westen — запад) — термин в Германии использующийся для обозначения жителей Западного Берлина и ФРГ, в том числе и в анекдотах. Соответственно, западные немцы, называли восточных (жителей ГДР) — «осси» (нем. Ossi, от нем. Ost — восток).

Курс молодого бойца (КМБ)***** — начальный период прохождения службы, первый подготовительный период военнослужащего в армии, за которым следует воинская присяга.

При звонке будильника я подорвался с кровати как ошпаренный. Он же сейчас Сашку разбудит! Зачем его Оля завела? Хлопнул по кнопке, прекращая механический звон и только потом до меня дошло, что я не дома. Нет здесь Сашки и Оли тоже нет. Я в армии, в Германии и в самой непонятной для меня воинской части.

Вернулся к кровати и, сев, оглядел своё новое место жительства. Квадрат, три на три метра, крашенные синей краской стены, на полу линолеум непонятного цвета, тумбочка с будильником, табуретка со сложенной формой и кровать с двумя матрасами, бельём и мной. Всё это тускло освещалось утренним светом, пробивающимся сквозь стеклоблоки узкого, как бойница, окна. И только в самом верху проёма была крохотная форточка с нормальным стеклом.

Старшина Игорь Василевский вчера провёл небольшую экскурсию по расположению, познакомил меня с сослуживцами, правда, не со всеми, и заселил в эту комнатку, выдав бельё, одеяло, подушку и аж два матраса, так как кровать была не пружинная, а с железными полосами.

Медицинский склад считался отдельным подразделением в бригаде материального обеспечения. У него был и свой гараж, казарма, общежитие, столовая, баня и прочие службы. Но в 1990 году территорию склада, примыкавшую к гарнизонному госпиталю, передали вместе с самим госпиталем городу Альтенбург. Медиков, кого-то отправили в Союз, а некоторых перевели в другие госпитали и небольшую медсанчасть на территории базирования двух автомобильных батальонов. Теперь, если случится что-то сложное, то везут в гарнизонные госпитали Лейпцига или Гримма.

Склад тоже реорганизовали и перенесли в коммуну Падиц, на бывший склад медицинских наркотических веществ. В не особо большой склад умудрились впихнуть не впихуемое. Под хранилища использовали как подземную часть, так и почти весь первый этаж, а персоналу склада пришлось перебраться на второй этаж, в почти тридцать лет как заброшенные комнаты.

И с электричеством там было не очень. Вернее, оно было, но вот фурнитура местами отсутствовала. А одно крыло было даже не электрифицировано. И по этому старшина так обрадовался мне, электрику.

«Это, наверно, индивидуальное проклятие этого тела» — подумалось мне. Как убило Женьку во время починки розетки, так мы и не расстаёмся со всеми этими розетками, выключателями и электрическими патронами.

Но вот хоть повторно убейте — не поверю, что на весь гарнизон Альтенбурга не нашлось ни одного электрика, которого можно было припахать для этих работ. Вот так и стоял этот склад в ожидание приезда меня? Прямо мистика какая-то. Или идиотизм.

Сам же склад представлял из себя квадратное двухэтажное здание девятнадцатого века с небольшим внутренним двором. Во времена империи здесь была закрытая школа для мальчиков, а с прихода к власти Гитлера, база транспортной бригады «Организации Тодта».* Во время ГДР здания передали на баланс группе советских войск. Были созданы подземные склады с абсорбционными** промышленными холодильными установками производства Зеленодольского завода имени Серго. И подземное газохранилище для питания этих холодильников.

Всё это мне и поведал старшина Василевский во время импровизированной экскурсии. Заодно показал душевые, туалеты и столовую. Столовой был небольшой зал с рукомойниками, несколькими столами и по четыре табуретки к ним. Еду на складе не готовили, её три раза в день привозили из Альтенбурга со столовой автобатов.

— Здесь питаемся только мы и прапорщики с офицерами, — пояснил мне старшина. — А взвод охраны у себя.

Качество пищи было вполне на уровне. Что я и оценил, когда мне Игорь выдал порцию второго, оставшуюся с обеда. Картофельное пюре, приличных размеров свиная котлета и стакан компота.

— Посуду каждый моет за себя. В кранах моек и горячая вода есть. А вот здесь стоит сода, — показал он мне несколько пачек в шкафчиках под мойками.

Как я понял из его рассказа, гарнизон округа перешёл на подножный корм. Поставки продовольствия из Союза полностью прекратились. Теперь все свободные земли засадили картофелем и начали активно забивать свиней из свиноферм частей, а не по чуть-чуть как раньше. И так как большинство семей офицеров уже уехало в Союз, то мясо не расходилось по ДОСам***, а попадало на кухню, а потом и в желудки солдат.

Заодно, выяснив что я некурящий, позволил старшине убедить меня не отказываться от выдаваемых сигарет. Здесь, также, как и в средней Азии, выдавали по восемнадцать пачек на человека в месяц. Некурящие получали килограмм конфет или сахара. Как по мне, так маловато будет. А парням сверхсрочникам, восемнадцать пачек было мало, тем более что сейчас вместо «Охотничьих» или «Гуцульских» сигарет стали выдавать «Camel» без фильтра. Согласился отдавать свой табачный паёк в пользу местного коллектива.

Коснулись в разговоре и денежного довольствия. Мне пообещали двадцать пять марок в месяц и доплату за электрика. Но выдачу денег в последнее время стали задерживать, иногда на целый месяц. Но недовольных среди сверхов нет. Раньше старшина получал пятьсот пятьдесят марок ГДР, а сейчас четыреста марок ФРГ. Но раньше он мог уехать домой или на Трабанте с Вартбургом или на экспортных Жигулях, а сейчас можно уехать домой и на Фольксвагене.

Ну да, смутно припоминаю, что в прошлом будущем читал в интернете про командующего ГСВГ. Он хвастался перед журналистами тем, что в начале 1991 года получил от властей ФРГ четыреста миллионов марок на содержание группы войск. А осенью сдал в финансовую часть министерства обороны — четыреста восемьдесят миллионов марок. Мол, смотрите как я умело сэкономил. Отсюда и снижение окладов и их задержка.

.....

Охрану сего непонятного объекта нес взвод дембелей-стодневщиков, которых спихнули из городского гарнизона в сельскую глушь подальше от всяких соблазнов. Впрочем, по рассказам старшины, эти охранники находили приключения и в Падице. Даже в этом маленьком селении была парочка гаштетов****. А за рекой Плайссе, в селе Штюнцхайм была школа-интернат и немецкие ребяташки, особенно последних выпускных классов, не прочь были размять кулаки с советскими солдатами, дай только повод.

Кроме взвода охраны на складе было два старших прапорщика: мой уже непосредственный начальник Кузьмин Александр Михайлович и некий Роман Иванович Татарчук. Причем, последний не относился к 116-й бригаде, а был медиком, ну, это понятно, склад-то медицинский. Еще было три просто прапорщика. Вчера нам они не попались, но

Василевский про них упомянул. Все трое, начальники служб при складе: холодильного оборудования, начальник котельной и начальник охраны, которому и подчинялся взвод дембелей. Над всеми ними и над нами стоял начальник склада, майор Чичун Сергей Петрович.

Почти все прапорщики и наш майор жили в городе, в домах офицерского состава, и на службу приезжали на личном транспорте. Михалыч и прапор взвода охраны были единственные кто жил на территории склада, ну, и восемь сверхсрочников, включая старшину.

Из этих восьми сверхов, двое оказались земляками. Ну как земляками? Из Ростовской области. Здесь, в Германии, это уже близкое землячество. Сам старшина Василевский оказался родом из-под Таганрога, из села с вроде бы простым, но труднозапоминаемым названием Лакедемоновка. Вторым земляком, а заодно и тёзкой, был сержант Евгений Журавлёв из города Цимлянска, здесь в части он был оператором холодильных установок.

.....

После этой небольшой экскурсии, мне было предложено приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей в качестве электрика. Хотя я еще и не был поставлен на довольствие, но ерепениться не стал и спросил про инструменты.

Всё нашлось у запасливого старшины в каптёрке. Единственно, что пришлось на коленке собирать, примитивный тестер из куска провода, патрона, лампочки и парочки невесть как завалившихся у Василевского, «крокодильчиков».

До ужина успел починить несколько выключателей и установить парочку розеток. В том числе и в своей комнате. Заодно перепрятал доллары из сидора в стену за внутренностями выключателя, а марки прибрал в патрон своего самодельного тестера.

Во время ужина познакомился с остальными сверхсрочниками и можно сказать, что парни отнеслись ко мне вполне дружелюбно, особенно после того как узнали, что я буду свой табачный паёк отдавать им.

Перед самым отбоем старшина принёс мне будильник. На мое недоумение по поводу этого аппарата, армии и побудки, ответил:

— У нас нет громкой связи, а бегать, объявлять подъём никто здесь на втором этаже не будет. Там, внизу, у взвода охраны, — он мотнул головой куда-то в сторону и вниз, — Есть суточный наряд. Но сюда, наверх, их без сопровождения лучше не пускать. Сопрут точно что-нибудь. Так что, вот будильник. Не забудь заводить и выставляй правильно время. Спокойной ночи.

Несмотря на безумно длинный день, смену часовых поясов и довольно ощутимую усталость, сна не было ни в одном глазу. У меня было столько вопросов без ответов, что даже голова начала побаливать.

Если странное подразделение ещё можно было объяснить простым бардаком в армии и приближающимся хаосом развала страны, то зачем здесь я? И именно со своим знанием немецкого языка. Наркоторговля? Бред! Самый крупный город в округе Альтенбург с населением хорошо если под тридцать тысяч человек, а вокруг деревни и коммуны с населением по сто человек. Организаторы должны понимать, что я, не зная местных реалий, попадусь почти сразу, и по цепочке выйдут на них. Да и нет здесь богатых клиентов. Значит, этот вариант отбрасываем в сторону.

Может им нужен курьер? Что-то и куда-то перевозить? Может. Всё может быть. А может это какая-то глубинная разведка? Ага, шаз, размечтался. Не, нафиг, надо спать. Будет

день, будет и пища.

.....

Закончив предаваться воспоминаниям, натянул форменные штаны и обулся в кеды, надеюсь это здесь дозволительно. Так, с голым торсом и выскочил в маленький дворик, попутно посетив туалет. Зарядку проводил старшина, о чём он меня вчера вечером предупредил. Пара минут наклонов, приседаний и махания руками, вот и вся утренняя зарядка. Бегать тут негде, дворик маленький, но есть турники, к которым я и направился.

Все, не успевшие уйти со двора, откровенно пялились на выполнение мной гимнастического и силового комплекса. Но никто не подошёл и не поинтересовался, чем я таким занимаюсь и можно ли этому научиться? Или всем лень, или всем пофиг.

После завтрака старший прапорщик Кузьмин провёл мне под роспись инструктаж, что здесь можно, а что нельзя. Ознакомил меня с выпиской приказов о постановке меня на довольствие и назначением электриком склада. А затем сводил меня на знакомство с начальником склада, майором Чичуном Сергеем Петровичем. Начальник оказался вполне добродушным дядечкой и тут же озадачил меня починкой ему настольной лампы.

После обеда старшина позвал меня на выдачу положенного довольствия, но получить всё причитающееся я не успел. Был вызван старшим прапорщиком и озадачен вопросом:

— Лисин, у тебя гражданская одежда есть?

— Так точно, есть, товарищ старший прапорщик.

— Ты, это. Когда мы наедине, по имени отчеству называй. Помнишь?

— Так точно, Александр Михайлович.

— Иди, переоденься в гражданку и сюда возвращайся.

Началось, понял я и рванул на второй этаж, переодеваться. Скоро я всё узнаю, что здесь за тайны Мадридского двора. Натянул джинсы, ковбойку. На всякий случай рассовал по карманам свои документы, вытащил припрятанные марки и засунул их в носки. А для большего спокойствия, приладил внутри джинсов одну из отвёрток. Эрзац-оружие, так сказать. Надеюсь, до его применения не дойдёт.

— Вполне, вполне, — осмотрев меня, произнес Михалыч. — А ну-ка, рукава закатай. Вот, так лучше. Часов только не хватает. Сейчас, минутку, и он закопался в ящиках своего стола. — На вот, держи, — протянул он мне какие-то наручные часы на кожаном ремешке.

«Опять плюшки авансом? Что же меня там ожидает?» — думал я, надевая на правую руку простенькие часы в латунном корпусе с ничего мне не говорящим названием «Ruhla»*****.

Эти непонятные смотрины, с закатыванием рукавов и добавлением часов, вообще в конец запутали и озадачили меня. И, видимо уловив моё напряжение вперемешку с удивлением, старший прапорщик счёл нужным пояснить:

— Евгений, мы сейчас с тобой ходим на встречу с одним человеком, у него для тебя есть работа. Хорошая работа. Из армии сможешь на своей машине уехать. Но если не согласишься, то мы вернемся назад, и ты будешь просто служить. Подумай хорошенько, машина на дороге не валяется, тем более немецкая.

В ответ я просто молча покивал. Будь на моём месте реальный Женька, то он бы точно купился и побежал бы за предложенным автомобилем. Ну и я сделаю вид, что заинтересовался. Главное, не отказываться, что бы там ни было. А то, будет как в фильме — «бритвой по горлу — и в колодец!»***** Правда, если это извращенцы, то придётся отбиваться. Ладно — прорвёмся. Надеюсь, всё будет хорошо.

.....

Меня повели по ступенькам вниз, ещё глубже подвала. А затем по длинному и скудно освещённому подземному коридору мы шли наверное метров пятьдесят. Он точно вёл за пределы расположения, в окружающий склад частный сектор. Пару раз по дороге нам попались двери в кирпичных стенах. В конце этого длинного туннеля Александр Михайлович отпер дверь, и мы вышли к капитальной бетонной лестнице, ведущей вверх.

Через три пролёта по восемь ступеней оказалась ещё одна дверь, в которую старший прапорщик и постучал. А в ответ, тишина. Он постучал сильнее, но с тем же результатом. И только через пару минут его стука, с той стороны двери щелкнул засов, и она открылась.

— Ты где ходишь? — зло прошипел на немецком прапор открывшему нам эту дверь мужчине. — Я же предупреждал, что приду.

— Да молочник приходил, пришлось с ним постоять, поболтать, — с виноватыми нотками в голосе ответил мужик. — Проходите, не стойте, я закрою за вами.

Помещение, в которое мы вошли, оказалось полуподвалом, почти полностью заставленным деревянными ящиками с какими-то бутылками. Задерживаться в нём мы не стали. Как только встретивший нас запер дверь на засов, мы поднялись еще на один пролёт вверх и оказались, судя по газовой плите, на кухне.

Наверху, при ярком дневном свете из окон, я смог наконец рассмотреть того, к кому мы пришли. Худой, высокий, почти лысый мужчина, примерно за пятьдесят лет. С крючковатым носом и хитрыми карими глазами.

— Садитесь за стол, — произнёс он и первым подал нам пример.

И дождавшись пока мы рассядемся, спросил у прапора:

— Я так понимаю, это тот молодой человек, про которого ты вчера мне рассказывал?

— Да, Пауль. Евгений, это Пауль Майер. Тот человек, про которого я тебе говорил. А это, — он указал рукой на меня, — Евгений Лисин, мой подчиненный.

— Ойген Лисин, — повторил хозяин дома мое имя на немецкий манер. — Не, нужно что-то другое...

— А что вообще от меня требуется, — прервал я его рассуждения.

— Александр, ты что, парню ничего не говорил? — удивился Пауль.

— Нет, сам всё скажи. У тебя лучше получится, — промямлил мой прапор.

— Хм. Парень, есть шанс неплохо заработать. Ты как? Согласен?

— На что? Я не услышал что вы мне предлагаете. Подробнее.

— Подробнее? Ладно, слушай.

И он рассказал, что на территории бывшей ГДР после объединения страны не хватает мелкой циркуляционной монеты. И как сообщают в прессе, до 30 июня 1991 года останутся в ходу мелкие монеты ГДР, вплоть до пятидесяти пфеннигов. А с 1 июля и по 31 декабря их будут только принимать у населения, а сдачу будут выдавать уже пфеннигами ФРГ.

И такой мелочи ГДР на руках у людей было очень много. Но национальный банк объединенной страны обезопасил себя от возможной массовой сдачи населением этих пфеннигов. Суммарно можно было что-либо купить или оплатить такой мелочью только на сумму в пять марок.

Но есть одна лазейка. Бывшим народным предприятиям*****, прошедшим процедуру приватизации, можно сдать накопленную мелочь на сумму десять тысяч марок в любое отделение «Почтового Банка»*****, но разово. То есть, повторно, в это же отделение, ты уже сдать не сможешь. Но только в одной Тюрингии семнадцать районов, а значит и

семнадцать районных отделений банка. Плюс, шесть отдельных городов, в которых может быть несколько отделений.

То есть только в Тюрингии, можно сдать по десять тысяч марок в, как минимум, тридцать пять отделений. А на территории Германии таких отделений больше пятисот.

— Ну и зачем я вам тогда нужен? Почему вы сами этим не займётесь? — недоуменно спросил я у них, мысленно переводя дух и уверившись, что никакого явного криминала не намечалось.

— Александр, как ты понимаешь, не может. Он, гражданин СССР, и военный. А я скажем так, нахожусь в списках неблагонадежных, так как служил десять лет в охранном полку имени Дзержинского и подозреваюсь в работе на Штази***** как гражданский осведомитель. Мне временно закрыт доступ к любым финансовым операциям на сумму больше двух тысяч марок, — выдавил из себя Пауль, скривившись так, как будто сожрал лимон целиком. — Гребанный Шваниц не отдал приказ на уничтожение архивов, и они все достались весси.

— Ну, так и я гражданин СССР, и военнослужащий. Как вы планировали меня использовать?

— Пауль последнее время работал завхозом в школе-интернате, который в Штюнцхайме находится. Там, за рекой, — махнул куда-то в сторону газовой плиты старший прапорщик. — И у него имеется возможность оформить тебя как жителя Германии. И тогда ты сможешь сдавать эту мелочь в отделения банков.

Охренеть, ну и план. Мне даже стало по-настоящему интересно, насколько план рабочий?

— И что для этого надо?

— Для начала, несколько твоих фотографий три на четыре сантиметра. Есть? Или фотоаппарат нести? — как-то сразу ожил немец.

— Есть несколько, — я достал комсомольский билет из нагрудного кармана и из пространства между ним и обложкой, вытряс на стол три черно-белые фотографии, которые остались после оформления водительских прав. — Хватит? И, ничего, что они не цветные?

Организация Тодта* (нем. Organisation Todt) — военно-строительная организация, действовавшая во времена нацистской Германии.

Абсорбционная холодильная машина** — холодильная установка испарительного типа, в которой удаление паров хладагента из испарителя производится за счёт абсорбции хладагента в абсорбенте.

ДОС*** — дом офицерского состава. Многоквартирные дома или общежития.

Гаштет**** (Gaststätte) — место общественного питания. Столовая, кафе или пивная.

«Ruhla»***** — часы производства ГДР. Выпускались на фабрике «VEB Uhren und Maschinenfabrik (UMF) Ruhla».

«Бритвой по горлу — и в колодец!»***** — фраза из советской комедии «Джентльмены удачи».

Народное предприятие***** (VEB, Volkseigener Betrieb) — правовая форма промышленных и сельскохозяйственных предприятий и коммунальных учреждений ГДР. В 1989 году на народных предприятиях были заняты 79,9 % всех трудящихся ГДР.

Postbank, «Постбанк»***** (почтабанк) — розничное банковское подразделение Deutsche Bank, возникшее в ходе разделения Deutsche Post в 1990 году и слияния с Postbank ГДР.

Штази***** (Министерство государственной безопасности ГДР) — тайная полиция, контрразведывательный и разведывательный (с 1952 года) государственный орган Германской Демократической Республики. Последний руководитель — Вольфганг Шваниц.

— Это как раз нормально. Твои фотографии пойдут на водительское удостоверение, — ответил на мой вопрос Пауль. — А вот на аусвайсе* останется фотография старого владельца. Тем более, что вы похожи и лицом, и фамилией.

— Старого владельца? А куда он сам делся? И чем вас не устраивает моя фамилия? — засыпал я его вопросами.

— Он утонул. В 88 году. А мы с директором не стали оформлять его смерть. Неучтенное финансирование. Не буду вдаваться в подробности, они вам, молодой человек, совсем ненужны.

— Хорошо, — согласился я с ним.

Мёртвые души, они в любой стране, мертвые души.

— Лисин вполне немецкая фамилия. Служили, со мной парочка вендов** с фамилиями Лисин и Лузга, — тем временем продолжил Пауль. — Но у меня на руках нет документов с такой фамилией. Но вот наш утопленник имел фамилию Лис (Fox), правда звали его Эрик. Но я могу добавить в свободную строчку второе имя, твоё.

— И что это мне даст?

— В паспортном столе, при замене документов, попросишь сменить основное имя, на второе. У тебя будет выписка из интерната, что ты сирота, так что никто не удивится.

— Я, что, должен этим всем сам заниматься? Я же ничего здесь не знаю. Куда, чего и как.

— Я тебе на руки отдам все нужные документы и десять марок на пошлину. Отвезу к зданию окружного комитета. А там ты сам. Вся процедура замены документов, даже с фотографированием, занимает всего пару часов.

— Ладно, понял, хорошо. А что дальше?

— В каком смысле? — удивился мой прапор.

— Ну, вот, я получил от вас на руки все документы, мешок с мелочью, на чём мне добираться до отделения? На кого будет оформлена машина и откуда я буду выезжать? Если вас считают агентом Штази, — я ткнул пальцем в Пауля. — То и за вашим домом могут присматривать. Те же соседи например. Да! И сколько весит этот мешок с мелочью? Я его хоть подниму?

— Судя по твоим уточняющим вопросам ты всё-таки согласен в этом поучаствовать? — Пауль, видимо, решил сменить тему.

— Да. Я, согласен. Но вы всё же ответьте на мои вопросы.

— Хорошо, — кивнул Пауль. — Давай по порядку. Когда ты с Александром шёл по тоннелю, там должна были быть двери в стене. Видел?

— Да, — подтвердил я, припоминая их.

— Левая от вас, а правая от меня дверь ведёт к дому оформленному на постороннего человека. Там, во дворе, будет стоять автомобиль. Ваш, советский. Как вы его называете — «пфенниг».

— Жигули, копейка, — счёл нужным пояснить старший прапорщик.

— Дом частично жилой. Можешь там оставлять свою гражданскую одежду и переодеваться. Как только получишь удостоверение личности, я впишу тебя в домовую книгу и займусь получением на тебя прав. Машина оформлена на общество с ограниченной

ответственностью*** «Лендорфское топливо» и будет оформлена на тебя по доверенности. Опять-таки всё упирается в получение тобой документа личности. У тебя также будет на руках справка о том, что ты работаешь помощником кассира. То есть, являешься лицом материально ответственным и имеешь право на финансовые операции. Всё?

— Сколько один мешок весить будет?

— В одном мешке будет сорок килограммов полтинников, плюс минус. На всякий случай, насыплю полтинников на десять марок, отдельно. Чтобы, если вдруг не дотягивает до десяти тысяч, то добавить.

— И мне нужно будет полученную наличку тащить сюда? Если кто узнает...

— Нет! — резко перебил меня Пауль. — Всю сумму после обмена мелочи будешь зачислять на номер счёта, который я тебе дам. К нам везёшь только выписку из банка о зачислении.

— Хорошо. А что я, лично, буду с этого иметь?

— Тебе же пообещали автомобиль в конце службы! — явно не выдержав моей дотошности, рявкнул старший прапорщик.

— Мне бы хотелось деньгами, чтобы потом самому выбрать какой автомобиль купить и что-то с собой в Союз увезти, — высказал я свои хотелки этой парочке. — Идеально было бы неплохо иметь по пять процентов от каждого обмена.

Прапор с немцем переглянулись и как-то напряглись. Их взгляды сразу похолодели и стали колючими и угрожающими. Похоже я перегнул палку в своей наглости. Не выдержав, полез правой рукой под стол и стал потихоньку вытаскивать отвёртку из джинсов.

— Так! Стоп! — выставив две ладони перед собой, резко выкрикнул Пауль. — Мальчик, что у тебя там? Нож?

— Отвёртка, — признался я, наконец вытащив её из штанов.

— Серьёзный подход. И ты думаешь, она тебе поможет в случае чего? — как-то весело спросил немец и коротко глянул на злого прапорщика, который при словах напарника, вытащил свою правую руку из-под стола и направил на меня пистолет Макарова. Правда, не снятый с предохранителя, но от этого не менее страшный.

— Ну, попытка не пытка. А вдруг вы бы оказались швулями****?

Пауль внезапно кхекнул, хрюкнул и в полный голос расхохотался. Прапор тоже заулыбался и убрал пистолет. Отсмеявшись и выхлебав кружку воды, немец вновь обратил внимание на меня.

— Посмешил. Нет, мы с Александром предпочитаем женщин, а не рыжих мальчиков с отвёртками. Так, на чём мы там остановились?

— На пяти процентах мне от каждой сдачи, — наглеть так наглеть, решил я.

— Нет, парень. Пять процентов, это много! Александр, что мы ему можем выделить, как думаешь? — обратился он к прапорщику.

— Хм. От пары процентов мы точно не обеднеем. А ему всё равно нужны будут расходные деньги во время поездок, вот пусть свои и тратит, — великодушно кинул мне кость прапор.

— Ну раз ты согласен, то и я соглашусь. Два процента от каждой суммы сданной в отделение банка, мальчик. Двести марок.

— Спасибо. А как я их получу, если всё зачисляется на счёт? — проявил я дотошность.

— Значит, будешь класть на счёт девять тысяч восемьсот марок. Надеюсь на этом всё? Или ещё что-то есть спросить?

— У меня из гражданской одежды только то, что на мне сейчас. Надо бы докупить, да и условия для стирки какие-нибудь нужны. Не в расположении же стирать или сдавать в бригадную прачечную? — покосился на прапора.

— Ни в коем случае, — сразу отозвался он. — У Пауля тут стиралка есть, отдашь ему и всё.

— А вещей докупишь с приветственных денег. Или со своих двух процентов.

— А что это за приветственные деньги? — не понял я.

— Выплаты по сто марок от ФРГ каждому гражданину ГДР после объединения стран. Потом их отменили, но оставили для детей, родившихся в ГДР. Им выдают эти деньги при получении первого федерального документа. Получишь аусвайс и спроси там про эту выплату, а то они специально могут про это умолчать, — пояснил Пауль.

— Последний вопрос. Не к вам, — успокоил я немца и обратился к прапорщику, — Александр Михайлович, а как вы объясните в расположении моё отсутствие?

— Всё просто, Евгений. Скажу, что сдал тебя на стройку электриком. Здесь, это в порядке вещей. У нас целыми ротами работают. Вот только, надо поскорее тебя через присягу провести, — и видя моё недоумение, пояснил: — До присяги нельзя вас на работы отправлять. Сегодня воскресенье и из-за комиссии из министерства все на месте своей службы, завтра будет выходной взамен сегодняшнего дня, а во вторник я привезу особиста, и он проведёт с тобой процедуру присяги.

— Однако, — я малость прифигел от скорости принятия решения. — Я про другое хотел спросить. Что мне можно парням сверхсрочникам с гражданки приносить?

— Да у меня вон подвал водкой забит. Таскай им по бутылке в неделю, — расщедрился Пауль.

— Что? Моим подчиненным водку? Да ты с ума сошёл? — ощерился на немца прапор.

— А что такого? Ты сам говорил, что их восемь человек. Что им будет с одной бутылки водки? По шестьдесят граммов.

— Ай. Бери водку, — махнул мне рукой старший прапорщик. — Старшина человек ответственный не допустит безобразий.

— Всё? Вопросы кончились? Ты с нами? — обратился ко мне Пауль.

— Да, герр Майер. Я с вами. Буду ждать.

— Ну, тогда идите. Александр, отведи своего подчиненного и возвращайся. Нам многое надо обсудить.

.....

— Вот честное слово, не ожидал, что он такой дотошный и скользкий, — изрёк вернувшийся старший прапорщик, проводив в расположение рядового Лисина. — Налей по полста, все нервы вымотал своими вопросами, да еще и отвёртку притащил. Засранец малолетний.

— Да ты тоже хорош, — отозвался немец, переставляя с буфета на стол стаканы. — Хоть бы пистолет с предохранителя снял. Или ты специально?

— Пф. Хереально. Чего его снимать с предохранителя, когда он не заряжен? Но каков наглец? А?

— Ты знаешь, Александр, а это даже хорошо, что парень такой въедливый и перестраховщик, — Пауль Майер свинтил пробку с бутылки водки «Кристалл» и наполнил два маленьких граненных стакана прозрачной жидкостью. — Было бы хуже, окажись он сам себе на уме итихушник, получил бы от нас документы, машину, деньги и смылся бы. Ну,

давай, — поднял он свою рюмку.

— Ху, — выдохнул прапор, выпив водку. — Ты закусить-то дай чего.

— Точно, — Майер достал из холодильника тарелку с уже нарезанным шпиком и солёными зелёными помидорами. — Вот, извини, меня тоже немного из колеи выбил этот юноша.

— Лисин не должен сбежать, я же тебе говорил, что у него в Союзе жена и маленький ребёнок. Он скорее, будет стараться побольше заработать. Даже уже немного стыдно, что придётся его всего этого лишить в конце.

— Время покажет, может парень нам будет полезен и в других делах, когда это закончим. И не придётся его, как ты выразился — всего лишать.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнул. Давай сначала начнём, чтобы было что заканчивать. И не тормози, наливай.

— Ты, главное, проследи, чтобы он в часть деньги не потащил. Придумай там что-нибудь.

— Да не вопрос. Выделю ему сейф в своей каптёрке. У меня есть запасной, и ключ к нему дам. Поселю надежду, так сказать. Кстати, ты завтра две наливайки по пять тонн соляры прими. Где-то с часу дня и до трёх должны будут подъехать.

— Ты с ними будешь?

— Нет. Сержант Иванец будет, долговязый такой, ну ты должен его помнить.

— Это рябой который? Да, помню. Ладно, наливай, раз бутылку к своим рукам прибрал.

— Ну, за то чтоб хер стоял и деньги были!

.....

Вернувшись вместе с Александром Михайловичем в распоряжение, я переоделся и пошёл к старшине за причитающимся мне имуществом.

— Чего от тебя старший прапорщик хотел? — хитро прищурившись спросил Игорь Василевский, пока я мерил парадную форму.

— Да работу мне сватал у немцев, по электрике.

— Это хорошо. Но смотри не продешеви. Меньше чем за десять марок в день не соглашайся, — дал мне совет старшина.

— Спасибо, буду знать. Я тогда форму и сапоги, в которых прибыл, не буду тебе сдавать, а как рабочую одежду использую. Ах да, вот еще, — я вытащил из скрутки своего вещмешка бутылку водки «Кристалл», которую прихватил в подвале Пауля, где стояло несколько сотен ящиков с ней.

— Водка? Откуда? Немецкая, значит не с Союза притащил, — старшина изучив бутылку полученную из моих рук, вопросительно на меня уставился.

— Товарищ старший прапорщик выдал. Сказал как аванс за будущую работу, — соврал я. — Проставляюсь по прибытии в часть, так сказать. Тебе и парням сверхсрочникам.

— Ну, хорошо. Ладно. Что с формой? Подошла? Я же говорил, у меня глаз-алмаз.

Слава советской армии, что большая часть выдаваемого имущества хранится у того же старшины. Ибо список велик, аж тридцать позиций. Провозились мы изрядно от того, что Игорь подходил к делу с максимальной дотошностью, да и проставленный мною пузырь своё дело тоже сделал.

Заодно узнал адрес части, что бы отписаться родным. Сам ведь обещал Оле, писать каждую неделю.

— Куда — пиши полностью, а обратный адрес указывай — воинская часть, полевая

почта 25730, медицинский склад. И свою фамилию с инициалами. Ясно?

— Так точно, спасибо, Игорь, — поблагодарил я старшину.

.....

Во вторник утром, сразу после завтрака, у меня приняли присягу. Всё это действие, весь этот процесс, смахивал на безумный фарс. В небольшом кабинете начальника склада я, одетый в парадную форму и с АКМ на груди, в тесной компании двух офицеров, прапорщика и старшины, зачитал из папки текст присяги:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество, и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооружённых Сил, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа».

Во время чтения мной присяги старший прапорщик Кузьмин несколько раз меня сфотографировал. Это было сделано по моей просьбе, чтобы отправить фотографии семье. Не думаю, что простому рядовому подобная услуга была бы доступна. Но вчера вечером, когда похмельный прапор предупредил меня о сегодняшнем мероприятии, я, набравшись наглости, попросил его об этом, и он не отказал. Видимо, ещё один стимул для меня.

Расписался в коротком списке из одной моей фамилии под приказом о проведении присяги и получил на руки свой же военный билет, с отметкой «К Военной присяге приведен» со вчерашней датой.

.....

После приведения меня к присяге, жизнь моя практически не изменилась. Я целыми днями напролёт восстанавливал электрику на втором этаже, по утрам нагружал себя «воркаутом» и бегом на месте. Так как дворик был по-настоящему небольшим, а выпускать меня бегать за пределы расположения никто не собирался. Как, впрочем, никто не нагружал меня и строевой подготовкой. Старшина проверил мои умения в шагистике и знания уставов, и оставил в покое. А остальным было глубоко пофиг на меня красивого. Дембеля варились в собственном соку, отдельной компанией были и сверхи, которые проявляя снисходительность иногда приглашали на чай с печеньками.

Даже для того чтобы написать письмо домой пришлось припоминать интересные сцены со службы в прошлой жизни, иначе и писать не о чем бы было. В начале следующей недели я даже начал подумывать о том, что парочка ушлых авантюристов, решила меня не привлекать к своему бизнесу.

Но внезапно вызванный старшим прапорщиком, я получил от него приказ хватать гражданскую одежду и дуть к Паулю Мейеру. Дождался, как говорится, или накаркал. Ну, видно будет.

.....

— Вот здесь и вот здесь распишись, — протянула мне два заполненных бланка фрау Нагель.

Пауль Майер привез меня, как и говорил, к зданию окружного городского комитета Альтенбурга. Куда я и вошёл уже сам, жутко волнуясь и мысленно строя разговор с чиновниками. При входе, взглядом сразу наткнулся на вывеску с указателями, где и какая служба находится. Так что блукать не пришлось, а в нужном мне кабинете я сразу попал в заботливые руки фрау Нагель, как значилось на её бейджеке. Или если по-немецки, то на шильдике. Но я как-то к названию «бейдж» больше привык.

Видя моё смущение и робость, она приняла мои документы и сама заполнила все нужные формы, давая мне только расписаться в нужных местах.

С подписью мы чуть не спалились. Хорошо, что я вспомнил про это в автомобиле герра Майера и он, осознав всю важность этой проблемы, припарковался на обочине, выдал лист бумаги и ручку. Чтобы я смог потренироваться в перенесении вроде бы простой, из трех букв состоящей, но с кучей завитушек, подписи утонувшего Эрика Фокса.

— Эрик? Так ты хочешь сменить имя на Ойгена?

— Да, фрау Нагель.

— А второе имя будешь брать?

— Нет, — отказался я.

Сначала подмывало взять вторым именем своё имя из первой жизни, но потом передумал, как я тем двоим аферистам это объясню?

— Паспорт получать будешь?

Вау. А ведь это шанс получить второй документ, о котором ничего не будут знать мои страннные напарники. Да и в перспективе кое-что вырисовываться более масштабное. Так, а у меня денег хватит-то на паспорт?

— А чего это стоить будет? — вопросом на вопрос ответил я.

— Десять марок пошлины за удостоверение личности и двадцать марок за паспорт. Фотографии за счет округа, их как раз хватит на оба документа. Только паспорт будет готов через две недели, а удостоверение через час, полтора. Так что насчёт паспорта? Тебе еще приветственные деньги положены. Просто вычтут из них и всё.

— Да. Конечно. Паспорт тоже нужен.

— Тогда вот тебе направление к фотографу и платежное поручение. Сначала зайди к фотографу, он здесь, только в подвале. Сразу заberi фотографии и принеси их мне, чтобы я могла начать оформление. А потом иди в кассу на второй этаж, там тебе выдадут семьдесят марок. Всё понятно? Ничего не забудешь? Может записать?

— Нет. Спасибо, фрау Нагель! Я всё запомнил.

Аусвайс* (Personalausweis für Deutsche Staatsangehörige, Deutsche Demokratische Republik) — Удостоверение личности гражданина Германии, Германская Демократическая Республика. Каждый гражданин ГДР имел удостоверение личности с 14 лет. С 18 лет оно или заменялась другим, или продлевалась на 10 лет с вклеиванием новой фотографии. Всего, можно было вклеить до трёх фотографий.

Венды** (Wenden) — лужичане, лужицкие сербы. Численность около 60 тысяч человек. Проживают только в Германии, на территории Лужицы, представляющей собой славянский анклав.

Общество с ограниченной ответственностью*** (GmbH Gesellschaft mit beschränkter

Haftung) — распространённая правовая форма предприятий в Германии, Австрии и Швейцарии. Минимальный уставный капитал для GmbH должен был составлять не менее 10 тысяч марок на 1991 год.

Швиль**** (Schwul) — гомосексуалист.

Первым отделением банка, который я посетил для обмена мелочи, оказался вовсе и не Альтенбургский, как я думал изначально.

— В нашем отделении мы уже были, — ответил на мой вопрос Пауль Майер, скривившись как от зубной боли, но развивать тему дальше не стал.

Видимо, не всё у них там гладко прошло, понял я. Ну и ладно.

— Тогда с чего мы начнём? — спросил я у него, пододвигая к себе поближе пухлый томик автомобильного атласа Германии.

И да. Именно мы. По крайней мере пока. Как сказал герр Майер — «я хочу убедиться, что всё у тебя получается». Он будет сопровождать меня, как минимум, в первой поездке. Но поедет не со мной, а на своём «Трабанте».

— Я уложил три мешка с мелочью под заднее сиденье. Начнешь с отделения банка в городе Гера. Оттуда, в Цойленрод, и закончишь в Грайце. Для первой пробной поездки будет вполне достаточно.

— Угу, — я уткнулся в атлас пытаюсь выстроить маршрут.

— Все документы взял? — в который раз заботливо поинтересовался мой прапор.

— Всё здесь, — похлопал себя по левой стороне куртки, в которой лежали приготовленные документы.

Тех документов-то и было всего три штуки. Аусвайс, справка о том, что я помощник кассира в обществе с ограниченной ответственностью «Лендорфское топливо», и водительские права. Такая же бумажка, закатанная в пластик, как и удостоверение личности. С одним отличием, в аусвайсе была цветная фотография, а в правах, черно-белая с моей мордахой в шестнадцать лет.

В моих правах, кроме категории «В», значились ещё и категории «М» и «L». Права были выданы на одиннадцать лет, до 1 июля 2002 года, а в десятой графе на задней стороне водительских прав значилось, что категорию «М» и «L» я получил два года назад в 1989 году. А категория «В» мне присвоена только 1 июня 1991 года.

Оказывается, все воспитанники школы-интерната проходили автодело и обучению. езде на тракторах, сельскохозяйственных машинах и мотороллерах. Без меня, кстати, получить выправленные по благу права было невозможно. Пауль не учёл, что федеральные права закатываются в пластик, а свою подпись владелец должен поставить обязательно до этого. Пришлось съездить с ним и расписаться на правах.

Погода в Тюрингии в начале июня не задалась. Всё время шли короткие дожди с грозами и порадовался, что прикупил в Альтенбурге на местном барахольном рынке джинсовую куртку с капюшоном. Перед этим зашёл в магазин одежды и вышел, цены там были просто космические, и не с моей сотней было там одеваться. Да, этому миру не хватает Китая и его ширпотреба, мысленно усмехнулся я.

Зато на самоорганизованном рынке-толкучке на Канал-штрассе, куда после магазина меня и привёз Пауль, было море разлитое шмоток и прочего барахла, которое продавали одни местные немцы, другим местным немцам. Среди покупателей мелькали и одетые в советскую военную форму.

Кроме куртки я прикупил несколько пар носков, пару маек, абсолютно новые, белые, с синими полосками кроссовки «Germina» и на оставшиеся деньги взял три пачки лезвий

«Нельсон-Люкс». Полученные при странном и не добровольном обмене во время досмотра лезвия, я опробовал и остался доволен качеством бритья. Но подкупить в запас никогда не помешает.

Рынок, кстати, напоминал те самые стихийные толкучки, которые возникали у нас в России сразу после развала СССР. Здесь, вроде бы, было объединение, а итоги были похожи на наши 90е.

— Вот номер счёта, на который ты будешь зачислять деньги, — протянул мне ещё одну бумажку Пауль.

— В районе Роннебурга, по пути в Геру, работают наши автобаты, вывозят оборудование с «Висмута»*, так что будьте осторожны, — непонятно предупредил нас с Паулем, старший прапорщик.

— Почему? — не понял я. — Ну, работают и работают. Мне-то какое дело? Меня же там никто не знает.

— Просто многие водители не особо соблюдают правила дорожного движения, — пояснил он.

— Вот на хрена вам сдалось тащить в Союз старое и радиоактивное оборудование? Вы хоть солдат и офицеров предупредили, что они будут иметь дело с радиацией? — пробурчал Пауль.

— Никто никого не предупреждал, им приказали, вот они и повезли, — огрызнулся в ответ прапор.

.....

Никаких советских автомобильных войск во время моего первого выезда мне не попало. Так что всё прошло вполне нормально, дорога была вполне нормального качества, а сопровождение в лице герра Майера, автомобиль которого маячил в зеркале заднего вида, придавал, успокоение и уверенность.

В отделении «Почта-банка» в Гере у меня приняли мелочь без вопросов. Архаичная на вид, и по-моему выпущенная в СССР, счётная машина, быстро пересчитала монеты из мешка. После чего девушка-кассир зачислила девять тысяч восемьсот марок на номер выданного Паулем Майером счёта, а две сотни выдала наличкой в виде тонкой стопки сероголубых десяток с изображением парусного брига «Горх Фок II»**.

Зато в отделениях банка в Цойленроде и в Грайце мелочь пересчитывали вручную, что заняло довольно прилично времени. И там же, в Грайце, меня осенило. Я долго ломал голову, как оставить получаемые мной с обменов деньги себе, а не класть в сейф прапора, который он мне выделил под это дело в своей каптёрке. Если я их буду хранить там, то уже точно никогда не увижу.

А в Грайце, во время подсчёта монет, рядом, в соседнем окошке, пожилая чета немцев открывали сберегательный счёт (Sparbuch). И я тоже решил все заработанные мной деньги хранить в банке. Заодно и дополнительная гарантия того, что партнёры будут ждать съёма моих денег. Они жадные, просто так, без моих накоплений, от меня не избавятся, сто процентов. Ну, может и не сто, но семьдесят точно. Хочется верить.

Срочный вклад (Festgeld) мне был недоступен из-за минимальной суммы вклада в две тысячи марок, а у сберегательного счёта слишком малый процент дохода, всего одна десятая процента в год. Но краткосрочные вклады (Tagesgeld), очень популярные в моё время, я в предложениях не нашёл. Спросил у женщины-операционистки, и выяснилось, что на территории бывшего ГДР такие вклады пока не доступны. Пришлось открывать самый

простой сберегательный вклад и временно забыть о хороших дивидендах от него. Попаду на западные территории, переоформлю.

.....

— Что ты сделал? — переспросил Александр Михайлович у меня.

— Положил деньги от своей доли на счёт в банке, — повторил я, и стал свидетелем растерянного переглядывания напарников-аферистов. — Я перед дембелем сниму их и с вашей помощью приобрету себе автомобиль, — подсластил я им пилюлю.

— Молодец. Хорошее решение, — неожиданно похвалил меня Пауль Майер. — Всё, Ойген, иди, отдыхай. Завтра тебе предстоит посетить сразу четыре города: Шпайц, Нойштадт, Айзенберг и Хермздорф. Так что иди и хорошенько выпись.

.....

Вот так и потекла моя работа вне службы. Впрочем, про электрику на складе я тоже не забывал и по субботам продолжал приводить её в порядок.

За июнь месяц я успел объездить все отделения «Почта-банка» Тюрингии, которых на поверку оказалась не тридцать пять, как сказал герр Майер, а всего двадцать восемь. И посетил почти все отделения на территории «Свободного государства Саксонии».

Герр Майер прекратил сопровождать и следить за мной уже после посещения Веймара, того самого города, чьё имя Германия носила с 19го по 33й год, и рядом с которым располагался Бухенвальд***.

Благодаря ослаблению контроля со стороны моих «работодателей», я смог в день посещения столицы Тюрингии, города Эрфурта, вывезти свои стельки с бриллиантами и доллары. А в центральном отделении Немецкого банка в Тюрингии (Deutsche Bank) арендовал на два года малую ячейку за пятьсот марок, куда и сложил вывезенное из Союза.

В конце июня наши деды-дембеля, наконец стали настоящими дембелями согласно приказа и отправились домой, по разным республикам пока ещё единого Союза. Перед самым отправлением ко мне подошёл один из них, Асет Айдаров. Мы с ним по утрам пересекались на спортивной площадке, я воркаутом страдал, а он просто качался, используя полупудовые гири. Специально мы с ним никогда не общались, так, привет, пока, как звать...

— Жень, тебе пистолет нужен? — на нашей отдельно-совместной тренировке, в день их отъезда, поинтересовался Асет. — За сто марок отдам. — он явно знал, что я подрабатываю на стороне и у меня есть деньги.

Первым делом я подумал, что это провокация. Но так и не смог представить, кому она нужна. Та парочка так рано от меня избавляться явно не собиралась, я только-только успел заработать им примерно шестьсот тысяч марок. А учитывая, что начальник склада явно был с моим прапором в деле, то других недоброжелателей у меня в нашей маленькой части быть просто не могло. А значит, это просто деловое предложение с целью сбыть незаконно доставшиеся сержанту Айдарову оружие.

— Что за пистолет?

— ГТ, — и видимо уловив мой скепсис во взгляде, пояснил, — Он новый, со склада. Но у меня к нему, всего одна обойма и восемь патронов.

— Асет, я бы взял. Но у меня в части только 20 марок, остальное храниться у старшего прапорщика, — не соврал я, так как у меня в комнате продолжала жить одна из двадцаток привезённых из Союза. — Могу ещё парочку бутылок водки прибавить.

— Ааа, давай. Всё равно собирался прятать или выкидывать, через рентген на досмотре

его не протащить, — махнул рукой казах.

Так я и стал обладателем пистолета. Во время очередной поездки потратил два патрона из восьми в обойме на проверку и пристрелку. Назвать это полноценной пристрелкой было нельзя, но пистолет стрелял, и я даже попал в ствол дерева, в который целил. В автомобиле сделал тайник для хранения ствола, но каждый раз, приезжая «домой», забирал его и прятал в помещении.

.....

«Добивая» остатки отделений банка в Свободном государстве Саксония, выдвинулся в сторону Лейпцига, что позволило мне попутно, не вызывая подозрений у напарников, заехать в Альтенбург и забрать в городском комитете готовый паспорт на моё имя.

Двигаясь по заранее выстроенному маршруту и посещая банки городков Фробург, Борна и Бёлен, я нарушил одно из правил, которое мне установил Пауль Майер — никаких попутчиков, не подбирать по дороге никого. Но проигнорировать бабульку, мокнущую под дождем на обочине трассы, я не смог. Или она мне напомнила моих всех бабушек, или что иное, но я остановил «копейку» перед голосующей женщиной и даже помог ей разместиться на переднем сиденье, отговорившись, что заднее сломано.

Как бы там ни было, но именно фрау Марта, которая ехала в Зюдвест к внуку, работающему на вагоноремонтном заводе, подтолкнула меня к действиям, очень мне помогшим в будущем.

— Петер, — не понятно почему, я представился именно этим именем. — Ты не представляешь до чего докатилась власть, — делилась со мной местными новостями бабулька. — Они начали распродавать дома и автомобили SED****, а ведь это наше всенародное добро, — возмущалась старушка.

— Угум, — нейтрально соглашался я.

— Недалеко от работы внука, на Ребахерштрассе, были гаражи дома пионеров-тельмановцев*****. И даже их сейчас пытаются сдать в аренду.

Хм, а ведь можно попробовать взять в аренду гараж. Будет у меня запасной аэродром, так сказать. Щас бабку высажу и проеду, поищу эту улицу имени неведомого мне Рибакера.

Нашел и сами гаражи, которые оказались здоровенными боксами на заднем дворе бывшего дома пионеров, а сейчас, просто дома молодёжи. И рядом нашелся городской комитет, который и проводил торги. И даже до конца дня я успел арендовать один из боксов на год, за тысячу двести марок, оплатив сразу всю сумму.

А главное, я приобрёл автомобиль. Шестьсот первый «Трабант-универсал» 1980 года выпуска, бежевого цвета. И всего за три тысячи марок. Предварительно, перед покупкой, не желая брать кота в мешке, облазил этот автомобильчик со всех сторон. Был он не новый, местами даже уставший, но вполне себе живой и работающий. Так что загнал его в арендованный бокс, который и назначил своей секретной штаб-квартирой. Территория была охраняемая и я, не опасался за свое, внезапно образовавшееся имущество.

И хоть потратил я четыре тысячи двести марок из накопленных одиннадцати тысяч, было их совершенно не жалко, так как свой транспорт и помещение придавали уверенности в моих действиях и плане, который потихоньку начал вырисовываться в моей голове.

.....

Очередной этап этого плана пришёлся на объезд банковских отделений на территории Земли Бранденбург и города Берлин. Сам Берлин столицей объединенной Германии стал

совсем недавно, 20 июня 1991 года. Но был столицей чисто формально, правительство и парламент не спешили переезжать из удобного и уютного Бонна.

Но до этого случилось много всякого. У меня с Александром Михайловичем произошёл первый конфликт. Герр Майер принял сложившуюся ситуацию вполне спокойно. Объезжая банки на территории Саксонии-Анхальт, я всё дальше и дальше удалялся от Альтенбурга и, из-за загруженности дорог, всё чаще стал возвращаться позже установленного срока. Что очень злило старшего прапорщика. И в один из дней я приехал аж в одиннадцать вечера.

Прапор был уже в подпитии и стал обвинять меня в том, что я где-то просто гуляю в своё удовольствие. И апеллировал к тому, что от Альтенбурга до Гёрлица расстояние больше, чем от Альтенбурга до Бисмарка. Но совершенно не хотел понимать, что тот же Дрезден я спокойно миновал по объездной дороге, в случае с тем же Бисмарком мне пришлось ехать через Магдебург с его автомобильными пробками.

— Я заезжаю всё дальше и дальше, и мне не хватает светового дня, чтобы сдать деньги и вовремя вернуться обратно. А что будет когда я доберусь до Ростока, Гамбурга или Мюнхена? Мне придётся там ночевать в дорожных мотелях, чтобы я смог выполнить порученное вами. В общем сами решайте, а я спать.

Хлопнул дверями и ушел в распорягу. Благо, копиями ключей от всех дверей меня уже снабдили. Не знаю что они там меж собой решали, но мне был выдан номер телефона, по которому я должен был звонить, если не укладываюсь в срок, и информировать где заночевал.

Вторым ударом по моим «напарникам», стало то, что региональные отделения Почта-банка на землях западной Германии наотрез отказывались принимать монеты ГДР. Даже распоряжения Бундес-банка, копию которого я предъявлял, не помогло. Восточногерманские монеты принимали только в крупных западных городах.

Всего в четырнадцати городах ФРГ мне удалось обменять деньги. И там, где прапор с Майером собирались получить не менее трех миллионов марок, им перепало всего четыреста шестьдесят тысяч. Ну и я стал богаче всего на десять тысяч.

Старший прапорщик после августовского путча в СССР вообще запил не по-детски. Не именно благодаря этому, я и узнал много нового и интересного про их с немцем бизнес. Очень часто герр Майер сдавал мне пьяного в хламину Михалыча сразу после моего возвращения с выезда. И мне приходилось тащить его на себе в каптёрку, где и сгружать это тело на топчан.

Прапор был настолько пьяный, что не замечал как сменилась обстановка и, принимая меня за Пауля, продолжал делиться с «ним» своими обидами и планами. Я узнал про топливный бизнес, про доход с продажи перевязочных средств, про продажу якобы списанных грузовых автомобилей на сторону. Мне стало известно, что курирует его самого и его делишки особист бригады и даже сам командир части. Но, самое интересное, он, забыв про меня, в своём пьяном бреде проверял свои захоронки, которых насчитывалось ровно три штуки.

Во время одного из таких пьяных разговоров с самим собой, я узнал, что мой прапор мечтает прикопать одного наглого лисенка к другому, утонувшему. Ну, я и не питал надежд на мирный исход наших взаимоотношений, поэтому и начал подготовку к своей игре.

Проспавшись, Александр Михайлович опять становился строгим, но справедливым командиром. Полностью забывая что творил и говорил будучи пьяным. Не забывал стимулировать меня доступом к телефонным разговорам с родными и даже похлопотал о

присвоении мне звания ефрейтор, «за образцовое выполнение служебных обязанностей и примерную воинскую дисциплину», как значилось в приказе.

И очень жестко разобрался с новым взводом охраны после их наезда на меня. Нам на охрану спихнули старослужащих-дагестанцев, которые узнав, что я работаю где-то на стороне, стали угрозами требовать водки, пива, журналов с голыми бабами и т. д и т. п. Сначала я не принял их угрозы всерьёз, из-за чего и поплатился.

В одно из воскресений еле отмахался от трёх абреков, которые подловили меня в душевой на первом этаже. Отмахаться-то я отмахался, но лишился всей одежды, которую те взяли в заложники и потребовали в обмен за неё десять бутылок водки. Нисколько не смущаясь, голяком отправился к старшине и поведал о своих приключениях, а тот, недолго думая, позвонил Александру Михайловичу.

Мою одежду спасли и мне вернули, а дагов, по слухам, отправили служить на бригадную свиноферму. Взамен нам прислали на охрану сверхсрочников. Но всего два отделения.

Так вот, попав в Берлин в конце сентября, я первым делом поехал в отделение туристического агентства Бюлера (Bühler Reisebüro). И там я подал запрос на получение деловой визы в СССР. Заплатил за услуги пятьсот марок и оставил им свой паспорт. Обещали справиться в течение месяца. Самому соваться в советское консульство на Унтерден-Линден я не рискнул.

Там же, в этом же агентстве, мне на глаза попало объявление о том, что окружной комитет района Кёпеник (Köpenick) выставляет на продажу квартиры. Желающим обращаться в ратушу района Кёпеник по адресу: улица Старый Кёпеник дом 21.

Прикинул по атласу расположение отделений банка так, чтобы попасть в ратушу этого района, ну и поехал. В ратуше выяснилось, что есть только одна не проданная квартира по адресу Луизенштрассе 9. Трёхкомнатная квартира принадлежала раньше партийному чиновнику СЕПГ. В 1990 году была конфискована в городской фонд и в этом году выставлена на продажу. В начале года район хотел получить за неё тридцать пять тысяч марок, но желающих её купить так и не нашлось.

Съездил с представителем комитета посмотреть на квартиру и с первого же взгляда влюбился в неё. Трёхэтажный дом 1959 года постройки, закрытый дворик с детской площадкой, консьерж и, самое главное, я узнал это место. Рядом, буквально за углом этой улицы, начиналась улица Киц (Kietz), древнейшее славянское поселение Берлина. В будущем, одна из исторических достопримечательностей и как в итоге, довольно престижное место для жилья. Хорошее вложение денег.

И я, больше не сомневаясь, снял со своего счёта тридцать две тысячи марок и приобрёл эту квартиру.

«Висмут»* — совместное предприятие СССР и ГДР, в структуре которого были геологоразведочные, горнодобывающие и перерабатывающие предприятия, где добывалась и обогащалась урановая руда, поставляемая для атомной промышленности Советского Союза. Горно-обогачительный комбинат был расположен на территории от Роннебурга под Герой (Тюрингия) до Кёнигштайна (Саксония).

Первый «Горх Фок»**, был после войны передан СССР в качестве репараций и служил в ВМФ учебным судном под названием «Товарищ». После развала страны парусник достался Украине, которая в итоге и продала его ФРГ.

Бухенвальд*** (нем. Buchenwald — «буковый лес») — один из крупнейших

концентрационных лагерей в Германии, располагавшийся рядом с Веймаром в Тюрингии.

Социалистическая единая партия Германии СЕПГ (Sozialistische Einheitspartei Deutschlands, SED)**** — социалистическая марксистско-ленинская партия, существовавшая в Германии в 1946–1990 годах.

Пионерская организация имени Эрнста Тельмана (Pionierorganisation «Ernst Thälmann»)***** — детская политическая организация в ГДР, существовавшая при Союзе свободной немецкой молодёжи до 1990 года. Дети с 6 до 9 лет носили синие галстуки, а с 10 и до 14 лет — красные галстуки.

Машину на повороте повело, и я еле справился с управлением, чуть не улетев в придорожные кусты. Грунтовка была старая и малонаезженная, с замершими лужицами, а в конце, к моему ужасу, заканчивалась полянкой зажатой с трёх сторон молодым и густым сосняком. И нафига я спрашивается свернул с двадцать четвёртого шоссе Гамбург — Берлин? Всё как всегда, хотел как лучше, думал копейка по грунтовке от немца уйдёт в отрыв, а тут внезапно тупик.

Подвывание двигателя преследующего меня «Фольксвагена Гольф» первой серии, было всё ближе и ближе. Тяжело вздохнул, подмигнул сам себе в зеркало заднего вида и вытащил из тайника свой «ТТ». Последняя надежда так сказать. Я даже не знаю кто меня преследует, зачем и сколько их. А у меня всего шесть патронов. Было восемь, но два я сжёг, проверяя работоспособность пистолета.

Покинув «Жигули» встал лицом к приближающейся угрозе, прикрыв нижнюю часть своего тела и пистолет в правой руке капотом автомобиля. Ну, посмотрим, что нам судьба уготовила.

Внезапно звук работы двигателя исчез. Заглушили? Решили пешком пройти и проверить? Знают о том, что здесь тупик? Мысли в голове запорхали растревоженными шершнями.

Но в течении десяти минут ничего не происходило, никто ко мне не пришел. А затем, автомобиль неведомых преследователей завёлся и звук работы его двигателя наоборот стал удаляться. Уехали? Или решили устроить засаду на съезде с трассы? Замерзнув стоять на улице, я забрался в салон «копейки» но на всякий случай приоткрыл окно, чтобы вовремя услышать посторонние звуки.

Так и просидел до сумерек, боясь ехать, и потихоньку замерзал так и не закрыв окно. Мне припомнилось, что я уже видел преследовавший меня автомобиль. Вчера. При выезде из Киля и во время моих посещений Рендсбурга и Шлезвига. Номера были заляпаны грязью, но на лобовом стекле «Фольксвагена», сверху, была приметная белая лента с синими буквами «Hansa Rostock»*.

Но по дороге из Шлезвига в Фленсбург я этого автомобиля не увидел и успокоился, посчитав встречу с ним случайностью. Переночевав в мотеле с пафосным названием «Глюксбург», я двинулся в сторону Гамбурга. Этот город был последним этапом в процессе обмена денег. Может где-то еще и оставались отделения банков, про которые я ничего не знал, но на дворе было уже 26 декабря 1991 года, а значит истекли и сроки приема металлических денег ГДР.

А затем, неминуемо должен был наступить выбор между сциллой и харибдой во взаимоотношениях с парочкой аферистов, которые всё это и затеяли. Что это будет? Как это произойдёт? Я постоянно ломал над этим голову во время поездок. Все мои контрпланы разбивались о наличие высокопоставленной крыши у моего прапорщика. Так что все мои надежды были только на пистолет и мою удачу.

Тем более, что я получил наглядное подтверждение тому, что могу влиять на ход истории какой бы инертной она и не была. В ноябре мой тезка Женька Журавлёв улетел в Союз, что-то у него в семье случилось, и он выбил из руководства отпуск. А на его место, временно, прислали срочника осеннего призыва, только-только прошедшего присягу. И прям

мистическим образом оказавшимся и земляком, и тёзкой.

Евгений Муратов сам был из города Красный Сулин, но закончил училище в Ростове-на-Дону по профессии оператор холодильных установок. Во время одной из наших вечерних посиделок со сверхами, куда позвали и Муратова, он и рассказал страшенькую историю про то, как ехал поступать в Ростов из родного города. И во время одной из остановок электрички его накрыл прям животный страх, гениталии резануло страшной болью, а главное, взорвались его часы. Просто разлетелись по вагону осколками стекла, циферблата и механизма.

Парни-сверхсрочники просто посмеялись над этой, как они считали, сказочкой. А я прям остолбенел от догадки кто передо мной. В глазах возникли строчки из википедии об жертвах Чикатило, куда я полез за дополнительной информацией после просмотра первого сезона сериала. Евгений Муратов, сороковая жертва этого маньяка. И главное, запомнилась информация, что Чикатило прям с ненавистью растоптал часы убитого им мальчишки.

Оказывается, моё письмо всё-таки сработало. Или маньяка спугнули, или поймали и история пошла по другому пути, доказательство которому живой Евгений Муратов. А значит и у меня есть шансы всё изменить и постараться выбраться сухим и чистым из союза с моим прапором и его немецким другом.

Но когда я проезжал через Шлезвиг, за мной опять прицепился вчерашний «Фольксваген». В Гамбурге я потерял преследователей из виду и обнаружил их на своём хвосте только покинув город. И сразу в голову полезли нехорошие мысли о бандитах, БНД**, полиции или даже наёмниках, нанятых моими напарниками чтобы устранить меня.

По этому и решил оторваться, уйдя с трассы на грунтовку, и оказался в тупике. Окончательно замерзнув, плюнул на конспирацию, завёл двигатель, включил печку и медленно покатыл к шоссе. К моему удивлению, никакой засады не обнаружилось и я, вырулив на асфальт, поехал в сторону Берлина.

.....

К своему берлинскому дому я уже подъезжал с сильным насморком, болью в голове и першением в горле. В квартире я первым делом измерил температуру, благо небольшую аптечку уже скомплектовал. Тридцать семь и семь, вроде и немного, но мне сразу стало ясно, что я простыл, перемерзнув в автомобиле.

Выпил пару таблеток аспирина и, на всякий случай, таблетку нурофена. И завалился спать, не забыв выставить будильник. Звон которого еле поднял меня на ноги. Горло болело, из носа текло, а термометр показал тридцать семь и девять. Но мне надо было ехать.

Повторил принятие лекарств и, выпив горячего чая, и не почувствовав вкуса и сладости, пришел к выводу, что у меня «ковид». Сам над собой посмеялся — какой «ковид» в 1991 году? И поехал в свою часть.

По дороге чуть не заглох, кончился бензин. На парах в баке еле дотянул до ближайшей заправки, где и заправился. И где-то к обеду, полностью вымотавшийся, почти в сумеречном состоянии, загнал жигуль во двор моего «конспиративного» дома. Никто меня не встречал и не ждал, и я, переоделся в форму, и направился в расположение.

К моему удивлению, Михалыча в его каптёрке тоже не было, и спрятав пистолет и своё удостоверение личности, мне пришлось идти к старшине Василевскому.

— Заболел. Хреново мне, — прохрипел я, войдя в его комнату, и обессиленно рухнул на ближайший стул.

Игорь моментально сообразив что делать, нашел и привел единственного медика в

нашей части, старшего прапорщика Татарчука. Который, потрогав мой лоб, приказал вызывать медицинскую буханку и везти меня в медицинскую часть автобатов.

Как меня забирали, везли и оформляли, помню словно в полусне. Более или менее я пришел в себя на следующее утро. Оказалось, что меня поместили в отдельный инфекционный бокс, где и продержали до Нового года, активно прокалывая, прокапывая и скармливая мне различные препараты.

А в обед 1 января 1992 года меня навестили начальник моего склада майор Чичун Сергей Петрович и майор-особист бригады. Фамилию особиста я не запомнил, а вот звали его Семен Семёнович, как Горбункова в «Бриллиантовой руке».

— Беда у нас, Евгений, — после взаимных уставных приветствий, произнес мой начальник. — Старший прапорщик Кузьмин погиб.

— Ооо, — только и смог я выдать из себя.

— Это, в общем, секретная информация, — вступил в разговор особист. — Но ты единственный, кто с ним довольно близко общался и даже участвовал в одной операции, — и видя мои прифигевшие глаза, пояснил. — Мы знаем о твоём участии в обмене металлических денег.

— А что с ним случилось? С Александром Михайловичем? — ушёл от ответа я прекрасно зная и так, кто из присутствовавших здесь снабжал мелочью прапора.

— В новогоднюю ночь на него с ножом напал его напарник-немец. Ты должен был его знать. Майер, вроде. И ранил старшего прапорщика ножом, в ответ, тот застрелил немца из табельного оружия.

— Как? Он же всегда носил незаряженный пистолет, — удивился я.

— Значит, зарядил, — пожал плечами особист. — Михалыч немцу прямо в сердце попал, а сам истёк кровью. И его еще долго бы не нашли, если бы не начался пожар. Пожарные тела и обнаружили.

— Однако, — помотал я головой. — Чего они не поделили?

— Что-то, видимо, не поделили. И есть подозрение, что много не поделили. Скажи Евгений, ты знаешь ухоронки Кузьмина?

— Знаю.

— Ты должен нам их показать, — у моего начальника азартно заблестели глаза.

— А что я с этого буду иметь?

Майоры переглянулись и, улыбнувшись, друг другу покивали.

— Всё как ты и предполагал, Семёныч, — казалось с каким-то удовлетворением в голосе непонятно сказал майор Чичун.

— Ну, а то! — также непонятно согласился с ним особист.

— Лисин, если покажешь нам ухоронки, то мы тебя демобилизуем. Устроит тебя?

— Да, — согласился я, быстро справившись с удивлением. — А как вы это организуете?

— По медицинским показаниям устроим твою временную негодность к военной службе, ответил особист. — Тем более сейчас ты в медсанчасти. Через три дня из Лейпцига отправляется поезд с осенними демобилизованными. Вот с ними и отправим. А сейчас одевайся, собирайся, Сергей Петрович тебя отвезёт в часть.

.....

К счастью, сразу в каптёрку покойного Михалыча меня не потянули. И я успел навестить её без свидетелей, благо копии ключей у меня имелись и хранились в моей комнате. Лезть в три главных тайника старшего прапорщика я не стал, а вот нычку под

подоконником, опустошил. Там была пачка советских денег разного достоинства, от рубля и до новых полтинников с сотнями. К моему удивлению, даже две новенькие двухсотрублёвые купюры нашлись.

Всего в пачке, перетянутой резинкой, насчиталась одна тысяча двадцатьдва рубля. Майорам советские рубли я оставлять не собирался, пусть делят ухоронки Кузьмина, тем более, что одна из них была с сюрпризом. А мне рубли пригодятся. В бывшем СССР они еще кое-что стоили, по крайней мере на билеты хватит, не собираюсь я добираться домой в плацкарте по ВПД***. Забрал свои документы, а пистолет, трогать не стал.

Заодно перетянул из каптёрки ящик водки и два блока сигарет «Kent», которые поутру и презентовал старшине Василевскому, огорошив его тем, что меня демобилизуют по медицинским показаниям. Игорь не особо поверил в такую версию, но водку и сигареты благосклонно принял и разрешил забрать из его каптёрки зимний и парадный комплекты формы.

Особо много вещей я за свои семь месяцев странной службы не нажил. Гражданская одежда и обувь, в которой я ездил по Германии, осталась в том, выделенном мне доме. Там же остались и Жигули «копейка». Доверенность на автомобиль у меня была выписана по 1 января 1992 года, а значит, и он сам мне был уже недоступен. К тому же я не знал про обстановку там. Мало ли, вдруг там полиция сейчас. Напрягало только то, что герр Майер обещал меня записать в домовую книгу. Надеюсь, он этого не сделал. А еще сильнее надеюсь, что и домовая книга, и личное дело Эрика Фокса сгорели в том пожаре.

Мой вещмешок, когда был избавлен от долларов, я сдал старшине, и он уже где-то потерялся. Наверное, Игорь его кому-то из дембелей выдал. Но зато сейчас, в ответ на мой подгон водки и сигарет, подарил мне американский военный баул с одной широкой лямкой. Вот в этот баул я упаковал свой нехитрый скарб. В основном то, что и было привезено мной ещё из Союза. За исключением легкой вязаной водолазки и куртки с капюшоном наподобие толстовки из моего времени. Штормовка, не штормовка, фиг её знает как она сейчас называется.

.....

— Первый вот здесь, — я ковырнул монтировкой половицы и спокойно убрал их в сторону, открыв на обзор вмурованный в бетонный пол сейф. — Второй, рядом, — я повторил процедуру с полом в паре метров от уже открытой ухоронки. — А вот здесь третий, — поднагужившись, я сдвинул в сторону письменный стол и точно так же, как и в предыдущих случаях, скovyрнул половую панель из досок в сторону.

Майоры удовлетворенно покивали и начали расхаживать по каптёрки старшего прапорщика, рассматривая открывшиеся их взору сейфы.

— Ай да, Михалыч, ай да, сукин сын! — восторженно воскликнул начальник склада.

— Погодь, Петрович. — остановил его радостные вопли, особист. — Лисин, а где ключи от сейфов?

— А где мои документы на дембель, Семен Семенович? — вопросом на вопрос ответил я.

— Хм. Нахал. Держи, — протянул мне папку, вынутую из портфеля, особист. — Там всё. Проверь.

Ну, я проверил. Запись в военном билете, печать и роспись. ВПД, похожая на чековую книжку с тремя заполненными требованиями на перевозку меня любимого от Лейпцига до Москвы, от Москвы и до Ростова-на-Дону, и до Азова. Все с печатями. Выписка из приказа

по части. Медицинское заключение. И личное дело с характеристикой. Вроде всё на месте. А, нет. Сбоку примостился заверенный листок с разовым, суточным пропуском по особой зоне восьмой армии.

— А как я до Лейпцига доберусь, и когда поезд отходит?

— Там не поезд, вагоны, вас потом в Берлине к нашему поезду прицепят. Отправление в семь вечера. А за твою наглость, сам до Лейпцига теперь добираться будешь. Время есть, успеешь. Где ключи?

Я подошёл к подоконнику у фальшивого окна, из-под которого вчера забирали советские деньги, и вытащил два ключа на кольце.

— Вот. От этого и этого, — я указал ими на сейфы и протянул ключи особисту. — Третий, Александр Михайлович всегда носил с собой, на шее. Что-то очень ценное он в этом ящике хранил. Вы не нашли на нём ключ?

Майоры растеряно переглянулись, а потом особист погнался меня прочь.

— Всё, Лисин. Иди давай. Тебе еще надо успеть в Альтенбург добраться. Оттуда, от замка, в полдень автобус на Лейпциг пойдёт. Скажешь там шофёру, что я распорядился. А третий мы и так взломаем. А? Петрович? Хватит у нас силёнок?

— Хватит, хватит, — подтвердил мой начальник.

Я же, мысленно пожелав им «царствия небесного», выскользнул за дверь и рванул за своими вещами. Третий сейф, ключ от которого прапорщик Кузьмин всегда носил с собой, был с сюрпризом. Если, конечно, верить пьяным бредням Михалыча. В один из вечеров, когда я притащил его в хламину пьяного, он и полез до третьей своей ухоронки, про которую до этого дня, я даже и не знал.

— Здесь, вот здесь! Юра, слышишь? — посмотрел он в мою сторону, опять принимая меня за кого-то другого. — Здесь, всё!!!. Но открывать только ключом. Ик. Без ключа будет бах! Ха-ха-ха-ха, — зашёлся он в жутковатом смехе. — Два кило тротила и тетрила****. Большой бум будет, — прошептал он и заснул, так и не открыв сейф.

«Большой бада-бум», вспомнил я слова Лилу из фильма «Пятый элемент», который должен был появиться в этом мире только через пять лет. Осторожно вынул ключ из сейфа, повесил его на шею старшему прапорщику и, замаскировав ухоронку, потащил спящее тело к диванчику.

Вспоминая этот эпизод, я быстро оделся, по традиции присел на дорожку и, больше никуда не заходя, рванул на КПП, где, предъявив пропуск для записи, попытался выскочить на улицу. Но меня внезапно остановил появившийся особист.

— Лисин, сумку свою открой, я проверю что ты там собрался вынести.

Переворочил весь мой баул, но ничего криминального не нашел. Обыскивать же меня он не стал и барственным взмахом руки, отпустил. Ни в какой Альтенбург, естественно, я не собирался. Уж слишком это всё было похоже на подставу. Поэтому направился в сторону реки Плейссе.

.....

— Ну, что? Проверил? Не обчистил он нас? — спросил майор Чичун у вернувшегося особиста.

— Проверил. Пуст он, зря только бегал.

— А он точно в Союз не доедет? — задал очередной вопрос начальник склада.

— Сто процентов, — подтвердил тот. — Я же тебе говорил, что сообщил тем дагестанцам, которые из-за него угодили на свиноферму, что их враг поедет вместе с ними.

И попросил. Очень попросил, — выделил он. — Одного из них. Избавиться от Лисина. Всё давай лучше второй сейф открывать.

.....

Перейдя речку через пешеходный мостик, я направился к центру Штюнцхайна, где, как я знал от покойного Майера, постоянно дежурил местный житель по фамилии Доктор, который занимался частным извозом. Шёл и молился всем богам, чтобы он оказался на месте. Видимо мои мольбы были услышаны, и уже через десять минут герр Доктор, вез меня за баснословные тридцать марок в Лейпциг.

— Что? На дембель? — внезапно, на вполне чистом русском, спросил везущий меня немец.

— Да. А вы русский знаете?

— Я учителем русского языка в школе-интернате работал, пока этот предмет год назад не убрали из программы. Боюсь, и школу скоро закроют, — грустно ответил он на мой вопрос.

Упс. Это же один из «моих» учителей, вернее учителей Эрика. Круто. Хоть о ком-то буду знать, а то мало ли как жизнь повернётся. Спросит кто, а я и не знаю.

— А чего не со своими поехал, — продолжил меня допрашивать немецкий учитель русского языка. — Ты же с гарнизона Альтенбурга?

— Да, но я с медицинского склада в Падице. Наши раньше уехали, а мне, вот, самому приходится добираться. Хорошо, ещё денег на дорогу дали и рассказали про вас.

— Ясно. Слушай! А это ведь ваш прапорщик Пауля Майера застрелил?

— Кто? Кого? Как? — пришлось включать дурачка и с удивлением лупить глазами.

— Ну, пожар рядом с вами был. Народ говорит, что ваш прапорщик убил одного нашего местного делового, Майера, пусть ему в аду черти лучшую сковороду найдут.

— Я... Я не знаю. Нам сказали, что старший прапорщик Кузьмин в пожаре погиб. Что? Правда? Он стрелял в кого-то?

— Действительно. Вот я дурак. Кто же вам скажет правду. Ладно. Забудь. Но я бы вашему прапорщику выпивку поставил. Хорошее дело сделал. Майер, тот ещё поганец был, — и видя в зеркало заднего вида, что я продолжаю тупо ничего не понимать, сменил тему. — Ты-то сам, откуда так хорошо немецкий знаешь?

— В школе учил и бабуля у меня переводчик...

Так за разговорами и пролетели шестьдесят километров пути до главного вокзала Лейпцига. Но перед этим громадным зданием герр Доктор не стал останавливаться, а повез меня в какой-то переулок, отчего я даже занервничал.

— Вот, тебе сюда, — немец остановил машину перед двухэтажным домиком, сбоку которого, в сплошном бетонном ограждении, были зеленные железные ворота с красными звездами, при виде которых я сразу успокоился. — Отсюда вас увозят. А то бы шлялся по вокзалу, спрашивал.

Искренне поблагодарил учителя-таксиста, вылез из автомобиля и, взвалив свой американский баул на плечо, направился к этому зданию.

Hansa Rostock (Ганза)* — немецкий футбольный клуб из города Росток, в настоящее время выступающий во второй Бундеслиге. Основан в 1954 году. Является одним из самых титулованных восточнонемецких клубов. Последний чемпион и обладатель кубка ГДР.

БНД** (Bundesnachrichtendienst, BND) — служба внешней разведки Германии. ГГ не знает, что за внутреннюю безопасность в ФРГ отвечает BfV(федеральное ведомство по

охране конституции Германии).

ВПД*** — воинский перевозочный документ, дающий право военнослужащим на проезд на всех видах общественного транспорта по территории страны.

Тетрил**** — мощное взрывчатое вещество, по взрывчатым характеристикам относится к вторичным (бризантным). Впервые был получен в 1877 г.

За дверьми обнаружился длинный коридор, по бокам которого шли двери, лестница на второй этаж и пара окон. Справа коридор был тупиковый, а слева было оборудовано что-то типа КПП, где, скучая, сидел сержант железнодорожных войск. Вот к нему я и отправился.

— А! Тебе надо на второй этаж, отметить у коменданта, — махнул рукой железнодорожный воин в сторону виденной мною ранее лестницы. — В восьмой кабинет.

— А туалет у вас тут есть? — поинтересовался я у сержанта о более несущем, уже жалея, что не посетил это место в своей части.

— Там же, рядом, — буркнул он мне в ответ.

Решив сначала посетить коменданта, я проигнорировал призывно приоткрытую дверь туалета, откуда пахло хлоркой.

— Не понял! — возмутился комендант в чине майора, когда проверил мои документы. — А чего это ты не в составе команды? У вас там что? Совсем бардак?

— Я не в Альтенбурге служил. В Падице, на медицинском складе, не успел я с командой, меня начальник склада привёз.

— Бля, одно слово — хомяки! Вы, МТОшники, совсем болт забили на правила? Ладно, это не твоя вина. Иди сюда подозвал он меня поближе и, ухватив за рукав шинели, притянул к окну. — Вон. Внизу слева стоят два вагона. Вниз спустишься и до конца по коридору, а там выход к платформе будет, сразу после досмотрового тамбура. Отдашь свои документу капитану Синичкину. Мля, — он почесал затылок. — Капитан уже походу в отрубке. Сам найдешь кому свои бумаги отдать. Я тебя в журнал внёс, — он похлопал по амбарной книге на своём столе. — А в вагоне разберёшься. Мест кстати нет уже, на третьей полке поедешь. Обещали три вагона, а дали два. Всё, вали отсюда.

И я повалил, прямо в туалет. В котором и закрылся на щеколду. Раз с щеколдой — значит офицерский, промелькнула в голове мысль. И принялся лихорадочно переодеваться в имеющуюся гражданскую одежду, трамбуя сапоги, шинель и форму в американский баул. Я-то планировал со всеми доехать до Берлина, а там сделать ноги. Но в окно разглядел гуляющих возле крайнего вагона тех самых дагестанцев, с которыми у меня приключились «траблы» в части.

Нафиг-нафиг. Я лучше своим ходом, благо недалеко и гараж мой с «Трабантом-универсалом». Главное, что меня в журнале отметили как убывшего из Германии. Одежда у меня, правда, была лёгкая, а я после болезни, но буду надеяться на авось. Переодевшись, чуть опять не забыл сходить в туалет.

И аккуратно, посматривая чтобы никого на моём пути не было, пробрался к выходу и рванул к зданию Лейпцигского железнодорожного вокзала, такси там точно должны быть. По пути встретил двух лейтенантов-танкистов, и рука сама, на автомате, метнулась вверх, в попытке отдать честь. К счастью, я вовремя спохватился и резко остановил вскидываемую руку на уровне подбородка, а затем неловко опустил её вниз.

Со стороны это смотрелось явно угрожающе. Как будто я резко поднял руку и проведя ладонью по шее, опустил вниз. Один из лейтенантов от неожиданности споткнулся и чуть не упал, успев ухватиться за своего напарника. Блин. Потом будут рассказывать на родине, что на них немцы нападали. Пришлось ускориться, влипая в разборки совсем не хотелось.

«Трабант» завёлся с полпинка и я не став тянуть время, закрыл бокс и отправился прямым ходом в сторону новенькой заправки «Aral»*, так как топливной смеси в баке было что-то около литра.

Да-да. У этого пластикового чуда был двухтактный двигатель, топливный бак располагался под капотом, рядом с движком, а в салоне не было даже датчика топлива. Только спидометр и эконометр**.

Залив двадцать шесть литров 84го бензина и разбавив их литром масла, я остался фактически на нуле по деньгам. У меня с собой был полтинник, а сейчас осталось всего 4 марки с пфеннигами. Надеюсь, мне хватит бака чтобы доехать до Берлина?!

С деньгами вообще было всё не так уж и радужно. Если бы я не тратил на квартиру, машину, аренду гаража, покупку шмоток и различных вкусняшек, то у меня на счету должно было быть больше пятидесяти тысяч марок. А сейчас оставалось всего девять с половиной тысяч.

Я только на мебель в квартире спустил около пятисот марок. Хорошо еще сантехника и газовая плита с холодильником имелись. Причем, плита и холодильник были западногерманской фирмы «Тека». В приобретении минимального набора мебели мне очень помог герр Нойманн, местный консьерж. Он с супругой и дочкой проживал в этом же доме, в служебной квартире на цокольном этаже. Вот ему я и пожаловался на создавшуюся проблему и недостаток времени.

— Герр Фокс, я могу помочь меблировать вашу квартирку. Сейчас здесь, в районе Кёпеник у многих людей проблемы с доходами. И многие распродают почти новую мебель по дешёвке.

— И сколько надо, чтобы обставить кухню и все комнаты?

— Я думаю, марок четыреста вполне хватит.

Выделил этому старикану четыреста марок под расписку, а во время очередного приезда удивился обилию мебели. Даже телевизор был. И она, эта мебель, прям так идеально вписывалась в квартиру, что мне невольно подумалось о том, что она раньше тут и стояла. А после выселения чиновника ушлый консьерж её прибрал к рукам, а потом еще и на мне заработал. С него станется.

Ещё на сотню, я закупился посудой, бельём и различными мелочами. Причем, тоже не в магазинах, на барахолке в парке «Штихканал». Район был рабочий, и после объединения многие предприятия восточного Берлина просто прекратили работу. И народ потащил на продажу нажитое за предыдущие годы.

Но ведь это еще не всё? Скоро явятся старые хозяева домов в которых живут «осси» и потребуют от них своей доли или даже выселения. А муниципалитеты районов введут арендную плату за проживание в городском фонде, и восточные немцы будут бросать свои, полученные от государства, уютные квартирki и разбегаться по стране в поисках лучшей доли. Хотели объединения? Мечтали жить как на западе? Получили!

.....

Дадада! Глухо, но мощно прогремел взрыв, заставив стёкла задрезжаться, а в одном месте даже осыпаться осколками.

— Что за нунах? — прошипел особист 116-й бригады МТО, приседая за корпус своего УАЗика.

— Товарищ майор, — к офицеру подбежал старшина части. — Это взрыв в подвале, в каптёрке которая принадлежала старшему прапорщику Кузьмину.

— Бля. Вот же Чичун хитрожопый, решил без меня... — прервал свой монолог и приказал старшине, — Выставь пост возле входа. Тащи сюда противогазы и огнетушители.

Но пожара не случилось, как и особого задымления. Возле искорёженного взрывом сейфа, нашлись и останки начальника склада.

— А ведь мне Лисин говорил, что прапор ключ от этого сейфа с собой носил. Должен был я заподозрить неладное. Ан нет, расслабился. Спасибо Чичуну, а то бы вместе с ним тут лежал, — вполголоса пробормотал особист и, немного помолчав, добавил, — Вот и хорошо, что я один остался. Кузьмин мёртв, Лисин по дороге к этому, а всё остальное на майора спишу. А мне и содержимого двух первых сейфов хватит.

.....

Топлива хватило почти впритык. Расход бензина у «Трабанта» был небольшой, от семи и до девяти литров на сто километров пути. Но зимой расход увеличивался, к тому же часть автодорог оказалась на ремонте и приходилось ехать в объезд. Да еще в магазин заглянул. Купил яиц и сосисок. На ужин хорошо будет, а то как позавтракал в части, так и не крошки во рту не было. Так что к дому я подъехал под подмигивание сигнальной лампочки, предупреждающей о том, что я еду уже на резерве.

Следующее утро началось с похода в банк за деньгами и поездкой в аэропорт «Тегель», за билетами в Москву. А заодно пробежался по толкучкам и магазинам, в надежде одеться поприличнее, но и не броско, чтобы не выделяться особо на родине.

Вчера вечером весь мозг сломал себе, обдумывая как протащить через границу свою военную форму. Хорошо, что вовремя задал себе вопрос — а зачем она тебе нужна? Разве дембель не может в гражданской одежде ехать? Тем более не дослуживший и списанный по медицинским показаниям? Думаю, вполне может. Даже правильной так. Тем более что ты не собираешься использовать выданные проездные документы.

Да и в квартире оставлять их нельзя. Консьерж имеет резервный ключ, которым он и пользовался, устанавливая мебель. А от этого дедка стоит ожидать и копания в личных вещах. Надо будет не забыть потом замки поменять.

Так что форму нафиг, надо её по частям по Берлину развести и выкинуть. Чем я и занимался весь следующий день, совмещая с шопингом. А на одной из толкучек даже умудрился сменить свои сапоги на комплект из вязанных перчаток, шарфа и шапочки.

.....

— В Москву по делу или туризм? — спросил сосед по креслам в самолете, представившийся герром Гансом Андерсеном.

Билет на ближайший рейс в Москву мне удалось взять только в бизнес-класс. 737й Боинг компании «Люфтганза» летал из Берлина в Москву всего один раз в день. Вставать пришлось в несусветную рань, в половину четвёртого ночи, с запасом времени на то, чтобы добраться на такси до аэропорта. Свою машину я загнал на задний двор нашего дома и поставил рядом с «Траби» консьержа.

И хорошо что выехали с запасом. Да и таксист попался опытный, знал объезды всех реконструируемых участков дорог Берлина. Ну и минимальное ночное движение на дорогах. Как бы там не было, а Берлин — город большой. От моего дома и до аэропорта, со всеми объездами и прочими петляниями, накрутил около сорока километров.

— Наверное больше туризм, — ответил я приставучему мужику, только-только собирався добрать пару часиков сна.

— Не очень подходящее время ты, Ойген, выбрал, — тут же стал развивать эту тему

Андерсен. — Хотя, кому как. Но бандитов много, осторожно надо отдыхать. Смутные времена сейчас в России.

— А вы по делу, — пришлось включаться в беседу.

— Да. Я работаю на Пепсико. Оборудование производим. В 88 м году Горбачёв купил у компании двадцать шесть заводов, обменяв их на подводные лодки и крейсер.

— Ничего себе! Правда? На боевые корабли? — моё удивление даже смыло сонливое состояние.

— Нет, не на боевые. На корпуса семнадцати старых подлодок и два корпуса крейсера и фрегата. Несколько заводов мы успели построить, а тут — бах, и СССР нет уже, и Горбачёв никто. Вот и лечу выяснять, что нам дальше делать.

— А, ясно. А вы не подскажите как в Москве к нашему посольству добраться?

— И подскажу, и даже подвезу. Меня должны встречать. Ойген, извини вылетела из головы твоя фамилия.

— Фокс.

— А, Фукс, точно.

— Нет. Не Фукс, а Фокс, — и видя непонимание в глазах немца, пояснил. — Саксонская фамилия.

— О! Так ты «осси»? — нахмурился мужик, явно мысленно коря себя, за то что распинался тут перед немцем второго сорта.

Но спохватившись, всё же извинился.

— Ой. Прости. Но у тебя говор южнобаварский, я и спутал...

— Нет, я «весси», — соврал я, и увидел как сразу просветлел лицом этот бизнесмен. — Просто фамилия такая, выбора не было, — сказал я уже чистую правду.

— Да нет, нет, что ты. Всё нормально. Мы родителей не выбираем, — тут же кинулся исправлять ситуацию мой сосед.

Ну и фиг с ним, с этим нацистом. Лишь бы, и правда, до посольства довёз. Где оно находится я по карте посмотрел, но добираться из Шереметьево-2 на такси или автобусе, прилетев как иностранец, как-то стрёмно...

.....

Герр Андерсен не соврал и довёз меня до германского посольства на Мосфильмовскую улицу. Хотя явно ему было и не по пути, да и посольство находилось на другой стороне Москвы. В самолёте я успел поспать часик, чем наверное вызвал неудовольствие моего соседа, но, тем не менее, обещание своё он выполнил. И на том спасибо.

Зимняя Москва 1992 года мне не понравилась. Плохо очищенные от снега улицы города, стихийные рынки возле станций метро и подземных переходов. Масса попрошак и торговцев, в основном детей, кидающихся к останавливающимся на светофорах автомобилям.

К обеду успел закончить все свои дела в посольстве, где получил массу консультаций по интересующим меня вопросам. И благодаря тому же Андерсену, который по дороге, уже в Москве, рассказал про неплохую посольскую столовую, плотно пообедал, потратив всего пять марок.

Единственный недостаток расположения Германского посольства на данный момент, это было отсутствие близлежащих станций метрополитена. В моё время рядом располагалась станция метро «Ломоносовский проспект», а сейчас пришлось топтать до станции метро «Университет». Мимо основного корпуса МГУ с одной стороны и котлована

строящегося музея университета.

Даже здесь, в центре студенческой жизни страны, не хватало песочка на скользких от льда тротуарах, а обочины были завалены горами грязного снега. Кое-как доскользнув до зелено-жёлтой шайбы здания станции метро, я в очередной раз поразился обилию торгующих и торговых точек. Один из ларьков, с названием «Книги», уже был полностью выгоревшим, и торговлю бумажными носителями осуществляли прямо перед ним с пары разложенных раскладушек.

И народ активно не только продавал, но и покупал. У тех же книг скопилась немаленькая толпа. Подошёл и я, посмотреть что интересного продают. Чего там только не было! Даже я, не удержавшись, прикупил парочку книг ранее мне не известных. Некий Стерлиг Ланье с произведением «Путешествие Иеро» и Майкл Муркок «Повелители мечей Хроника Корума».

Спуститься под землю, на станцию, тоже оказалось проблемой. Всего один турникет переоборудовали на монеты в пятнадцать копеек, а остальные принимали по пять копеек, но для прохода надо было закинуть три монеты. Кассы оказались закрыты, а разменный автомат менял бумажные деньги только на пятнадцать копеек. Из-за чего в вестибюле станции стояла давка, мат и полная неразбериха.

Кое-как пробравшись через этот хаос, плотно прижимая перевешенный на грудь рюкзак для безопасности, я всё-таки добрался до платформ. Одно хорошо — красная линия метро. То есть без пересадок, прямо к станции метро «Комсомольская», к нужному мне Казанскому вокзалу.

.....

Площадь трех вокзалов тоже оказалась заполнена различными торговцами и ларьками. Тут и там толпился народ, пробуя свою удачу у «напёрсточников»*** и продавцов «беспроигрышной» мгновенной лотереи.

Казанский вокзал встретил меня гомоном людей, криками детей, музыкой и объявлениями, а также различными запахами, витавшими в воздухе, и мокрыми, грязными опилками под ногами. Интересно, их сколько раз в день меняют-то?

— Билетов до Ростова нет, — прохрипел динамик кассы, в которой я пытался приобрести билет домой.

Билетов не было ни на один поезд, как на проходящие, так и местного формирования. Я пытался и через простую кассу и через кассу зала ожидания повышенного комфорта. Без разницы, только двадцать рублей зря потратил за вход в него.

Наверное с таким же успехом можно было ехать и в Домодедово, в попытке улететь самолётом.

А не пойти ли мне поговорить с проводниками, помнится, в эту эпоху можно было и договориться. Благо, вон и «Тихий Дон» стоит на втором пути у второй платформы.

Но везде мне отказывали и только одна женщина-проводник посоветовала:

— Молодой человек, а вы в голову поезда сходите. Там два нулевых вагона есть. Кооперативные. У них места вполне могут быть. Но дорого очень у них, — предупредила она меня.

— Спасибо! Спасибо большое, — и я почти бегом рванул в сторону головы поезда, где к составу уже пристраивался красный чехословацкий электровоз.

В голове поезда и, правда, нашлись два вагона ярко-красного цвета с синей полосой, как бы в пику основному составу, где вагоны имели синюю расцветку с красной полосой, под

цвет казачьих шаровар с лампасами.

— Да, есть одно место, — обрадовала меня молодая проводница, за спиной которой настороженно на меня поглядывал двухметровый мордоворот в чёрной форме с надписью «Охрана». — Одноместное купе, стоимостью восемьсот рублей. — огорошила она меня. — Будете брать билет?

Стараясь не подавать вида, что сильно удивлён и озадачен ценой, ответил согласием. Здесь же, перед входом в вагон, и расплатился, получив странный билет, больше напоминавший открытку, и ключ с деревянной грушей на кольце, как в гостиницах, с номером один.

Моё купе, и правда, оказалось первым в вагоне. Из когда-то двухместного мягкого сделали одноместное, выкинув один диванчик и на его место установив шкаф для вещей и тумбу. На тумбе стоял намертво закрепленный малогабаритный цветной телевизор «Сокол», на экране которого жизнерадостный Том гонял не менее жизнерадостного Джерри.

Стол, для того чтобы не мешать пассажиру, также прицепили к тумбе и сделали складывающимся вниз. Прямо купе-люкс. Только умывальника с туалетом не хватает. Даже и не припомню были ли у нас в Питере подобные кооперативные вагоны? Да даже и если были, то просуществовали они недолго. Пока МПС, после хаоса и бардака развала, опять не пришла в чувство и захапала всё под себя.

В стоимость билета, оказывается, входил не просто проезд, а еще и питание, ужин и завтрак, а также отдельно, на выбор, три чая или три кофе. Постельное белье нашлось в тумбе, там же нашлись тапочки, два больших полотенца и уютный полосатый халат. Сначала я думал, что халат наш, из среднеазиатских республик, но на найденном шильдике прочел про Китай.

А самое главное, в двери купе был врезан обычный замок, который я мог запираť на ключ с обеих сторон, что вполне гарантировало безопасность. Еще один плюс кооперативного вагона был в наличии охраны, которая не пускала всяких торговцев, проповедников и сутенеров.

После довольно неплохого ужина, состоявшего из яичницы, парочки сосисок и салата цезарь, меня удивили новостью, что наш поезд опоздает на два с половиной часа. Так как едет через Волгодонск, из-за того, что бастующие шахтёры заблокировали движение на станции Лихая.

.....

В Ростов прибыли в час дня. К этому времени я уже успел выспаться, позавтракать и одолеть почти половину книги о приключениях принца Корума. Глянув в здании главного вокзала на расписание пригородных поездов и сверившись со своими наручными Swatch**** «Tender Too», которые приобрел в Берлине взамен старых ГДРовских часов, я не стал заходить на главный автовокзал, а поспешил на пригородный железнодорожный, где через двадцать минут, если верить расписанию, должна была идти электричка на Азов.

И первыми, кого я встретил, когда влез во второй вагон ЭР-2, были братья Лубенцы.

— Ооо!!! Лис!!! Здорова! — и по очереди, лавируя между мешков и чемоданов, полезли ручкаться и обниматься.

Вместе с ними оказались и их бывшие подруги-немки, а теперь верные жёны. Да к тому же ещё и обе на сносях, месяце на шестом или седьмом точно.

— Ты же в армии. В Германии, — продолжали удивляться близнецы.

— Демобилизовали, по болезни. А вы чего тут с таким количеством вещей, переезжаете

куда-то?

Как оказалось, действительно переезжают. После окончания техникума в армию их не взяли, у обоих выявили плоскостопие, зато родное учебное заведение законопатило их на годовую отработку в хутор Бурхановка, откуда и были родом их девушки, а теперь и жёны.

И всё их устраивало, работа, семейная жизнь, сельские немудрёные развлечения. Но сразу после исчезновения СССР, председатель колхоза закрыл им отработку, заявив, «что всё, мол нет страны и ваши направления недействительны, у меня мол, вон, нечем платить своим работягам, а тут вы ещё, так что всё — свободны».

— Ну и куда нам деваться было? — мрачно спросил у меня Андрюха. И тут же сам и ответил, — Только в город возвращаться. Там работа всегда найдётся. А сидеть на шее у тестя с тещей тоже не дело, у них и так в бараке восемь человек кроме нас жило.

— Съездили к родителям в Азов, — подхватил нить повествования Серёга и согласовали с ними, что они временно на дачу переберутся, а мы в квартире поживём, пока работу не найдём и своё жильё не снимем.

— А как вы в Ростове-то оказались? Что, автобус от вас не ходит что ли?

Оказалось, всё как обычно в нашей стране. Автобус до их населённого пункта не ходил, но на бумаге числился. При Хрущёве было два сельских района, Самарский и Азовский. И вот с Самарского автобус в Бурхановку ходил. А после объединения районов прекратил, хотя в отчётах остался.

И теперь, для того чтобы попасть в районный центр, приходилось добираться или до того же Самарского, откуда ходили автобусы, или электричкой до Батайска, и там ждать электричку на Азов. Всё для людей, одним словом.

— Весело, — согласился я с ними. — Но как вас в Ростов занесло?

— Тесть на тракторе довёз нас до станции Мечётная, там мы сели на электричку из Кущёвки и заснули, — повинулся Андрюха. — И проспали и Каялу, и даже Батайск.

— Что такое Каяла? — не понял я.

— У села Самарского железнодорожная станция называется Каяла, — пояснил Серёга. — Мы тоже, первое время, были в крайнем удивлении от местных двойных названий. Вот представь, хутор Бурхановка, а школа в этом хуторе называется Заполосная средняя школа.

Вот так, за взаимными расспросами и рассказами, мы и не заметили как доехали до Азова. Я помог дотащить им баулы до их дома и почти бегом припустил в сторону своего родного. Не заходя со двора, а прошёл со стороны улицы и обомлел.

Вместо трех наших окон была общая пристройка-лоджия из белого кирпича под цвет дома. Ну, бабуля, ну, тихушница, ни словом, ни полусловом не обмолвилась об этом. А ведь это всё она сделала летом, сразу после моего отъезда. Как только разрешение выбила на подобное с горисполкома?

.....

Двери мне на мой звонок открыла Оля, и при виде меня застыла как изваяние, видимо, не веря своим глазам.

— Так и будешь мужа на пороге держать? — попенял я ей, отчего он наконец отмерла и с радостными воплями кинулась ко мне на шею.

Занес её на себе в квартиру, захлопнул двери и наткнулся на прифигевший взгляд бабули, которая при виде меня начала мелко креститься.

— Вернулся, — выдохнула та. — Слава тебе, Боженька. Или сбежал?

— Чего ты несешь, старая? Демобилизовали меня, по здоровью. Иди сюда, обниму, — раскинул я руки и заключил её в объятия, где она и расплакалась.

На наши радостные вопли и обнимашки со слёзами из моей комнаты на четвереньках вылез Сашка, которого тут же подхватила Оля и сунула мне.

— Привет сына, — сказал я мелкому, который прибывал явно в шоке от того, что родная мать сунула его неизвестно кому.

Я потерял своим носом об его маленький носик, отчего он фыркнул как ежик и заулыбался во все свои восемь резцов.

— Ня, ма, ба, — выдал он мне наверное весь свой словарный запас, то ли обматерив меня, то ли поприветствовав, и потянул ручки к бабуле. Пришлось отдавать сына. Ничего, у нас теперь впереди много времени, ещё наобщаемся.

Пока мыл руки мои женщины успели сервировать кухонный стол и сразу же начали меня кормить, оставив вопросы на потом. Зато сами не умолкали, делясь как мне известными, та и не очень новостями. Заодно, бабуля похвасталась пристройкой. Ну, это её квартира, явно ей некуда было денег девать. Я бы точно такой ужас не одобрил.

А дождавшись моего насыщения, потребовали информации. Рассказал им всё, но в урезанном формате и с умалчиванием многих фактов. Во время рассказа предъявлял появившиеся у меня документы, а заодно, попутно, презентовал им косметические наборы, купленные мной в Берлине. Времени искать что-то индивидуальное не было, поэтому взял два одинаковых набора в фирменном магазине «Schmitt Cosmetics»*****.

— И что нам теперь делать, — первой спросила после моего рассказа Оля. — У вас есть план, мистер Фокс?*****

— У меня есть план, — со смехом ответил я. — Во первых, нам с тобой надо развестись.

Бамс, прилетела мне пощёчина от супруги, вот и пойми этих женщин, сначала сами шутят, а потом бьют не дослушав.

— Ой. Жень. Я не хотела, оно само как-то, — повинилась раскрасневшаяся Ольга.

— Руки убери под стол, а то точно меня прибьешь не дослушав. Ба, твоя знакомая, которая нас расписывала в ЗАГСе, ещё работает?

— А куда ей деваться? — вопросом на вопрос ответила мне бабуля.

— Сможет она зарегистрировать наш развод задним числом? Ну. До отправления меня в армию.

— Ну, за хорошие деньги я думаю она это сделает. Ты лучше поясни зачем тебе это надо?

— Мы с Олей разводимся, она получает штамп в свой паспорт, а затем, через Ростовский ОВИР*****, максимально быстро, подмазывая кого надо, получаем заграничные паспорта на неё и на Сашку. После чего едем в Москву, где в посольстве Германии получаем визу, я там всё узнал, и если тоже подмазать, то в течение недели можно её получить, — я отхлебнул чаю и продолжил. — Затем, летим в Берлин и там расписываемся, а Сашку я усыновляю. Вот, как-то так.

— А меня здесь одну бросите? — возмутилась бабушка.

— Можешь чуть позже к нам переехать. Да и я буду частенько в Россию мотаться по делам.

— А что мы скажем моим родителям? — подала голос Оля, усаживая Сашку себе на колени, который приполз к нам на кухню.

— Ничего не будем говорить. А зачем? Лисины уехали в ФРГ, там стали Фоксами, мало ли как эти немцы перевели фамилию. Ведь всё останется как раньше. Мы с тобой так же муж и жена, а что там в наших документах будет записано их не должно волновать. Получишь вид на жительство, потом и гражданство по натурализации через меня. Ты же немецкий учила с бабулей, как я просил в письмах? — и дождавшись её кивка, одобрил. — Вот, значит тебе легче будет в немецкое общество влиться. Такой шанс нельзя пропускать, милая. Так, всё, вы тут думайте, а я пойду душ приму.

Aral AG* — немецкая нефтяная компания, основанная в 1898 году. Имея около 2400 автозаправочных станций, Aral являлась лидером рынка в Германии. С 2002 года, компания принадлежит британскому конгломерату BP.

Эконометр** — это прибор, который измеряет разрежение впускного коллектора, и тем самым позволяет водителю корректировать манеру и стиль вождения для экономного расхода топлива.

Напёрсточник*** — мошенник, промышляющий азартной игрой, в которой шарик прикрывается маленькими стаканчиками, напоминающими напёрстки.

Swatch (Свотч)**** — марка швейцарских часов, входит в холдинг The Swatch Group Ltd. «Tender Too» — дешёвая серия кварцевых часов.

Schmitt Cosmetics***** (L.A. Schmitt GmbH) — одна из старейших косметических компаний Германии. Основана Людвигом Шмидтом в 1925 году. Располагается в городе Людвигштадт, Верхняя Франкония, Бавария.

У вас есть план, мистер Фокс?***** — Оля немного изменила имя одного из героев романа «Вокруг света за 80 дней» Жюль Верна.

ОВИР***** (Отдел виз и регистрации) — подразделения МВД, существовавшие в СССР и постсоветской России (1991–2005 гг.) и ведавшие как регистрацией иностранцев, прибывших в СССР и Россию, так и оформлением выездных документов для советских и российских граждан.

Дождавшись ухода внезапно свалившегося, как снег на голову, внука в ванную комнату, Антонина Алексеевна Лисина многозначительно подмигнула невестке и подавшись чуть ближе к ней, почти зашептала.

— Я думаю, у него не закрытый перелом, а открытый*, - и видя, что та ничего не понимает, испуганно лупая глазами, объяснила. — Я про то, что не мог он сам организовать вот это всё, гражданство, машину, квартиру.

— Так это же, Женька, — встала на защиту супруга невестка. — Он всё может.

— Так-то да, — согласилась старушка и почему-то покосилась на громадный двухдверный холодильник. — Но не сейчас. С него станется влипнуть в нечто подобное, что он рассказал, и выйти чистым и с прибытком. Но не досрочная демобилизация после простой ангины. Я думаю, его завербовали.

— Кто? Капиталисты? — Оля испуганно прижала ладошку ко рту.

— Нет. Думаю наши. КГБ. Какое отношение имеют капиталисты к нашей армии? Это только наши разведчики такое могли. Так что соглашайся, девонька, на его предложение. Ему явно помощь от нас будет нужна.

— Так он разведчик?

— Тсс. Ты только молчи, что мы догадались. Если бы он мог, то он бы нам точно рассказал.

.....

Вечером мне доверили уложить спать Сашку. Малыш подозрительно пялился на меня через решётку своей детской кровати, но мой протянутый к нему палец всё же обхватил своей ладошкой.

— И как же вас надо спать укладывать, Александр? — спросил я у него, а в ответ получил только презрительное сопение, «мол не царское это дело себе развлечения придумывать».

Покопался в памяти и вспомнил куски из переделанной сказки про Муху-цокотуху еще из своего времени. Ну и начал её декламировать, на ходу додумывая и досочиняя то, что уже исчезло из моей памяти:

Муха, муха-цокотуха,
Позолоченное брюхо,
Муха утром с пляжа шла
Фантик доллара нашла.

У Сашки, явно от удивления даже соска-пустышка из рта выпала, пришлось вставлять обратно.

И, хоть было очень жарко,
Закупила кофеварку.
Приходите все букашки
И жуки и таракашки,
Я вас чаем угощу,
угощу, не помилую.
Прискакали блошки,
Взяв с собой по ложке.

И, конечно же, пчела
Жбанчик мёду принесла.
Жук-усач зачем-то нёс
Коробок от папирос.

Где-то рядом с дверьми раздалась глухая смешки. Видимо, нас контролировали, явно что бы я, не дай Бог, мелкому главную военную тайну не рассказал.

Пик веселья нарастал,
Кто-то пел, а кто плясал,
Кто-то бабочке на ушко
Декламировал частушки.
Вдруг соседский паучок-старичок
Нашу муху в уголок поволок.
Муха стала отбиваться,
Да откуда ж силам взяться...**

А дальше я, хоть тресни, ничего не помнил. Но Сашка уже спал, разжав свой кулачок и выпустив на свободу мой палец.

— Да ты — поэт, — зашептала Оля, которая и подслушивала за дверью.

— Ну, а то! — я гордо выпятив грудь, приблизился вплотную к жене и, обняв её, поцеловал, и подхватив на руки, пискнувшую от неожиданности супругу, понёс её в зал к раздвинутому, и застеленному дивану.

.....

— Проблемы у меня внучек, — завела со мной разговор бабушка после довольно позднего завтрака.

— Должна что ли кому? Или бандиты наезжают? — высказал я свои предположения, на которые она грустно улыбнулась и кинула взгляд в разные стороны, как будто мы находились на оживленной улице, а не дома.

— Наоборот, — почти шёпотом ответила она. — У меня скопилось уже больше миллиона рублей. И что с ними делать, я не знаю...

— Ого. Так ты теперь миллионерша? Поздравляю.

— Женька, что ты как маленький, — возмутилась она. — Что мне со всеми этими деньгами делать-то? Может, вы их с собой в Германию заберёте и там вложите куда-нибудь.

— Поменяй их на доллары. Почём они сейчас? В Москве я видел, что меняют за пятьдесят.

— А у нас шестьдесят. Я уже думала про это. Но как такую массу денег поменять и не привлечь внимания-то?

Шестнадцать или семнадцать тысяч долларов? Да вроде немного. Или для такого маленького городка, как Азов, это просто гигантская сумма в начале девяностых. Я вспомнил состояние бабушки, когда мы нашли пятьдесят тысяч рублей в московском кресле. Она тогда в ступор впала. А сейчас, ничего, держится.

— Я хотела, но как мне сказали знакомые, очень много фальшивок, — тем временем продолжала делиться своей проблемой бабуля.

— Так надо попробовать через наших телевизионщиков. Сегодня их увижу и осторожно поинтересуюсь у них. А ты, потом, весь свой чистых доход прямо на рынке меняй на доллары. Они нам очень пригодятся в будущем.

— Жень. А что делать с твоими домом после вашего отъезда? Может, сдать кому?

— Точно. Сдай. Вернее, сдадим. Я даже знаю кому, — и я рассказал ей про встречу в электричке с братьями Лубенцами, и их приключения. — Заодно, можешь их и на работу взять, если тебе работники нужны. Ну, или охраной поработают у тебя.

— Мы готовы, — в зал вошла Оля, таща на руках Сашку, одетого в тысячу разных тёплых одежек, из-за чего наружу были видны только глаза и носик.

И мы пошли гулять до гаража, а затем поехали в военкомат, восстанавливать мои документы. А заодно завезли бабулю в ЗАГС, а чего время тянуть, пусть начинает договариваться.

Всё закрутилось и завертелось. Я получил свой советский паспорт, которому теперь было суждено остаться в России. Бабуля за небольшие, для неё, деньги оформила наш развод. Мой бывший сосед, начальник паспортного стола, оказывается, перебрался в Ростов и очень нам помог, не бесплатно, естественно, в получении заграничных паспортов.

Я, как мог, старался ускорить этот процесс, пока вновь образованная Россия не начала принимать законы, регулирующие миграцию населения и не подписала об этом двухсторонние договоры с Германией.

Живя и работая в своей прошлой жизни в Швейцарии, мне хорошо запомнился рассказ нашей клиентки. Женщина из Воронежа делилась воспоминаниями как она выходила замуж за немца. И какие кипы документов с неё требовали даже в Германии. И как они переоформляли визу, так как оказалось, что по Шенгенской туристической, брак заключать нельзя.

У меня же был люфт в первые полгода существования России, когда все эти процессы ещё регулировались по законам и стандартам канувшего в Лету СССР. Здесь, внутри страны, заключить брак с иностранцем было проблемой, зато там, за границей, это представляло довольно простую операцию. Ну, относительно простую. И относительно дешёвую.

То же самое касалось и вывоза Сашки. Через год пришлось бы собирать кучу документов на вывоз несовершеннолетнего за границу. А сейчас всё прошло как по маслу. За одним исключением. Россию мы покидали на поезде, не рискнули везти мелкого на самолёте.

.....

И вот, в субботу 14 марта 1992 года мы с Ольгой расписались повторно. На этот раз не было не то что родственников, не было даже свидетелей. Их обязанности выполняли сотрудник и сотрудница ратуши района Кёпеник. Все было тихо и спокойно за исключением шторма за окнами ратуши, где сильный ветер носил по улицам Берлина попеременно то дождь, то снег.

— Чудесная погода для свадьбы, — огорошила нас таким оригинальным сообщением сотрудница ратуши.

И я вспомнил, что в Германии существует поверье, что если на день свадьбы случается снег, дождь, а тем более шторм или ураган, то это очень хороший знак. Значит, семейная жизнь будет бурной, весёлой и живой. Как раз по мне. Ну, поживём, увидим.

.....

Ольге очень приглянулась наша квартирка, и она стала вить там гнёздышко. Мне же пришлось начать зарабатывать деньги. Оставшиеся на моём счету деньги нужны были и на жизнь, и на начало проекта, который я обговорил с братьями Лубенцами ещё в Азове. Предложение снять мой дом на две их семьи они с радостью приняли. А вот устраиваться на рынок, под руку моей бабули, не захотели.

Тогда-то и пришла мне идея заняться перегонном тачек из Германии в Россию. Я приобретаю автомобиль в ФРГ, а затем гоню его к польско-белорусской границе, где эстафету перенимают братики-акробатики.

Но для начала пришлось заниматься реализацией вывезенных мной еще в прошлом году бриллиантов. А то сейчас хлынет вал камней из республик бывшего СССР, и цены скатятся просто на дно.

Продавал малыми частями в различных антикварных и ювелирных магазинах. Камни оказались довольно мутными и с неудобной гравировкой, брали их с приличной уценкой отличающейся от реальной стоимости. Но даже так мне удалось выручить за них сто десять тысяч долларов и сто восемьдесят тысяч марок. Мне хотелось, конечно, всю сумму в долларах, но не все продавцы могли ими расплатиться. Как я помнил, марка довольно ощутимо просядет перед долларом ближе к середине девяностых.

Чтобы на меня не косились в западной Германии и в странах Бенилюкса*** мне пришлось приобрести новый автомобиль. Совершенно случайно познакомился с одним американцем, подвёз его. Он-то и предложил купить у него автомобиль. Американский гарнизон бывшего Западного Берлина, распускали, отправляя кого на новые базы, а кого и домой в штаты. Мой знакомец оказался мастер-сержантом, и всего год назад привез из Штатов новенький пятидверный «Chevrolet Blazer». Сторговались довольно быстро, и я за шесть тысяч марок стал обладателем американского внедорожника. Огорчали только две вещи, мне опять достался автомобиль с механической коробкой передач и быстро заканчивающиеся деньги.

А попытавшись продать свой «Трабант», понял как меня поимела администрация Зюдвеста. Этот ГДРовский автомобиль не стоил практически ничего. Сотни и тысячи объявлений о продаже подобных моделей в газетах, по цене от двухсот марок и ниже, поставили меня перед фактом, что я конкретно лоханулся, купив эту пластиковую мыльницу с наскока и без проверки рынка автомобилей.

Пришлось презентовать его Ольге. Тем более я заметил у неё признаки апатии и раздражения. Оно и неудивительно, сидеть в четырёх стенах, да гулять по ближайшим кварталам с сыном ей быстро наскучило. Она никого здесь не знала, почти ни с кем ни общалась. Да ещё и я постоянно в разъездах. Вот и пришлось придумывать ей занятие.

— Ну и зачем он мне нужен? — удивилась супруга.

— Вспомни. Кем ты хотела стать после окончания школы?

— Ты специально? Решил надо мной поиздеваться? Сам-то не лучше, никакого образования, кроме школы! — огрызнулась она в ответ, а в уголках глаз блеснули слёзы.

— Ты меня не так поняла, — подошёл вплотную, обнял и поцеловал в ушко. — Я тебе предлагаю поступить в «Свободный университет Берлина». — И я вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт с рекламными проспектами медицинского факультета этого учебного заведения.

— Правда? — в её глазах моментально исчезли слёзы, она поцеловала меня в губы и выхватив из рук конверт, принялась изучать содержимое.

— Естественно правда, но тебе придётся учиться на коммерческом отделении. Потом, как получишь вид на жительство, сможешь перевестись на бюджетный.

— Коммерческий? Это как? За деньги что ли? — обеспокоилась супруга. — А у нас хватит на оплату?

Блин. Я и забыл, что она из страны победившего социализма, где никаких

коммерческих факультетов, а тем более частных высших учебных заведений не существовало. По крайней мере, в радиусе её внимания.

— Конечно, хватит. Давай завтра съездим и узнаем условия. Ты как? Согласна? —
ответом мне стали жаркие объятия и поцелуи.

.....

После реализации драгоценных камней я вплотную занялся знакомством с автомобильным рынком. объездил все авторынки Берлина и Бранденбурга, штудировал газетные приложения с объявлениями и всё никак не решался что-либо купить. Хотя братья-одноклассники уже всюду били копытами и названивали к нам домой почти каждый день. Переговорами с ними занималась Ольга, я не хотел светить знание русского языка.

Совершенно случайно наткнулся на объявление о распродаже автомобилей народной полиции ГДР и понимая, что могу наступить на грабли повторно, всё же поехал в восточное управление полиции Берлина. И, как оказалось, не напрасно.

Реорганизованная полиция Восточного Берлина стала переходить на штаты и нормы бундесполиции, а также получать новую технику. Вместо советских и немецких автомобилей они получили «Volkswagen Passat», а старую технику выставили на продажу. По две тысячи марок за единицу. И если «Трабанты» и «Вартбурги» меня совершенно не заинтересовали, то наши «восьмёрки» и «Нивы» даже очень.

Проблема была в том, что полицейское управление частным лицам не продавало, а только организациям. Пришлось в срочном порядке регистрировать общество с ограниченной ответственностью (GmbH), искать и приобретать в собственность территорию с гаражами или ангаром и нанимать персонал. И постоянно дрожать от страха, что сейчас придёт «ВАК»**** и спросит о законности и источнике наличных денег. Но, видимо, бардак объединения продолжался и мне всё это сошло с рук.

Всего, я успел выкупить шесть автомобилей ВАЗ-2121 «Нива» и тридцать семь ВАЗ-2108 «Спутник». Нивы были от пяти лет и младше, а почти все восьмёрки ГДР закупила в 88–89 годах. И два десятка «Жигулей», десять пятёрок и десять шестёрок. От «Волг» и «Москвичей» я отказался. Вместе с автомобилями мне абсолютно бесплатно достались почти двойной комплект автозапчастей к ним и сменная резина.

На всех автомобилях были демонтированы рации, но сирены и маячки на крыше остались и были полностью работоспособны. И это оказалось одним из факторов безопасного перегона. Стоило только включить проблесковые маячки, как намечающаяся угроза тут же рассасывалась. Поляки не особо рвались связываться с колонной автомобилей, два из которых явно были полицейскими. Точно также спецсигналы не раз пригодились братьям при перегоне автомобилей по Белоруссии и России. Впрочем, как и форсированные двигатели.

В среднем, каждая восьмёрка, а их мы гнали первыми приносила в 92 году по восемь тысяч долларов. Часть из которых оседала у Лубенцов, а остальная сумма зачислялась банковским переводом на мой счёт в Московском отделении Дойче-банка. Заодно отмывались и бабулины доллары которые прибавляли к сумме дохода от перепродажи автомобилей. Всё это, конечно, облагалось налогом, но и создавало подушку безопасности к дальнейшим моим финансовым операциям.

.....

В середине лета к нам приехала бабушка, и жизнь у нас стала проще, так как Сашка теперь был полностью на её попечении. Выездные туристические визы выдавали в России

еще по нормам СССР, довольно короткие. И поэтому пришлось оформлять ей трудовое приглашение, рабочую визу, и заключать с ней договор на работу няней-домохозяйкой. Сколько возмущений по этому поводу с её стороны было — просто не передать.

Оля вполне успешно сдала языковой экзамен и прошла вступительные тесты на медико-биологический курс медицинского отделения «Свободного Берлинского университета». На всякий случай, я заплатил сразу за три курса обучения. А то мало ли как у нас дальше будет с финансами, или тот же университет цены поднимет.

И потекла у нас вполне стабильная и размеренная жизнь. Я занимался бизнесом, мотаясь по всей бывшей ГДР, и почти за бесценок выкупал советские автомобили, как у организаций, так и у частных лиц. Оля грызла гранит науки, совершенствовала свой немецкий, а бабуля тетешкалась с правнуком, попутно изучая новый для неё город.

Но долго без приключений эта старая перечница жить не смогла. На 9 мая 1993 года, где-то прикупив баллончики с краской, написала на стене Рейхстага — «Здесь была Донская Казачка Лисина Антонина Алексеевна». Естественно, она тут же была задержана полицией и даже умудрилась попасть в вечерний выпуск новостей пятого канала.

В итоге, её депортировали из страны, запретив въезд на пять лет. А мне пришлось заплатить за неё штраф в полторы тысячи марок. И заодно самолично отвезти её с Сашкой в Россию, так как она взяла с меня слово, что на лето я буду привозить ей сына.

— Остальные, если у вас будут, пусть немцами и остаются, а из Сашки я сделаю настоящего казака.

— Петь будешь учить? Или рисовать? — подколот я её, на что она только отмахнулась.

.....

В конце августа, мы затеяли переезд. Наша квартира была всем хороша, но находилась далеко от места учёбы Ольги и моей фирмы. Так уж получилось, что купленная мной территория с ангаром и боксами находилась на юге района Панков*****, а супруга училась совсем недалеко в этом же районе. Поэтому и жильё тоже подыскивали поближе. После перебора всех вариантов, споров и ругани, приобрели коттедж в Карове*****. Старую квартиру не продавали, а решили сдавать в аренду.

Недалеко от нашего нового места жительства нашли и неплохой частный детский сад-ясли, куда и определили недовольного Александра.

Так, за хлопотами, учёбой и работой пролетел 1993 год и наступил 94й, одна из важных вех в моих планах. И уже в январе самолёт компании Люфтганза уносил меня в Москву, вперёд и вверх — как поётся в песне.*****

Я думаю, у него не закрытый перелом, а открытый* — немного измененная фраза из фильма «Бриллиантовая рука».

Муха-цокотуха** — переделка знаменитой сказки Чуковского, Вадимом Светашовым.

Бенилюкс*** — политический, экономический и таможенный союз в Западной Европе, включающий в себя три монархии: Бельгию, Нидерланды и Люксембург.

«ВАК»**** (Bundesaufsichtsamt für das Kreditwesen) — национальный банковский и финансовый надзор. В 2003 году на его основе создано федеральное управление финансового надзора Германии (BaFin).

Панков***** (Pankow), Каров (Karow) — районы Берлина. С 2001 года район Каров включен в состав округа Панков.

Вперёд и вверх***** — слова из песни Владимира Высоцкого «Это наши горы».

— КГБ СССР, прошу следовать за нами, — было первое, что я услышал на довольном корявом немецком, пройдя таможенный досмотр в Шереметьево-2.

Перед лицом махнули красной корочкой не раскрывая её, и два мутных типа, одетые в длинные черные плащи, и меховые шапки с почему-то генеральскими кокардами, попытались меня подхватить с двух сторон под руки.

«Ряженые или бандиты» мелькнуло сразу у меня в голове. Хотя, скорее, и то, и другое сразу. Какой, нафиг, КГБ? Уже почти год как ФСК*. Вон, у таможенного терминала оттирается парочка с шевронами «федеральной службы контрразведки». Я резко затормозил и развернувшись, попытался рвануть назад, в зону таможенного контроля, но меня прихватили за рюкзак и капюшон моей куртки.

Мне не оставалось ничего, кроме как всюю заорать на весь терминал: *Polizei! Hilfe! ZurHilfe! Polizei!* (Полиция! На помощь!). И со всей дури заехать одному из напавших локтем в бок, а другого, ловко поставив тому подножку, повалить на пол и рухнуть сверху.

К моему счастью, нашим рейсом летела съёмочная группа «Немецкой волны»** и какой-то помощник одного из атташе германского посольства. Немцы не оставили в беде «своего» и быстренько, почти все кто успел пройти таможню, прискакали ко мне на помощь, даже опередив бравую местную милицию, которая, скорее всего, была в доле с этими двумя мошенниками.

Телевизионщики почти моментально начали съёмку, а чиновник из посольства взялся вести переговоры с наконец подоспевшей милицией и контрразведчиками. Которые закончились задержанием этих двух ряженных под одобрительные выкрики из толпы туристов. Мне пришлось несколько раз пересказывать что произошло, сначала посольскому, затем представителю контрразведки, а затем и журналистам.

.....

— Что это было, — поинтересовался Серёга Лубенец, который с плакатиком «*herr Eugen Fox*» встречал меня в аэропорту.

О встрече и сопровождении меня в Москве с братьями Лубенцами договаривалась Ольга, она же и продиктовала текст надписи на плакат. А то от этих товарищей вполне можно было ожидать и транспарант типа «*Женька! Добро пожаловать на Родину!*»

— Потом, — буркнул я. — Пойдёмте скорее.

Встречать меня они приехали на одном их четырёх переданным им для реализации полицейских «Вартбургов» последнего выпуска с движком от «Фольксвагена Поло». Как я знал от супруги, все четыре бывших полицейских иномарки после перекраски и снятия спецсигналов выкупила семейка Лубенцов. Две забрали себе, одну презентовали отцу и ещё одну старшему брату.

— Долго вы что-то, — своеобразно поприветствовал меня Андрюха, оставленный братом на стоянке.

Но он тут же спохватился и полез обниматься, попутно рассказывая о своём:

— Да я тут тоже чуть приключений на ровном месте не отхватил. Какие-то борзые наехали и стали требовать продать им машину за тысячу рублей. Хорошо, их подъехавшие менты спугнули, даже не знаю чтобы я делал, — поделился своими ужасиками он. — А у тебя, Лис, что там приключилось?

— КГБ пытался арестовать, — усмехнулся я.

— Гонишь! Он гонит? — обратился Андрюха к брату.

— А фиг его знает, — пожал тот плечами. — Сцепился с двумя мужиками, а потом толпа набежала. Тех, двоих, менты приняли, а Лис — вот он.

— Да бандиты какие-то, наверное хотели иностранца подрезать и представились давно уже не существующей конторой. Пришлось повоевать.

Так, за шутками и прибаутками мы и доехали до Москвы. Оля, слила братьям номер телефона той тётки, у которой мы с бабулей покупали кресла с деньгами, и те, за небольшую в общем сумму, сняли её дом в посёлке Сокол. На год. Хорошо что она так и оставалась владелицей дома, а то бы пришлось искать варианты, особенно куда машину поставить. И станция метро рядом и до аэропорта близко. А что тут ехать-то по Ленинградскому шоссе от Шереметьево до места назначения? Всего двадцать километров. Бывшая полицейская машина проглотила это расстояние за двадцать минут. Если бы не светофоры и плохочищенное полотно дороги, то и быстрее долетели бы.

.....

— Значит так, парни. Есть неплохой вариант приподнять не хило денег. Вы как? Вам деньги нужны?

— Спрашиваешь, — усмехнулся Андрюха Лубенец. — Что делать-то надо? Надеюсь, не криминал какой?

— Нет, с нашей стороны нет. Ладно, не об этом сейчас. Первого февраля акционерное общество «МММ»*** начнет продажу акций. Примерно до седьмого февраля каждая акция будет стоить тысячу рублей.

— А почему до седьмого? Откуда такая точность? — недоверчиво пробурчал Серёга.

— Можешь не верить. Я тогда сам в этом поучаствую и заработаю, а вам заплачу за охрану и транспорт. Уж я-то вас никогда не обманывал и старался вам во всём помогать.

— Жень, не слушай дурака, — подал голос Андрей. — Мы с тобой, по крайней мере я. А этот пусть поступает как хочет.

— Двое на одного? Так не честно. И я, это, просто засомневался. Лис, ты не сердись на меня. Брат правду сказал, дурак я, есть у меня такое. Извини что перебил, ёпта, я, ну, я с вами парни.

— Ну, ладно, проехали, — согласился я с братьями. — Эта контора находится на Варшавском шоссе. Мы должны будем туда съездить и всё проверить, а как только начнутся продажи, купить акций на максимальную сумму которую вы сможете собрать.

— Мы? — не понял Андрей. — А ты?

— Я буду действовать через «Дойче-банк», через тот счёт, на который вы переводили мою часть дохода от нашего совместного предприятия. Есть у них там отдел по работе с ценными бумагами. А вы, отдельно, за наличку акций возьмёте.

— А давай мы тебе деньги отдадим, и ты тоже через банк сделаешь. Или мы там счёт откроем, — внес предложение Сергей.

— Не получится, — и видя недоверие и скепсис во взглядах парней — пояснил: — Этот банк пока не работает с вкладами в России, только сопровождает деловые счета иностранцев и совместных предприятий. А если вы переведёте свои деньги на мой счёт, то потеряете прилично. Банк возьмёт свои проценты за предоставление брокерской услуги, за конвертацию из одной валюты в другую и обратно. Плюс, с меня за доход возьмёт пятнадцать процентов и Германия. А потом уже и с вас, при переводе денег вам на счёт, с

вас сдерёт еще и родное государство.

— Охренеть, — ошеломлённо и недоверчиво почти прошептал Андрей. — А твоя выгода тогда в чём?

— А я отмываю все деньги, которые лежат сейчас на счету и которые лягут туда после получения предполагаемого дохода, и смогу свободно пустить их в проекты на территории Германии.

— А стоит ли шкурка выделки? Получим ли мы хоть что-то? — опять засомневался Сергей.

— Я уже говорил вам, что участвую в этом обязательно, а вы сами думайте. И если согласны, то когда поедете в Азов за деньгами, попробуйте уговорить поучаствовать в этом Померанцева и Петрухину, всё ж мы одна банда школьная. А Кушнир из Донецка не вернулся?

— Петрухина уже Померанцева, — проинформировал меня Сергей. — И Витька вернулся, у нас перегонщиком работает.

— Во, поговорите с ними. Пусть хоть на квартиру себе заработают.

— Но откуда у тебя столько уверенности, что эти акции принесут хорошую прибыль, если не секрет, конечно? — Серёгу всё не покидало подозрение.

— Инсайдерская информация, — и видя, что меня не поняли, пояснил: — Информация сверху. Но я вам ничего не говорил, и вы, кроме наших одноклассников, никому не говорите. И самое главное! Вы должны продать свои акции, когда они поднимутся в цене до ста тысяч рублей за штуку.

— Ого!

— Ничего себе!

— Акции потом продолжают свой рост и могут дойти и до ста двадцати, а может и даже до ста тридцати тысяч. Но продадите вы их именно по сто тысяч и проконтролируете одноклассников, чтобы они тоже вовремя от бумаг избавились.

— Лис! Но почему? Можно же по сто тридцать продать, это же больше чем по сто! — возмутился Серёга, который до этого сомневался нужно ли ему в этом вообще участвовать.

— Серый, в ста тысячах я уверен полностью. А вот выше, это уже неизвестно. Будет-не будет... Это контора — просто мошенники, мыльный пузырь, они ничего не производят, никуда деньги вкладывать не собираются. Их время — максимум полгода. А потом всё, они закроются и денежки утянут с собой. Главное, нам успеть получить хотя бы эти сто тысяч с бумаги. А будете жадничать — вообще ни с чем останетесь. *Verstehen sie?*

— Яволь, херр Фокс, — ответил мне самый адекватный из близнецов, Андрей.

.....

На самом деле я очень боялся, что последствия вроде бы невинного толкания в московском метро, в результате которого погиб генерал Дудаев, могут привести к необратимым изменениям и в деятельности «МММ». В этом мире, из-за отсутствия генерала Чечено-Ингушскую АССР возглавил Руслан Хасбулатов, оставив свой пост председателя Верховного Совета РСФСР. На его место был избран некто Николай Рябов. В моей памяти из моего мира, единственный Рябов-политик, про которого я слышал, был посол России в Молдове. Он ли это или кто-то другой, я не знал.

Из-за этого кризиса власти в сентябре 1993 года, как такового, не случилось. Всё решилось мирным путём, без стрельбы из танков и штурма здания Верховного Совета.

Но зато случился политический кризис в Чечено-Ингушетии. Председатель Вайнахской

народной партии, писатель Зелимхан Яндарбиев объявил о создании независимой Чечни и попытался при помощи своих боевых групп взять Грозный и сместить с поста президента Чечено-Ингушской республики Руслана Хасбулатова. Но с наскоку у него это не получилось. И созданная национальная гвардия «ЧИР», возглавляемая полковником Масхадовым при поддержке частей СКВО**** смогли выбить отряды Яндарбиева за реку Аргун, по которой и проходила теперь то ли граница, то ли линия фронта между двумя Чечнями.

Поэтому я и приехал заранее, чтобы разведать ситуацию, а также составить план на случай каких-либо изменений в ходе известной мне истории. Казалось бы, ну не стало Дудаева, вроде мелочь, ан нет, часть своих знаний по истории можно смело выкидывать на свалку.

.....

Как бы там ни было, но первого февраля «МММ» начало торговлю своими ценными бумагами, и уже через день я стал обладателем ста восьмидесяти тысяч акций. Могло получиться и больше, если бы можно было купить их за доллары, а так пришлось покупать рубли, теряя на комиссии и постоянно меняющемся курсе.

Купил и улетел назад в Берлин. При отлёте меня поразило количество сотрудников контрразведки в Шереметьево-2. Даже не сдержал любопытства и поинтересовался у одного из сотрудников аэропорта — что происходит?

— Ельцин указ издал о передаче всех международных терминалов в стране контрразведчикам, для борьбы с бандитизмом, — охотно пояснил мне мужичок, который грузил багаж. — Они уже даже свою службу такси создали и автобусный маршрут.

А ведь мне звонила Ольга через неделю после моего прилёта в Москву и рассказала, что меня показывали в телевизоре и рассказывали какой бандитизм процветает в России. Но я не придавал особого значения её сообщению, а тут вон оно как. Похоже я потоптался и раздавил очередную бабочку. Или не раздавил. Вот хоть убейте, не помню, издавал ли такой указ Ельцин или нет.

.....

Вернулся в Россию я уже летом, в середине июня. Вместе с супругой и сыном. Оля посчитала, что отдавать Сашку на летнее воспитание бабуле пока что еще рановато. Три с половиной годика, не тот возраст чтобы по бабкам и дедам шляться между стран. Поэтому она и поехала, чтобы проконтролировать, что там за условия, да и предков навестить, а то соскучилась.

А я остался в Москве. Контролировать ситуацию. К моему удивлению, Серёга Лубенец выкупил дом в поселке Сокол. Или он мне так и не поверил, и не вложил в акции «МММ» купив этот коттедж. Или где-то раздобыл денег сразу на два проекта. Но забивать себе голову этими странностями я не стал, это их жизнь, пусть поступают как хотят.

Для контроля за текущей ситуацией пришлось прикупить мобильный телефон. Хендик***** у меня был и в Германии, но в своё зимнее посещение Москвы я убедился, что мой «Bosch Handy C9» бесполезен, сеть он так и не поймал. Наверное можно был заключить контракт на обслуживание с местной компанией, но мне тогда было некогда.

Прилетев в Москву летом, я оставил свой мобильник дома в Берлине, и мне пришлось покупать новый. И вот тут-то я осознал всю простоту и прелесть покупки номера и телефона от государственной немецкой Бундеспочты (Deutsche Bundespost). Никаких тебе залогов и дополнительных платежей за подключение к сети как в местной компании «Московская Сотовая Связь» (МСС).

Сам телефон, «Нокия 1011», я купил за полторы тысячи долларов. Примерно за эти же деньги мне в Берлине достался комплект из двух Бошевских хендиков. А дальше, при приобретении номера пошли какие-то нереальные суммы: подключение к сети — пятьсот долларов, ежемесячная абонентская плата — триста долларов, подключение городского номера — тысяча долларов, аванс за возможные международные звонки — триста долларов и наконец, как вишенка на торте, залог — полторы тысячи долларов. Что это за залог я так и не понял, а менеджер сотового оператора нёс какую-то откровенную чушь про международные стандарты. В итоге, сотовая связь в Москве, обошлась мне в более чем пять тысяч долларов.

Долгожданной цены в сто тысяч, акции перевалили отметку двадцатого июля, и я тут же отдал распоряжение своему брокеру продавать их. Дежуривший вместе со мной в Москве Сергей сразу отзвонился брату с известием, «что Женька всё продал».

Сброс мною большого количества акций и, неожиданно совпавшее, распоряжение налоговой полиции о штрафе «МММ» на сумму в сорок девять миллиардов рублей, обвалили курс до восьмидесяти тысяч. Но утром двадцать седьмого июля курс приподнялся до ста восьми тысяч за акцию, продержался так целый день и к вечеру обвалился сразу до сорока тысяч. И еще через два дня пузырь лопнул окончательно, Мавроди объявил о снижении цен на акции до номинала, то есть до тысячи рублей. Выкупные цены были установлены на уровне 950 рублей. Но на биржах акции «МММ» до первого августа продолжали котироваться по цене в восемь тысяч рублей из-за того что многие крупные вкладчики ещё рассчитывали на чудо.

Продав свои акции по сто тысяч рублей и конвертируя их в доллары по курсу две тысячи сто рублей за один бакс, я получил прибыль в восемь с половиной миллионов долларов.

От которых тут же откусил десять процентов банк за брокерские услуги, и девятнадцать процентов федеральное правительство при переводе в Германию. Как ни обидно, но минус два миллиона долларов. Это еще хорошо что только девятнадцать процентов, а не двадцать пять, как стало с 2003 года, и отдельная радость в отсутствии налога на солидарность***** и церковного налога*****.

С налогом на солидарность я, что удивительно, попал в люфт его отсутствия. Он существовал год с девяносто первого по девяносто второй. И снова его должны будут ввести где-то в девяносто пятом или шестом. А от церковного налога я отказался, регистрируясь в паспортном столе по месту жительства. Как впрочем, от него отказалась и основная часть населения бывшей ГДР. Оле проще, она зарегистрировалась как православная. Вообще-то существование церковного налога противоречит конституции страны и земель, так как церковь отдаленна от государства. Но, по-моему, всем на это в ФРГ наплевать.

.....

Сколько поимели прибыли братья, я у них не интересовался. Дождался возвращения из Азова супруги с сыном, и ближайшим рейсом мы все улетели в Берлин.

— Баба Тоня тобой очень недовольна, — делилась со мной новостями во время перелёта Ольга.

— И чего ей опять не так?

— Да она в «МММ» вложилась и прогорела.

— Опаньки. А я здесь причем? — удивился я. — Я ведь её предупреждал и по ценам, и по рискам.

— Да кто её знает, я тоже ей передавала твои слова, но она тянула до последнего, ну и

дотянула.

— Ага. А главным виноватым назначила меня?

— Ну, не себя же винить? Так! Александр, прекращаем баловаться, — Оля отобрала у сына бутылочку с соком в которую пацан начал через трубочку вдвухать воздух, что создавало веселое и звонкое бульканье. — Нельзя себя так в самолёте вести, а то выгонят, — пригрозила она ему, а мальчишка испуганно замер, пытаясь сообразить куда его выгонят на такой высоте.

ФСК* (Федеральная служба контрразведки) — федеральный орган исполнительной власти России, осуществлявший руководство контрразведывательной деятельностью в 1993–1995 годах. Преемница Министерства безопасности РФ. В апреле 1995 года реорганизована в «ФСБ».

«Немецкая волна»** (Deutsche Welle, сокр. DW) — телевизионная компания. Является немецкой общественной, государственной международной вещательной компанией, финансируемой из федерального налогового бюджета Германии.

МММ*** — акционерное общество открытого типа. Крупнейшая в истории России финансовая пирамида. По разным оценкам, в её деятельности участвовало до 15 млн вкладчиков. Названием компании стала аббревиатура начальных букв фамилий её основателей: Сергей Мавроди, Вячеслав Мавроди и Ольга Мельникова.

Северо-Кавказский военный округ (СКВО)**** — общевойсковое оперативно-стратегическое территориальное объединение Вооружённых сил Российской Федерации (в 1992–2010 годах).

Nandy***** (нем. Мобильный телефон) — самоназвание мобильных телефонов в Германии. Спор почему так получилось и какой из продуктов на рынке сотовой связи привел к закреплению слова «удобный» за всеми мобильными аппаратами связи, идёт до сих пор. Чаша весов в этом споре колеблется от компании «Loewe» с их аппаратом «NandyTel», до компании Бош с серией аппаратов «BoschNandy».

Налог солидарности***** — был введен после воссоединения Германии для финансирования проектов восстановления новых федеральных земель (территории бывшей ГДР). С 1998 года его размер составлял 5,5 % от суммы подлежащего уплате подоходного налога (для физлиц) и налога на прибыль (для юрлиц).

Церковный налог***** (Kirchensteuer) — В Германии церковный налог взимается одновременно со взиманием подоходного налога. Администрированием процесса занимается Финансовая служба (Finanzamt) соответствующей федеральной земли. Принадлежность (или отсутствие таковой) к той или иной религиозной общине добровольно регистрируется в паспортном столе по месту жительства. Размер налога составляет около 2–9 % от налогооблагаемого дохода гражданина.

Панорамное окно было шикарным, в обычный солнечный день возле него можно было провести много времени любуясь альпийской долиной Рейна. Сейчас же в нём были только облака. Два слоя облаков:

Нижний, где-то метров на триста ниже домика, и именно он закрывали долину Княжества с его столицей, Рейн и швейцарский берег плотной серой пеленой.

И верхний, белый, мощный, сквозь который никак не могло пробиться низкое январское солнце.

В промежуток между этими слоями и попал дом Алекса, несколько соседских шале ниже, и если хорошо присмотреться, а еще лучше воспользоваться биноклем, то и какие-то домики на швейцарской стороне.

За спиной железно громыхнуло, и детский голос тихо прошипел ругательство на великом и могучем. Моё младшее альтер-эго воевало с монструозной чугунной печкой. Я обернулся и посмотрел на мальчишку, который снимал железный чайник с плиты.

— Вот, кипяток, — он плюхнул на буковую подставку закопчённый чайник. — Чайные пакетики и сахар ты знаешь где.

— Алекс, ты не закрыл конфорку! — я пальцем указал ему за спину.

Пацан оглянулся, ойкнул и, неловко развернувшись зацепился за порожек, разделяющий гостиную с кухонной зоной, но удержался на ногах и, добравшись до печки, кочергой придвинул плиту, закрывая отверстие, из которого уже начали весело вылетать искры.

Я тем временем достал пакетик красного кенийского чая «Ронненфельд», положил его в кружку и залил кипятком. Вернувшийся за стол мальчик зеркально повторил мои действия, только добавив сахар. Аж целых три ложки. Я поморщившись, проворчал:

— Не слипнется в одном месте?

— Неа, — помотал головой пацан, блеснув золотым ромбиком в левом ухе. — Я растущий организм, мне можно.

15 августа, на праздник Национального дня в княжестве, князь Ханс Адам в торжественной форме, перед большим количеством своих подданных, с праздничной трибуны даровал этому «самозванцу» личный Герб. Пустой ромбический щит с сплошным жёлтым полем. Видимо, всё же посчитал награду медалью не слишком достаточной.

Ну, и этот «самозванец», под влиянием своего дружка графа Марка и моего младшенького, проколол себе ухо и вставил золотой ромбик. И вообще, я постоянно ловлю себя на мысли, что эта часть меня какая-то не такая. Другая. Ведь он с самого начала прикупил и напульсник и фенечек навязал. Нет, я понимаю, что это он делал для маскировки, чтобы не отличаться от современных детей. Но сейчас он зачем весь ими увязанный ходит? Или это я уже предвзято ворчу? На что уж у моего Николаса довольно строгая школа, но даже там закрывают глаза на всю эту подростковую ритуалистику.

— Так что там было дальше? Ну, когда ты улетел из Москвы?

— Дальше? Дальше была жизнь, семья и бизнес. Вряд ли тебе это будет интересно. Да и не хочу вдаваться в особые подробности. Я тебе и так рассказал о моём попадании. И в отличие от тебя, я всегда старался анализировать, что выйдет из того или иного моего поступка. Не всегда удачно, но не как ты. Трах-бах! Молодое тело, никто не признает, отправят в детдом или на опыты, надо бежать! Составил маршрут, распечатал поддельных

документов, а заглянуть в историю, чтобы убедиться, что это твой мир — ты даже и не удосужился...

Пацан покраснел и спрятал лицо за кружкой, делая вид, что увлечён чаем.

— Это же надо! Ты только после моих рассказов полез в поисках информации и обнаружил две Чечни. А если бы были и другие изменения? Я прям балдел с тебя, наблюдая как ты увлеченно составляешь маршрут, не обращая внимания на окружающий мир.

— Кха, кхе, тьфу, кхе, — подавился чаем Алекс. — Кха, как? Кхе, наблюдал?

— Ты убежал в магазин за одеждой, а я, войдя в нашу с тобой квартиру, повесил в углу над гардиной, вай-фай камеру и подключил её к юсб вместо новогодней гирлянды. У нас там и висела камера, раньше, когда мы уезжали, вешали на всякий случай.

— Ты! Ты! Ты, всё это время следил за мной!? — возмущению мелкого не было границ. — Это подлю! Вот так, следить за другим человеком! — немного злобно посопев в мою сторону, он, подуспокоившись, всё-таки задал правильный вопрос. — Но зачем?

— Ну, во-первых, это всё-таки и моя квартира, во-вторых, я следил не за тобой, а за собой, — при виде вытянувшегося лица мальчишки я усмехнулся и продолжил. — И самое главное. Собранная мной информация позволила отслеживать твои передвижения. Пока ты спонтанно не поменял маршрут в Варшаве.

— Я не специально, я же рассказывал...

— О! Алекс, сделай погромче, — я перебил начавшего оправдываться пацана, услышав краем уха песню «Автобан» Аделя Тавиля* из играющей на грани слышимости магнитолы.

— Пф, — фыркнул он, но дотянулся до лентяйки и прибавил громкости.

И дождавшись когда песня закончиться, спросил:

— Как можно такое слушать? У нас же вроде должны быть одинаковые музыкальные предпочтения?

— Твои не изменились. А я прожил дополнительные тридцать семь лет. Сашка, мой старший, еще в начальной школе подсел на готик-рок. Так что пришлось и мне знакомиться с творчеством «ASP», «Garden of Delight» и «Scream Silence». И ты знаешь? Мн понравилось. А потом Хелена подросла и стала слушать попсу, и мне тоже понравилось. А уж, что любит Николас, ты и сам слышал. И его дарквейв вполне пригоден для прослушивания, особенно группа «SnakeSkin». Мои музыкальные предпочтения сейчас это полный хаос. Но, как нестранно, мне это нравится. Вот проживешь тридцать лет, тогда и сравним, если я дотяну.

— Я, кстати, обнаружил не только две Чечни, когда изучал карту мира после твоих воспоминаний, но и две Бельгии. Надеюсь, ты не имеешь к этому никакого отношения? — решил сменить тему моё альтер-эго.

— Не две Бельгии, а конфедерация Фландрии и Валлонии. И я к развалу Бельгии имел лишь косвенное отношение.

— Ты!?! Косвенное!?! Это как?

— Если бы Сидорова осталась в России, в Азове, то и Бельгия была бы цельной монархией, — я усмехнулся, вспоминая ту историю. — Но, что получилось, то и получилось. Это длинная история, рассказывать надо.

— Ну так расскажи, нас ведь до следующего дня отпустили. Я думаю что тёте Хельге и Беате сейчас не до нас. Они собирались девичник устроить. Но только начни с момента, после «МММ». Хоть вкратце, ну, пожалуйста!

— Ха, хитрюга. Ладно, но вкратце. И напхни мне завтра про сюрприз тебе.

— О! Сюрприз? Подарок? А что это будет? Подарки я люблю.

— Вот завтра и узнаешь, если не забудешь напомнить.

.....

Уже подлетая к Берлину, я вчерне понимал куда хочу вложить полученные с «МММ» деньги. Недвижимость и земля под ней, да и просто земля в черте города. Берлин пока еще не начал глобальную реконструкцию, а органы власти не спешили переезжать из уютного и благоустроенного Бонна. И из-за этого стоимость на дома и землю были вполне приемлема, а на окраинах Восточного Берлина, в бывших рабочих микрорайонах, так и вообще временно обесценилась.

Когда я искал для покупки дом, то кроме районов «Каров» и «Панков», заезжал и в соседний район «Бух». Где и стал свидетелем того, как администрация района пыталась любыми способами избавиться от балластной недвижимости. В том данном случае, при мне руководитель районного отдела уговаривал и обещал скидки и льготы потенциальному покупателю, который рискнул поинтересоваться ценой двенадцатиквартирной двухэтажки. Район, отдавал эту недвижимость вместе с землёй всего за четыреста тысяч марок. Кто бы мог подумать, что через двадцать лет столько будет стоить одна квартира.

А район «Бух» в моё время, это не только тихий и зелёный район на севере Берлина, это еще и знаменитая клиника «Гелиос-Бух», специализирующаяся на лечении онкологических и кардиологических заболеваний. И сеть специализированных фармацевтических и протезных компаний, а также различные медицинские исследовательские конторы. То есть район, в будущем вполне перспективный. Но даже и сейчас, в 1994 году, городская клиника «Бух» одно из самых посещаемых медицинских учреждений. Недаром Оля, практику от университета проходит именно в ней, а не в университетской клинике «Шарите»*.

Через несколько дней после возвращения я посетил муниципалитет «Буха», и мне там предложили огромный выбор недвижимости. Первое, на что я запал и приобрёл, после того как перерегистрировал своё предприятие ещё и на управление жилой недвижимостью, были три двухподъездных одиннадцатиэтажных дома.

Раньше, при ГДР, эти дома были общежитиями младшего офицерского состава Национальной Народной Армии. Но, после объединения, Бундесвер отказался от недвижимости, передав её в управление жилищного фонда района. Те, в свою очередь, прикинув затраты на ремонт и содержание, просто законсервировали эти здания. Так что за мое предложение о приобретении они ухватились всеми конечностями и постарались как можно скорее избавиться от этого неликвида, оказывая всю необходимую юридическую и административную помощь.

Все три дома были не очень старыми панельными малосемейками по восемь квартир на этаж, состоящими из кухни, одной комнаты и отдельного санузла. Лифты в этих домах были сломаны и демонтированы, а также дома были отрезаны от централизованного отопления. А вот электричество и водопровод с канализацией функционировали вполне удовлетворительно. Самый главный плюс в приобретении, был в расположении, весь земельный участок с тремя домами находился в треугольнике между улицами Альт-Бух и Каровер-штрассе, что давало возможность обнести его забором и сделать единый, контролируемый пункт пропуска.

Что было ещё одним несомненным плюсом, так это доступность к общественному транспорту. Автобусная остановка располагалась буквально через дорогу, а до остановки городской электрички (S-Bahn) было всего пятьсот метров.

Заплатил я за каждый дом с его земельным участком по одному миллиону двести тысяч марок, что в пересчёте на доллары было где-то в районе семисот двадцати тысяч долларов.

Кроме этих небоскрёбов, я приобрел и, страшенькую на вид, панельную трехэтажку. Поначалу я её и брать-то не желал, хоть она и была подключена ко всем коммуникациям. Так, поехал посмотреть ради интереса. Больше всего отпугивало расположение. Самый край не только района, но и города, практически на границе с Бранденбургом и прямо напротив центрального здания ТЭЦ, отапливающего весь район Бух. Гигантская труба этого коммунального предприятия видна из любой точки района и наверное используется местными как маяк.

Но когда я залез на крышу предлагаемого дома, то понял, что грязнокирпичный забор во дворе дома отделяет его не от промзоны, а от той самой знаменитой местной клиники. А значит и проходная, принятая мной за заводскую, скорее всего служебная, больницы. И сразу решил этот дом тоже приобрести. Сделаю дешёвое жильё для медицинского персонала и студентов, думаю, отбоя от желающих не будет.

Мои приобретенные шестьсот квартир, это конечно не восемь тысяч квартир как у Майкла Зана* в двадцатых годах следующего века, но у него сейчас и столько-то нет, он свою компанию только через два или три года откроет.

Пришлось, конечно, хорошо вложиться в ремонт и рекламу, но через пару лет работы на грани окупаемости компания потихоньку выползла в плюс, а с двухтысячных годов и в очень неплохой плюс.

Кроме недвижимости в «Бухе», я приобрел еще двенадцатиквартирный дом на окраине района Кёпеник, практически на границе промзоны предприятия «Берлинская Химия». Вполне недорого, всего за триста пятьдесят тысяч марок. Но этот дом, из-за своего расположения, приносил нулевой доход и частенько уходил в минус. Я всё собирался его продать, но по какой-то неведомой мне причине, все сделки срывались. И это, как оказалось, было к лучшему. В 2002 году итальянская фармацевтическая компания «Menarini Group» которая и приобрела «Берлинскую Химию», начав расширение, выкупила у меня участок и дом за два миллиона марок.

.....

В конце сентября, произошло событие, которое сначала принесло убытки, но затем и прибыль, причём, эта прибыль, стала одним из основных источников нашего семейного дохода. У Ольги спёрли «Трабант». Она приехала на нём в госпиталь «Бух» на практику, а по её окончании не обнаружила автомобиль на парковке. Хорошо хоть мобильник у неё был с собой, и она дозвонилась до меня.

Я в это время контролировал установку новых лифтов в своих высотках, но время выкроил и приехал к ней на помощь. Первым делом вызвал местных «быков»*, с проходной госпиталя. Отделение полиции было рядом, поэтому ждать их долго не пришлось. Оформили угон и распрощались.

Даже и представить не могу, кому понадобилось это пластиковое корыто, причём уже довольно ушатанное Олей. Слава всем богам, в ДТП она не попадала, но постоянно портила внешний вид детищу автопрома ГДР при неудачных парковках. Но это было только в первый год управления этим автомобилем. Сейчас она была вполне опытным водителем, и я даже порадовался, что «Траби» угнали. Теперь ей можно будет купить что-нибудь попроще. Что я ей для успокоения и пообещал.

Но свободного времени у меня для поездки по автосалонам не было. И какое-то время,

супруге пришлось пользоваться общественным транспортом. Я честно предлагал ей воспользоваться одним из «Вартбургов», которые продолжали перегонять в Россию. Но она отказалась, типа, пообещал новую машину — выполняй. Из-за этого неудобства и её упрямства мы временно забрали Сашку из частного детского сада и наняли няню.

И только через месяц я смог найти свободное время и вырваться с женой и сыном в близлежащий автосалон. Где и приобрели ей новенький «Фольксваген-Поло» третьего поколения. Но вот вернуть Александра в детский сад не получилось. Наше место оказалось уже занято. В моём прошлом будущем в Германии с детскими садами тоже было не очень, сам я с этой проблемой не сталкивался, но понаслушался достаточно.

Государственной системы дошкольного образования в ФРГ нет как вида. До создания ЕС в стране были только частные сады и ясли, церковные и частично муниципальные. Исключение составляли сады и ясли для слепых и глухонемых детей, такие учреждения финансировались государством. И только в десятых — двадцатых годах следующего века появились чисто муниципальные дошкольные учреждения, иногда даже бесплатные.

Но в 1995 году в Берлине были только немногочисленные частные сады и так называемые «дневные мамы» (tagesmutter). Эти мамы, принимали у себя дома соседских или знакомых детей и присматривали за ними за небольшую плату. В нашем случае, мы ещё не настолько стали своими в районе, чтобы попытаться сплавить в такую группу нашего сына.

— Купи детский садик, — заявила мне супруга на одном из вечерних мозговых штурмов по решению проблемы — куда пристроить сына. — Ты же дома покупаешь! Вот и купи детский сад и организуй свой частный. Раз это такая проблема в городе, то и значит прибыльно должно быть.

— Хм. Даже не думал про такое. Молодец. Дай я тебя чмокну.

В нашем районе при ГДР было два детских сада. Но после объединения их просто ликвидировали. Комплекс одного из садов висел на балансе района и имел весьма плачевный вид. Разбитые стекла и неоттапливаемость привели к очень плачевным последствиям. Если быть честным, то от него остались лишь бетонные коробки.

Второй сад, располагался в кирпичных строениях ещё довоенной постройки. Два корпуса по четыре двухэтажных дома, стоящих квадратами с застеклённым внутренним двориком, чем-то мне напоминали моё место службы. Сохранность этих строений была практически идеальной по простой причине, сразу после объединения весь комплекс детского сада передали католической архиепархии Берлина, так как власти ГДР изъяли эти здания у местного монастыря.

У администрации района «Каров» выкупить ненужное им здание оказалось проще некуда и за довольно смешные восемьдесят тысяч марок, но примерно ещё столько же с меня запросили и за ремонт. А вот с церковниками, поначалу, диалога не сложилось. И ведь сами не использовали здания, только присматривали и несли убытки от содержания. Упёрлись как бараны, ты, мол, отказался от церковного налога, а значит антихрист, всё, разговор окончен.

Хотел плюнуть, но напоследок решил сходить к их главному. Архиепископ Берлина, кардинал-священник Георг Максимилиан Штерцински оказался вполне добродушным дядечкой, выслушал мою идею по выкупу у них зданий для реорганизации детского садика и внезапно согласился.

— Сын мой, это очень богоугодное дело, и я согласен чтобы наша архиепископия продала тебе эти не нужные нам здания. Но. С парой условий.

— И что это за условия, Ваше Высокопреосвященство? Надеюсь, не возврат меня в налоговые резиденты матери нашей католической церкви?

— Ха-ха. Нет. Ты и так истинный христианин только потому, что печёшься не только о своей прибыли, но и детях малых, неразумных и обездоленных. Была бы моя воля, отменил бы я этот налог, как отталкивающий людей от церкви. Но то решаю не я. Что же касается условий, то они предельно просты. Первое, в уставе этого детского учреждения должно значиться, что оно христианское. А второе, к детям раз в неделю будут приходить священник и проводить детские службы.

— Но дети ведь могут быть не только католики но и евангелисты, как тогда быть? Набирать только католиков? А вот у меня приёмный сын крещён в православии, его тоже в сад не пускать?

— Ты меня не понял, сын мой. В сад набирайте детей любой конфессии. Детские службы будут чисто добровольные, пусть родители детей решают. И я, кстати, переговорю с суперинтендантом евангелистов, может они тоже священника посылать будут.

— Может тогда лучше монахинь?

— Хм. Прекрасная идея. Так и сделаем. Всё, ступай сын мой, я дам распоряжение, чтобы тебе здания продали по минимальной цене, — кардинал дал понять, что аудиенция окончена, перекрестил меня, но руку для поцелуя не протянул, как я ожидал, насмотревшись всяких фильмов. Или это сейчас не практикуется?

.....

Хоть мы и выставили довольно приличную цену в сто марок в месяц за посещение детского сада и ясельных групп, но желающих было больше чем мест в двух детских садах. В получении образовательной лицензии очень помогла архиепископия города. Фактически один звонок архиепископа в департамент образования позволил нам начать работу в самые кратчайшие сроки. Персонал для детских садов нашёлся очень быстро. Многие воспитатели и нянечки, которые работали в этих самых детских садах при ГДР, оставались без работы и с радостью ухватились за предложение.

Ничего нового мы изобретать не стали, взяли хорошо отработанную восточногерманскую, она же копия советской, систему функционирования детских дошкольных учреждений. С трехразовым питанием и дневным сном. Для жителей бывшего ГДР это была хорошо знакомая система, но только теперь, платная. А вот родители-весси очень удивлялись установленным порядкам. Ну не принято было у них кормить детей. В западногерманских детских садах дети завтракали и ужинали дома, а обед приносили с собой тоже из дому.

Посчитав получающуюся прибыль, я занялся организацией детских садов по всему городу. Всего, за 1996 год нами были открыты четырнадцать детсадов по всем районам. Совершенно неожиданно для меня очень большую помощь в этой деятельности мне оказала местная церковь. Дошло даже до того, что под их давлением муниципалитеты на территории районов в которых и были воссозданы детские сады, дали пятидесяти процентные льготы на земельный налог, а администрация районов «Букков» и «Рудов» вообще освободила от его уплаты.

.....

В 1997 году бабуля наконец продала свой бизнес и долю в кабельном телевидении и собралась жить жизнью простой пенсионерки. Всё это я узнал уже постфактум, когда привёз сына на лето в Азов. К моему удивлению, продала она свои мастерские, полуподвалы и три

торговые точки вполне выгодно и негде не обмишулилась.

А вот бывшие партнёры по телевидению денег не дали, написали только расписку о том что обязуются выплатить через два года. Но я-то помнил про кризис в России уже через год. Вряд ли после него они будут способны что-то отдать. Пришлось идти самому и трясти их. Даже пришлось подтянуть, для солидности в переговорах, Лубенца с его окружением и Померанцева, благо Витька пошёл работать не по стопам отца в участковые, а в прокуратуру.

Склярковский, который к этому времени, потеряв где-то своего напарника Крыловского и став единоличным владельцем компании, немного покочевряжился, но выплатил нашу долю в размере девяноста тысяч долларов. Эти деньги, единственные, которые я переводом забрал себе. А всю остальную долларовую наличность бабули мы с ней припрятали в подвале дома. Как я ей объяснил:

— Пока у нас с Олей все хорошо там, но вдруг бежать придётся на Родину, пусть полежат в запасе.

На всё про всё угробил целый месяц, но зато вволю накупался в Дону, порыбачил и пообщался с друзьями.

Кушнир и Померанцев воспользовались моим советом подзаработать на акциях «МММ» и успели всё продать когда их о том предупредил Андрей Лубенец. Много они, конечно, не подняли, но и того что они получили, им хватило на покупку стареньких финских коттеджей в Степном переулке. Можно сказать рядом, через один квартал от нас.

Раньше в этих коттеджах жили те самые цыгане из народной молвы, которые ходили по квартирам и внушением заставляли отдавать все ценности. Но в начале девяностых они куда-то внезапно потерялись, а домики успели до приобретения моими одноклассниками сменить нескольких хозяев. Теперь же парни потихоньку их ремонтировали, приводя в божеский вид.

Хорошо отдохнув, я первого июля вернулся в Берлин. К моему удивлению Оля меня не встретила, хотя была предупреждена о возвращении. Пришлось добираться домой на такси, где я и обнаружил зарёванную супругу.

Адель Тавил* (Adel Tawil) — Родился 15 августа 1978 года в Берлине, немецкий певец, автор песен и продюсер. Бывший участник немецкой группы «The Boyz». Популярен как в Германии, так и в Швейцарии.

«Шаритэ»* (Charité в переводе с фр. — «любовь к ближнему, милосердие») — университетский медицинский комплекс, расположенный в Берлине. Одна из крупнейших больниц в Европе. Основана в 1710 году королем Фридрихом Вильгельмом I, который в 1727 году и дал ей её современное название.

Майкл Зан* — владелец холдинговой компании Deutsche Wohnen AG, крупнейшей компании по управлению объектами недвижимости в ФРГ. На балансе компании, только в Берлине, более восьми тысяч квартир.

«Бык»* (Bulle) — жаргонное прозвище полицейских в Германии.

— Я беременна, — чуть слышно, сквозь слёзы, прошептала Ольга в ответ на мои расспросы, что случилось.

— Так радоваться надо, милая, — я попытался её обнять, но был оттолкнут и даже получил по своему подбородку удар кулачком. — Да ёпсель-мопсель! — взорвался я и сгрёб её в охапку, чтобы она не могла распускать руки, но меня боднули уже головой. И довольно чувствительно боднули.

— Отпусти! Всё из-за тебя! Если бы не ты! — и она опять зашлась в плаче, но уже на моём плече.

Мне оставалось только поглаживать её по голове и шептать на ушко всякие успокаивающие благоглупости. Минут через пять её рыдания прекратились, и она уже поудобнее устроилась в моих объятиях и просто щекотно пыхтела мне в шею.

— Извини, я не хотела, — наконец оторвавшись от меня, она осмотрела мой подбородок и лоб, куда и пришлись её удары. — Не болит?

Я отрицательно помотал головой.

— Просто, неожиданно началось утро. Внезапно поняла, что у меня задержка месячных, ну и проверилась тестом. А завтра экзамен. А вчера «Шеринг»* прислал приглашение на практику после окончания университета. Ну я и... — Оля опять захлюпала носом.

— Ладно, достаточно! — я решительно, но аккуратно ссадил её с себя и продолжил. — Прекращай тут истерить, хватит и того, что ты мужа избил. Лучше вспомни как ты беременная школьные экзамены сдавала. Семейная традиция прям уже. Как экзамены, так тебе ребенка, — и я тихо засмеялся, Оля подхватила мой смех и мы пару минут истерично ухохатывались. — Так что, согласно нашей старой-новой семейной традиции, сдашь свои экзамены на все единицы.* Смотри не перепутай, а то сдашь, как в школе, на пятёрки, — и мы вновь зашлись в хохоте.

— А как с практикой тогда быть? — немного успокоившись, с хитринкой спросила она.

— Да никак. Нафига тебе там с пробирками и микроскопами возиться? Родишь, а через годик я тебе твою личную аптеку куплю. Так устроит?

— Да, — её глаза мечтательно засияли. — Всегда мечтала работать в аптеке. А где ты её купишь?

— Эй, эй. Потихе, детка. Сдавай свои экзамены и дуй в Азов к предкам, заодно Сашку заберёшь, ему 15 августа уже в школу надо. А потом приедешь и будешь присматривать себе аптеку. Сама. Но купим мы только через год после родов. Договорились?

— Деспот! Ой, ты не голодный? — наконец вспомнила она про то что я только что прилетел из России.

— Голодный, грязный и злой. Всё, я в душ, а ты на кухню. Бегом! Дети, кухня, церковь,* — процитировал я Вильгельма II, раз деспотом обзывают.

.....

Пока Оля занималась окончанием своего обучения, поездкой к родителям и возвращением сына в Берлин, я вплотную занимался обеспечением функционирования всей сети детских садов. Как мне нехотелось замахнуться на что-то большее и расширить эту сеть хотя бы на близлежащие города земли Бранденбург, но у меня банально кончились деньги. Последние лишние деньги съела покупка парочки автобусов «MAN sm152» 1989 года

выпуска и договор на ежемесячное медицинское сопровождение. Автобусы нужны были для организации экскурсий и поездок детей, а медики, педиатр и стоматолог для ежемесячного контроля воспитанников.

.....

За пару дней до начала учебного года, вечером, когда я дочитал Сашке очередную сказку перед сном и собирался уходить, он неожиданно спросил мне в спину:

— Па. А что вы мне в Schultüte* положите?

Мать, мать, мать, как я мог забыть? Долбанные немцы с их традициями. Вроде бы и знал про эту, но так как детей в той жизни у меня не было, да и жили мы в Швейцарии, где этого бреда просто нет, то не сопоставил.

— Вот пойдёшь в школу и узнаешь, — пообещал я разочарованному сыну. — Спи давай, спокойной ночи.

— Спокойной, — пробурчало это недовольное чудо.

И я пошёл искать Олю. А найдя её на кухне и выяснив, что она тоже ни в зуб ногой про создавшуюся проблему, принялся её просвещать о местной традиции. Сведения о которой я почерпнул в своём прошлом будущем из википедии, когда случайно обратил внимание на кульки-конусы, которые тащили первоклашки в школу, мимо которой я проезжал.

— По идее, где-то должны продавать готовые, — высказал я предположение, вспоминая кульки в руках детей, явно машинного производства. — Можно завтра поискать в городе.

— Что я, безрукая что ли? Ты мне нарисуй схему, а я на машинке пошью. А ты сладостями и подарками занимайся.

Вроде бы справились, мелкий остался доволен, но получив на руки заветный кулёк, попытался ещё получить и свободу.

— Я не поеду с тобой, — заявил сын. — Я пойду с друзьями в школу.

У него, тут на районе, уже и друзья-шестилетки появились, а так как всех их и его самого записали в ближайшую начальную школу, которая находилась через два квартала от нас, то они и договорились встретиться там.

— Иди, а мы с мамой позади тебя пойдём.

— Дома оставайтесь, я уже взрослый, не надо меня охранять, — возмутился этот клоп.

— Хорошо, но представь, ты пошёл сам, а старшие мальчишки отобрали у тебя твой «шюльтуте», ты пришёл в школу, у всех он есть, а у тебя нет.

Сашка побледнел, а затем покраснел, представляя это, и, немного подумав, выдал:

— Хорошо, вместе пойдём, только не надо меня за руки брать.

.....

В конце января 1998 года Оля родила девочку. Как она сказала по телефону:

— Рыжая, зеленоглазая, копия ты.

А еще через пару дней, когда супругу с дочкой выпустили из родильного отделения, то и я убедился в этом. Дочку назвали Еленой. Но при регистрации новорождённой в ЗАГС (Standesamt) чиновники ошиблись, а мы не обратили первое время внимания, что дочку записали как Хелена. Впрочем, это было одно и то же имя, и мы особо не расстроились. Это была, кстати, уже не первая ошибка чиновников, допущенная в адрес нашей семьи. При регистрации нашего брака в ЗАГСе муниципалитета Кёпеник Ольгу записали как Хельгу.

Все эти события в моей жизни промелькнули почти мгновенно и хоть немного отвлекли от неприятностей. С начала января в нашу частную сеть детских садов вцепилось федеральное министерство по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодёжи*. Это

министерство частично перебралось из Бонна и тут же принялось активно работать. Весь предыдущий год они занимались школами, а сейчас добрались и до детских садов.

Прислали комиссию для проверки одного из моих учреждений, но их, без меня, даже и на порог не пустили. Тогда, пригласили для беседы уже меня. Съездил, послушал их претензии. В основном они касались того, что в моих садах не было групп для детей-инвалидов. Выдвинули требование исправить это в месячный срок.

— У меня нет места для развёртывания подобных групп, придётся сокращать какие-то существующие, а детей исключать из садика. Я на такое не пойду. Меня родители засудят и разорят компенсациями, — высказал я своё мнение по этому вопросу разговаривающему со мной комиссару какого-то отдела.

— Значит, мы закроем твои учреждения отозвав образовательную лицензию, — перешёл он на ты и сразу к угрозам.

— А какое отношение вы, федералы, имеете к лицензии, выданной Берлинским департаментом образования? — попытался трепыхаться я.

— Мы найдём чем на них надавить, — бросил мне чиновник. — Твоё дело, создать такие группы, а уж мы сами будем направлять в них детей.

— А финансирование? У меня все группы платные, — выдал я уже последний аргумент, хотя прекрасно понимал, что это просто развод на деньги.

Но мне нужно было этого неприятного типа додавить до конца, до взрыва, чтобы потом, спокойно воспользоваться записью нашего разговора. Включённый диктофон лежал у меня во внутреннем кармане пиджака, а проводной микрофон проходя по пиджачному рукаву, замаскировался вместо пуговицы шлица.

— Ха-ха-ха! Сразу видно нытика осси! Кто о чём, а они о деньгах! — непонятно почему развеселился этот мудака. — Ты будешь платить, а мы детей присылать. А будешь артачиться, то мы всё у тебя отберём, и поедешь назад в свою грязную Тюрингию, хвосты коровам вертеть.

Получившуюся запись я отнёс знакомому архиепископу, а уж тот сам с ней ходил к бургомистру Берлина. В итоге, того чиновника уволили, мне пообещали всяческие преференции, но попутно натравили на меня уже Берлинский Югендамт (Jugendamt*), все с той же проблемой, детсады для детей-инвалидов.

Я сначала перепугался. Ведь про немецкий Югендамт в моём прошлом мире рассказывали всякие ужасы и его именем пугали детей и родителей, как иммигрантов, так и немцев. Но как оказалось, я боялся не того. Не проверок и закрытий мне надо было бояться, а неугомонной их деятельности. И самое главное, здесь я уже никак не мог отказаться от предложения мне поступившего сразу после защиты моего бизнеса со стороны городских властей.

Городское управление по делам молодёжи при поддержке районов города выделило несколько зданий на условиях бесплатной и бессрочной аренды, для организации в них садов и яслей, но уже для детей инвалидов. Ремонт и оборудование за мой счёт, половина детишек — на коммерческой основе, а вторая половина — по направлениям из Югендамта за списание части городских налогов. Вроде бы всё выгодно. Но я все доступные мне средства потратил еще до этого, и мне просто не на что было начинать новый проект.

Пришлось влезать в долги, брать кредиты и даже продать на книжном аукционе «Кристис»* тринадцать томов про приключения ежика Мекки, которые я купил в Москве, когда мы с бабулей ездили за кладом. Специально ездил в Мюнхен, так как там было

германское букинистическое отделение этого аукционного дома.

Оценили книги очень хорошо, из-за наличия автографов обоих авторов. Заключать контракт на аукцион я не захотел, меня вполне устроила и предложенная выкупная стоимость. После уплаты налогов я получил на счёт в банке сто шестьдесят тысяч марок. А ведь приобрёл их всего за сто тридцать советских рублей. Неплохой обмен. Жаль что пришлось продать так рано, в будущем я бы поимел больше.

Заодно поинтересовался и оценочной стоимостью первого издания «Происхождения видов» Чарльза Дарвина, книги, найденной мной в макулатуре на четвёртый день моего попадания в этот мир. Ответить сразу по её цене мне не смогли, но пообещали позвонить, когда узнают ориентировочную цену в центральном Лондонском офисе.

.....

К смене столетия и тысячелетия я успел расплатиться со всеми долгами и вышел в пусть небольшой, но стабильный плюс. Новый, 2000й год, мы встречали всей семьёй в Париже, любуясь световым шоу на Эйфелевой башне и загадывая желания под красочные фейерверки салюта.

Правда, я сам хотел этот Новый год встретить в Стокгольме, на концерте группы «Европа», но семья упёрлась и ни в какую не захотела потакать моим желаниям. Ольга уповала на то, что Лена еще маленькая на такие концерты ходить, а Сашка вообще обозвал знаменитую шведскую группу — попсой.

За четыре часа до Нового года Оле на мобильник умудрилась дозвониться с домашнего телефона бабуля, с поздравлениями и сообщением про Ельцинское «я устал, я ухожу». Про «мухжука»* я и так помнил, но в очередной раз только порадовался, что история в основном своём русле не изменилась из-за потоптанных мной бабочек.

А на следующий день мне позвонили из аукционного дома «Кристис» и обрадовали меня сообщением, что нашелся частный покупатель на книгу Дарвина. Я уже и думать забыл про её продажу, у меня и так всё уже стабилизировалось, но на всякий случай согласился встретиться с таинственным покупателем. Не век же ей у меня пылиться. Да и Ольга всё чаще мне стала намекать на обещанную аптеку.

Потенциальным покупателем оказался ни много ни мало, а целый ландштатхальтер* швейцарского кантона Гларус. Этому вице-президенту срочно понадобился подарок кому-то. Причем, именно Дарвин. Он обзвонил всех букинистов и только в «Кристис» ему случайно повезло нарваться на того самого клерка, которого я и просил об информации.

Но этот чиновник предлагал за книгу не деньги, а гражданство кантона и муниципалитета, что практически значило гражданство всей Швейцарии. Но меня грызли сомнения.

— Герр Тимм, но как это будет? Вы предлагаете какую-то аферу? Без «права крови» натурализация и полное гражданство у вас в стране не возможно. Мы же потом не отплюёмся от обвинений и судов если это всплывёт наружу!

Я прекрасно по себе, из того, своего мира помнил, что пройти натурализацию в Швейцарии очень и очень трудно. В Швейцарии тройной уровень гражданства: первичный, гражданство на муниципальном уровне. Вторичный, на уровне кантона. И третий, это уже гражданство конфедерации.

Но даже все эти три гражданства не давали возможности получить полное гражданство со всеми правами. Насколько я помнил, в 2020 году в Швейцарии проживало более миллиона людей, родившихся в стране, но которые так и не смогли получить гражданство

из-за того, что их родители не были гражданами на момент их зачатия. Всю эту информацию, естественно в урезанном виде, я и вывалил на Иоганна Тимма в своих подозрениях и сомнениях.

— Вы подозрительно много знаете о нашей стране, — усмехнулся этот господин. — Но это даже к лучшему. Гражданство которое я предлагаю, это гражданство по праву крови. Вновь обретенный член клана. У нас в Гларнерленде. Это местное название кантона. Как вы, наверное, знаете, прямая демократия...

— Ландсгемайнд*, я знаю, вы без лишней воды, пожалуйста, объясняйте.

А до меня только что дошла аналогия выборов в подобных кантонах с казачьими выборами атаманов. Точно так же круг собирали и выбирали.

— Хм. Да. Действительно, — герр Тимм поерзал в кресле, как будто ему что-то мешало. — Герр Фокс, наше общество в кантоне уже давно не монолитно, а разделено на кланы, и я представляю один из них. Поэтому и говорю со всей ответственностью, что вот так, разово, признать кого-либо вновь обретенным членом нашего клана я смогу без проблем. Фоксов у нас, конечно, никогда не было, но вот был мельник Фукс из коммуны Браунвальд. И глава этой общины сразу признает вас сыном Петера Фукса. А уж я, как второе лицо в кантоне, подтверждаю это. И в Берне продамлю за пару дней. Есть у меня там знакомцы, — и видя, что я еще сомневаюсь, подсластил своё предложение. — И земляца от Петера осталась с остатками водяной мельницы. Немного, десятая часть гектара, но какие там виды...

— Герр Тимм, насколько я понимаю, вам ответ нужен как можно скорее?

— Да, именно так.

— Мне, конечно, хотелось бы получить гражданство вашей замечательной страны, но, особо как-то не горит. Подождите, — я вскинул руку в стоп-жесте. — А если вместо меня будет моя супруга? Правда, у неё уже двойное гражданство, России и Германии.

— Тройное у нас нельзя. Ей придётся от чего-то отказаться. Но не вижу особых препятствий. Или вам надо время уговорить свою женщину? — он понимающе усмехнулся. — Неделя у меня есть. Думайте. Очень надеюсь на ваш положительный ответ.

Ишь, как ему Дарвин понадобился, подумал я, прощаясь с гостем.

.....

Уговорить Олю сменить русское гражданство на швейцарское оказалось очень легко, я даже удивился. И так и продолжал бы удивляться, если бы не взбрык Сашки при попытке утянуть его из Берлина в Гларус, он нам закатил настоящую истерику, забаррикадировался у себя в комнате и мне пришлось вспоминать старые навыки, забираясь к нему через окно.

— И что это было? — присел на краешек кровати сына, который обняв подушку, практически спрятался за ней, выставив наружу только злые, но какие-то уже обречённые глаза.

— Я не хочу уезжать! У меня здесь друзья! А вы вот так сразу! И меня не спросили! — и зло запыхтел в подушку, ожидая моего ответа.

— Это да. Это мы с мамой опрометчиво поступили. Придётся нам менять планы, — попытался я его успокоить, признав нашу, родительскую вину.

— Па, но если тебе очень надо, то я поеду. Баба Тоня сказала во всём помогать тебе, ведь ты разведчик, шпион, ой, — мелкий явно прикусил язык, сообразив, что сболтнул лишнего.

— Так, Александр, а вот с этого места, давай поподробней. Что там тебе бабуля

сказала?

Вот так я и узнал, что меня в семье считают шпионом-разведчиком. Ну, бабуля! Ну, старая! Это только её мозги могли до того додуматься, и это только она могла задурить головы моим родным. Сразу стала понятна и сговорчивость супруги, и приемлемое поведение сына при его перевозках между странами. Нет, я, конечно, не против такого аргумента в решении различных семейных дел, но как-то это через чур. Тот же Сашка, не дай Бог, сболтнёт кому лишнему — и здравствуй, БНД.

Пришлось проводить целый инструктаж сыну о том, что стоит и чего не стоит говорить даже самым — присамым лучшим друзьям.

— Отец, — мелкий стал передо мной почти по стойки смирно. — Я крещу своё сердце, — он действительно мелко перекрестил место на груди, где по его мнению находилось сердце. — И клянусь никогда не говорить что ты шпи... ой, ну, кто ты.

— Клятва принята, сын, а теперь — обнимашки, — и я развел руки в разные стороны, приглашая его в свои объятия.

В связи с вновь открывшимися обстоятельствами мы с Олей приняли решение дать Сашке возможность закончить начальную школу в Берлине. Но сами, потихоньку, занимались переездом, наведываясь в столицу кантона, чтобы проследить за ремонтом приобретенного дома. Для этого мне пришлось продать мою самую первую квартиру в Берлинском районе Кёпеник.

Кроме этого, я занимался переоформлением документов, так как сразу после получения Олей швейцарского гражданства взял себе её фамилию. Так сказать, для окончательного запутывания следов. Правда, наши дети пока так и оставались Фоксами. И если Лена сменила фамилию сразу, как пошла в местную школу, то Александр так и остался на всю жизнь Фоксом.

Шеринг* (Schering) — немецкая фармацевтическая компания, обладающая собственной исследовательской базой. Основанна в 1851 году.

Единица* — в немецких высших учебных заведениях принята 5-балльная обратная система оценок от высшего балла «1» до «неудовлетворительной» оценки — «5».

Kinder, Küche, Kirche* (дети, кухня, церковь) — немецкое устойчивое выражение, описывающее основные представления о социальной роли женщины в германской консервативной системе ценностей. Автором данной аллитерации принято считать кайзера Вильгельма II.

Schultüte* — «школьный кулек». Традиционная в Германии форма подарка родителей ребёнку-первокласснику в виде бумажного конуса с мягким верхом на завязке, который наполняется сладостями и небольшими подарками. Длина шультюте составляет 70–85 см. Традиция отправлять детей первый раз в первый класс с достаточно крупногабаритным подарком в руках появилась в Германии в XIX веке и практически не встречается в других странах.

Федеральное министерство по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодёжи* (Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend, BMFSFJ) — одно из министерств Германии, отвечает за равноправие полов и нетрудоспособных граждан. Штаб-квартира находится в Берлине, но большая часть чиновников министерства работает во втором офисе в Бонне.

Jugendamt* — управление по делам молодёжи и детей. Социальная служба, занимающаяся согласно VIII книги Социального кодекса Германии: защитой детей и молодых

людей в семьях и учреждениях, опекой и попечительством, предоставлением юридических услуг несовершеннолетним.

«Кристис»* (Christie's) — аукционный дом, является лидером мирового арт-рынка. Совместно с аукционным домом «Сотбис» его доля составляет 90 % мирового рынка аукционных продаж антиквариата и предметов искусства.

«Мухожук»* — исторический мем Рунета, связанный с Ельциным. В народе длинная прощальная речь Ельцина сократилась до короткой фразы «Я устал, я ухожу», содержащей основную суть сказанного, и ставшей самостоятельным мемом. От данного мема возник производный мем «Я устал, я мухожук», возникший путём добавления к слову «ухожу» двух букв, поменявших весь смысл выражения, и появилось соответствующее изображение с пририсованными Ельцину зелёными крыльями и усиками насекомых.

Ландштаттхальтер*(Landesstatthalter) — вице-президент правительства кантона. Отвечает за промышленный и сельскохозяйственный блок правительства. Избирается вместе с ландамманном (Landammann) президентом правительства кантона, ежегодно, путём тайного голосования жителей имеющих право голоса.

Ландсгемайнд*(Landsgemeinde) — ежегодное собрание жителей кантона имеющих право голоса для выборов руководства, утверждения трат, грантов и принятых за год законов. Отдельно, в течение года проводятся референдумы, как кантональные так и общегосударственные.

— Дядя Игорь, здравствуйте! — мужчина, как обычно, при наших неожиданных встречах, подвис, явно пытаюсь вспомнить кто я такой.

— Эээ. А вы кто? Мы знакомы?

— Я, Женя, с Азова. Ну, помните, вы на пляже меня откачивали от солнечного удара, а потом обои помогали купить, и мы с вами лотерейками обменивались?

— О! Точно! Здравствуй, — и он с чувством потряс в приветствии мою руку. — Экий ты здоровый вымахал, — похоже, я слишком пережал ему руку при приветствии, вон как морщиться и пальцами шевелит.

— Извините, я не нарочно. От радости, при встрече.

— Да ничего, ты-то как в Вене оказался?

В столицу Австрии я попал по настоянию нашего неугомонного Берлинского югендамта. Распространяя опыт по работе детских садов, они активно, во всех газетах, печатали статьи о своих успехах. Сначала, по нашей программе заработали сады в Бранденбурге, потом подключились все три Саксонии. А затем нас пригласили на конференцию по проблемам дошкольного воспитания в Австрию. Вернее, приглашали главу комитета, который этим всем и занимался, но он потащил и меня, как я не отнекивался.

Конференция проходила в одном из современных залов Хофбурга*. Меня посадили в первый ряд, из-за этого я так и не смог удрать из этой говорильни. Потом, правда, представили как одного из создателей германской чудо-программы. Пришлось подниматься и со всеми раскланиваться под вежливые аплодисменты.

Два часа я кое-как выдержал, но потом всех нас потянули в детский госпиталь Святой Анны, а оттуда в центр детского протезирования при центральной университетской больнице, где я банально отстал от группы и заблудился.

С трудом нашёл выход во внутренний двор этой клиники, где и столкнулся лицом к лицу со своим давним спасителем и земляком из Ростова-на-Дону.

— На конференцию приезжал. По дошкольному воспитанию.

— Ого! Здорово! А в больнице чего?

— Так нас сюда и привозили, показывали отделение детского протезирования. А вы тут какими судьбами? Или в Австрию перебрались?

— Да нет. Отправили, так сказать, на курсы повышения квалификации. Изучаем австрийский опыт страховой медицины. Вот, между занятиями бегал кофейку выпить. Там, — он махнул себе за спину. — Дешёвую и приличную кофейню открыли. «Звездный доллар» называется.

— Старбакс? — и дождавшись его кивка, пояснил. — Это не звезды и доллары, это фамилия Старбак, во множественном числе. Помощник капитана Ахава из романа «Моби Дик» Германа Мелвилла. По крайней мере это официальная версия создателей сети кофеен, — пояснил я, уловил во взгляде знакомца скепсис. — Как там ваша супруга, тётя Наташа? — решил сменить я тему.

— Да нормально всё. Кстати, спасибо, что напомнил про неё. Она мне заказала дисков для фильмов. У неё сейчас новое хобби, качает фильмы из интернета и режет на болванки. А я всё забываю купить. Ой, — он кинул взгляд на наручные часы. — Мне бежать пора, скоро занятие начнётся.

— А вы где остановились. Ну, где мне вас искать в случае чего? В какой гостинице?

— Ха. Скажешь тоже, гостиница. В студенческом кампусе поселили, в мужском общежитие сектора «Е». Всё, я побежал. Рад был увидеться, — и мужчина, и вправду, бегом направился внутрь здания.

Кое-как вытерпел оставшиеся два дня своей конференции. И уже перед отъездом в Берлин, вспомнил про дядю Игоря и решил купить ему дисков. А то я знаю какие командировочные сейчас выдают в России при поездках за рубеж.

В ближайшем попавшемся по пути к метро магазине электроники прикупил две банки по сто дисков-болванок CD-R. Дядя Игорь долго отнекивался от подарка, но я всё-таки смог ему впихнуть обе банки и со спокойной душой поехал в гостиницу, собираться.

.....

Полученные от итальянской химической компании два миллиона марок за проданный двухэтажный жилой дом я перевёл на счёт Ольги.

— Хотела аптеку? Открывай. Можешь даже сразу сеть аптек открыть.

— Да как-то я уже и не особо хочу, — попыталась съехать с темы супруга.

— Что значит, не хочешь? А кто мне обещал тоже зарабатывать в семью? Да и мне спокойней будет, если я буду знать, что ты делами занята, а не баклуши бьёшь.

Переехать всем вместе на жительство в Гларус у нас не получалось. Как говорится — гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Выяснилось, что у местных школ не было лицензии для приема на учёбу детей иностранцев. Швейцария еще не подписала шенгенское соглашение* и как я помнил, до 2008 года не собиралась этого делать. И Сашка с учёбой в Швейцарии пролетел, так как стандарты образования для иностранцев еще не поменялись. Чему он был очень рад, так как не пришлось расставаться со своими друзьями.

Нет, в принципе, конечно, его можно было ежедневно возить в одну из частных школ Цюриха. Семьдесят километров это, в общем, и не расстояние. Или заставить отказаться от российского гражданства и подать документы на вид на жительство Швейцарии. Но зачем? Если мне по делам надо было быть в Берлине чуть ли не ежедневно, то и за сыном я присмотреть вполне смогу. К тому же, приближалось лето, а значит и его ежегодные каникулы в России.

Мне просто временно нужно было выпихнуть близких подальше из Германии, ибо я затеял, как мне тогда казалось, довольно опасное дело. Я собирался сделать запрос в департамент образования Альтенбурга, чтобы получить копию свидетельства об образовании. Для кое-каких новых проектов мне нужно было хоть какое-то высшее образование. Желательно, как в прошлой жизни, инженерное, а без школьных документов никуда поступить было не возможно.

И вот здесь у меня возникали вопросы, на которые уже никто не мог дать ответ. Пауль Майер, благодаря которому я и получил документы покойного Эрика Фокса, был мёртв. В первом нашем разговоре он упоминал, что Эрик числился за школой-интернатом как мёртвая душа, то есть живым. Но как оформлялись его переводы из класса в класс, и был ли он внесён в список выпускников с оформлением итоговых оценок, этого никто не говорил. Вот кто мешал мне, тогда этим поинтересоваться? Знал бы, где упасть, соломки бы подстелил.

Я очень надеялся на то, что в дотошной, пусть и в восточной Германии, для получения дополнительного финансирования, которое потом можно было положить в карман, требовалось оформлять всё как положено. Но на всякий случай, если после моего запроса

что-то пойдёт не так, то пусть мои родные побудут в других странах.

Вот потому я и хотел заинтересовать супругу в открытии собственного бизнеса, тем более что Ольге самой очень хотелось переехать в понравившийся ей маленький горный городок. Слишком уж ей надоел большой и шумный Берлин.

— Да как-то многовато для одной аптеки, — продолжала отбрыкиваться супруга.

— Значит, открой сеть аптек. А ещё лучше, сеть пунктов выдачи заказов.

— Это как? — всё-таки заинтересовалась Ольга.

— Открываешь в Гларусе одну большую аптеку, а в коммунах создаешь пункты выдачи.

Ну, небольшие торговые точки, где люди могут заказать и получить лекарства. Приходят, заказывают, с этого пункта звонят в центральную аптеку, где и формируется заказ на все населенные пункты, а на следующий день, водитель на фургончике развозит заказанное по населённым пунктам.

— Хм. Интересно. И не надо держать большой штат, и закупать большое количество медикаментов и расходников. Но как быть с рецептурными препаратами? Для их выдачи всё равно нужна будет лицензия на каждый подобный пункт.

— Заведи компьютерную базу таких пациентов. Я думаю, что медики вполне могут поделиться кому и что положено и кто на что получал рецепт. Вот и сравнивай по базе данных. Сходится — упаковываешь в картонную коробку без расшифровок и так отправляешь.

— Ух ты. Никогда не догадалась бы, что так можно. Какой ты у меня умный, — и я был поощрительно поцелован. — Но всё равно, страшно начинать.

— А ты не бойся. Пробуй и всё. И назови свою сеть какнибудь в честь кантона, что бы местным было приятно. А заодно, в пунктах выдачи можно будет торговать медициной, которая не требует лицензии. перевязочные средства, простые антисептики, тесты, противозачаточное и противоожоговое. Вот последнего можно и побольше.

— Почему?

— Газ в кантоне проведен только до столицы. Все остальные отапливаются и готовят в основном на солярке и дровах. Плюс, они здесь немножко язычники и обожают всякие огненные забавы.

— Язычники? Среди католиков?

— Ты что? Не читала ещё историю кантона? Ну ты даёшь. Изучи обязательно. И запомни, здесь католиков и протестантов почти поровну.

— Хорошо. Но, может, расскажешь вкратце?

— Видела мужика у них на флаге и на гербе? — и дождавшись её кивка, продолжил. — Это святой Фридолин. Ирландский монах, который решил повторить подвиг святого Патрика, и у него это получилось.

— А святой Патрик — это кто?

— Мда. Хотя да, откуда тебе это знать. Патрик, это английский монах, который привёл Ирландию к христианству, научил их варить виски и изгнал всех змей с острова.

— Зачем? Ну, змей?

— А фиг его знает. Ну и в итоге, ирландцы почитают своего Патрика самым крутым святым. И вот этот вот Фридолин тоже отправился бродить по Европе в поисках своих язычников. Ну, и нашёл их в этой долине. Он, как и Патрик, научил местных гнать самогон и через это походу, доказал что Христос круче чем их языческие божки. И, попутно, несколько праздников привнёс в их жизнь. День всех святых здесь больше похож на ирландский

Самайн* и, ещё празднуют день рождения святого Фридолина шестого марта. В этот день благодарные жители кантона сжигают на больших кострах его чучело.

— Сжигают своего святого? Зачем?

— Ну, мы тоже в конце зимы сжигаем масленицу.

— Но у нас это чучело масленицы обозначало зиму, голод, страдания. А у них тогда что?

— А фиг его знает! Может местные так мстили ему за страдания от головной боли при похмелье.

— Ха-ха-ха. Ну, ты как придумашь, хоть стой, хоть падай.

— Ну, а что? Чем моя версия плоха? Так, что там еще огненного было? А, Страстная пятница в апреле, единственный по-моему кантон в конфедерации, где устраивают ночные факельные шествия.

— А из-за чего всё это? Зачем они выделяются?

— Ну, долина всё-таки довольно обособлена, и особых развлечений народу не хватает, вот и хватаются за всякое разное. Наш Суворов здесь на втором месте после их святого. Своими войнами им по закону нельзя хвастаться, вот и хвастаются походами Суворова. Хотя у них и своих воинских подвигов хватает.

— Да, я видела в Эльме, дом-музей Суворова. Я еще тогда удивилась, вроде бы крупный посёлок, а ни одной аптеки нет. Слушай, а давай ты под разъездной автомобиль свой джип оставишь? А я тебе новую машину куплю. Два миллиона это много мне. Здесь, в Гларусе, один местный автодилер переделывает машины под марку «Suwogow».

— Не, видел я эту шнягу. Там всей переделки только добавление шильдика с фамилией полковника. Я до Цюриха на поезде доеду, а там куплю себе что-нибудь. И правда, давно надо было машину поменять. А ты давай, занимайся аптеками. Деньги я тебе перевёл, теперь дело за тобой.

— Хорошо. Я попробую, — кивнула супруга, но уловив мой недовольный взгляд, поправилась. — Ладно, ладно, я это сделаю, — и добавила ехидно. — Мой господин.

.....

Отвёз Александра в Россию, а заодно поменял свой советский паспорт, на российский. И так просрочил почти четыре года, пришлось штраф платить. Но поменяли без проблем. Толку мне от него никакого, но, на всякий случай, пусть лежит.

Вернувшись в Берлин, обнаружил в почтовом ящике два письма из Тюрингии. В письме земельного министерства образования нашлась копия свидетельства об окончании средней школы на имя Эрика Фокса. Одни тройки и единственное «А» по физкультуре. А вот свидетельства об окончании полной средней школы — не было. Вместо него, была справка, в которой говорилось, что Эрик Фокс закончил народную школу-интернат Штюнцхайма на средние оценки и получил полное-среднее образование. В приписке на обратной стороне справки значилось, что выдача свидетельства невозможна из-за утраты архива.

Фух. Прямо гора с плеч. Справка о смене имени из паспортного стола у меня сохранилась, а значит я теперь могу приступить к получению высшего образования.

Рано радовался. Второе письмо меня напугало. Пришло оно из юридического отдела Альтенбурга, от некоего герра Таубе. В письме настойчиво предлагали срочно приехать в город для урегулирования наследства. Какое наследство у сироты, коим и являлся Эрик Фокс? Что за бред? Или это такая ловушка от БНД? Просчитали меня после моего запроса документов об образовании?

С другой стороны, если бы возникли подозрения, меня взяли под белы ручки прямо в аэропорту или здесь, дома. Зачем приглашать в Альтенбург? Вот же хрень какая! Прям как у Шекспира — ехать или не ехать, вот в чём вопрос. А вдруг это, и правда, простое наследство. Какая-нибудь дальняя родственница что-то оставила сироте, а я тут возвожу туры на колёса. Как нашли меня-то, понятно. Пришёл мой запрос, появился и адрес.

Придётся ехать. Я не смогу ждать и терзаться что произойдёт или не произойдёт из-за моей неявки туда. Пока семья далеко, надо урегулировать этот вопрос.

Новую машину я купил себе не в Цюрихе, как говорил Оле, а в Берлине. Вовремя вспомнил о своей красавице «Suzuki Samurai» из прошлой жизни и загорелся идеей приобрести такую же машинку. А в Цюрихе салона «Судзуки» не нашлось, зато он нашёлся в Берлине. Классических самурайчиков восьмидесятых годов с брезентовой крышей никто там конечно не продавал, зато я приобрёл новенький, переделанный, леворульный «Suzuki Samurai SJ413» с коробкой автоматом и отличной акустической системой от «SONY». Вот на нём и поехал, на так сказать, «родину».

.....

Всё оказалось банально просто. А я трясся от страха перед неизвестностью. Моя первая прописка. Герр Майер, как тогда и говорил, внёс меня и мои данные в домовую книгу, а выписать так и не смог из-за того что был пристрелен старшим прапорщиком Кузьминым.

Дом стоял брошенным и никому никакого дела до него не было. Все коммуникации обрезаны, никто не живёт, и где искать владельца никто не знает. А земельный налог потихоньку капал и накапал на очень приличную сумму. Всё бы ничего, просто списали бы, а дом забрали в городской фонд, но как назло, по документам, там был один прописанный, я. Плюс автомобиль «Жигули» во дворе дома и, по последним данным так же принадлежал Ойгену Фоксу. Гадский Майер, оказывается, оформил на меня не только доверенность, но и владение. А тут, внезапно, появляется живой адрес владельца всей этой недвижимости.

С домом разобрались очень быстро. Владельцем его я не был, просто был прописан как жилец, поэтому и земельный налог в сумме восемнадцати тысяч марок я платить был не обязан. Написал заявление на выписку меня из домовой книги, подписал бумагу что не против передачи дома в городской фонд и думал, что всё.

Как бы не так. Гадские «Жигули». Меня обязали в течение недели убрать моё транспортное средство с территории уже муниципальной недвижимости. Пришлось искать эвакуатор с погрузчиком, договариваться о вывозе на свалку и оплачивать сбор на утилизацию этого металлолома.

За годы стояния под открытым небом, автомобиль превратился в развалину и практически врос в землю. Приехал к «своему» дому, с ностальгией постоял, посмотрел и повспоминал, но в дом, так и не рискнул войти. Обошёл вросший в землю автомобиль и вспомнил про тайники. Оружейный, в салоне, был пуст. Задний диван отсутствовал как вид и в углублениях под денежные мешки тоже ничего не было. Оставался маленький тайник под запасным колесом в багажнике, в котором я хранил всякие мелочи.

Открыть багажник получилось только с помощью монтировки, а вот запасное колесо похоже приросло к полу багажника. Пришлось использовать всякие подручные железяки, чтобы отодрать его. С громким скрежетом и куском обшивки пола оно всё-таки отошло, и в открывшемся проломе стал виден серый ящик с ручками. Такого тут раньше и не было. Между моей последней поездкой, болезнью и смертью напарников прошла всего неделя. Кто-то, а скорее всего герр Майер, что-то припрятал здесь.

Вытащенный мной ящик был похож на пулемётный цинк от «MG-34», который я видел во множестве музеев. Опять, с помощью монтировки, отщёлкнул замки и обнаружил какую-то ветошь. А вот под ней желтели кружочки денег. Золотых денег. Услышав шум приближающегося автомобиля, скорее всего, заказанного мной эвакуатора, я поспешил спрятать найденное в свой новенький самурайчик. Потом считать буду.

.....

Как мне ни хотелось подробнее рассмотреть свою находку, я всё же терпеливо доехал до Берлинского дома. И только загнав машину в бокс, я чуть ли не бегом кинулся за цинком.

Монеты в ящике оказались золотыми марками Германской империи 1903 года выпуска. Но не простыми. Каждая монета была достоинством в двадцать марок Саксонского королевства и весом в восемь граммов. На аверсе монеты был изображён мужик в профиль с шикарными бакенбардами и шла надпись — «GEORG KOENIG VON SACHSEN». Всего в ящике, было восемьсот двадцать две подобных монеты.

И что мне теперь с ними делать?

Хофбург* (Hofburg) — зимняя резиденция австрийских Габсбургов и основное местопребывание императорского двора в Вене. Всего в ней 2600 залов и комнат. Некоторые из помещений используются как официальная резиденция президента Австрии. Часть правого крыла дворца, сдаётся под проведения конференций и симпозиумов.

Шенгенское соглашение* — соглашение об упрощении паспортно-визового контроля на границах ряда государств Европейского союза, изначально подписанное 14 июня 1985 года пятью европейскими государствами (Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Францией и Германией). Оно вступило в силу 26 марта 1995 года и прекратило существование 1 мая 1999 года, будучи замещено Шенгенским законодательством Европейского союза.

Самайн* — кельтский праздник окончания уборки урожая. Знаменовал собой окончание одного сельскохозяйственного года и начало следующего. Впоследствии совпал по дате с кануном Дня всех святых, повлияв на традиции народно-католического праздника Хэллоуин.

— 500 евро, плюс, минус, — эксперт-нумизмат извлек откуда-то из под стола круглый пластиковый бокс и, поместив туда золотую монету, которую я принёс на экспертизу, положил передо мной.

— Даже за монету в таком состоянии? — задал я дополнительный вопрос.

И не спроста. Все монеты, найденные в пулеметном ящике, были в очень непрезентабельном состоянии, потертые, с царапинами разной степени глубины и даже вмятинами по краю, похожими на укусы.

— Да. Очень редкая монета. Во-первых, её тираж был всего дести пятьдесят тысяч. Во-вторых, девятисотая проба золота, что довольно большая редкость во всех выпусках золотых имперских монет. Ну, и в-третьих, осталось их не очень много. Что-то их хозяева закопали на чёрный день, а потом закопали и хозяев, если вспомнить, что творилось на территории нашей родины всю первую половину двадцатого века. Какую-то часть переплавили на украшения, что-то потерялось, вот и выходит такой большой ценник. Так что, мой вам совет — придержите монету у себя. Очень хорошее инвестиционное вложение. Если у вас всё, и вы не собираетесь продавать монету, то с вас пятьдесят евро за консультацию.

Оплатил услуги и, выйдя из здания, задумался. У меня, этих монеток на четыреста одиннадцать тысяч евро. Шесть с половиной килограмм золота. Вот за что это мне? С чего на меня всякие ништяки сыпятся? Все эти редкие монеты в Азове, а теперь еще и здесь. Прс Питерский клад я знал, так что его я не учитываю, но всё остальное...

Пока я предавался размышлениям, мои ноги, сами, принесли меня к спуску в метро (U-Bahn), и я даже начал спускаться, но вовремя вернулся в реальный мир.

— Тьфу пропасть, — сплюнул я на ступени и опасливо заозирался, не увидел ли кто из немцев моего неподобающего поступка, но рядом оказались лишь два смуглых товарища, то ли арабы, то ли турки. — И нахрена я сюда поперся? — зло спросил я у ближайшего турка по русски, отчего тот испуганно от меня шарахнулся и чуть не упал. Я же, пожав плечами, развернулся, и направился вверх к своему автомобилю.

.....

Ящик с монетами я закопал в подвале берлинского дома. Пусть отлежатся, может, и правда, где пригодятся, надо только не забыть рассказать про них Оле, чтобы не пополнить список тех хозяев-неудачников, про которых говорил нумизмат.

И чуть не забыл, так как мой приезд в Гларус начался с реального наезда супруги из-за денег перечисленных ей на счёт ранее.

— Ты сказал что перевёл два миллиона! А почему я обнаружила на счету всего один миллион пятьсот десять тысяч франков? Я уже губу раскатала, посчитала всё на два ляма, хорошо в банк поехала, оплачивать купленную землю с зданием. Чего ты лыбишься?

— Оль, я сказал тебе, что перевёл два миллиона марок. Вон у тебя калькулятор на столе, посчитай обменный курс.

Эта начинающая бизнес-леди схватила увесистый casio со стола и принялась с азартом давить на кнопки.

— Так, переводим марки в евро, а евро в франки. Какой там курс? — супруга полезла в свой блокнотик и вновь застучала по клавишам. А потом, растеряно замерев, всё же спросила.

— Но, тогда меньше получается. Ненамного, но всё равно меньше! Ты, что, свои добавил?

— А эти два миллиона марок тогда чьи были? — с ехидцей подколот я покрасневшую супругу. — Нет. Всё очень просто. Я привёз марки в Швейцарию и положил их на твой счёт в отделении твоего банка. На то время обменный курс был другой. За один евро давали и сейчас дают, один франк и сорок восемь раппенов, а за марку, семьдесят шесть раппенов. И это при том, что в самой Германии меняют две марки на один евро. Если бы я переводил из Берлина, то потерял бы тысяч тридцать, плюс проценты за перевод. А так привёз наличку и, вуаля, у тебя на счету, один миллион пятьсот десять тысяч денег с копейками одной из самых надёжных валют мира.

— А разве так можно было? Ну, это законно? С нас ничего обратно не потребуют? — удивилась и одновременно испугалась фрау Фукс.

— Почему нет? Кто знал, тот успел и заработал. В том числе и я. Эта разница держалась всего два месяца. И никто ничего с нас не потребует.

— Так ты еще и свои... Ой, — Оля опять покраснела. — А сколько? Ну, заработал?

— Наши, Оля! Наши! Мы семья. И, моё это твоё, и наоборот. Надеюсь. А заработал! Пусть и немного, но на новый автомобиль хватило и на оплату университета. И вообще! Что за наезды на любимого супруга прямо на пороге дома? Кто меня кормить будет, и где мои тапочки?

.....

За Сашкой я поехал пораньше. Просто так совпало, что после моего рассказа Оле с спрятанных в берлинском доме золотых монетах, в ответ на меня вывалили кучу проблем по организации аптечного бизнеса и претензию, что «мол хотела на море — а теперь только горы». А я вспомнил, что сыну уже почти двенадцать лет, а на море он толком и не был. Не считать же одну поездку на мелкое Азовское море, где было видно противоположный берег, а для того чтобы окунуться, надо было пройти в воде не меньше километра. Да и зимний наш вояж в Висмар, когда он напросился со мной в поездку, тоже не считается.

Мальчишка сначала расстроился, когда я появился в Азове раньше времени. Наверное подумал, что я его в Германию раньше времени хочу забрать. Но когда я поделился с ним планами отдыха на Чёрном море, сразу забыл о всех своих обидах и кинулся радостно обниматься.

Отдыхать мы решили, прикинувшись жителями России. А что? Паспорт у меня есть, а у Александра свидетельство о рождении, так что я не видел никаких проблем. Единственной проблемой была бабуля, которая в очередной раз собралась помереть.

— Помру я внучек, ей Богу, помру. Петровна давеча снилась, ругала, что я у неё кастрюлю спёрла. Видимо знак подавала, что ждёт меня.

— Ба, ну сколько можно? Ты же каждый год, как спину на огороде надорвала, помирать собираешься! И насколько я помню, если сняться мертвяки и не зовут с собой, а наоборот ругают, то это к удаче или выгоде.

— Так-то оно так! Но, Петровна, она вредная была. Кто знает, что от неё ожидать стоит?

— Это точно, — подтвердил я, припомнив её мне явления во сне. — А может всё проще? Ты давно у неё на кладбище была? Может там заросло всё, вот она и ругается, — придумывал я новые аргументы, чтобы отвлечь старую от плохих мыслей.

— Да давненько не была. Последний раз на родительский день захаживала. Надо будет

сходить. Вы на море езжайте, а как приедете, так вместе и сходим. Как раз перед Спасами. И до Петровны, и до родителей.

— Не, давай сейчас. А то потом может и времени не быть.

Съездили, отвезли цветы и гостинцы, пропололи все заросли и протерли надгробья. Вроде бы не мелкий город, а за кладбищем никто не следит. Центральная улица состоит из кусков асфальта и ям, небрежно засыпанных тырсой. А заросли амброзии и цикория поднимаются выше головы. Кругом кучи неубранного мусора и спиленных деревьев.

А еще, целое стадо полудиких собак. Стоило только отойти на десять метров от места захоронения Петровны, как собаки тут же кинулись за оставленными нами на столике поминальным пирогом, испечённым бабушкой.

На мои возмущения состоянием и содержанием кладбища бабуля зло мне и ответила:

— Так твой же бывший тренер сейчас всю «социалку» в мэрии курирует.

— Это кто? Партянов что ли? Владимир Владимирович? Как это он из директоров в мэрию-то попал?

— Он самый. Его сначала на «собес» поставили. Он там быстренько порядок навёл. Хорошо справлялся, а потом его новый мэр замом назначил. Как работает — сам увидел, — она в раздражении махнула рукой.

Пока оставалось время до отъезда на море я и сам решил сходить к Партянову пожаловаться на отвратительное состояние кладбища.

— Лисин!?! — почему-то поморщился при виде меня мой бывший руководитель. — Чего хотел? Как ты вообще без записи в кабинет ко мне попал?

Владимир Владимирович за десять лет, что мы с ним не виделись, значительно увеличился вширь, потерял часть волос на голове и явно приобрёл аллергию на простых горожан.

— И вам здравствовать, — односторонне поздоровался я. — Нет там никого. — Я кивнул за спину, в сторону приёмной. — Вот и прошёл спокойно. Вижу, вы в начальники большие выбились? Вот, за помощью пришел. Поможете?

— Рассказывай, — барственно мне кивнули и вновь опустили свой взгляд в бумаги.

Ну, я и рассказал про посещение городского кладбища и его непрезентабельное состояние.

— Лисин! Что ты меня тут всякой фигнёй кормишь? — возмутился Владимир Владимирович. — У меня вот, — он потряс какой-то папкой. — Отчёты городского ЖКХ о еженедельных уборках кладбища и покосах амброзии. А еще, мы центральную улицу кладбища в прошлом году заасфальтировали. Почти миллион вбухали! Ты зачем ко мне пришёл? Кто тебя подослал?

— А ты давненько на кладбище был? — спросил я у него, еле сдержавшись от рвущихся наружу матерных слов.

— Это что за намёки? Я сейчас охрану вызову, — неожиданно заблажил он.

— Ну ты и дурак, Вовчик! Я спросил про то, когда ты лично инспектировал то кладбище? Я вот, вчера был. И никакого асфальта и покосов не обнаружил. Ездил, кстати, с сотрудником городской прокуратуры, он тоже всё видел. Он на улице сейчас, меня ждёт, можешь сам у него спросить, если мне не веришь. А то поехали...

— Прокуратуры? Лисин, тебе что, меня заказали? — как-то сразу сбледнул с лица заместитель мэра по социальной политике.

— Ой дурак. Родители у меня на кладбище лежат и знакомые, а проехать к ним не могу

из-за вашего разгильдяйства. А прокурорский, это мой одноклассник, он меня на своей машине подвёз и туда и сюда. И ждёт, чтобы домой отвезти. Вот честно! Владимир Владимирович, ты когда последний раз там был? Давай съездим, посмотришь, врут тебе отчёты или нет!

— Хорошо. Съездим. Только я на своей машине.

Съездили, посмотрели и послушали как высокое начальство ругало начальство кладбища. Затем выслушали заверения о том что всё исправят и приведут в надлежащий вид, и на том и расстались. И есть у меня подозрения, что он так перед Витькой Померанцевым оправдывался. Оказалось, что Жмур, тихой сапой и сам в помощниках городского прокурора уже ходит.

.....

Место для отдыха мы с сыном выбрали по рекомендации того же Витьки Померанцева, который недавно с семьёй ездил на море. Не скупясь, я взял СВ до Лазаревской и обратно. В это время, в плацкарте, да и в купе, РЖД еще не ставило кондиционеров, а ехать, обливаясь потом, не лучший вид приключений.

Взяли двухместный домик в кемпинге «Зелёная дубрава», который находился в ста метрах от моря в посёлке Аше, и полностью отдались отдыху, развлечениям и экскурсиям. Куда мы только не ездили?! И на разные водопады, и к различным дольменам, а также в парки, зоопарки и аквапарки. Отрывались на полную катушку.

У меня впереди пять лет учёбы в Берлинском техническом университете (TU Berlin), куда я уже успел поступить на платной основе, на отделение «электротехники и информатики». С моими тройками на бюджет мне не светило вообще. А так, заплатил и учись себе спокойно. Главное, не запускать, а то выпрут и денег не вернут.

А у Сашки средняя и старшие школы, тоже еще тот переломный период, а ещё и переходный возраст. В Азов я его-то буду каждый год вывозить, но это точно не заменит ему семейного отдыха.

Надо сказать, что за десять лет комфортной жизни в Берлине, как-то уже и подзабыл, что на свете есть уличные туалеты и душевые, а домики запираются на навесной замок. Тем не менее отдых мне очень понравился, единственным минусом был галечный пляж, а ко всему остальному мы быстро привыкли.

Совершенно случайно познакомились с отдыхающими на той же базе музыкантами из группы «Запрещенные барабанщики». Которые, к моему удивлению, все оказались из Ростовской области. Раньше, в той жизни, я почему-то думал, что они москвичи.

Под конец нашего отдыха испортилась погода, и мы уезжали под аккомпанемент дождя и нереальные виды из окна поезда — на штормовое море с бродящими вдалеке водяными смерчами.

.....

Высшее образование понадобилось мне для строительства и владения электростанциями в Швейцарии. Ну, правила у них такие. В Германии с этим всё проще, покупай землю, получай разрешение, утвержденный и согласованный проект, и строй. Никого не волнует, есть у тебя высшее образование или нет. В конфедерации всё немного строже, но и проще. Мини-ГЭС до шестидесяти киловатт можно строить без разрешения кантональных властей, но только после одобрения местного муниципалитета. Но только лицам с высшим техническим образованием, либо получающим такое образование. К тому же, подобные станции имели налоговые послабления и одобрялись экологами если

ставились на ручьях в которых не водилась рыба.

У меня во владении как раз была такая земля. Та, что досталась супруге в коммуне Браунвальд. Она переписала землю на меня, плюс я еще выкупил у местного муниципалитета участок вдоль обеих берегов ручья Брумбах (ежевичный ручей) вместе с тем самым ручьем, чем снял головную боль с местной администрации от экологов.

Электростанция мне нужна была для создания майнинговой фермы* в приближающееся время «Биткойна».

В 2007 году моего прошлого мира австрийский инженер Франц Цотлётерер додумался до создания электростанции водоворотного типа, которая была безопасна для рыбы в реках. И не просто додумался, но и построил пробную станцию мощностью в десять киловатт, которая обошлась ему в сущие копейки, что-то около пяти тысяч евро.

Но полностью насладиться своим изобретением и получить дивиденды от продажи своего патента он не смог, так как указал строгие цифры размеров и допусков. Чем и воспользовались разные гидростроительные фирмы, меняя размеры и градуирование при строительстве подобных станций, и обходя патент первооткрывателя.

Я же решил хапнуть его изобретение целиком, но обезопасить свой патент при помощи отказа от точных расчётов, зарегистрировав только способ воздействия на турбину. К окончанию первого курса университета, я зарегистрировал «своё» открытие в ЕПВ* и через три месяца получил патент на двадцать лет. Обошелся он мне, правда, дороговато. Две тысячи евро за срок действия патента на двадцать лет, проверку на новизну и прочие экспертизы. Плюс, еще четыре тысячи евро я выложил за получение подтверждения патентирования в двадцати восьми странах Европы.

И только после получения всех документов я понёс свой патент в «Siemens Energy»*. Где, к моему удивлению, меня приняли вполне благосклонно. Видимо и сами уже владели информацией по моему патенту, и были заинтересованны в его проверке на практике, посчитав все плюсы и минусы нового способа гидрогенерации. Другого варианта, почему руководство этого гиганта-холдинга пошло мне навстречу, я просто не мог представить.

Мне даже не пришлось торговаться. Выслушав мои хотелки по строительству каскада станций на основе моего патента и с их гидротехническим оборудованием, взяли тайм-аут. Но уже через неделю мы подписали договор.

За патент, я не получал ни проценты и не деньги. За его передачу компании, я получал строительство под ключ, восьми электростанций мощностью пятьдесят киловатт каждая за счёт компании. Три станции мне поставят на моём ручье в Швейцарии до конца этого года, а оставшиеся пять, я волен заказать в течении пяти лет, но не позднее. К тому же, я дал согласие на то, что компания рядом с первыми станциями на моей земле построит исследовательскую лабораторию.

.....

За время пока я грыз гранит наук в университете, зарегистрировал и реализовывал «своё» изобретение, Ольга тоже разошлась не на шутку. Создала сеть аптечных пунктов не только в кантоне Гларус, но и в соседних кантонах Ури и Швиц, а также в северной части кантона Санкт-Галлен.

Но останавливаться на достигнутом даже не подумала. Выкупила в Гларусе территорию старого паровозного завода и стала переоборудовать его под логистический центр.

— А ты не думала заняться собственным производством препаратов или расходников? — поинтересовался я после осмотра приобретенного ею старого завода.

— Как-то не думала. А что? Надо?

— Ну, а почему нет? Сеть аптек это круто, но ведь ты училась на фармаколога. Вот я и подумал, что тебе может быть интересно и создание своего научно-исследовательского, и промышленного центров.

— Ты знаешь? А я бы не отказалась. Тем более, у меня есть на примете несколько формул дженериков. Ну, измененных препаратов, на которые кончился патент, — зачем-то разъяснила она. — Которые мы, студентами, синтезировали в университете в качестве практики. Но на всё это надо больше денег.

— Нужно больше золота, — неосмотрительно ляпнул я.

— Золота? Ты о чём?

— Да это из компьютерной игрушки. В прошлом году вышла. Сашка играет, — принялся я оправдываться. — И сколько тебе надо на лабораторию и фармкомпанию?

— А у тебя что, лишние деньги появились?

— Думаю, скоро появятся. В Берлине идёт массовая реконструкция и перепланировка улиц. И парочка моих зданий попадают под национализацию с выкупом. Они дороги расширяют видите ли, — пробурчал я.

— И много получишь? Или больше потеряешь?

— Домики старые. Я не успел еще в них вложиться. И это хорошо. А по деньгам это не очень хорошо. Тысяч шестьсот — семьсот евро за каждый. Вот на эти деньги и рассчитывай. Для начала закупи оборудования по производству пластиковых расходников. Шприцы, ёмкости под анализы, капельницы, маски, перчатки, всякие пелёнки и прочее. А заодно и оборудование для производства пластика. Будет у тебя полный цикл.

— А зачем? В Швейцарии же нефти нет. Или я чего-то не знаю?

— Нефти нет, но зато есть асфальт в кантоне Невшатель, есть каменный и бурый уголь под боком в Санкт-Галене. Да и какие-то общедоступные группы лекарств можно производить из этих полезных ископаемых. Плюс налоговые послабления, за использования национальных ресурсов.

— Хм, всё как обычно. Загрузил меня по-полной. Ну, а сам чем будешь заниматься?

— Я? А я попробую получить вид на жительство Швейцарии. Уже и на экзамен записался.

Майнинговая ферма* — это система, использующая вычислительную технику для «добычи» цифровой валюты. Для создания фермы нужно приобрести и настроить подходящее оборудование. Его мощность выше, чем у отдельно стоящих компьютеров, так как на выполнение одной задачи требуется большое количество электроэнергии.

ЕПВ* — европейское патентное ведомство. ЕПВ является исполнительным органом Европейской патентной организации. Сотрудниками ЕПВ выполняется рассмотрение европейских заявок на патенты и принимаются решения о выдаче патентов на изобретения. ЕПВ реализует процедуры, предусмотренные Европейской патентной конвенцией. Штаб-квартира с 2000 года, находится в городе Мюнхен.

«Siemens Energy»* — до 2020 года подразделение концерна Siemens. Производитель оборудования для энергетической отрасли. С 2020 года отдельная компания.

Из тридцати человек, сдававших экзамен на вид на жительство «Пермит Б»*, сдало всего трое. Прямо как в швейцарском анекдоте, немец, итальянец и француз. Немцем, как не трудно догадаться, был я. Такое малое количество прошедших, обуславливалось в первую очередь небольшим количеством квот. По сто квот на каждый кантон и полукантон. В будущем, насколько я помнил, количество квот увеличат в два раза, но даже и тогда правила сдачи оставят старыми.

Письменные тесты были, как по мне, вполне лёгкими, практически точно такими же, как и в моей прошлой жизни, когда мы с супругой тоже пытались осесть в Конфедерации. Политическая часть тестов касалась кантонов и их столиц, чем кантон отличается от полукантона, и видные, политические, деятели, Швейцарии. Географическая часть включала горные вершины, перевалы, озёра и реки. А в экономическую часть входило перечисление видных швейцарских банков, предприятий, электростанций, курортов и почему-то тоннелей.

Не знаю сколько народа отсеялось на тестах, но после проверки знания языков остались только мы трое. Итальянец, естественно, знал итальянский и на среднем уровне французский, француз, кроме родного языка, неплохо знал и немецкий. А я, кроме немецкого и довольно хренового французского, смог связать несколько фраз на граунбюндере*, он же ретророманский. Ну и плюсом мне шла супруга-гражданка.

Ещё через час я стал обладателем серенького швейцарского аусвайса категории «Б», который давал мне право проживать, работать и вести предпринимательскую деятельность на территории Конфедерации. Правда у этой маленькой ложки мёда была просто огромная бочка дёгтя. Я должен был каждый год продлевать действие своего аусвайса. Хорошо, что это я мог делать на кантональном и даже муниципальном уровне.

И вот такая вот морока с подтверждением, что я, мол, тут и работаю, и плачу налоги, должна продлиться десять лет, чтобы я смог пересдать экзамен на «Пермит СИ». То есть, постоянный вид на жительство с правом работы. А все байки гуляющие по миру, что достаточно купить недвижимость или бизнес для получения гражданства, байками и остаются.

Есть небольшая лазейка для очень богатых людей. Так называемый «Паушальный налог». Но я не настолько богат чтобы им воспользоваться. Иностранец должен иметь налогооблагаемый доход в размере одного миллиона франков и капитала в двадцать миллионов, при этом ежегодные налоговые отчисления в швейцарский бюджет должны составлять в среднем триста тысяч франков. Может в будущем, благодаря приближающемуся времени «Биткойна», я и достигну такого уровня богатства, но мне проще десять-пятнадцать лет подождать для получения полного гражданства.

Осталось купить красненькую паспортную корочку и спрятать в неё этот серый документ.

.....

«Сиененс» взялся за дело рьяно. Сначала прислали группу проектировщиков, заодно привезя с собой несколько жилых контейнеров-бытовок под разрешённую мной лабораторию. Мэр Браунвальда, как только узнал от меня, что я собираюсь строить на своём участке, насел на проектировщиков с требованиями, оборудовать все объекты смотровыми площадками и соединить их туристической тропой. Сиененсы пожали плечами и, с моего

одобрения, внесли необходимые правки в проект.

— Герр Фукс, а не могли бы вы кроме электростанций построить и водонасосную станцию? А то, знаете, у нас нет централизованного водоснабжения, и каждый хозяин берет воду из артезианских скважин. А в последнее время уровень подземных вод упал, и это приводит к большим финансовым потерям во время туристического сезона, — вывалил и на меня часть своих проблем мэр коммуны, герр Браун.

Эта коммуна была не просто небольшой горной деревушкой, живущей за счёт сельского хозяйства и редких туристов. Это был целый кластер отелей для детского отдыха. Снизу, из долины Гларус, кроме обычной шоссейной дороги, до неё можно было добраться и по специально проложенному, еще в начале двадцатого века, фуникулёру.

По всей территории, окружающей коммуны, были проложены детские туристические тропы, а на лыжных склонах большая часть спусков была отдана под детские тренировочные трассы. Кроме этого, многие отели предоставляли услуги присмотра за детьми любых возрастов, куда их могли сдать родители, направляясь по делам или на отдых в другие места.

И, естественно, такая проблема как водоснабжение могла поставить крест на всём этом бизнесе. Вернее, могла бы поставить, но я мало в это верил. Быстрее всего, сами хозяева отелей скинулись бы и построили бы нормальный водовод. Но тут нарисовался я, и мэр решил переложить часть своих проблем на наивного, как он думал, новичка.

Торговались мы с ним долго и упорно. Перед этим, правда, пришлось проконсультироваться с проектировщиками и они мне, в зачёт одной из имеющихся у меня в запасе пяти станций, пообещали и водонасосную станцию. В итоге, мы с мэром пришли к взаимовыгодному соглашению, по которому Браунвальд будет покупать у меня воду по ценам третьей категории, а водовод мы построим совместно. Кроме этого, мне по каналу водовода прокинут оптоволоконный интернет кабель за счёт коммуны. А то, что же за майнинговая ферма без доступа в интернет?

.....

После прошлогоднего отдыха с сыном на море, я наконец осознал, что быть отцом, это не только помогать делать домашнее задание и ругать за шалости и провинности. Но еще и организовывать досуг своим детям. Лучше поздно об этом догадаться, чем никогда.

Раньше-то как оно было? Сплавляли сына на лето в Россию и спокойны. А на Рождество, можно куданибудь и по округе выбраться. В девяносто девяти процентах подобных зимних вылазок инициатором была супруга, но, после того как я неосмотрительно окунул её в мир бизнеса, поездки прекратились.

Ленке-то чего? Она была ещё мелкой и её вполне устраивали игры и развлечения в детском садике, а вот Александр откровенно скучал и постоянно напрашивался со мной в деловые поездки.

Но именно после прошлогоднего лета я решил всё поменять. На Рождество вывез обоих детишек в Церматт покататься на лыжах и полюбоваться на Маттерхорн. Оля же отказалась ехать из-за загруженности делами, чем немного подпортила настроения детям. Но мы его быстро подняли пока обучались езде на лыжах. Заодно, я пообещал детям, что мы будем два раза в год ездить на отдых. Летом на море, а зимой в горы.

Сашка сначала расстроился, что ему придётся сокращать отдых в России, но вовремя вспомнил, что в его новой школе учебный год начинался с первого сентября, а не с пятнадцатого августа как в старой-начальной.

Но прежде чем ехать на море, я решил провести беседу с сыном на вечную тему, чем

мальчики отличаются от девочек и к чему это приводит. Тем более, что в рассказах сына про школу в прошедшем учебном году часто мелькало имя некой Марты. А в рассказах про это лето упоминалось, что в их компанию влилось несколько девчонок. Взрослеет, скоро ему уже тринадцать исполнится.

Я сначала попытался переложить эту ответственность на Олю, как на медика, но она от моей просьбы отмахнулась со словами «твой сын — ты и рассказывай». По-моему зря я её в бизнес втянул.

— Сашка! Ставь на паузу и спускайся вниз, разговор есть! — криком отвлек я сына от рубилова в третий «Варкрафт».

— Чего, па? — слетел в гостиную взъерошенный мальчишка в глазах которого еще плескался азарт компьютерной битвы. — Срочное что-то? У меня там войска Плети к Даларану подошли! Надо город к осаде готовить!

— Никуда твой город с паузы не убежит, — успокоил его я. — Садись, нам надо серьезно поговорить, — указал я ладонью на стул напротив. — Значит, так...

— Па! Я не виноват! Это Штайеры придумали и всех втянули. Ну ты знаешь. Если Вилли что-то задумал, то его уже не остановить. Мы пытались ему помешать, но всё очень плохо кончилось. Тебе дядя Антон рассказал?

— Ты сейчас про что?

— Упс...

— Чего упс? Что вы там натворили? О чём Антон Вебер должен был мне рассказать?

— Ммм. То есть, ты ничего не знал и позвал меня по другому поводу? — у сына подозрительно забегали глаза.

— Сын! Не тяни kota за хвост! Что вы там натворили? Рассказывай! Всё!

— Ну, мы это, Вилли хотел стянуть дневник Ханны Битнер, в который она писала что-то про него. А пробираться к участку Битнеров мы решили через сад дяди Вебера, а там малина. Ну, и мы малость её поели. А дядя Антон нас поймал и обещал отцам сообщить. Вот я и подумал...

— Когда ты только успел в это вляпаться? Мы же только позавчера прилетели!

— Так вчера. А о чем ты хотел со мной поговорить? — решил он сменить тему и отвлечь меня.

— Да вот теперь не знаю, говорить с тобой на эту тему или подождать пока подрастёшь и малины наешь? Ладно. Если на вас, расхитителей малины, пожалуются, то тогда и будем на эту тему говорить. А сейчас, я хотел поговорить с тобой о том чем мальчики отличаются от девочек.

— Па! — возмущенно воскликнул Сашка и сделал показательный «фейспалм». — Да знаю я это давно! Мы это и в школе проходили по естествознанию.

— Отлично. Если ты это знаешь, то перейдём сразу к теме, откуда берутся дети и венерические заболевания.

— Я это тоже знаю, — смущенно пробормотал мальчишка и потемнел своим летним загаром на лице, пытаясь покраснеть.

— Хорошо. Если знаешь, то расскажи мне. Я послушаю, и если ты где-то ошибёшься, то поправлю. Приступай, — велел я сыну.

— Ммм. Это. Ну, там. В общем, как бы это сказать? — замямлил пацан вытворяя свои пальцами на руках то, что в моем прошлом мире один автор назвал «сношать ёжиков». — Па, давай ты сам всё мне расскажешь, — решил капитулировать мелкий.

Ну, я и рассказал. Прибегая к помощи фотографий из энциклопедии взятой мной в университетской библиотеке для демонстрации последствий венерических заболеваний. В конце моей лекции, которую мелкий прослушал очень внимательно, я выложил перед ним пачку германских презервативов «Expert Classic» на десять штук и придвинул к нему.

— Вот, это тебе. Может тебе ещё и рано ими пользоваться, но, на всякий случай, пусть всегда будут под рукой, — мальчишка опять попытался покраснеть сквозь свой загар, но протянув руку, всё же взял пачку. — У тебя на джинсах есть маленький кармашек, как раз для одного такого. Пусть всегда будет при тебе. А остальные храни дома, но не прячь, а то в нужный момент и не найдёшь.

— Меня из школы выгонят, если кто из учителей увидит это у меня. И мама ухи оторвёт, — он задумчиво повертел блистер с резинкой, который вытащил из коробки, в руках, но всё же засунул его в боковой кармашек джинсов.

— Не ухи, а уши. И всем спрашивающим, говори, что это я разрешил тебе его носить. А ты, не будь дураком, не показывай никому. И кстати, если его наполнить водой из-под крана, то получится классная водяная бомбочка, — глаза у Сашки азартно заблестели в предвкушении использования этого девайса таким нестандартным способом. — Но я тебе про это не рассказывал, ты сам догадался. Понял?

— Да, пап! Я могу идти?

— Беги. Спасай свой город от сил тьмы.

.....

Из Берлина до Гларуса мы теперь ездили исключительно на поездах. Причём, только на австрийских «EuroNight». Какой-то «умный» чиновник, в поездах дальнего следования германских компаний отменил спальные вагоны. Теперь все поезда, что «Интерсити», что «Евросити», имеют только места для сидения. Правда, в вагонах первого класса их можно было разложить как самолётные, но комфорта это не добавляло при поездках на дальние расстояния.

Было несколько германских поездов «EuroNight», но в Швейцарию они не ходили. А из Берлина было только два ночных поезда «Deutsche Bahn», шведский, в Стокгольм, и римский, и так понятно куда, причем, последний ходил не по кратчайшему пути через Альпийские республики, а почему-то через Францию.

Зато австрийский поезд ходил между Берлином и Цюрихом каждую ночь. Двухместное спальное купе стоило всего около ста евро. Пришёл, сел в вагон и спи всю ночь в нормальной кровати, а не в кресле. Рано утром мы обычно прибывали в Цюрих, а оттуда всего сорок минут на экспрессе до Гларуса. А уж там от вокзала до нашего дома пять минут неспешной прогулки. Благо чемоданы уже обзавелись колёсиками.

.....

Мои поездки на различные конференции неожиданно принесли приятные плоды. Вернее, один плод. Образовательная программа моих детских садов, которую активно курировал Берлинский Югендамт, победила на национальном конкурсе дошкольного воспитания и заняла первое место. А я, как владелец сети садиков и, по документам, главный идеолог этой образовательной программы получил главный приз. Новенький седан «Mercedes-Benz W211» только-только запущенный в серию. И диплом с грамотой, в которых меня обозвали «Первым Лидером» (Erster Führer). Главное, бабуле случайно не показать, а то она меня убьёт за этого фюрера.

Так что я теперь катался по Германии на «Мерседесе», а «Судзуки» оставил в

Швейцарии, как разъездной автомобиль. Вот на нём-то мы и поехали в Италию, в маленький курортный городок Аренцано, что под Генуей. Всего-то четыреста километров от Гларуса. Расстояние вроде бы и небольшое, но потратили мы на него все восемь часов. То пробка на серпантине, то надо остановиться на очередном перевале пофоткаться, перекусить, сходить в туалет. А когда дети узрели снег, то мне пришлось останавливаться, чтобы они еще и в снежки поиграли. От Ленкиных вопросов — а что это, зачем, почему, как это, мы с Сашкой начали вешаться уже через час путешествия. Но ничего, выдержали.

Зато на море оторвались по полной, а Ленка чем-то не понравилась павлинам из городского парка, и те за ней гонялись под её восторженный хохот и распугивая туристов.

.....

После летних приключений жизнь опять потекла по накатанному руслу, работа, учёба и присмотр за Сашкой. Причём, учёба стала съедать значительную часть времени и приходилось выкладываться по полной, закапываясь в учебники и справочники из библиотеки.

На рождественских каникулах мне в Гларусе, поступило предложение от нашего старого знакомца Иоганна Тимма, благодаря которому, Оля и стала гражданкой Конфедерации. Он предложил мне стать акционером национальной кантональной электрокомпании, влив в неё мои электростанции. В ответ, я рассказал про договоренности с «Симиенс» на постройку еще четырёх станций и предложил их построить на реке Линт, главной реке кантона.

Вот так сразу он не был готов дать ответ на моё предложение, но уже к началу следующего лета я стал акционером «Glarus Energie AG», с пакетом в девять процентов акций. Что стало для меня полным спасением, заниматься самому своими электростанциями времени у меня из-за учёбы практически не оставалось.

Но на отдых с детьми я его всегда находил. В отличие от супруги. Я уже тысячу раз пожалел, что втянул её в бизнес, но поделать ничего не мог. Она постоянно была занята, то у неё открытие очередной аптеки, то ей надо куда-то срочно лететь, договариваться о поставках. Дочка больше времени проводила со мной, чем видела родную мать. Да и в личных отношениях у нас появилась прохладца, и я начал опасаться разрушения нашего брака. Но серьёзно поговорить с ней на эту тему я пока не решался.

Следующий летний отдых мы с детьми опять проводили в Италии, но с другой стороны от Генуи, в городке Сан-Фруттуозо. В конце отдыха, дети со мной даже нырнули в аквалангах к главной местной достопримечательности, статуе Христа*. Нам с сыном понравилось, а доча расстроилась.

— Ненавижу итальянцев, они боженьку утопили, — сквозь всхлипывания пропищала мелкая на наши расспросы.

— Ха-ха, это ты еще не знаешь, что именно они его и распяли две тысячи лет назад, — хохотнул и необдуманно подлил масла в огонь Сашка...

Пермиты* — это жаргонное выражение, означающее швейцарский вид на жительство. Пошло оно от полного наименования — residence permit in Switzerland (ВНЖ в Швейцарии) и это большая странность, т. к. фраза англоязычная, а в этой стране более распространены немецкие термины. Основных типов швейцарских ВНЖ семь, и основания, и способы их получения довольно сильно разнятся. Пермиты N и F предназначенный для беженцев, а L, B, C, CI и G, для всех остальных.

Граубюндер* — романшский язык, швейцарский ретороманский, граубюнденский,

курваль. Язык ретороманской подгруппы романских языков, один из национальных языков Швейцарии, но, в отличие от остальных трёх национальных языков (итальянского, немецкого и французского), являющихся федеральными официальными языками, романшский является официальным только для общения с его носителями. Им владеют около 39 тысяч человек. На романшском языке в настоящее время говорят романши в швейцарском кантоне Граубюнден.

«Христос из бездны»* — устоявшееся название статуи Иисуса Христа, находящейся на дне моря, в бухте Сан-Фруттуозо, неподалеку от Генуи, историческая область Лигурия, в водах Итальянской Ривьеры. Статуя высотой около 2,5 метра установлена 22 августа 1954 года на 17-метровой глубине.

— Па, ну зачем они так? Я ведь хочу как лучше, а они всё перевирают, — продолжал жаловаться мне по скайпу на журналистов одного российского телеканала Сашка. — Вот, что мне теперь делать?

— А какая у тебя отпускная цена на одну маску?

— Три рубля, всего три рубля! А в аптеках сами владельцы уже накручивают до пятидесяти рублей! А в итоге, виноват я! «Неправильно воспитанный буржуа», — передразнил он кого-то. — У самих нихрена нет заводов с полным циклом, а виноват в этом почему-то опять я...

— Так, сына. Успокойся. Срочно останови отгрузку товара и внеси дополнительный текст на упаковки, а те, что уже произведены, проштампуй им же.

— И какой текст? «Я не виноват!?!»

— Не смешно! А текст такой — «отпускная цена с завода три рубля, рекомендуемая цена реализации шесть рублей».

— Ха. Ты думаешь, это их остановит? Да они закрасят или заклеят эту надпись.

— А это уже будут их проблемы! Пригласишь журналистов и покажешь им изменения. А уж они сами горячее раскопают по аптекам и прищучат в получении сверхприбыли аптекарей, и оптовиков. И на всех своих товарах так сделай. Не только на масках.

Моя инсайдерская информация сыну о скорой мировой эпидемии вполне сработал. Два года, почти без остановок, его линии производили средства защиты и к моменту начала «ковида» все склады были переполнены товаром. Отгрузка крупным и мелким оптом шла круглосуточно, и это без учёта, что «Азовская медицинская компания» взяла на себя обязательства о бесплатном снабжении средствами защиты местных, городской и районной больниц.

И всё равно нашлись люди, которые оказались недовольны тем фактом, что предприятие принадлежит человеку с двойным гражданством. В прессе пару раз поднимались темы о возможной национализации компании. Но пока эта идея не получила никакого развития и насколько я помнил из своей прошлой истории, ни одной медицинской компании государство во время пандемии не тронуло. Очень надеюсь на то, что и в этой истории всё будет точно также.

.....

Лето 2005 года началось у нас с сыном с поездки в Гларус за его паспортом, который он забыл там после прошлогодней поездки в Италию. Заодно я решил серьёзно поговорить с супругой и узнать причины её столь странного ко мне отношения. А в Россию полетим через Турцию, так даже ближе получается.

Поговорить, конечно, поговорили, но как-то странно.

— Оля. Это что за поведение с твоей стороны? Почему ты меня отвергаешь? У тебя кто-то кроме меня есть? Мне уже надо в «Glaser Waffen»* идти и рога покупать?

— Что ты несёшь, придурок? Ты же меня сюда сам, специально, загнал в эту глушь, чтобы я тебе не мешала по проституткам ходить. Что? Скажешь нет?

Короче, погавкались мы с ней основательно. Она ни с того ни с сего решила, что я её разлюбил и сослал сюда. После чего обиделась и вся ушла в работу, игнорюя меня, семейные отношения и даже детей.

Эти детишки ещё и подкинули дровишек в наш семейный конфликт. Видимо, мы с ней очень громко друг на друга орали, что разбудили и сына, и дочь. Мало того, что разбудили, эти мелкие ещё и пришли к нам в надежде нас успокоить, но видя наши красные от злости лица, вместо этого высказали и своё мнение.

— Па. Если вы будете разводиться, то я с тобой останусь, — выдала нам с супругой наша дочка.

— И я с тобой, — хрипло подтвердил Сашка.

— Почему? — всхлипнула Ольга и разрыдалась.

Не знаю чем бы кончился этот наш семейный междусобойчик, если бы не звонок тёщи. Мама супруги не часто нас баловала своими звонками, во-первых дорого, а во-вторых, пусть сами звонят. Но тут была другая причина. Моя бабушка, Антонина Лисина, угодила в реанимацию городской больницы. Что с ней конкретно произошло никто не знает, родственников в реанимацию не пускают. Была на улице и просто потеряла сознание. Привести в чувство подручными средствами не смогли и вызвали скорую.

Я даже растерялся, не зная что предпринять в данном случае. То, что лететь в Россию мне придётся обязательно, я понимал. Но вот как помочь? Неожиданно подала голос супруга.

— Так, милый, — ехидно обратилась она ко мне. — Собирай манатки и дуй в аэропорт. Чтобы сегодня же добрался до Азова. Узнаешь диагноз и мне перезвонишь.

— Что это даст? — не понял я.

— А я в Цюрих в университетскую клинику поеду. И там ждать твоего звонка буду. Если баба Тоня окажется транспортабельной, то ищи и нанимай медицинский самолёт. А я организую приглашение от клиники, чтобы на въезде ей в паспорте проставили медицинскую визу*, и оплату лечение и трансфер от аэропорта.

— Па! Я с тобой! — дёрнулся ко мне Сашка.

— Стоять, — рявкнула на сына Оля. — Ты со мной едешь. Ты её официальный родственник и будешь отвечать на вопросы в клинике. Понял?

— Да, мам, — смущенно потупился Александр. — Извини, я не подумал.

— И я тогда с вами, — пропищала дочка.

— Хорошо, одевайся и собирайся, бегом только. И папу заодно до аэропорта подкинем.

.....

За световой день добраться до Азова у меня не получилось. На прямой рейс из Стамбула до Ростова-на-Дону я опоздал, пришлось лететь до Сочи, а там уже пересаживаться на самолет компании «ДонАвиа». Что оказалось очень удачно, именно от экипажа этого самолёта я узнал, что их компания осуществляет и медицинские перевозки. Командир самолёта прямо в воздухе, по рации, связался со своим руководством и сразу после приземления в Ростовском аэропорту меня ждали представители компании.

Видимо, дела в компании шли неважно, что даже в три часа ночи, ради найма одного борта, меня встречала целая делегация. Хорошо, что я, ещё в Стамбуле, распечатал приглашение на лечение, присланное супругой мне на мыло. Оно и стало основным документом для аренды самолёта с экипажем и медицинской бригады сопровождения.

Выбор самолётов, которые можно было с натяжкой приспособить под перевозку лежачих больных, у них был не велик. Всего два самолёта с вип-салонем, «Як-40» и «Learjet 25». Як отпал сразу, так как дальность полёта у него была всего восемьсот километров. А за аренду канадского американца* запросили сходу двадцать пять тысяч евро. Деваться мне

было особо некуда, поэтому я и подписал с авиакомпанией предварительный договор, и оставил залог в виде пяти тысяч евро. Как хорошо, что догадался взять с собой побольше налички, чек у меня вряд ли здесь приняли бы.

.....

Бабуля обнаружилась не в реанимации, а палате интенсивной терапии. Куда её, по словам тёщи, которая почти всю ночь продежурила под дверьми реанимации, перевели уже в сознании, под утро.

Опрос врача реанимации при помощи взятки, ясности в диагнозе не привнес. Анализы были в пределах нормы, электрокардиограмма тоже. Врач выдвинул робкое предположение о гипоксии головного мозга. И на мой вопрос о возможности её транспортировки ответил утвердительно. А когда узнал, куда я её хочу отвезти, то и сам вызвался подготовить необходимые документы для выписки и транспортировки, видимо рассчитывал ещё подзаработать.

Бабушка при виде меня обрадовалась, заулыбалась, прям вся расцвела и ожила.

— Не бросил, примчался. Я знала. Как тогда. Когда я на огороде.

— Тогда я нелегально, через пожарный выход к тебе пробирался, — тоже улыбнулся я, вспомнив тот эпизод. — А сейчас ты чего здесь? Опять камни ворочала?

— Не знаю, внучек. Как свет выключили. Раз и всё. Вот только была на улице, а уже в больнице под капельницей лежу. Даже не знаю, что со мной приключилось. Может, время моё пришло?

— Ты это. Прекращай мне здесь антимионию разводить. Я там уже самолёт нанял, повезём тебя в Швейцарию лечить.

— А пустят меня? Немцы, вон, уже сколько лет прошло, а всё так же на меня зуб точат, не пускают.

— Оля уже договорилась с клиникой в Цюрихе. Тебя там уже ждут. Сейчас отзвонюсь в авиационную компанию, и они пришлют скорую за тобой.

— А откуда у них скорые?

— Сказали, найдут. Ты лучше продиктуй мне, что дома нужно собрать тебе.

— Ага. Ты, главное, воду перекрой, а электричество не выключай, а то у меня в холодильнике куча продуктов. А, может, их выкинуть?

— Я ключи Померанцеву оставлю, пусть он сам с твоими продуктами разбирается. Шмотки какие тебе нужны, и где лежат? И где паспорт твой заграничный?

.....

Перелёт и перевозка бабули прошли штатно. Медики, которых нашла авиакомпания, что-то ей вкололи, и она почти все три часа полёта проспала на шикарном кожаном диване. Кроме бабули я прихватил из Азова ещё и тестя с тёщей, пусть моей жёнушке, своей дочери, мозги на место поставят.

В аэропорту Цюриха бабушку уже ждала карета медицинской помощи университетской клиники. Сдав родственников на руки удивленной жёнушки, я рванул в больницу следом за бабулей.

Диагноз, который ей поставили, на все сто процентов совпадал с предположением молодого азовского реаниматолога. Гипоксия головного мозга, плюс общая изношенность организма, что вполне характерно для её возраста. Так как лечебная виза была выписана на два месяца, а Оля уже внесла предоплату, то я согласился на предложение врачей клиники провести не только лечение, но и весь возможный комплекс терапии по предотвращению

подобного и укреплению организма.

Известие, что ей придётся пробыть в больнице все два месяца, немного расстроили бабулю. Но я смог её убедить, что для её здоровья это необходимо. К тому же, территория комплекса университетской больницы включала парк, кафешки и даже кинотеатр. Заодно пообещал, что мы будем навещать её почаще. Особенно не терпелось ей пообщаться с Ленкой, внучку она видела всего раз, и то в годовалом возрасте.

Сына, который лишился традиционного летнего отдыха в Азове, я уговорил поехать в местный подростковый летний лагерь «Швейцарской кадетской ассоциации».* Хоть из автомата постреляет, где ему в Германии такое предложат? И, как оказалось, эта поездка многое в нём изменило.

Во-первых, он, видимо хвастаясь, рассказал своим новым друзьям, что его родная бабушка, настоящая горная казачка, и воевала с немцами, а сейчас лечиться в Цюрихе. Руководство лагеря, до которого быстро дошла информация о героической русской казачке, посчитало хорошей идеей посетить её в больнице. Бабуля, которой было скучно, отнеслась к звонку внука о посещении её целого взвода юных швейцарских кадетов с пониманием. Саму, частенько, приглашали, как ветерана, выступать перед школьниками. Так что опыт у неё был, а заодно и желание пообщаться. К н и г о е д . н е т

Я об этом узнал только через две недели, от неё самой. Уж не знаю чем её рассказы поразили детишек и взрослых, но ассоциация договорилась с ней, что раз в неделю к её особе будут привозить кадетов из разных лагерей в рамках патриотического воспитания. К моменту моего приезда у неё уже успел побывать взвод кадетов-девчонок из Цуга. Надарили ей кучу подарков, а клиника даже организовала ей за свой счёт экскурсии по кантону Цюрих. Вот и пойми этих швейцарцев. Как подвиги советской казачки могут повлиять на патриотическое воспитание местной молодёжи?

Во-вторых, Александр, уже после летнего лагеря, заявил нам с Олей, что собирается пойти по стопам матери и стать фармацевтом. При этом уехать в Россию и там создать свою фармакологическую компанию. Мы с супругой полностью его в этом поддержали.

Я же, отвозя бабулю домой, выкопал на нашем огороде в Азове, бидон с тремя сотнями тысяч заныканных долларов. И при содействии Андрея Лубенца приобрёл бывший завод общества слепых. Это чтобы Сашке не с нуля надо было строить своё предприятие. Пока за имуществом присмотрит Лубенец, используя бывшие цеха как склады. А я отвезу пацану план предприятия, пусть мечтает и заодно мысленно или на плане оснащает свой завод, оборудованием.

.....

Наши отношения с Олей значительно улучшились после общения её со своими предками. Но возврат к старым, добрым, семейным отношениям произошёл у нас намного позже, в марте 2011 года. Как ни странно, но к этому привели страшные и трагические события в Японии.

В начале 2011 года супруга презентовала открытие японских аптек в Цюрихе и Берне. С большим ассортиментом национальных японских препаратов, прошедших сертификацию в Европе. И объявила конкурс на лучшую рекламу аптек в стиле «хайку»* на немецком языке, с главным призом в виде оплаченной двухнедельной поездки в Японию на двоих.

Как не странно, конкурс выиграл европеец, бельгиец. Но самым большим для нас потрясением стало то, что этим бельгийцем оказался председатель ЕС Херман Ван Ромпёй.* Оказывается, он еще со студенческих времён был увлечен написанием «хайку» как на

фламандском, так и на других языках. У него даже в самой Японии был клуб поклонников его произведений, который находился в городе Сендай.

Вот в него он и направился утром злополучного третьего марта 2011 года из Токио, где была первая часть экскурсионной программы по выигранной им туристической путёвке, от которой он даже и не подумал отказаться. Второй город по списку в путёвке должен был быть Фудзи, но туда отправилась только супруга Ван Ромпёя. Поезд с председателем ЕС, следовавший из Токио в Сендай вдоль океанского побережья, на конечную станцию не прибыл, и найти его так и не смогли. Случившиеся в обед этого дня землетрясение и страшное цунами, не скоро позволило спасателям добраться до разрушенной железной дороги.

Вся Европа была в шоке. Но в самом большом шоке находилась Оля, которая во всём произошедшем винила себя. Хотя её вины в пропаже политика и не было. Если бы он остался с супругой и перенёс визит к поклонникам на завершающий этап экскурсий, то был бы живой и невредимый. Даже многочисленные СМИ признали это, проведя свои независимые расследования.

Бросив свой немецкий бизнес на управляющего, я больше года провёл рядом с Ольгой. Что стало причиной появления у нас в семье третьего ребёнка. Николас родился, как и все наши дети, зимой. Супруга хотела записать ребенка как Николая, но его ошибочно записали Николасом. А когда ошибка в документах была нами замечена, то мы решили ничего уже не менять.

Смерть же Ван Ромпёя имела нехорошие последствия для Бельгии. Когда в июне 2011 года, после долгих поисков пропавшего поезда с председателем ЕС, его так и не нашли. То его сын, Питер Ван Ромпёй, решил организовать церемониальные похороны отца. Многолюдная похоронная процессия в Брюсселе спровоцировала стычки между валлонами и фламандцами, которые очень быстро переросли в массовые уличные беспорядки.

В 2008 году, после краха национальной страховой компании Fortis, правительство Бельгии на тот момент возглавляемое Ван Ромпёем, частично спасли страховые и пенсионные вклады населения. Но в основном почему-то преимущественно фламандской части населения Бельгии. Недовольство валоннов теми решениями правительства, зрели очень давно. И вот теперь выплеснулись в протестных пикетов на пути похоронной процессии, что и привело к стычкам. Столичная полиция поначалу пытавшаяся контролировать ситуацию, вскоре самоустранилась, объявив, что находится вне политики и международного вопроса.

Король Бельгии Филипп Леопольд не придумал ничего умнее, чем отдать приказ на ввод в столицу военных частей. Сразу после этого приказа бельгийская армия разделилась на два лагеря по национальному признаку. И если бы не решительные действия руководства НАТО, чья штаб-квартира оказалась вместе с правительственными учреждениями ЕС в самом центре событий, то все могло кончиться и гражданской войной.

По приказу командования НАТО в Бельгию ввели ограниченные контингенты сразу три страны, Франция, Нидерланды и Германия. Бельгийскую армию разоружили, а полицейские функции переложили на военных из объединенной группировки.

После почти года улаживания всех политических и этнических разногласий в Бельгии эта страна из федеративной монархии превратилась в конфедерацию. Валлонская и Фламандская республики подписали договор о создании конфедерации Бельгия. Каждую из вновь образованных стран пришлось вновь принимать в ЕС, НАТО и Бенилюкс. От греха

подальше, все штаб-квартиры альянса и союза переехали в Париж и Бонн. Король Филипп номинально остался королём Бельгии, но фактически мог управлять только городом и округом Ватерлоо, которое, передали монаршему роду Саксен-Кобург-Гота.

.....

К этому времени я уже закончил университет, получив наконец высшее образование. Александр после памятного лета 2005 года тоже взялся за ум и закончил старшую школу на единицы и двойки, что позволило ему поступить на бюджетный медицинский факультет Берлинского Гумбольдтовского университета.

Я же вплотную занялся подготовкой к времени «Биткоин». В начале лета 2009 года я запустил свою майнинг-ферму. Наверное, самую первую в мире. До «асиков» было еще далеко, поэтому я использовал для майнинга интеловские процессоры «i7-965 Extreme Edition» на соquete «LGA 1366».

Не забыл я и о приближающейся эре добычи криптовалюты с помощью видеокарт. В конце 2009 года на все свои сборки установил новейшие «HD 5870» от АМД. Я понимал, что всё это техника скоро устареет и появятся более работоспособные процессоры и видеокарты, но на начальный период добычи крипты и установленного мной оборудования вполне хватит чтобы хапнуть как можно больше ключей.

Помня про непредсказуемость продолжительности жизни хард-дисков, я старался распечатывать адрес с ключом на бумаге и прятать в дальний сейф.

В 2011 году, с появлением американской компании «Casascius Bitcoin Mint», начавшей выпуск физических биткоин-монет, я приобрел у них в течении пары лет более десяти тысяч позолоченных монет номиналом в двадцать пять биткоинов.

В 2014 году несколько блокчейн-фирм создали в швейцарском городе Цуг так называемую криптодолину. И хоть курс к тому моменту уже колебался в районе двухсот, трехсот долларов за ключ, я стал скупать крипту и у них.

Первые продажи ключей, с выводом средств через Райффайзен банк, я сделал только в феврале 2017 года, когда стоимость битка перевалил за тысячу долларов. Продолжая майнить на своём, уже устаревшем оборудовании, я потихоньку сливал накопленные ключи. И если в феврале биток стоил тысячу, то в декабре он добрался до памятной мне цены по прошлому миру в четырнадцать тысяч долларов.

.....

К этому времени Александр уже перебрался в Азов и вплотную занимался своей фирмой. Мы с матерью смогли выделить ему на стартовый капитал три миллиона евро, плюс, я пообещал ему практически неограниченное финансирование, когда заработает мой проект. Он конечно отнесся скептически к моему обещанию, но впоследствии я смог его удивить, когда закупил для него производственные линии полного цикла на сумму более ста миллионов евро. А заодно, ему и супруге напророчил глобальную пандемию через два, три года и предложил всерьёз к ней подготовиться, работая на склад с оплатой себестоимости с моей стороны.

Особых доходов у его молодой компании пока не было, и он был вынужден согласиться на моё предложение. А я порадовался, что теперь у России будет больше шансов выйти из ковид-эпидемии с меньшим количеством жертв из-за нехватки средств защиты. Оля же, помня что я, в основном, всегда оказываюсь прав, тоже увеличила выпуск медицинских расходников. Правда, не забыв выщипать с меня дополнительные компенсации своих расходов. Вырастил на свою голову бизнес-леди.

Как мы ни готовились к приближающему кошмару, но оказались не готовы к тому, что одной из первых жертв эпидемии станет наша баба Тоня. У нее в 2019 году развилась катаракта, и она, по совету одной из своих подружек, решила поменять хрусталики. Сашка предлагал ей оплатить замену в одной из многочисленных частных глазных клиник Ростова-на-Дону, но старушка упёрлась и захотела как все, по «квоте»*.

Помня, по историям из своего мира, что хрусталики, которые устанавливали за счёт государства, были все монофокальными, то есть или ты прекрасно видишь только вблизи, или только вдаль. Мультифокальные, те, что обеспечивали идеальное зрение на любых расстояниях были дороги и доступны только в частных клиниках. Мне пришлось проинструктировать Сашку, чтобы тот кому надо заплатил в областной больнице. Для того, чтобы бабуле поставили мультифокальные, но оформили всё как бесплатные.

После первой операции, бабушка искренне радовалась, что видит прооперированным глазом, «лучше чем в детстве». Второй хрусталик она меняла в январе 2020 года, где всё в той же областной больнице, гуляя где непопадая и совершенно забыв про просьбу внука и правнука носить защитную маску, подхватила одной из первых тот самый злополучный вирус ковида.

Болезнь сожрала её молниеносно. Всего три дня — и бабули не стало. Ещё бы пару лет — и дотянула до своего столетия. В связи с этой пакостной болезнью я еле успел на похороны. Как она и завещала, постоянно меня проверяя, не забыл ли я о её последней воле, дозахоронили её в могилу к сыну.

Я стоял в снегу, перемешанном со свежей землёй, и смотрел на маленькое фото, прикрепленное к кресту. На нём было лицо женщины, которая сначала для меня была чужой, потом, с годами, становилась всё ближе, любимей и роднее. Я вспоминал как она драла мне уши, как мы с ней ругались, мирились, обсуждали различные проблемы. Рядом, привалясь к моему плечу, стоял сын. И тоже молча смотрел на фотографию бабули, наверное вспоминая что-то своё и из их летних взаимоотношений. Оли с остальными детьми не было, я запретил им рисковать своим здоровьем. Захотят, потом сами приедут.

Привычно перекрестившись слева направо, я улыбнулся, вспомнив её бурчание по поводу моего «неправильного» возложения креста на себя, и почти прошептал:

— Царствие небесное тебе, Антонина Алексеевна, пусть земля тебе будет пухом.

Осталось только одно незавершенное, как я думал, дело. Узнать куда делась душа её настоящего внука. Для этого надо обязательно приехать через год, в июне 2021 года, в момент появления злосчастной шаровой молнии в моей родной Луге, чтобы выяснить поменялся ли я с Женькой телами или перенесся сам. И если сам, то что случилось с моим старым телом?

Glaser Waffen* — машиностроительная и оружейная компания Швейцарии, имеющая сеть популярных охотничьих магазинов в стране.

Медицинская (пригласительная) виза* — визовая документация, позволяющая пройти лечебные процедуры на швейцарской территории по приглашению медицинского учреждения. Выдаётся на срок три, шесть и двенадцать месяцев. Чаще всего без права покидать лечебное учреждение.

«Learjet 25»* — турбореактивный двухдвигательный самолёт бизнес-класса производства американской фирмы Lear Jet Corporation, которая принадлежит канадской корпорации Bombardier Inc. Рассчитан на перевозку восьми пассажиров, экипаж — два человека.

«Швейцарская кадетская ассоциация»* — союз кадетских клубов, как военизированных, так и спортивных, в которых занимаются дети и подростки в возрасте от шести до двадцати лет.

«Хайку»* — жанр традиционной японской лирической поэзии вака, известный с XIV века. В самостоятельный жанр эта поэзия, носившая тогда название хокку, выделилась в XVI веке; современное название было предложено в XIX веке поэтом Масаока Сики. Поэт пишущий хайку, называется хайдзин.

Херман Ашиль, граф ван Ромпёй* — бельгийский и общеевропейский политический деятель, банкир, доктор наук, федералист, опытный переговорщик.

«Квота»* — деньги, которые государство выделяет на оказание определенной медицинской помощи — операции, сложные манипуляции, дорогие обследования. Средства идут напрямую из Федерального фонда обязательного медицинского страхования (ФФОМС) в клиники. Если объяснять простыми словами, то квота — это право на бесплатную сложную операцию или другую высокотехнологичную медицинскую помощь (ВМП).

Блины у моего альтер-эго получились не очень. Странно, я всегда делал блины хорошо, что в прошлом теле, что в этом. Да вчерашние мои чизкейки, были на порядок лучше. А может у него просто нет опыта готовки на деревянной плите? А какая разница? Да и помню я, что готовил на подобных плитах, когда был в том теле. Так что и он должен уметь.

То, что планировалось как посещение загородного дома с ночёвкой, растянулась у нас почти на неделю. Мы просто банально не могли спуститься в долину Рейна. Сначала дождь с морозом превратили все дороги в каток, а затем трое суток непрерывного снегопада завалили округу громадными сугробами. Экстренные службы первым делом расчищали населенные пункты вдоль Рейна, потом их срочно кинули на расчистку дороги к туннелю Гнальп-Штег, чтобы разблокировать туристов, застрявших на местном курорте Мальбун. И только сегодня очередь дойдёт и до нас. Вернее, не индивидуально до нас, а попутно, когда будут расчищать дорогу к коммунам Фромахус и Ротенбоден.

Всё бы ничего, и электричество у нас было, так как кабель подземный и интернет по той же причине присутствовал. Дров в поленнице Беата, опекун Алекса, предусмотрительно завезла много, на пару месяцев точно хватит, но вот с едой был напряг. Всяких консервов и супов быстрого приготовления хватило нам на четыре дня.

В итоге, пришлось мне выбираться наружу и, проваливаясь в снег иногда по пояс, идти к соседнему шале. Благо до него было метров триста. В избушке никого не оказалось, но она и не была закрыта, так что рискнул зайти и поискать припасов. Нашёл только муку, оливковое масло и небольшой бутылёк с кленовым сиропом. Ну, хоть что-то. Оставил в шкафчике взамен продуктов пятьдесят франков в качестве компенсации.

Вот мы и питались блинами и их разновидностями ещё пару дней.

Наши женщины, Оля и Беата, опекунша Алекса, названивали нам ежедневно, если бы не плотная, двухслойная облачность, то точно отправили бы за нами вертолёт. Но сегодня, мы, наконец, должны уже выбраться из этой, поднадоевшей, изоляции. От нечего делать, я рассказал о своей жизни моему альтер-эго, довольно подробно. Наверное, излишне подробно. Кое-какие моменты можно было бы и опустить в повествовании. Но, как говорится, что сделано, то сделано.

— Ну, и сколько ты заработал? — Алекс, притащив ещё стопку блинов, плюхнулся за стол напротив меня.

— Ты о чём?

— О биткоине.

— А оно тебе надо? Меньше знаешь — лучше спишь.

— Не-не-не. Так нечестно! Ну хоть миллиард поднял? — ехидно поинтересовался он.

— Ммммм, — промычал я, раздумывая, что ему ответить. Да пофиг, скажу полуправду. — Скажем так, только одними налогами, начиная с 2017 года и по прошлый месяц, я заплатил больше двух миллиардов франков.

- [Ах@еть](#), - ошарашенно матюгнулся на великом и могучем Алекс. — Ой. Прости! Оно само вырвалось. Это, если налогами половину отдал...

— Нет, — перебил я его. — Не половину. В Швейцарии заметно ниже налоги.

— А. Ну, тогда вообще, ого-го! Стоп, ты сказал про прошлый месяц. Это значит ты майнишь и сейчас.

— Когда я стал выводить через «Райффайзенбанк» довольно крупные суммы, он устроил проверку легальности моих доходов. Мне скрывать было нечего, и я предоставил полную информацию по источнику своих доходов. Внезапно, руководство банка заинтересовалось возможностью получать прибыль через крипту. И банк сделал мне предложение, от которого я даже и не подумал отказываться.

Я отвлекся и, намазав сиропом очередной блин, свернул его конвертиком. Затем поднялся и, сходяв к печке за чайником, подлил себе в кружку кипятка. И только после этого взглянул на Алекса, который, наверное, готов был лопнуть от нетерпения. Вот смотришь на него и видишь мальчишку, хотя умом понимаешь, что ему за полтинник, но ведёт он себя как настоящий ребёнок. Так не прикинешься, видимо возраст тела тянет вниз и поведение его хозяина. Завистливо вдохнул и продолжил рассказ.

— Банк взял в аренду у департамента обороны на девяносто девять лет бункер на перевале Сен-Готард.

— Тот самый? Знаменитый? С оружейной башней?

— Нет, — рассмеялся я. — Не доезжая до старого брусчатого серпантина, есть портал с большим противоловинным козырьком. Рядом гидроэлектростанция на реке Фосс. Вот его и арендовали. Он довольно скромный по размерам, его строили как продовольственный склад, но так и не использовали по назначению.

— Ааа. Что-то такое припоминаю. Вроде, мимо когда ездили, что-то подобно было.

— Вот в нём и оборудовали майнинг-фабрику. Вложил довольно много, но уже всё назад отбил и неплохо заработал. Мы в Швейцарии первыми были. Уже на нашем опыте «Юнион Банк» совместно с «Швейцарским кредитом» создали знаменитую супер фабрику по майнингу рядом с каскадом гидростанций Клезон-Диксенс. «Райффайзенбанк» мне, кстати, пробил полное гражданство Конфедерации.

— И как оно? Быть гражданином Швейцарии? Есть плюсы?

— Скорее минусы.

— Чего так?

— Мне пришлось пройти почти годовую службу в Швейцарской армии.

— Зачем?

— Из-за моей жадности. Иначе мне бы пришлось платить «Налог освобождения», он хоть и небольшой, но с моими доходами и четыре процента это много.

— И как служба?

— Да нормально. Утром приехал на базу пехотного батальона, вечером уехал. Зато теперь я капрал. И заодно чемпион 12-й горнопехотной бригады по борьбе «Швинген».

— Круто, — согласился он со мной.

Какое-то время мы молча уничтожали блины, но Алексу явно не терпелось ещё позадавать вопросы.

— Скажи. А вот...

— Слушай, Алекс, давай остановимся? У тебя впереди еще целая жизнь. Если я тебе расскажу всё-всё сейчас, то что мне рассказывать потом?

— Нет, я не про это, — смутился мой альтер-эго. — Я про сюрприз, подарок, который ты обещал.

— Точно! — хлопнул я себя по лбу. — Забыл. Минутку, — покопался в своей сумке и, вытащив, поставил на стол шкатулку. Затем тщательно вытер жирные руки и, открыв, извлёк из неё книжку в потрескавшейся кожаной обложке с металлическими уголками и положил

перед Алексом. — Вот. Ты чего? — парень почему-то испуганно отшатнулся от стола.

— Да как-то неожиданно. На дневник Тома Риддла похоже.

— Так это он и есть, — я перевернул книжку и указал на полустёршиеся слова «Tom Marvolo Riddle».

— Что? Ты хочешь сказать, что мы попали в мир, где есть магия?

— Ха-ха-ха-ха, — расхохотался я и настроение само по себе поползло вверх. Надо было ему показать этот дневник раньше. — Ха-кха-ой, — подавился я смехом и закашлялся. — Открой, прочти, — просипел я, когда откашлялся.

— Не, не хочу, — Алекс смотрел на меня сердито и недовольно. — Посмеяться надо мной решил?

— Ну и ладно, тогда я сам, — притянув к себе дневник, раскрыл его и, осторожно перелистывая хрупкие листики страниц, нашёл что прочитать ему. — Вот, послушай:

«Зайчику опять приспичило поменять посадочное место, и он с колен кухни полез через мои ноги на колени кузена, естественно всех перебудив.

— Свинский кот! — не удержался от ругательства Гюнтер. — Алекс, почему он не остановился на тебе?

— У меня в ногах Креветка лежит. Наверное, поэтому, — предположил я.

Пёс, услышав свое имя — коротко гавкнул.

— Дети, пить хотите? — повернулась к нам тётя Хана.

Мы дружно отказались. Пить и есть никто не хотел, и даже в туалет. За окном была непроглядная ночь, и только впереди сильно сверкала приближающаяся гроза.

И приспичило же дяде Тиму поехать ночью. Они с тётей даже поругались из-за этого. Она настаивала, что днем безопасней, а тот про загруженность дорог что-то нёс. Короче, если он что-то себе в голову вбил, то это уже не изменишь.

Тем более спать в почти пустом доме было как-то неуютно. Последний трейлер с мебелью и вещами, уехал вчера после обеда. И старый добрый «Лесной Шмель» стал гулким и мрачным. Поэтому спор долго не продлился, все дружно загрузились в старый семейный пикап «Volkswagen Transporter» и отправились к новому месту.

Тёте и дяде хорошо, у них впереди просторно. А нас сзади аж пять душ — кот, пёс и я со своими кузеном и кухней. Если честно, то мне они не родные. Дядя Тим сводный брат моего отца. Предков своих я почти не помню, они погибли когда мне было семь лет. И меня забрал к себе в семью дядя. У нас даже фамилии разные. У них Халлер, а у меня Брукер.

Если честно — уезжать на новое место не хотелось. Я, за почти шесть лет, сильно привязался к этой ферме и окружающей местности. Гюнтер перезнакомил меня со всеми местными детьми и их предками.

Но дядя Тим долго лелеял свою мечту — стать владельцем собственного отеля в горной курортной зоне. И вот, благодаря ковиду, ему повезло. Он умудрился выкупить среднего уровня отель на пятьдесят номеров и поле для гольфа. Так что, прощай ферма, лесопилка, ручей Риккенбах, прощайте все друзья и подруги».

— Ну, как тебе? Вставило? — поинтересовался я у Алекса, который очень внимательно слушал мое чтение, прикрыв глаза.

— Это. Это что? Лесной Шмель и Алекс Брукер? Это про кого?

— Это дневник того пацана, чьё имя ты сейчас носишь и он же, в девятнадцатом веке основал клан Брукеров, потомком которого является Беата Брукер, твоя опекунша.

— Но как это возможно? Он что? Тоже попаданец?

— Секунду, — я перевернул страничку в дневнике и зачитал:

«Вокруг микроавтобуса бушевала гроза. Потoki воды лупили по корпусу, заливали стекла. Дворники уже почти не справлялись. Постоянно сверкали молнии и гремел гром. Дядя Тим вместо того, чтобы остановиться и переждать непогоду, гнал старенький пикап со всей доступной скоростью. По его словам, до спасительной противолавиной галереи оставалось совсем ничего.

Внезапно, из-за поворота, навстречу автомобилю вылетела крупная шаровая молния. Таких мне раньше видеть не доводилось. А видел я их немало, как минимум десять. Но те, все были огненно-красными, рыжими или желтыми. Эта же была, как минимум, два метра в диаметре и ярко-синяя.

Дядя тоже заметил опасность и, ударив по тормозам, попытался увести машину от столкновения. Пикап на мокром и скользком асфальте пошёл юзом и развернулся в сторону пропасти. Из-за этого маневра, молния миновала передние сидения и вошла в автомобиль в районе наших задних сидений и кузова».

— Да. Он с самый первый из столкнувшихся с той молнией. А мы с тобой — последние. Покрайней мере, молния из нашей квартиры и дома никуда не вылетала. Это я тебе гарантирую, сам наблюдал, когда приехал седьмого июня проверять, куда делся настоящий Женька Лисин. Ну, а дальше ты и сам в курсе.

— А откуда у тебя этот дневник, и почему он выглядит как дневник того, кого нельзя называть?

— Дневник? Ты его прочтешь, и там есть ответ, кто ему его подарил. Но только большая просьба, читай и прячь его. Чтобы больше ни одна живая душа его не увидела. Как прочтешь, я его заберу.

— Хорошо, я это понимаю. Но откуда он у тебя?

— Хм. Расскажу. Это не слишком длинная история. Всё началось с переезда моего старшего сына в Россию. Как я уже тебе говорил, он основал фармацевтическую компанию, оборудование на которое поставлял я. А вот полимеры для производства мелтблауна и спанбонда он решил не закупать, а тоже получать сам.

— А что такое эти мелтблаун и спанбонд, — немного споткнувшись при произношении незнакомых слов, спросил Алекс.

— Это разновидность нетканого полотна, идущего, на производство различных медицинских расходников. Ну, масок там, респираторов, защитных костюмов. Кроме того, полимеры ему были нужны для производства емкостей, шприцов, капельниц и прочего. Он организовал прием от населения пластикового мусора. Первоначально он хотел установить «фандоматы», но я его от этого отговорил, мотивируя тем, что так он даст работу живым людям.

— И как? Получилось?

— За год горожане вычистили от пластикового мусора весь город. Половина сданного, правда, была непригодна для переработки и, ему, пришлось построить ещё и небольшой заводик по утилизации такого пластика. Этот заводик, кстати, довольно быстро вышел на самоокупаемость, а затем стал приносить и прибыль. А того, что он переработал в гранулированный полимер, ему хватит на несколько лет работы.

— И какое отношение это имеет к дневнику?

— Вот ты торопыга. Самое непосредственное. Супруга, увидев как сынуля решил вопрос с получением полимеров, загорелась сделать нечто подобное здесь, в Швейцарии. Но у неё

ничего не получилось.

— Почему? Швейцарцы меньше мусорят?

— Ха. Нет. Они свинюшки ещё те. Особенно зимой. Да ты сам должен помнить по горнолыжным курортам, что засунуть в сугроб пустую пластиковую бутылку, для них проще простого. А по весне всё это плывёт вместе с водой, забивая труднодоступные расщелины, карстовые пещеры и овраги. Тут дело в другом. Общество в Швейцарии не так сильно разделено по доходам, чтобы собирать и сдавать пластиковый мусор. Особенно в кантоне, где всего сорок тысяч населения. В крупных городах Конфедерации «фандоматы» на прием тары стоят, и народ ими активно пользуется. В общем, не смогла она здесь реализовать идею сына и пошла за помощью ко мне.

— А ты?

— А я создал частный фонд по защите окружающей среды. Назвал пафосно, «Чистая Швейцария» и предложил его возглавить нашей дочери. Ленка за идею ухватилась всеми конечностями и принялась с азартом чистить кантон Гларус. Пластик отправлялся к матери на завод, металлы сдавались в лом, а всякие найденные в труднодоступных местах артефакты, выставлялись на интернет-аукцион. И получилось, что этот фонд довольно прибыльная организация.

— И вы где-то там нашли этот дневник?

— В один прекрасный день Лена принимала участие в очистке водопада Берглиштубер. И в одной из карстовых пещер, наткнулась на два скелета. И сначала вызвонила меня. Рядом со скелетами мной была найдена шкатулка, в которой, завернутые в пластик, были вот этот дневник и три телефона. Один восьмой «Айфон», «Самсунг» и «Нокия Локки».

— Телефоны? А на них нет информации из прошлого?

— Есть. Очень много фотографий и небольших видео. Вернее, не на смартфонах, а на картах памяти. Но с яблока я пока так ничего и не смог вытащить. Специалистам нести нельзя, а сам не разбираюсь во взломе яблочной продукции.

— Подожди! А в какой он год попал? И куда? Там, что, было уже электричество? Как он заряжал?

— Хм. Странно. Я, в твоём теле, любил читать. В дневнике же всё есть. Сам и прочтешь. Но если вкратце, то попал он аккурат в начало «Зондербундской войны» летом 1847 года. Случайно попал в ополчение кантона Гларус, а там выяснилось, что он хорошо знает математику, из-за чего его определили в артиллерию. Где он и стал командиром артиллерийской батареи. И именно благодаря точному огню его орудий Швиц капитулировал раньше, чем Люцерн.

— Стоп, стоп. Какой Швиц? Ведь, насколько я помню, Гларус так и не смог собрать полноценный полк и в боевых действиях не участвовал.

— Это в нашем мире. И немного не так. Полк они собрали, но не смогли пройти Звездный перевал. Вернее, не смогли сбить заслон из роты ополчения Швица и вернулись в Гларус. А здесь, из-за точной артиллерийской стрельбы нашего попаданца, смогли. И вышли практически в тыл всему «Зондербунду». Я такие потрясные фото и ролики этого похода смог вытащить с носителей, что просто закачаешься. Приедешь весной на пасхальную неделю, покажу.

— Но как он снимал? Чем он телефоны заряжал?

— Нокиевский телефон был с солнечной батареей.

— И, еще один вопрос. Он вроде ехал с семьёй, они где?

— Половину пикапа и взрослых нашли внизу дороги. Кузен и кузина, погибли при переносе. Это их скелеты в пещере были. Про судьбу животных, ничего не знаю.

— Подожди. Но зачем тогда прожив в том времени целую жизнь, он спрятал свой дневник рядом с телами своих родственников? Я не вижу смысла.

— А хрен его знает. Может захотелось так ему или на старости лет, мозги переклинило. Всё! Кавалерия прибыла за нами! Слышишь? Грейдер по дороге идёт. Пойдём, дорожку от навеса до дороги откопаем, да домой поедem. Нас там уже заждались.

— А что дальше? — остановился на пороге дома Алекс и спросил, заглядывая мне в глаза снизу в верх.

— Что ты имеешь ввиду? Как жить?

— Да.

— А как умеешь, так и живи. Как я тебе завидую, что у тебя всё ещё впереди, — и не удержавшись, процитировал вслух, стих Ларисы Миллер:

Да, всем чего-то не хватает...

То снег зачем-то быстро тает,

То утро поздно настаёт,

То тёплых дней недостаёт.

Всегда чего-то недостаток.

Но, проживая дней остаток,

Вдруг вижу — недостатка нет

Ни в чём... лишь не хватает лет

На то, чтоб перестать сердиться

На жизнь и ею насладиться.